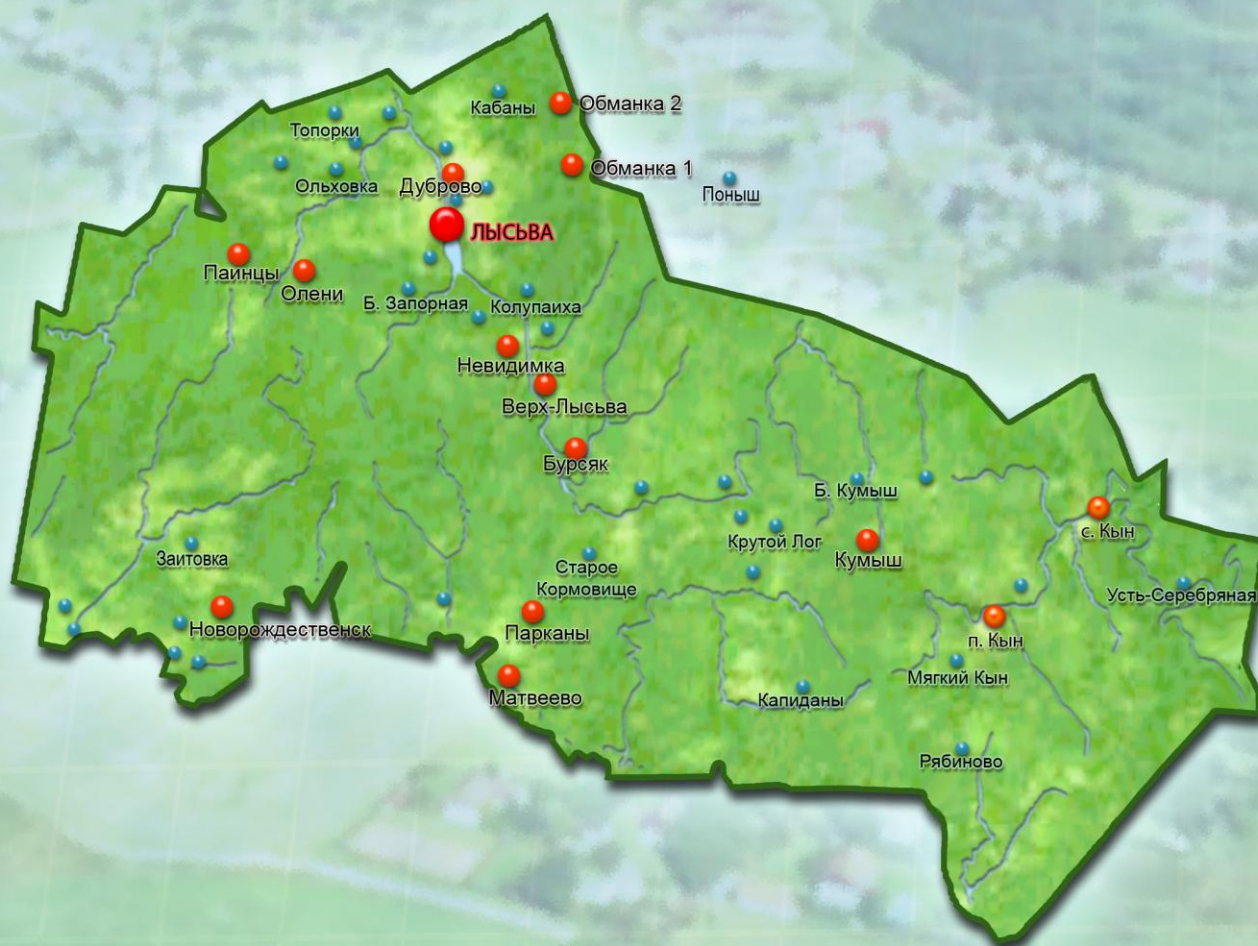

*Лысьвенский
краеведческий альманах
Выпуск II*

Деревенские страницы истории

Лысьвенский краеведческий альманах
Выпуск 2

Деревенские страницы истории

(225-летию Лысьвы посвящается)

Лысьва
ООО «Издательский дом»
2010

ББК
63.3(2Рос-4 Пер-2Лысьва)
Д 36

Редактор: Н. М. Парфенов

Составитель: Е. И. Завьялова

Деревенские страницы истории : 225-летию Лысьвы посвящается / ред. Н. М. Парфенов, сост. Е. И. Завьялова. – Лысьва : ООО «Издат. дом», 2010. - 227 с. – (Лысьвенский краеведческий альманах. Вып. 2).

Второй выпуск «Лысьвенского краеведческого альманаха» сохранил тему предшественника и посвящен жизни сельских населенных пунктов Лысьвенского района. В сборнике «Деревенские страницы истории» отражены темы по истории Гражданской войны, лесоучастков, поселков спецпереселенцев, единоличного хозяйствования, развития православия. Основной упор сделан на период 20-60-х годов XX века, когда в быту, сознании и мировоззрении крестьянства происходили глобальные изменения.

Сборник привлечет внимание тех, кто интересуется историей края.

От редактора

«...воспоминания – тоже сила»

Л. Н. Гумилёв

Забвению не подлежит

Перед вами второй выпуск Лысьвенского краеведческого альманаха. Первый выпуск под названием «Незабытые деревни» разошелся с ошеломляющей скоростью и стал библиографической редкостью. Второй выпуск называется «Деревенские страницы истории». Многим молодым современникам они откроют суровый и мало знакомый мир, в котором жили их отцы и деды. Этого мира нет и уже никогда не будет, но из него произрастает наше национальное самосознание, любовь к Родине, трудолюбие и горькая память о страданиях и лишениях, выпавших на долю предков, и еще надежда, потому что без неё русский человек жить не может.

Из заглавия видно, что очередной выпуск сохранил тему своего предшественника и при этом значительно расширил ее границы. Краеведческая и творческая задачи заключались в том, чтобы шире и полнее показать жизнь лысьвенской деревни на протяжении всего XX века, хотя основной упор сделан на период 1930-1960-х годов, когда в быту, сознании и мировоззрении крестьянства происходили глобальные изменения. Именно в эти десятилетия стали исчезать мелкие и средние населенные пункты, состоящие из 3-4 и 15-20 дворов. Третья часть из 14 сельских советов района не имела отношения к производству сельскохозяйственной продукции. Вместо исчезнувших хуторов, выселков и починков появлялись спецпоселки и лесоучастки.

В совокупности на страницах обоих выпусков нашли отражение истории или хотя бы упоминания о большинстве деревень, сел и лесных поселков Лысьвенского муниципального района.

Вероятно, своей работой мы коснулись основ человеческой памяти, потому что от души писались статьи о давно минувших днях, глубоко и проникновенно ветераны делились своими воспоминаниями, заинтересованно работали над необычными для себя материалами молодые авторы. Дорогого стоит то, с какой теплотой и любовью немолодые уже люди рассказывают о своих родителях - отцах и матерях.

Структура альманаха состоит из узловых моментов отечественной истории советского периода. Свой рассказ мы начинаем со все еще не стертой в народной памяти темы гражданской войны. Небезынтересный материал изложен в статье, рассказывающей о братоубийственных боях в районе Кормовища, Кумыша, Северной, Крутого Лога, ст. Кын, Завода Кын и других населенных пунктов. Из поколения в поколение передаются рассказы о гражданской войне среди жителей села Завод Кын. Их бережно собрал кыновской учитель С. А. Гринкевич.

Традиционно краеведческие исследования велись в рамках идеологических установок советского государства. Вне этих пределов оставался простой человек с его радостями и переживаниями, душевными тревогами и неустанной борьбой за хлеб насущный. По этой причине оказались совершенно не разработанными местным краеведением такие страницы нашей истории, как единоличное сельское хозяйство и его разгром сталинской коллективизацией, становление колхозов и внутренняя, не парадная жизнь колхозников. «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» в корне изменила жизнь крестьянства. Об этом пишут школьница Моховлянской школы Т. Кибардина, учитель Новорождественской школы А. И. Окунев, ветеран-электромашиностроитель Г. А. Пермьяков, ветеран Великой Отечественной войны В. Д. Волков. О масштабах трагедии, постигшей лысьвенскую деревню, можно судить по нескольким цифрам. В 1928 году удельный вес посевных площадей в единоличных хозяйствах района составлял 96%, в колхозах и совхозах – 2%; в 1932 году – в единоличных хозяйствах - 10,2%, в колхозах и совхозах – 87,2%. В 1928 году в районе был 1 колхоз, в 1932 году – 22, в 1935 году – 25. Для сравнения того, какой

была колхозная жизнь в воспоминаниях современников и какой ее хотела видеть советская власть, мы приводим фрагменты статей из официального печатного органа Лысьвенского ГК КПСС и городского исполнительного комитета Совета народных депутатов газеты «Искра» за 1930-1950-е годы.

Авторы не могли не пролистать вновь страницы истории, посвященные поселкам лесозаготовителей и спецпереселенцев. Свои воспоминания и исследования представили ветеран – металлург П. И. Занин, кыновской библиотекарь А. А. Захарова, инженер Л. И. Попова.

Впервые местные краеведы системно обратились к теме православия на территории Лысьвенского района. Ей посвящены работы чусовского исследователя О. Ю. Южакова, работницы пермской художественной галереи Е. В. Шабуровой, лысьвенского школьника М. Кашина, матвеевского библиотекаря Н. Н. Пашовой, пермского инженера Н. В. Красноперовой. Эта тема нуждается в дальнейшей проработке и систематизации. Особенно это относится к просветительской и попечительской миссии лысьвенских Свято-Троицкой и Иоанна Богослова церквей.

Хотелось бы иметь полную историю становления старообрядчества на лысьвенской земле.

Как и в первом выпуске, мы представляем схематические планы исчезнувших деревень и поселков, а также многочисленные фотоматериалы.

К сожалению, не все представленные материалы вошли в альманах. Чтобы не растерять бесценные крупницы нашей истории и культуры, собранные краеведами, и те, что еще напишут наши земляки, мы разместим их на страницах сайта районной администрации: Encyclopaedia.Lysva.ru

Николай Парфенов

Гражданская война на подступах к Лысьвенскому заводу

Николай Парфенов

1-й Лысьвенский рабочий полк в боях на Лысьвенском направлении Восточного фронта (июль – декабрь 1918 г.)

Накануне боев на Лысьвенском направлении

Летом и осенью 1918 года территории Лысьвенской, Кыновской, Соинской, Сосновской, Кусье-Александровской, Кушвенской и других близлежащих волостей стали ареной ожесточенной борьбы, в которой приняли участие не только местные жители, но и громадное количество пришлого люда, волей или неволей вставших на сторону «белых» или «красных». Имя у этой страшной беды - Гражданская война. Она не обошла стороной ни один крестьянский двор, ни один заводской поселок, ни одну семью. Надолго в людской памяти сохранились имена погибших в боях родственников, друзей, знакомых, односельчан, искалеченных или расстрелянных и замученных «белыми» и «красными». Из поколения в поколения передаются горькие вести о сгоревших избах, обременительных солдатских постоях, реквизированных лошадях и повозках, разграбленных житницах, разрушенных судьбах...

...В июле 1918 года на штабных картах «красных» и «белых» появилось Лысьвенское направление фронта...

После захвата Екатеринбурга 25 июля 1918 года на пути «белых» к Москве оставался последний крупный уральский город Пермь – центр огромной Пермской губернии. Попастъ в нее можно было по Горнозаводской через Нижний Тагил, Транссибирской через Кунгур или по совсем новой, открытой 16 октября 1916 года, Западно-Уральской железной дороге через ст. Кузино – ст. Лысьвенский завод – ст. Лысьва (Калино) с последующим выходом на Вятку и Котлас. Для организации наступления и захвата Перми «белое» командование посчитало наиболее предпочтительной недавно построенную Западно-Уральскую железную дорогу. С целью пресечения замыслов по захвату Перми 20 июля 1918 года командование «красных» начало спешно формировать 3-ю армию из разрозненных частей Красной Армии, разбросанных по линии Ишим – Екатеринбург – Пермь. Стратегическая задача заключалась не только в обороне Перми, но и в освобождении Екатеринбурга совместно с разрозненными частями 2-й советской армии.

Из числа добровольцев и мобилизованных создавались новые батальоны, полки, бригады, дивизии. В подавляющем большинстве под ружье становились совершенно не обученные военному делу рабочие и крестьяне. Их командирами назначались бывшие фельдфебели, унтер-офицеры и подпрапорщики. Это были, как правило, те же рабочие и крестьяне, но заслужившие свои воинские чины на полях сражений Первой мировой войны.

Современница тех давних событий Г. П. Рычкова в книге «Лысьва. Страницы истории Лысьвенской большевистской организации» приводит анекдотический случай, который отражает уровень военной подготовки лысьвенцев накануне кровопролитных боев. Она писала: «Военным обучением руководил П. В. Баташев¹. Баташеву удалось где – то раздобыть и привести в Лысьву пулемет, но как с ним обращаться – никто не знал. Выехали с пулеметом в поле, вставили ленту и заставили Л. А. Лазарева тянуть ее с боку. «Пробуем, ничего не выходит, гнет патроны, - рассказывает об этом Лазарев². – После нескольких неудачных попыток пришла в голову мысль: а может быть, не надо тянуть? Попробовали – и затакал впервые в руках лысьвенских большевиков - красногвардейцев пулемет. Первой удаче радовались буквально как дети». Здесь же автор сообщает о гибели двадцатилетнего красногвардейца Н. Федосеева. Он взорвался при испытании гранаты собственной конструкции.

Однако, несмотря ни на какие трудности, лысьвенские большевики продолжали серьезно готовиться к предстоящим боям. В это же самое время за спинами мятежного чехословацкого корпуса (ЧСК)³ готовились к будущим боям солдаты и офицеры армии А. В. Колчака.

Воинственный характер большевистских руководителей Лысьвы проявился в ночь со 2 на 3 марта 1917 года, когда они при поддержке группы солдат рабочего батальона разоружили полицию. Из числа добровольцев был создан отряд милиции. После июльских 1917 года событий в Петрограде в августе – сентябре лысьвенские большевики активно работали над созданием Красной гвардии. Среди организаторов красногвардейского штаба был будущий командир 1-го Лысьвенского полка И. П. Ермаков. В ноябре - декабре 1917 года шла активная военная подготовка красногвардейцев, а уже 26 января 1918 года 130 красногвардейцев под командованием формовщика фасонолитейного цеха, бывшего унтер-офицера, И. Соларева выехали на север Пермской губернии устанавливать советскую власть. После подавления сопротивления контрреволюционеров в Чердынском крае соларевский отряд переправился в Пермь, где влился в состав 1-го Пермского сводного полка Советов Приуралья. В апреле сводный полк был переформирован в 8-й Уральский стрелковый полк. И. Соларев стал его командиром.

В январе 1918 года в Лысьве был создан второй красногвардейский отряд под командованием К. Азина. Отряд в составе 270 человек был направлен на Южный Урал для борьбы против южноуральских казаков, не признавших советскую власть.

Почти одновременно с отрядом Азина был создан третий отряд под командованием Полухина. Об этом командире и его отряде мало что известно. В своих воспоминаниях участник гражданской войны К. А. Морзо – Морозов писал, что в боях на Златоустовском направлении Восточного фронта этот отряд показал себя одним из

¹ П. В. Баташев – токарь; в 1918 году военный комиссар Лысьвы, начальник Лысьвенского военно-революционного штаба; в 1920-1930-е годы на руководящей партийной и хозяйственной работе; репрессирован в 1937 г., последние годы жизни проживал в г. Дзержинске.

² Л. А. Лазарев (?-1940) –инженер; в 1917 г. руководитель делового Совета Лысьвенского горного округа; в 1918 г. возглавлял отдел снабжения Лысьвенского военного комиссариата; в 1920-1930-е г.г. занимался вопросами научной организации труда; жил в Свердловске.

³ ЧСК сформирован в 1917 г. из пленных чехов и словаков астро-венгерской армии по решению Временного правительства для борьбы с немцами. После Октябрьского переворота и заключения Брестского мира советское правительство решило отправить корпус из России в Европу через Владивосток. Эти действия сопровождалось взаимным недоверием руководства корпуса и представителей советской власти, попытками разоружить чехословаков, не желавших расставаться с оружием, столкновениями последних с пленными немцами и венграми. 2 мая 1918 г. Антанта приняла решение использовать ЧСК против большевиков, 25 мая в ЧСК начался мятеж. Части ЧСК, растянутые вдоль Сибирской железной дороги от Самары до Владивостока, вернулись на Урал, свергая по пути органы советской власти.

самых боеспособных и дисциплинированных и явился ядром двухтысячного сводного отряда, командиром которого был назначен лысьвенец Полухин.

В марте 1918 года начался поэтапный перевод разрозненных красногвардейских отрядов в подразделения Красной Армии. В мае отряд Азина вернулся в Пермь и был объединен с подобными ему красногвардейскими отрядами из Чермозского и Добрянского заводов и, уже как отряд Красной Армии, снова отправлен на Южный Урал. Сам Азин после ранения и лечения в пермском госпитале вернулся в Лысьву. Полностью выздоровев, он вступил добровольцем в 1-ю Коммунистическую роту и сражался на Лысьвенском направлении фронта.

В июне сводный отряд лысьвенских красногвардейцев принимал участие в подавлении восстания в Невьянске. Отрядом руководил Я. Москов-Еремчук.

Во второй половине июля 1918 года определилось Лысьвенское направление Восточного фронта. После непродолжительных боев под железнодорожной станцией Кузино и самовольного отхода на станцию Кын «красных» латышей 6-го Тукумского ст. полка, а за ним Шемяхинского отряда, сформированного в Красноуфимском уезде, Лысьва могла подвергнуться прямому захвату чехословацкими и белогвардейскими войсками. Чтобы окончательно не потерять латышей и шемяхинцев, командование отвело их на отдых и переформирование в тыл. Им нужно было срочно найти замену.

О серьезной опасности, которая периодически складывалась для Лысьвы, можно судить по одному эпизоду из воспоминаний С. В. Васильева: «От Лысьвы до ст. Кын был протянут кабель для связи. Нужно было узнать, что делается в войсках белогвардейцев. С этой целью была послана группа бойцов во главе с начальником В. П. Худеньких. С ним было еще 2 бойца. На бронепоезде они проехали туннель и слезли с него, направились в сторону Кына по лесу. Пройдя метров 200, они увидели группу санитаров в количестве 15 человек. Поговорили они с санитарями и договорились, что до Лысьвы они доедут вместе с бойцами, и пошли дальше. В это время со стороны Кына подошел белогвардейский поезд. Завязалась перестрелка. Лысьвенский бронепоезд отступил и ушел за туннель в сторону Лысьвы. Оба бронепоезда были похожи друг на друга. Когда подошли бойцы с санитарями, то подумали, что это их бронепоезд, и пошли к нему. Для различия бойцов тогда были повязки на головах: у наших – красная, у белых – зеленая. Пошли они и вдруг видят: вышли солдаты с зелеными повязками. Ну, тут нашим людям делать нечего, оружия у них было мало, сдаваться в плен они тоже не хотели. И вот тогда белогвардейцы всех порубили и бросили под откос. Белогвардейский бронепоезд ушел обратно. Тогда вышел наш бронепоезд. Видят они, что все бойцы переколоты и с ними еще много неизвестных людей...Подняли они их на железную дорогу, сложили штабелем на открытую платформу и увезли в Лысьву».

Формирование 1-го Лысьвенского рабочего полка

21 июля в Лысьве была сформирована 1-я Коммунистическая рота в количестве 150 человек (некоторые источники приводят цифру 250 человек) под командованием рабочего ведерно-закройного цеха И. Ярыгина и комиссара Я. Страутмана, таксатора Лысьвенского лесничества. Личный состав роты в основном состоял из рабочих металлургического и механического заводов. Командирами взводов были назначены В. Чекменев, В. Дылдин, Мокрушин и И. Замедлин. 22 июля была сформирована 2-я рота из солдат – фронтовиков под командованием бывшего унтер-офицера И. Катина и комиссара П. Титова-Савченко. Буквально «на ходу» была создана 3-я рота из бойцов 5-й Петроградской экспедиции, прибывшей из Кушвы. Ротой командовали командир Кривцов и комиссар П. Реутов. 23 июля все три роты были объединены в батальон под командованием Романова и Я. Страутмана.

Первые бои лысьвенского батальона с «белыми» состоялись в районе ст. Утка и Уткинского завода. Как оказалась, одной ненависти к противнику и желания биться с ним было мало. У лысьвенцев и военная подготовка была никудышной, и вооружение

плохое, да и силы были слишком неравными. В результате кровопролитных трехдневных боев батальон оставил Уткинский завод, отошел к ст. Илим, а затем откатился к ст. Унь.

В боях у деревни Пермьяки произошло событие, подтверждение которому не удалось найти ни в документах, ни в исторической литературе о гражданской войне. По словам одного из организаторов Лысьвенского Социалистического Союза рабочей молодежи (ССРМ) В. В. Щипанова, в одном из боев «белые» предприняли «психическую» атаку. Во главе атакующих цепей они поставили людей в монашеских одеждах, несущих в руках кресты и церковные хоругви, как на крестном ходу. Люди в монашеских одеждах что – то пели. «Красные» не решались стрелять по монахам, как они полагали, тогда огонь из пулеметов «Льюис» открыли венгры – «интернационалисты». Атака «белых» была отбита¹.

Напряженная ситуация на фронте побудила советских и партийных руководителей Лысьвы начать 25 июля подготовку к так называемой первой эвакуации. Два дня шла лихорадочная разработка планов по вывозке заводского оборудования, снарядной заготовки, обсуждение судьбы оставляемых «красными» заводов, поскольку были опасения, что «белые» воспользуются ими для производства военной продукции, обсуждались пути эвакуации партийных и советских работников, членов их семей.

Панические настроения улеглись, и обстановка в городе нормализовалась, когда стало известно о прибытии на фронт бронепоезда № 3 под командованием балтийского матроса И. Деменева, а также нового добровольческого отряда бисерских рабочих под командованием бывшего унтер-офицера А. Ощепкова. 26 июля в Лысьву прибыл инспектор – комиссар 3-й армии В. Павлов с группой специалистов с целью оценки стремительно меняющейся обстановки на Лысьвенском участке фронта и принятия мер для её исправления. Под руководством Павлова был создан штаб лысьвенского направления, но реального результата от его деятельности не было, если не считать, что штабисты вносили в организацию военных действий некоторые элементы военной науки. Ненадолго продвижение «белых» в сторону Лысьвенского завода было приостановлено.

28 июля командование «красных» совместно с лысьвенским военкоматом приступило к работе по формированию Лысьвенского рабочего полка. Предварительная подготовка заняла около десяти дней и вот 9 августа 1918 года полк начал формироваться. Подавляющее большинство мужского населения Лысьвы к этому времени уже добровольно или по мобилизации находилось в армии, поэтому кроме лысьвенцев в полк влились рабочие Кыновского, Бисерского, Теплолгорского, Чусовского, Коноваловского заводов, а также золотодобытчики Косьинских приисков. Боевое ядро полка составили уже побывавшие на фронте красноармейцы из рабочих отрядов И. Ярыгина, И. Дылгина, И. Катина, А. Ощепкова. Примерно в середине августа в полк влились остатки батальона Романова. Вероятно, у Лысьвенского военного комиссариата были планы провести мобилизацию еще одного подобного воинского формирования, поскольку полк получил порядковый номер «первый». Командиром полка был назначен бисерский рабочий, в недавнем прошлом подпрапорщик русской армии, участник Первой мировой войны И. Ермаков, а комиссаром, по тогдашней традиции, лысьвенец Д. Богатов. Богатова на должности комиссара последовательно сменяли Ф. Соловьев и П. Титов-Савченко. Полк состоял из двух батальонов (командир первого – И. Ярыгин, комиссар – Ф. Соловьев; командир второго – Н. Быстрых, комиссар – А. Ермаков). В батальоны входили шесть рот. Командиром 1-й роты был назначен И. Ольков, 2-й роты – И. Катин, потом его заменил Г. Губин, 3-й роты – К. Азин, 4-й роты – В. Свистунов, 5-й роты – И. Школин, позднее замененный А. Ходжичем, 6-й роты – А. Воробьев, замененный через некоторое время Я.

¹ Этот и другие бои запомнились В. В. Щипанову потому, что в них был тяжело ранен председатель Лысьвенского оргбюро ССРМ С. В. Рожков. В. Щипанов и его товарищ Н. Чернов привезли С. В. Рожкова на открытой железнодорожной платформе в Лысьву. Здесь 9 августа он умер.

Третьяковым. Во все роты были назначены политические комиссары П. Мыльников, Сажин, П. Реутов, С. Подойницын, Д. Зубарь, В. Денисов.

Формирование полка, начатое в Лысьве, продолжилось на железнодорожных станциях Лысьва (в Калино) и Селянка, поскольку по времени совпало с так называемой «второй эвакуацией Лысьвы», последовавшей после непродолжительного захвата «белыми» железнодорожной станции Кормовище. «Эвакуация» больше походила на паническое бегство советских и партийных работников из Лысьвы. В немалой степени паническое настроение подогрели известия, принесенные бойцами «заградительного» отряда, о появлении «белых» на Кусьинском тракте у реки Большой Вашкор.

1-й Лысьвенский рабочий полк входил в состав 3-й Средне-Уральской бригады 29-й Уральской стрелковой дивизии под командованием П. Васильева. Против бригады действовал 1-й Средне-Уральский пехотный корпус полковника (позднее генерала – Н. П.) А. Пепеляева. Уже 15 августа по приказу комиссара бригады Б. Куна¹ три роты полка в составе 390 человек направились в сторону железнодорожной станции Кормовище через деревни Кутамыш и Паинцы. После короткого отдыха в Паинцах, где находился штаб полка, роты двинулись по лесной грани в Кормовище. Председатель Паинцевского сельсовета Ф. Красильников организовал крестьян окрестных деревень на выпечку хлеба для полка, поставку фуража и подвод, помогал в расквартировании красноармейцев по крестьянским избам. Все это Красильникову припомнили «белые» после захвата Лысьвы. У председателя конфисковали лошадь, корову, теленка и все имущество. Самого

Ф. Красильникова «белые» пороли плетью в течение нескольких ночей. Он умер в железнодорожном вагоне на пути в Чусовской завод, откуда, по словам очевидцев тех событий, в Лысьву не возвращались.

Августовские бои на Лысьвенском направлении

1 августа «белые» начали очередное наступление. Удар пришелся на разрозненные отряды «красных», в том числе на остатки лысьвенского батальона, еще не полностью влившиеся в состав 1-го рабочего полка, и бронепоезд № 3. Неся большие потери, «красные» медленно пятились в сторону железнодорожной станции Кын. 2 августа фронт окончательно переместился в район ст. Кын. В этих условиях измотанный в боях лысьвенский батальон мог быть полностью уничтожен или повторить историю Тукумского полка, т.е. попросту бросить позиции, что тоже было вполне вероятным. Спасло лысьвенцев прибытие на передовую 3-го сводного Сибирского батальона под командованием путиловского рабочего И. Шаронова. На помощь сибирякам из Лысьвы прибыл отдохнувший 6-й Тукумский полк, но в первом же бою латыши бросили позиции и самовольно отошли к ст. Кормовище. Точно так же повел себя отряд из трех рот Великолуцкого полка, которым командовал бывший пермский студент С. Кожевников.

Всю силу удара «белых» частей принял на себя батальон И. Шаронова, действия которого прикрывал бронепоезд И. Деменева. На помощь им 5 августа из Перми прямо на передовую прибыл отряд венгров в количестве 360 человек под командованием Ф. Мюнниха² и отдохнувший Шемяхинский отряд Бобышева, наскоро пополненный лысьвенскими рабочими. Новая линия фронта пролегла на подступах к ст. Кын у так

¹ Бела Кун (1886 -1938) - солдат австро-венгерской армии; взят в плен в 1916 г.; примкнул к большевикам; организатор венгерской компартии, активист Коминтерна, после подавления Венгерской революции жил в СССР, участник зверской расправы над пленными врангелевскими солдатами и офицерами; репрессирован - расстрелян в 1938 г.

² Ференц Мюнних (1886-1967) – солдат австро-венгерской армии; взят в плен в 1915 году; примкнул к большевикам; организатор венгерской компартии и венгерской Красной Армии в 1919 году; жил в СССР; в 1958-1961 годах председатель Совета министров ВНР; в 1957 – 1965 – член политбюро ВСРП.

называемой Каменной Гряды. Перпендикулярной осью фронта была железнодорожная линия, вдоль которой курсировал «красный» бронепоезд № 3, фланги заняли лысьвенцы, сибирцы, венгры и шемяхинцы. Бои шли без перерыва три дня. 7 августа крупное соединение «белых» обошло по лесу ст. Кын, в результате чего «красные» оказались в окружении¹. За последнюю неделю это был второй прорыв «белых» в глубь советской территории. 1 августа 400 казаков лесами обошли Лысьву с севера и вышли к ст. Лысьва (Калино). Этот рейд имел скорее психологическое, чем военное значение. В ходе его был сожжен деревянный железнодорожный мост и посеяна паника. Появление неприятеля в Калино могло означать, что Лысьва отрезана от внешнего мира, а с ней и вся группировка советских войск на Лысьвенском направлении фронта.

Напуганные известием о прорыве «белых» к Калино, лысьвенские большевики наспех собрали сотню - полторы человек, в основном из числа подростков и молодежи, кое-как вооружили их и отправили в деревню Большая Лысьва, а затем в сторону деревни Обманка по Кусьинскому тракту, по которому, возможно, и просочился в тыл «красных» отряд «белых». Конкретные цели и задачи перед этим «заградительным» отрядом не были поставлены. До Обманки шли растянувшейся толпой без разведки и боевого охранения. К вечеру отряд прибыл к реке Большой Вашкор. Здесь, утомленные переходом, бойцы наелись каши, сваренной из выданной интендантами крупы, и улеглись спать, не выставив дозоров, часовых и охраны. Рано утром спящих разбудила длинная пулеметная очередь. Это казачий эскадрон бесшумно окружил лысьвенцев, и его командир, щелкая плеткой по сапогу, прокричал:

- Немедленно убирайтесь прочь, иначе всех запорем нагайками!

...Один из очевидцев этих событий В. В. Щипанов рассказывал, что от страха не помнит, как пробежал 9 километров до Лысьвы. Босиком! Паника в Лысьве была так велика, что оставленный советскими работниками и большевиками город некоторое время вообще был без «красных» и без «белых».

...В эти дни события в районе боев у ст. Кын приобретали все более драматический характер. «Белые» методично выдавливали из станции «красных», которые мелкими группами уходили в лес. Венгры, решившие вырваться из окружения с помощью штыковой атаки, были загнаны в здание железнодорожного вокзала и из него вели бой. 8 августа «белые» стянули вокруг вокзала артиллерию и начали обстрел здания. Обороняющимся пришлось сдаться. Из окружения вышла небольшая группа в 35 человек во главе с Ф. Мюннихом. Вечером 8 августа бронепоезд № 3, прикрывая отход батальона И. Шаронова, безуспешно пытался пробиться к ст. Кумыш. Отход оказался невозможен, поскольку железнодорожный путь был заблокирован в результате крушения советского поезда, отходящего в Лысьву. Под огнем противника команда демонтировала вооружение бронепоезда, привела в негодность паровоз и, спешившись, вместе с сибирцами вырвалась из окружения. Захват Кына был настолько стремительным, что «красные» в панике бросили штабной вагон с документами и деньгами. Некоторые важные документы и деньги удалось спасти восемнадцатилетней Е. Пылаевой и нескольким сотрудникам штаба. В это время «белые» расправлялись с пленными венграми. В ночь с 8 на 9 августа «белые» заняли ст. Кумыш, д. Крутой Лог, а к вечеру ст. Кормовище. «Красные» заняли оборону в районе туннеля на подступах к Лысьве.

С 16-17 августа для лысьвенского полка началась непрерывная четырехмесячная череда кровопролитных сражений. В самых первых боях участие принимали всего три роты. На короткое время четвертая рота в составе 128 человек осталась в Калино для несения караульной службы, пятая и шестая роты в количестве 226 человек временно дислоцировались в Лысьве. В то же время Лысьвенский полк был усилен пулеметной

¹ Окружение - излюбленный тактический прием «белых»: обойти или скрытно просочиться сквозь фланги «красных», а затем одновременно атаковать «в лоб» и с тыла.

командой из 32 человек (первым командиром пулеметчиков был А. Лыжбин, после его сменил Б. Разлинович, убитый 17 октября 1918 года в бою у деревни Малый Кумыш), конной разведкой из 14 человек (командир О. Воронин) и 13 велосипедистами (командир Г. Климов), а также санитарным отрядом (командир А. Маньков).

Подавляющее большинство личного состава полка составляли молодые люди в возрасте от 15 до 25 лет. У редких красноармейцев возраст переваливал за 30-летний рубеж. Таких красноармейцев их товарищи называли «стариками». Боевой дух лысьвенских красноармейцев в начальный период существования полка был достаточно высоким. Об этом можно судить на основании приказа № 9 по полку от 18 августа 1918 года. В нем говорилось: «Красноармеец 4-й роты Дьяков Иван по болезни был уволен военкоматом, но он остался служить в рядах армии добровольно. От имени всего Лысьвенского полка преклоняюсь перед поступком тов. Дьякова».

Настоящее боевое крещение 1-й Лысьвенский полк получил в боях под ст. Кормовище при поддержке 1-го Сибирского батальона И. Шаронова. События развивались стремительно. 14 августа в 22 часа ст. Кормовище была отбита у «белых». Не останавливаясь, наступление продолжали бронепоезда с интервалом между собой в 4 километра. Головным шел новый бронепоезд № 2 с отрядом венгров-десантников под командованием Я. Нанаши и взводом саперов. Захватив с помощью двух рот лысьвенского полка д. Крутой Лог, отряд продолжил наступление на ст. Кумыш. 18 августа бронепоезд № 2 с боем ворвался на ст. Кын. В бой вступили десантники Я. Нанаши. 20 августа венгров поддерживали подроспевшие свежие роты 1-го Лысьвенского полка. В этот день ст. Кын была захвачена «красными», которую они оставили 7 августа. 20 августа лысьвенцы впервые по-настоящему поняли, что такое гражданская война. На освобожденной станции они нашли 70 не захороненных трупов, а в сарае станционного вокзала обнаружили 5 повешенных венгров с выколотыми глазами и изрезанными телами.

За 10 дней непрерывных боев красноармейцам Сибирского батальона, Лысьвенского и Уральского полков удалось оттеснить «белых» до железнодорожной станции Илим. 29 августа рота И. Ярыгина заняла ст. Илим, а отряд И. Шаронова захватил село Илимское. «Белые», контратакуя, отступили к Староуткинскому заводу. Это позволило «красным» силами сводного батальона, сформированного из красноармейцев Лысьвенского и Уральского полков, начать наступление на Шайтанский завод и 1 октября захватить его. Однако закрепиться в Шайтанском заводе «красным» не удалось. «Белые», перегруппировав силы, 6 сентября начали контрнаступление. Они снова удачно использовали обходной маневр, направив в тыл «красных» значительные силы. «Красные» отступили на 7 верст с общим направлением на д. Пермьяки и закрепились. Бой шел в течение двух суток. Потери «красных» доходили до 400 человек убитыми. В тот же день 6 сентября, когда «белые» начали наступление на Шайтанский завод, 1-й Сибирский батальон после артиллерийского обстрела, приведшего к грандиозному пожару завода и поселка, в результате кровопролитного боя захватил Уткинский завод. В кульминационный момент боя снова на помощь «сибирцам» пришел сводный батальон Лысьвенского и Уральского полков. 7 сентября «белые» начали новое наступление, и «красным» пришлось оставить Староуткинский завод. 8 сентября «красные» оставили, а затем отбили Шайтанский завод. 9 сентября советская 3-я Средне-Уральская бригада перешла к обороне по всему фронту. С 11 по 25 сентября шли непрекращающиеся бои с ожесточенными контратаками с обеих сторон.

Штаб 3-й Средне-Уральской бригады не исключал возможности прорыва «белых» к Лысьвенскому заводу, поэтому сразу же после «второй эвакуации» Лысьва стала готовиться к обороне. Активный участник событий 1917–1918 годов в Лысьве Н. П.

Студитов – Парфенов¹ вспоминал, что в окрестностях Лысьвы спешно рылись окопы, строились оборонительные сооружения, устанавливались проволочные заграждения. К работам были привлечены домохозяйки, учащаяся молодежь, учителя, работники заводской администрации. Г. П. Рычкова уточнила, что всего на окопные работы было привлечено 1500 человек. К сказанному надо добавить, что для рытья окопов в Лысьву приезжал саперный полк из Перми. Работу по подготовке к обороне проверил член коллегии Народного комиссариата по военным делам В. Трифонов. Ночью 23 августа он в сопровождении А. Белобородова², Ф. Голощекова³ и адъютанта П. Лурье приехал в Лысьву, а 24 августа в сопровождении проводника ездил верхом на лошадях осматривать возможные оборонительные позиции по рекам Лысьве, Травянке, Большой и Малой Запорной и в южной части заводского пруда. За 9 часов осмотра позиций было преодолено примерно 50 верст.

Подготовка оборонительной линии по времени совпала с активизацией боевых действий на фронте. Командир 1-го Лысьвенского полка И. Ермаков вспоминал: «...Началась полоса встречных наступательных и оборонительных боев. Сдерживая противника, наши постепенно отходили до ст. Илим, Унь. В районе Кумыша, Паленого Лога, Крутого Лога переходили в контрнаступление. Получив подкрепление, полк остановил противника... Лысьвенский участок фронта был неудобен для ведения боевых действий. Кругом лесная глухомань, нет проселочных дорог, изредка встречаются станционные поселки. Передвигаться можно только вдоль железнодорожного полотна, линия фронта была не сплошной, подобрать позиции с хорошим обстрелом удавалось редко. Этот участок фронта был изолирован от тагильского и кунгурского. Питание и боеприпасы из-за отсутствия дорог доставить невозможно...Полк беспрерывно находился на передовых позициях и вел боевые действия сутками, даже неделями. Под открытым небом, без горячей пищи, вечно мокрые, красноармейцы держались стойко».

Штаб 3-й Средне-Уральской бригады во главе с командиром – латышом В. Рейхардтом⁴ долгое время располагался на железнодорожной станции Кормовище. К 22 августа 1918 года помимо Лысьвенского полка в состав бригады входили 5-й Уральский полк, 1-й Сибирский батальон (с 5 октября переформирован в полк под командованием И. Шаронова), 2-й Екатеринбургский полк, батальон интернационалистов, саперная рота, сводный кавалерийский отряд, бронепоезда № 1, 2. Количество личного состава бригады постоянно менялось. На 22 августа 1918 года в ней насчитывалось 3122 человека. Кроме оставшихся двух бронепоездов бригада располагала 443 лошадьми, 5 пушками и 61 пулеметом.

31 августа 1918 года бригада была переименована в Особый⁵ отряд 3-й армии. Однако 7 сентября отряд снова переименовывают. Ему возвращают старое название: 3-я Средне - Уральская бригада 3-й Уральской стрелковой дивизии. В октябре 1918 года бригада стала называться Особая бригада 3-й армии.

¹ Н. П. Студитов-Парфенов – рабочий, в 1918 г. председатель Лысьвенской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией; в 1930-е годы работал в ВЧК-ОГПУ, Рабоче-крестьянской инспекции, ВСНХ; последние годы жизни проживал в Москве.

² А. Г. Белобородов (1891-1938) – «лысьвенский слесарек»; председатель исполкома Уральского облсовета в 1918 году; непосредственный организатор расстрела императора Николая II и членов его семьи; нарком внутренних дел РСФСР в 1923-1927 годах; репрессирован - расстрелян в 1938 году.

³ Ф. И. Голощеков (1876-1941) – член РСДРП с 1903 г., участник революции 1905-1907 гг.; в 1918 г. комиссар Уральского военного округа; с 1924 до 1939 г. на партийной и советской работе; известен своей жестокостью по отношению «к врагам революции»; репрессирован – расстрелян в 1941 г.

⁴ В. К. Рейхард в ноябре 1918 года был вызван в Москву для организации работы по становлению советской власти в Прибалтике. С такой же целью с фронта был отозван Я. Я. Страутман.

⁵ Не исключено, что название «особая» бригада получила из-за национальной пестроты личного состава.

На 10 сентября 1918 года в состав бригады входили 1-й Лысьвенский полк (735 чел.), 1-й Сибирский полк (850 чел.), 2-й Екатеринбургский полк (125 чел.), 1-ая саперная рота (210 чел.), интернациональный батальон (182 чел.), интернациональный эскадрон (23 чел.), интернациональная батарея (66 чел.), Нязе - Петровская батарея (61 чел.), сводный кавалерийский отряд (52 чел.), бронепоезда № 1 (67 чел.), № 2 (70 чел.), команда бронепоезда № 3 (55 чел.), техническая рота (102 чел.), сводный санитарный отряд № 4 (12 чел.), команда связи (45 чел.), 1-й эскадрон 1-го Пермского кавалерийского полка (119 чел.), штаб бригады (15 чел.).

Экипаж бронепоезда И. Деменева после возвращения из-под Кумыша в Лысьву получил новый башенный бронепоезд, изготовленный на Чусовском заводе. Бронепоезд имел на вооружении две 48-миллиметровые пушки и 12 пулеметов. 55 человек экипажа были дополнены 15 рабочими из Усольского депо. Бронепоезд № 3, брошенный Деменевым в Кумыше, позднее был отремонтирован и снова принимал участие в боях.

Боевые действия на Урале носили специфический характер в силу горного рельефа местности и отсутствия шоссейных дорог. Самые ожесточенные бои шли вдоль Транссибирской, Западно-Уральской и Горнозаводской железных дорог, а также Гороблагодатского тракта. В силу этого на Восточном фронте в июле 1918 года помимо Лысьвенского появились Тагильское и Кунгурское направления боевых действий. Спорадические бои на второстепенных дорогах и лесных гранях вспыхивали, когда та или иная сторона предпринимала решение обойти войсковые порядки противника с флангов. Наиболее успешно этот маневр использовали «белые», привлекавшие в качестве проводников местных жителей. Как правило «красные», отбив у «белых» село или деревню, устанавливали личности проводников и жестоко расправлялись с ними: расстреливали или вешали. Бывший красноармеец П. Гирёв оставил записи о казни «купца» на ст. Кын, который, якобы, способствовал подрыву у ст. Кумыш советского поезда, перевозившего роту кушвинских красноармейцев в количестве 160 человек. По воспоминаниям красноармейца А. Кобелева-Иванова, написанным им в 1937 году, казнями занимался специальный карательный отряд, прикрепленный к штабу 3-й армии. В 1919 году Кобелев-Иванов был отозван в Москву на работу в органы ВЧК. Впрочем, «белые» тоже не церемонились с теми, кто помогал «красным». Участь таких людей была одна – смерть от пули или на виселице.

Для более эффективного управления войсками «красное» командование разделило Лысьвенское направление на два боевых участка: западный и восточный. Командование западным участком было возложено на командира 1-го Лысьвенского рабочего полка И. Ермакова, после него на командира 2-го Екатеринбургского полка Донца и, наконец, на И. Шаронова. В сферу ответственности западного боевого участка входила железнодорожная станция Кын и прилегающие к ней деревни. Восточный участок возглавили сначала командир 1-го Сибирского полка И. Шаронов, после него Иванов, которого заменил Н. Захаров. Командир восточного боевого участка отвечал за положение дел в районе Кыновского завода.

Как на западный, так и на восточный боевые участки фронта постоянно приходили свежие пополнения. Продолжительное время бок о бок с 1-м Лысьвенским рабочим полком сражались 1-й Сибирский стрелковый полк, 58-й Владимирский стрелковый полк и 1-й Лесновско-Выборгский стрелковый полк. Некоторое время лысьвенцев, сибиряков и лесновско-выборжцев поддерживали 1-й Камышловский стрелковый полк и 17-й Петроградский стрелковый полк, но в связи с усложнением оперативной обстановки они были переброшены на другие участки Восточного фронта.

На подступах к Лысьвенскому заводу

После переименования 3-й бригады в Особый отряд при его штабе был создан политотдел, в укомплектовании которого приняли активное участие лысьвенские большевики. Начальником политотдела стал большевик П. Осипов. В отдел вошли агитаторы В. Мартынов, П. Братухин, М. Исаев, Д. Коленов, К. Рузиков и Я. Цейман. Они занимались агитацией среди красноармейцев и мирного населения, снабжали комиссаров политической литературой, создавали партийные ячейки, отслеживали настроение красноармейцев и командиров в строевых частях.

Чтобы поддержать боевой дух «красных», 15 сентября агитаторы устроили в Кыновском Совете митинг у могил красноармейцев, похороненных в ограде заводского училища. Отсюда было отправлено обращение кыновлянам, служившим в 7 и 8 ротах Уральского и Лысьвенского полков. В нем были слова: «Получая от 3-й бригады хорошие отзывы о вас, мы гордимся, что это говорят о кыновлянах...За все это мы выражаем вам искреннюю и глубокую благодарность и уважение в дальнейшей борьбе с врагом и полнейшей победы. С Богом! Привет вам, дорогие товарищи! Председатель Шаврин. За секретаря Кожевников». Однако подобные обращения мало действовали на «красных», уже изрядно подрастерявших свой боевой пыл.

В этот же день 3-я рота Уральского полка, убив адъютанта Лисовского, перешла на сторону «белых». По этому поводу было проведено специальное расследование, которое закончилось только констатацией случившегося факта: «3-я рота Средне-Уральского полка изменнически перешла на сторону белогвардейцев и предательски убила адъютанта штаба Лисовского. Позор и проклятье трусам и изменникам, которым все честные революционеры должны жестоко отомстить за кровь т. Лисовского». Предательством 3-й роты «красные» командиры объяснили огромные людские потери до 400 человек, имевшие место во 2-м Екатеринбургском полку. Переход отдельных красноармейцев и целых подразделений на сторону «белых» становился не таким уж и редким. Например, 20 октября 13 красноармейцев 1-го Лысьвенского полка перебежали на сторону противника.

Обе стороны несли огромные потери. 13 сентября бригада заняла линию фронта: д. Мартьяновка - ст. Илим - д. Шагаево – разъезд «63-я верста» На этом участке фронта «белые» сосредоточили около 4500 солдат, 2 бронепоезда и 5 орудий. У «красных» было 4727 человек с артиллерией, 2 бронепоезда, разнообразные технические службы. Несмотря на примерное равенство в живой силе и технике, 14 сентября «белые» начали наступление на Лысьвенском направлении фронта. В эти же дни началось наступление на Тагильском направлении, где «белые» добились значительных успехов. Чтобы не быть окруженной, 19 сентября 3-я бригада оставила ст. Унь, откатилась к ст. Кын, а 22 сентября оставила ст. Кын. О характере боев говорит тот факт, что в ходе их был полностью разгромлен 1-й Сибирский полк И. Шаронова. 16 сентября комиссар бригады Залуцкий докладывал в штаб 3-й армии: «Полк Шаронова разбит. Лучший комсостав тяжело ранен. Сам Шаронов сильно контужен, выбыл из строя. Остатки полка в панике бегут, ловим и большими группами арестовываем...Этот полк был лучшее, что мне известно в Красной Армии. Без такого отряда нам придется отступать и отступать. Остальные части катятся назад по инерции». Настроение красноармейцев было паническим. Начальник западного боевого участка и одновременно командир 1-го Лысьвенского полка И. Ермаков передал в штаб бригады: «Все солдаты отказываются занять позицию. Положение катастрофическое. Принимайте меры или погибнет все». Не лучше было положение на восточном боевом участке Лысьвенского направления. 22 сентября начальник участка Иванов отдал приказ оставить Кыновской завод. В этот же день «красные» отошли от ст. Кын к ст. Кумыш.

Командование бригады приняло решение отстранить Ермакова и его помощника Семичева от управления западным боевым участком за неудачное ведение боевых действий. На их место были назначены начальником участка Донец, комиссаром

Коровин. Донцу было приказано отбить у «белых» ст. Кын и д. Мягкий Кын 25 сентября к 12 часам. Об исполнении приказа информации нет. 27 сентября начальником восточного боевого участка вместо выбывшего И. Шаронова назначен командир Выборгского батальона Н. Захаров.

Руководство 3-й армии понимало, насколько серьезная ситуация складывалась на Лысьвенском направлении, поэтому постоянно направляло сюда имеющиеся в его распоряжении пополнения. 25 сентября на 54-й версте Западно-Уральской железной дороги между станциями Кормовище и Кумыш разгрузился эшелон с новым пополнением. Это был 3-й отдельный батальон Выборгского района и Лесного завода Петрограда под командой Н. Захарова. 26 сентября, проделав за ночь 30-километровый марш-бросок по Гороблагодатскому тракту, выборжцы с хода выбили «белых» из Кыновского завода. Их поддерживали совместные действия 2-го Екатеринбургского и 5-го Уральского стрелковых полков. «Белые» отступили к ст. Кын. Одновременно «красные» заняли д. Мягкий Кын и д. Катаево. Бои носили крайне ожесточенный и кровопролитный характер.

28 сентября на Лысьвенское направление прибыло свежее пополнение: 1-й Пермский сводный кавалерийский эскадрон под командованием Аносова в количестве 65 сабель и 2-й батальон 1-го Московского коммунистического отряда «интернационалистов», командовать которым снова поставили Ф. Мюнниха. После августовских боев, в которых «интернационалисты» понесли значительные потери, 30 августа комиссар бригады Б. Кун выехал в Москву для переговоров с советским правительством о направлении на Восточный фронт дополнительных отрядов «интернационалистов». В результате были выделены шесть отрядов из Москвы, Петрограда, Самары и ст. Котельничи. В Перми при губвоенкомате был организован отдел кадров для вербовки добровольцев в лагерях военнопленных Приуралья. Отдел возглавляли Б. Ярош и К. Рейнер. Из Перми в Лысьву были переброшены артиллерийские батареи Лоренца, Плаго и Головича, артиллерийская площадка Я. Паукмана, кавалерийский эскадрон Ю. Могура, эскадрон Анциона, отряд венгров Д. Храматко, немцев Берленбелмана.

Наличие большого количества венгров, австрийцев и немцев, воюющих на стороне «красных», объясняется достаточно просто. Взятые в плен в ходе Первой мировой войны, они, с точки зрения русского правительства, относились к числу наиболее неблагонадежных, поэтому их вывозили в глубокий тыл. Здесь они поначалу в добровольном, а потом в обязательном порядке должны были работать в промышленности, лесном или сельском хозяйстве. Л. А. Лазарев рассказывал, что «лысьвенским» военнопленным «первое время условия работы казались адом, они говорили, что их направили в этот цех, чтобы убить медленной смертью». На 1 мая 1916 года в Пермской губернии на заводах и фабриках трудились 34 194 пленных, в том числе на Лысьвенских заводах работали 4800 человек, что составляло примерно 25% от числа всех работающих. Из этих людей «красные» и стали формировать «интернациональные» отряды. Особенно охотно воевали венгры. Немцы и австрийцы при каждом удобном случае оставляли позиции и уже осенью 1918 года чисто «немецких» отрядов на Лысьвенском направлении не осталось. Солдаты чехословацкого корпуса ненавидели австро - венгров и немцев.

Среди многих боев «интернационалистам» особенно дорого встали бои за деревню Мягкий Кын, которая 9 раз переходила из рук в руки. В результате этих боев от второго отряда Мюнниха мало что осталось. Позднее в отряд были собраны все «интернационалисты», воевавшие в разных частях бригады. Под Мягким Кыном погибли организаторы «интернациональных» отрядов Б. Ярош и К. Рейнер. При всей своей ненависти к «красным» белые особенно ненавидели «интернационалистов», поэтому всех пленных они жестоко пытали и расстреливали. Среди «интернационалистов», воевавших на стороне «красных», были представители многих национальностей: румыны, венгры, немцы, чехи, словаки, финны, австрийцы, китайцы,

корейцы и другие. У «белых» «интернациональный» состав был более однороден. Здесь в роли «интернационалистов» выступали чехословаки.

Далеко не каждое пополнение горело желанием ехать на фронт и воевать. В ноябре 1918 года в Лысьву прибыли два эшелона мобилизованных латышей. Они должны были восполнить людские потери в изрядно потрепанных «интернациональных» отрядах Ф. Мюнниха. Однако следовать на фронт мобилизованные отказались и потребовали отправить их в Латвию. Пока шли переговоры с лысьвенским военкоматом, латыши заняли солдатские казармы в районе железнодорожного вокзала. Военкомат отказался выполнять их требование об отправке домой и выдвинул ультиматум: или эшелоны следуют на фронт, или латыши будут уничтожены. Для подтверждения ультиматума вокруг казарм были сосредоточены красноармейцы, артиллерийские орудия и пулеметы. Для раздумий мятежникам было дано время и сказано, что сигналом к атаке будет паровозный гудок. Так случилось, что гудок подал машинист маневрового паровоза, предупреждавший рабочих о начале загрузки паровоза водой и углем. Раньше обговоренного срока началась стрельба. Латыши побросали винтовки и в панике стали разбегаться. Многие прятались на берегу реки Лысьвы. Спустя непродолжительное время все мятежники были арестованы и разоружены. В начале декабря их отправили в Пермь. В Перми на вокзал арестованных прогнали по улицам в одном нижнем белье. Красноармейские конвоиры говорили: «Раз вы не хотите воевать вместе с нами, то мы вас отправляем домой, но обмундирования вам не дадим, так как его не хватает солдатам, которые хотят воевать». А холод на дворе стоял уже не шуточный...

В противовес латышам – мятежникам в первых же боях с самой лучшей стороны показал себя вновь прибывший особый Выборгский батальон. Командование приняло решение развернуть его в полк и переименовать в 1-й Лесновско-Выборгский стрелковый полк. С целью доведения полка до штатного расписания в него были влиты остатки разбитых 5-го Уральского и 2-го Екатеринбургского полков, а также отряд рабочих Коноваловского завода. Это было сделано 2 октября, а накануне 1-й батальон Лесновско-Выборгского полка получил приказ совместно с 1-м Пермским эскадром Аносова атаковать и захватить деревни Кашка и Межевая Утка. Операция была разработана поспешно, без глубокой разведки, поэтому эскадрон Аносова попал в засаду и был полностью уничтожен. Погиб и сам комэск Аносов. Первый батальон под командованием Хмелецкого с ходу атаковал «белых», опрокинул их боевые порядки и обратил в бегство. При этом батальон продвинулся глубоко в неприятельский тыл, но вынужден был поспешно откатиться к деревне Веселые Кисели, поскольку «белые» прорвали оборону «красных» под Кушвой. Чтобы не быть окруженным и отвлечь часть сил «белых» на себя, Хмелецкий совместно со 2-м кавалерийским эскадром совершил налет на деревни Кашка и Ёква. Во время налета обе деревни были сожжены. 2 октября была занята деревня Ледянка. Основные силы Лесновско - Выборгского полка 3 октября атаковали и выбили «белых» со ст. Кын. Здесь полк находился около месяца, предварительно выставив боевое охранение и заставы в деревнях Деменева, Кошкина, Гаревая, Веселые Кисели, Кержаковка и других.

1 и 2 октября 1918 года лысьвенский полк не принимал участие в активных боевых действиях.

3 октября 1-й Лысьвенский полк и отряд «интернационалистов» при поддержке бронепоездов, отвлекавших на себя значительные силы «белых», перешли в наступление в районе д. Бизь.

С 6 октября для лысьвенского полка, срочно переброшенного под Шайтанский завод, снова начались затяжные и безуспешные бои за его освобождение. 6 октября в 7-ю роту полка прибыло пополнение в количестве 97 человек, 8 октября из Чусовского завода прибыло еще 59 человек. Наконец в Лысьвенский полк влились остатки 3-х рот бывшего 1-го Сибирского полка. Под новым названием 1-й Сибирско-Лысьвенский полк был развернут в трехбатальонный по 3 роты в каждом батальоне.

Командиром первого батальона был назначен И.Ярыгин, потом его сменил Волегов; 2-го – А. Быстрых, должность командира 3-го батальона сначала была вакантна, потом командиром назначается некто Гуйский. Командиром 1-й роты становится Ольков, 2-й – Шестаков, 3-й – Азин, 4-й – Шардин, 5-й – Ходжич, 6-й – Третьяков, 7-й – Рязанов, 8-й – Губин, 9-й – Пряженников.

В боях за Шайтанский завод раненых было так много, что их не успевали эвакуировать в тыл. К 8 октября было убито 125 человек, без вести пропало 110 человек, ранено 150 человек. В одном из боев при перевязке раненых на мосту через реку Шайтанку были убиты сразу две медсестры. Их фамилии не установлены. Количество убитых, раненых, пропавших без вести практически сравнялось с количеством пополнения, прибывшего на фронт в начале боев.

Несмотря на все усилия «красных», наступательное движение «белых» остановить не удавалось. На 19 октября линия боевых действий на западном участке прошла через д. Кержаковка - ст. Кын – д. Мягкий Кын – д. Капиданы - д. Бизь; на восточном участке через д. Веселые Кисели – д. Кашкина – д. Кирпичная.

К концу октября 1918 года, подтянув свежие резервы, «белые» части, противостоящие 3-й Особой бригаде, имели почти двойное преимущество в людях: 6800 солдат против 3359 красноармейцев. 28 октября «белые» сконцентрировали на лысьвенском направлении силы 2-й дивизии в составе Томского, Бирского, 5-го Сибирского полков и ударного офицерского батальона смерти. В ночь с 30 на 31 октября передовые части окружили заставу 2-й роты Лесновского-Выборгского полка у д. Деменева и перекололи всех красноармейцев штыками. Спасти удалось только семи бойцам. Тела убитых «белые» развесили на деревенских заборах. 1 и 2 ноября под усиливающимся напором «белых» заставы «красных» покинули д. Веселые Кисели, Кошкина и другие и отошли к Кыновскому заводу. Два батальона Лесновско-Выборгского полка заняли окопы к югу от Кыновского завода. Один батальон (резервный) отошел к деревням Крутой Лог, Малый и Большой Кумыш.

2 ноября около 12 часов «белые» провели сильнейшую артподготовку и значительными силами начали наступление на Кыновской завод. «Красным» удалось успешно отбить три атаки. Тогда «белые» в очередной раз обошли позиции «красных» лесом и в назначенное время начали четвертую атаку: одни ударили с тыла, другие пошли в лобовую атаку. В результате боя 2-я и 8-я роты Лесновско - Выборгского полка были окружены. Красноармейцы 8-й роты побросали винтовки и в панике разбежались по домам кыновлян. При невыясненных обстоятельствах был убит командир роты Шардаков. Второй роте удалось вырваться из окружения. Впереди на прорыв шли коммунисты. Так, старый питерский рабочий Дрон увлекал своих товарищей в атаку с винтовкой наперевес и погиб в числе первых. 3 ноября Сибирско-Лысьвенский полк с боем отошел к д. Крутой Лог. Однако, не выдержав натиска «белых», откатился к станции Кормовище, а потом к туннелю. В Лысьве началась «третья эвакуация».

Под неослабевающим напором «белых» Лесновско-Выборгский полк медленно отступал к деревне Талица и дальше к селу Ослянское. Отход прикрывал огонь Нязе - Петровской батареи. В боях за Кыновской завод полк потерял более 300 человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести. Была потеряна связь со штабом бригады, многие командиры были ранены или убиты, прекратилось снабжение продовольствием и боеприпасами.

В кровопролитных четырехдневных боях был предельно обескровлен и 1-й Сибирско-Лысьвенский рабочий полк. Действия его командира И. Ермакова были признаны неудовлетворительными, и он был отстранен от занимаемой должности. В Кормовище, куда 3 ноября Ермаков был вызван для объяснений, Б. Кун не стал с ним разговаривать. У комиссара бригады вызвало отвращение то, что от сильнейшего нервного перенапряжения бывший командир постоянно чесался. Был отдан приказ: «Расстрелять!» От смерти бывшего командира полка спасла неразбериха, царившая в штабе бригады, да прибывшая из Лысьвы полуплатформа с продовольствием и

боеприпасами. Подкрепившись и пополнив боезапас, полк выбил «белых» из деревни Песьянка. В своих воспоминаниях, хранящихся в муниципальном музее Лысьвы, И. Ермаков ничего не пишет об этом эпизоде. Автору статьи стало известно о нем в 1972 году от лысьвенского ветерана труда Н. С. Соснина. Новым командиром 1-го Сибирско-Лысьвенского полка был назначен бывший командир 5-й роты А. Ходжич, комиссаром П. Титов-Савченко.

Последний этап трагедии

Чтобы спасти от окончательного разгрома остатки Лесновско-Выборгского и Сибирско-Лысьвенского полков, 6 и 7 ноября «красное» командование перебросило на Лысьвенское направление фронта из-под Кушвы 1-й Камышловский и 17-й Петроградский стрелковые полки. Одновременно была подтянута 7-я рота Лесновско-Выборгского полка, находившаяся до этого в резерве. Ей и было поручено в ночь на 8 ноября начать атаку Кыновского завода. Бой длился более шести часов. Поскольку основные части «белых» двигались в сторону Лысьвы, в Кыновском заводе сил у них было мало, обороняющиеся бросили в бой комендантскую роту, 2 роты связи и 2 офицерские роты. Офицеры сражались отчаянно, и все погибли в этом бою. Был уничтожен штаб 2-го Барабинского полка, убит начальник штаба 1-й дивизии 1-го Средне-Уральского армейского корпуса полковник Гольдемит, взято в плен более 300 солдат, захвачены оружие и продовольствие.

В неизданной рукописи книги «История Лысьвенского завода», написанной советским еврейским писателем С. Д. Персовым еще в 1937 году, приводятся воспоминания лысьвенского красноармейца И. Беляева: «Было это под Кыном. Станция еще находилась в наших руках, а завод был уже занят белыми. Завод и поселок расположены в долине, кругом высокие горы. С внешним миром завод связан лишь двумя дорогами. В одном направлении – Уткинский завод, в другом – через двенадцать километров станция. Станцию занимал отряд – человек восемьдесят рабочих под командованием лысьвенца Катина. Ваня Катин закрыл оба выхода и из пулеметов, из бомбомета и единственной пушки стал сверху крыть по белым. В поселке и на заводе началась паника....Кинулись в одну сторону, в другую – выхода нет. Кое-кто двинулся вверх, в горы, но наши стреляли сверху, перестреляли их поодиночке. Неприятель не выдержал и поднял белый флаг. В плен попали: пехотная часть, две сотни кавалеристов, офицеры, обоз, штаб во главе со старым генералом. Наши их разоружили. Офицеров и генерала отправили на станцию Кормовище, в штаб бригады». Насколько верны эти воспоминания, неизвестно. В декабре 1918 года И. Беляев был расстрелян «белыми», а в документах не удалось найти подтверждения о пленении генерала. Эта история с генералом, который от «позора плакал и просил разрешение застрелиться», записана С. Д. Персовым со слов родственников И. Беляева и похожа на авторский вымысел, на легенду, каких немало было создано в советское время.

Наскоро перегруппировав свои силы, 9 ноября «красные» двинулись по тракту в сторону деревень Малый и Большой Кумыш с целью не дать «белым» наращивать темпы наступления на Лысьву. В этот же день «красным» удалось выбить «белых» из Кыновского завода, который каким – то непостижимым образом снова оказался в руках «белых», разгромленных 8 ноября. В боях 9 ноября за Кыновской завод особо отличились 1-й Камышловский и Лесновско - Выборгский полки, а также Нязе - Петровская батарея. На другой день «красные» захватили ст. Кумыш и д. Паленый Лог. «Белые», опасаясь окружения, отошли к ст. Кын, а затем к ст. Унь. 11 ноября после занятия ст. Кын части 1-го Камышловского и 17-го Петроградского стрелковых полков заняли позиции по линии Мякий Кын – Старый Бизь – Песьянка, а обескровленные остатки Лесновско - Выборгского полка – в районе Кыновского завода. В боях наступило небольшое затишье. Стороны готовились к новым сражениям.

Для поддержания боевого духа красноармейцев с 22 по 28 ноября политработники организовали выезд на фронт московских артистов, которые давали концерты прямо на передовой, раздавали подарки от петроградских рабочих, проводили митинги.

В эти дни, а именно 26 ноября, было принято принципиально важное решение для судьбы 1-го Сибирско-Лысьвенского полка – он направлялся на переформирование в Пермь. Из состава полка был выведен батальон Гуйского, ставший отдельным батальоном особого назначения. Его боевое ядро составила 5-ая рота А. Ходжича, 3 ноября назначенного командиром полка вместо отстраненного от должности И. Ермакова. Вероятно, батальон Гуйского предполагалось использовать для каких-то специальных операций, но документальных подтверждений этому не обнаружено. Перед тем, как отправиться в тыл на переформирование, численный состав рот Сибирско-Лысьвенского полка был следующим: 1-я рота – 24 чел., 2-я – 63 чел., 3-я – 76 чел., 4-я – 55 чел., 6-я – 85 чел., 7-я – 0 чел., 8-я – 60 чел., 9-я – 0 чел., команда связи – 31 чел, нестроевая рота – 22 чел. Таким образом, по приказу командира бригады Ж. Зомберга, сменившего 16 ноября В. Рейхарда, который был отозван в распоряжение штаба армии, в общей сложности в Пермь должно было отправиться 498 человек. Недолго пробывший командиром полка А. Ходжич был назначен начальником лысьвенского гарнизона. В Пермь полк повез новый командир - И. Катин. Одновременно с Лысьвенским полком на отдых в Пермь был отправлен 1-й интернациональный полк и все бойцы литовской, польской, эстонской, финской национальностей. Советское правительство предполагало использовать их в борьбе за установление советской власти в Прибалтике. Ушли с лысьвенского направления 1-й Камышловский и 7-й Петроградский ст. полки. Позиции отбывшего Сибирско-Лысьвенского полка занял 58-й Владимирский полк. В то время, когда «белые» наращивали свои силы, в целом лысьвенский участок фронта оказался чрезвычайно ослабленным. Это не замедлило сказаться на результатах военных действий.

В целом соотношение сил «красных» и «белых» к ноябрю 1918 года на Пермском направлении составило 35000 к 42000 человек.

Затишье закончилось утром 29 ноября. Против восьми хорошо укомплектованных полков и двух штурмовых батальонов «белых» командир особой бригады Ж. Зомберг смог выставить всего три полка, уже изрядно потрепанных в предыдущих боях. К северо-востоку от восточного боевого участка «белые» повели наступление по Илимскому тракту и заняли с. Ослянское и Серебрянский завод. Казачьи разъезды появились в районе деревень Грязнуха и Бабенки. На западном боевом участке, перегруппировав силы, «белые» повели наступление сразу по нескольким направлениям. 30-го числа началось наступление со стороны д. Капиданы на ст. Кын и д. Нёк. В результате Кыновской завод оказался практически в окружении. 1 декабря началось наступление со стороны д. Матвеево с целью захвата д. Крутой Лог и ст. Кормовище. Важно было перерезать железнодорожную связь «красных» с Лысьвой и тем самым лишить подпитки свежими подкреплениями, боеприпасами и продовольствием.

В этих боях серьезной помехой для «белых» был бронепоезд № 2. Броневики не только не позволял перерезать железнодорожное сообщение, но и отвлекал на себя большое количество живой силы противника. В этих боях ни один из двух бронепоездов «белых» не мог противостоять броневикам «красных», потому что был взорван железнодорожный мост через реку Кын. 1 декабря под ст. Кумыш в очередной раз были окружены две роты Лесновско-Выборгского полка. Бронепоезд помог окруженным лесновцам прорваться, но сам оказался в ловушке. «Белые» использовали уже неоднократно применяемый прием: вытащили из деревянных шпал железные костыли, чего не могли заметить машинисты, и в результате многотонная машина сошла с рельсов. Шквальный ружейно-пулеметный огонь «белых» не позволял команде бронепоезда отремонтировать железнодорожный путь. Бой, начавшийся 1 декабря около 11 часов утра, продолжался весь день до темноты.

Израсходовав боезапас и потеряв часть команды, в том числе помощника командира И. Шерстобитова¹, команда приняла решение взорвать один броневой вагон. Оставшиеся в живых члены экипажа вели бой из второго вагона. Как отмечалось в приказе по войскам 3-й армии Восточного фронта за № 503 от 7 декабря 1918 года: «...около 15 часов 2 декабря в указанном месте все еще была слышна пулеметная стрельба...Не рассчитывая на помощь, оставшиеся в живых бойцы бронепоезда взорвали второй вагон и паровоз и под покровом ночи лесом ушли в Лысьву». Гибель бронепоезда № 2 до предела обострила оперативную обстановку на Лысьвенском направлении. В боях за ст. Кын оборона «красных» была разрушена. 58-й Владимирский полк понес большие потери и был разорван на две части. Одна из них, вместе с остатками Лесновско - Выборгского полка, отошла к Кыновскому заводу, другая, вместе с отдельным батальоном особого назначения под командованием Гуйского, – к Лысьве. Три роты Владимирского полка, попав в окружение, сдались в плен без боя.

Утром 2 декабря начались последние ожесточенные бои за Кыновской завод. Уже в первой атаке «белым» удалось захватить все орудия Нязе-Петровской батареи, но яростная контратака «красных» позволила отбить орудия. Бой продолжался целый день. 3 декабря в 2 часа ночи остатки Лесновско-Выборгского, 58-го Владимирского и других «красных» частей начали отходить к д. Чизма. Голодные, измученные красноармейцы шли по глубоким логом, заваленным снегом, по непроходимой тайге при 35 градусном морозе. Бросили артиллерийские орудия, намертво завязшие в болоте. В д. Чизма к отступающим присоединились две роты, выходившие из окружения от д. Крутой Лог. Их вывел лесными тропами крестьянин Л. Вожаков из д. Большой Кумыш. Из Чизмы «красные» части ушли в Кусье-Александровский завод. Страшный путь от Кыновского завода до Кусье-Александровска был усеян брошенными орудиями, винтовками, телами обессиленных от ран, голода и усталости людей. Некоторых из них удалось спасти: из Кусье-Александровска в сторону Кыновского завода были посланы подводы.

3-4 декабря 1918 года штаб 3-й Особой бригады окончательно потерял управление войсками на Лысьвенском направлении фронта. Бригада, окруженная со всех сторон, была разгромлена. 4 декабря остатки Лесновско-Выборгского полка покинули Коноваловский завод и отошли к д. Чизма, а потом к д. Усть-Койва, где и заняли оборону. Однако в Усть-Койве остатки полка простояли недолго. Постепенно обескровленные и измученные роты перешли в Кусье-Александровский завод. Для них наступил долгожданный отдых. В этот же день 4 декабря остатки 58-го Владимирского полка вошли в Кусье-Александровский завод. Другая часть 58-го полка вместе с особым батальоном Гуйского пыталась организовать оборону в 19 верстах от Лысьвы предположительно в районе туннеля. Подготовленная линия обороны вдоль реки Лысьвы и Большая Запорная с готовыми окопами никак не использовалась.

Упорно прорывался в сторону Лысьвы 6-й Мариинский полк «белых». 6 декабря крестьянин Н. Брызгин по лесным дорогам вывел солдат со ст. Кын через д. Мягкий Кын в д. Северная. После короткой перестрелки квартировавшие в деревне красноармейцы разбежались по лесу. Несколько человек «белым» удалось поймать и плетками согнать к штабу. Для устрашения жителей трое пленных и председатель крутоложского совета Г. Меньшиков были расстреляны. Простояв в деревне сутки, полк продолжил движение к Лысьве.

Остается не понятным, с какой целью батальон Гуйского получил эпитеты «отдельный» и «особый». В документах не удалось найти даже имени – отчества этого командира. С большой натяжкой можно предположить, что особый батальон получил задание любыми способами задержать «белых» у туннеля, может быть, даже взорвать

¹ Командир бронепоезда И. Деменев в этот день находился в Лысьве.

его и тем самым надолго вывести из строя Западно-Уральскую железную дорогу. Это предположение имеет право на существование, поскольку обсуждали же лысьвенские большевики вариант взрыва плотины и затопления металлургического и механического заводов с тем, чтобы они не достались «белым». Есть сведения, что на запасных путях в Кыну у «красных» стоял вагон с динамитом. Можно предположить, что он как раз предназначался для взрыва туннеля.

Различные источники указывают, что Лысьвенский завод «красные» оставили после непродолжительного боя. Однако нет ни одного документального подтверждения ни о бое, ни точного указания места, где он проходил. В 1966 году журналист А. И. Белоусов в брошюре «Крепкие корни» рассказал о бое, который состоялся к югу от устья реки Сосновки на суходольном покосе примерно в километре от деревни Каменный Лог. При этом он ссылаясь на воспоминания жительниц д. Каменный Лог А. П. Алешиной и А. Рыжковой, которые принимали участие в похоронах убитых красноармейцев. С их слов Белоусов пишет, что «здесь было похоронено больше ста погибших бойцов». Этот ли бой за Лысьву был последним? И почему о бое, в котором погибло так много людей и который продолжался неделю, в Лысьве ничего не знали до 1966 года? Не появилась новая информация и после 1966 года. Ни в брошюре, ни в воспоминаниях А. П. Алешиной нет точной привязки ко дню и месяцу боя, тем более что воспоминаний самой Алешиной нет. В муниципальном музее имеются чьи-то записи без подписи, сделанные, предположительно, со слов Алешиной. Доподлинно известно, что к югу от города до 9 декабря 1918 года дальше туннеля и то на бронепоезде «белые» к Лысьве не подходили. На северо-востоке от Лысьвы казачий разъезд «белых» только появлялся в районе деревни Первая Обманка. Почти из слова в слово повторяет рассказ А. И. Белоусова известный лысьвенский краевед А. А. Карякин в своей книге «Лысьва», изданной в 1997 году.

Место боя, о котором писали А. И. Белоусов и А. А. Карякин, называется «22 липы». Это старинный суходольный покос, расположенный на крутых склонах, обращенных в сторону рек Лысьва и Сосновка. Площадь его примерно 300 метров с севера на юг и 70 метров с востока на запад. По окружности покоса растет лес. Нет следов окопов и траншей. Вокруг этого места тоже бытует легенда, имеющая два варианта. По первому из них, А. П. Алешина посадила липку на могилу мужа и его товарищей. По второму варианту, липовое семечко посадила женщина, потому что в могиле покоился ее 22-х-летний сын, и семечко проросло двадцатью двумя стволами. Однако даже беглого взгляда достаточно, чтобы увидеть, что и на самом покосе, и в лесу во множестве растут такие же по возрасту многоствольные липы. На поверхности покоса прослеживаются 4-5 холмиков, которые можно принять за могилы. А. А. Карякин, ссылаясь на Алешину, писал: «В самой верхней могиле (?) похоронен 31 человек, в том числе М. Алешин, В. Рогачев, Л. Д. Селиванов, А. Наугольных и другие». Но могилы ли это? И был ли здесь вообще бой? У одного из холмиков стараниями А. А. Карякина установлен памятник.

Безымянных могил времен гражданской войны вокруг бывших и здравствующих деревень Лысьвенского района много. Некоторые из них еще можно найти, другие, особенно те, что наспех вырыты в лесу, потеряны безвозвратно. Жительница бывшей деревни Зелёная Е. О. Сергеева вспоминала: «Интерес представлял Армайкин хутор, где жил татарин Армай. Почему его изгнали сородичи из Аитково, остается только гадать... Около его хутора находилась воинская братская могила 1919 года, в которой схоронили убитых красноармейцев под Пермь-Серьгой. Вторая большая могила была в Воинском Логу по дороге Канабеки – Аитково. Буйно рос шиповник на этих могилах. Кто там похоронен, не известно...». Павших в боях с обеих сторон были тысячи. Часть могил, в которых захоронены «красные», более или менее сохранились с советских времен, в каких могилах и где хоронились «белые» - то неведомо...

...Утром 9 декабря Лесновско-Выборгский полк получил приказ срочно передислоцироваться в Лысьву с целью оказания помощи остаткам 58-го Владимирского полка и батальону Гуйского. Поздно вечером 9 декабря полк зашел в

Лысьву со стороны Кусьинского тракта, а в это время с противоположной стороны, от Кунгурского тракта и Липовой горы, в город входили «белые». Не сделав ни одного выстрела, Лесновско-Выборгский полк отошел к ст. Калино. *(По свидетельству местных жителей кто – то все же стрелял, но кто – неизвестно – Н.П.)*. Прежде, чем занять позиции на ст. Селянка, отдельные отряды полка вступали в короткие бои в районе ст. Калино, деревень Новиковка, Мехряково, у железнодорожных разъезда 102-я и 103-я верста.

Фактически Лысьвенское направление Восточного фронта уже перестало существовать, а штаб 3-й армии продолжал предпринимать действия, направленные на стабилизацию положения. При этом общее руководство войсками практически отсутствовало, связи между частями не было, реального положения дел на фронте никто не знал. Попытки «красных» наладить оборону на Чусовском направлении и остановить продвижение «белых» ни к чему не привели.

Неопределенность, царящая на фронте, непонимание, кто наступает, а кто отступает, где «белые», а где «красные», сохранились в исторической памяти лысьвенцев. Ветеран Великой Отечественной войны В. Д. Волков провел по этому поводу небольшое расследование и писал в своих воспоминаниях:

«Наша деревня Волково, основанная дедом и его братом, носила их фамилию. Кроме них жил здесь Василий Волков и его сын Федор, который после смерти своего отца стал хозяином дома. Федор воевал в Первой империалистической войне... В конце гражданской войны Федор был расстрелян в Перми. Ходят две версии его гибели.

По первой, сообщенной мне Иваном Леонтьевичем Михеевым, погиб он героически. В своем письме ко мне он называет Федора «лысьвенским Сусаниным». По его рассказу, дело происходило так. Один из отступавших отрядов белых взял Федора проводником, и он завел отряд по дороге за деревню Еверзики. Дорога была очень плохой и закончилась перед глубоким непроходимым логом. Здесь белые его и расстреляли.

Вторая версия, рассказанная Федором Егоровичем Черепановым, племянником жены Федора Васильевича, противоположна первой. При отступлении красных из Лысьвы отряд, шедший по дороге на Еверзики в сторону Обманки, оказался перед разобранным мостом через небольшую речушку. Переправа затянулась, в результате чего отряд догнали белые и часть красноармейцев уничтожили, часть разогнали по лесу. По доносу крестьянина из деревни Еверзики, которого звали «Сутяга», мост якобы разобрал Федор Волков. После взятия Лысьвы в 1919 году Федора и «Сутягу» красные арестовали и отправили в Пермь. Федора расстреляли, а «Сутяга», свалив вину на Федора, вернулся домой.

Мне не понятно, как Ф. В. Волков, живший в противоположной стороне, мог в такое смутное время попасть в Еверзики...

В условиях все усиливающейся неразберихи по Гороблагодатскому тракту со стороны Кунгура в район боевых действий на Лысьвенском направлении фронта был выдвинут двухбатальонный 1-й Кронштадский морской полк. Он состоял из 500 матросов, списанных с кораблей Балтийского флота, и 1500 человек мобилизованных. Командиром полка был бывший подполковник царской армии Татаринов, комиссаром С. Киселев. Полк шел без разведки, без боевого охранения, подолгу останавливаясь в деревнях, поскольку обмундирование матросов никак не соответствовало крепким уральским морозам. Очень слабой в полку была дисциплина. В ночь на 13 декабря полк остановился на отдых. В деревнях Верхние и Нижние Исады встал 1-й батальон, в деревнях Сая (Кузнецовский завод) и Березовая Гора – 2-й батальон. Вероятно, часовых на местах не оказалось, потому что «белые» в количестве трех полков и одного штурмового батальона вплотную подошли к деревням и по сигналу начали уничтожать матросов. По документальным свидетельствам местных жителей ночью матросов убивали в основном штыками, днем многие взятые в плен были расстреляны. Пробриться к своим удалось 372 матросам из 1-го батальона, которым

командовал бывший подполковник Кокоулин. Спасся и командир полка Татаринов. 2-й батальон полка был полностью уничтожен.

В эту же ночь 13 декабря передовые части «белых» захватили ст. Калино. Находившиеся здесь 4-й Уральский и 21-й Мусульманский ст. полки поспешно отошли в сторону Кизела, а Лесновско-Выборгский ст. полк, точнее его остатки, отошел к ст. Селянка.

1-й Сибирско-Лысьвенский полк переформировывался в Перми около двух недель. О том, как проходило переформирование полка, документов обнаружить не удалось. Из отрывочных воспоминаний очевидцев можно сделать вывод, что переформирование проходило в условиях полной неразберихи. Не известны ни фамилии командиров, ни количество рот, ни численность личного состава. Снова сошлемся на С. Д. Персова, который пишет о том, что командир полка И. Катин, квартируя на частной квартире, даже не знал, что в Пермь вошли «белые». Ему пришлось самостоятельно выбираться из города, пристав к брошенной командирами части «красных». Этот факт не отрицают рецензенты книги, известные лысьвенские большевики С. В. Борисов - Даниленко, Е. Я. Глевицкая, П. И. Студитов-Парфенов, С. Я. Подойницын, П. В. Баташев, М. А. Шабурова.

Не известно, по какой причине командир полка И. Катин остался в Перми, но 15-16 декабря 1918 года недоукомплектованный полк срочно выдвинулся на передовую. Поспешность переброски полка на фронт была вызвана тем, что 13 декабря командир 1-й бригады 29-й ст. дивизии Ф. Акулов, собрав разрозненные кавалерийские части «красных», нанес со стороны деревни Вереино неожиданно сильный удар по «белым» на ст. Селянка. Стараясь развить неожиданный успех, советское командование бросило к Селянке все имеющиеся у него резервы, в том числе и 1-й Сибирско-Лысьвенский полк.

В своей автобиографии бывший командир 3-й роты К. Азин писал, что «из тюрем (в Перми – Н. П.) выпускали всех негодных дезертиров и дали нам в полк». По воспоминаниям бойца Лысьвенского полка В. И. Бушмелева, командирами в полк были назначены бывшие царские офицеры. Боевой дух красноармейцев был крайне низок. Некоторые из них призывали: «Обезоружить свой комсостав». На ст. Валежная, куда 22 декабря все же прибыла часть полка, командирам не удалось развернуть роты в цепь и поднять их в атаку. Мало того, красноармейцы начали разбегаться. В строю остались только те, кто сознательно воевал против «белых». Таковых было немного. Все они были окружены «белыми» и без боя взяты в плен. Их погрузили в те же вагоны, в каких они ехали из Перми, и отправили в Ирбитскую тюрьму. Здесь бывших красноармейцев рассортировали: коммунистов и сочувствующих им расстреляли, остальных заключили в тюрьму. Весной 1919 года «белые» использовали оставшихся в живых красноармейцев на ремонтных работах железнодорожного полотна на перегоне Троицк – Орск.

К «красным» из-под ст. Валежная вышла небольшая группа во главе с К. Азиным. 24 декабря группа прошла лесами до Мотовилихинского завода, но и в заводе, и в Перми уже были «белые». Перейдя на другой берег Камы, группа Азина вышла на соединение с «красными».

Такова история 1-го Лысьвенского рабочего полка и боев на Лысьвенском направлении Восточного фронта с середины июля по 24 декабря 1918 года.

Вместо послесловия

До сегодняшнего дня сохранилась оборонительная линия, вытянутая по фронту примерно на 5 километров от устья реки Сосновки, правого притока реки Лысьвы, вдоль реки Лысьвы до устья реки Большая Запорная, левого притока реки Лысьвы, в направлении «восток – запад». По замыслу «красного» командования она должна была если не предотвратить падение Лысьвенского завода, то, во всяком случае, надолго задержать «белых» на подступах к нему. При строительстве траншей

максимально использовались защитные свойства местности: крутой склон правого берега реки Лысьвы и Сосновки, такой же крутой левый берег Большой Запорной и сами реки. Это были полнопрофильные окопы, позволявшие вести стрельбу стоя. В настоящее время глубина траншей колеблется от 60 до 110 см, ширина внизу - 100 см, сверху – 200 см. Траншеи имели форму изломанной под углом 90 градусов линии. Наиболее хорошо сохранилась 83 – метровая траншея в устье реки Сосновки и вторая, ниже ее метров на 250 по течению реки Лысьвы. Её длина по фронту составляла 70,7 метра. Примерно посередине разрыва между траншеями было обустроено пулеметное гнездо 3 на 3 метра и глубиной 1,3 метра.

От туннеля по правому высокому берегу вниз по течению реки Лысьвы шла тропа, которая выходила к устью реки Сосновки, пересекала ее и поднималась на лесную грань. По ней можно было выйти к Лысьве или на дорогу, соединяющую Лысьву и Кормовище. Не исключено, что эта тропа являлась старинной дорогой, по которой в XVIII веке возили на лошадях дрова от реки Татарки в завод. В XIX – XX веках дрова сплавляли по реке Лысьве молею и тропу использовали для передвижения сплавные артели. В 1930-1940-е годы на месте тропы была пробита тракторная дорога из Лысьвы на лесоучастки Колупаиха, Татарка и Невидимка. Тропа могла быть использована «белыми» для передвижения, поэтому и была перерезана траншеей.

Третья траншея была самой длинной. Вероятно, именно здесь, по предположениям «красных», «белые» могли нанести основной удар. Эта траншея расположена ниже по течению реки на расстоянии примерно 250 метров от второй траншеи. Её сегодняшнее состояние таково. Первый отрезок длиной 99 метров упирается западным концом в карьер, вырытый при строительстве моста через реку Лысьву в 1970-е годы. В 1918 году траншея была перерезана старинной дорогой Лысьва-Кормовище. Эта дорога обозначена на Плате Пермского горнозаводского имения графа Петра Павловича Шувалова Пермской губернии и уезда за 1889 год.

Миновав дорогу, траншея продолжается и имеет протяженность 150 метров вдоль южной границы коллективного сада № 16. Затем она уходит на территорию сада, где от нее не осталось следов, и снова выходит на высокий берег реки Лысьвы, по которому идет на протяжении 99 метров до каменоломен 1930-1950-х годов. В эти годы при добыче бутового камня часть траншеи была разрушена. Свое продолжение в 44 метра она имеет справа от тропки, ведущей к висячему мосту через реку Лысьву в деревню Каменный Лог. Затем на 24 метра она заходит на территорию сада и теряется там, после чего снова выходит на берег Лысьвы, по которой проходит 48 метров до неглубокого распадка и западной границы сада № 16.

Новый отрезок траншеи начинается с правого склона распадка и идет вдоль реки Лысьвы на протяжении 120 метров по южной границе сада № 5. Здесь траншея прерывается новым распадком и находит свое продолжение на его правом склоне на протяжении 159 метров. Последние 60 метров траншеи вырыты небрежно. Эта ее часть напоминает не изломанную, а извилистую линию. У последнего 159 - метрового отрезка имеется боковое ответвление. Оно вырыто через 69 метров от второго распадка под углом в 90 градусов к основной траншее в направлении на север и имеет длину более 70 метров. Не исключено, что эта траншея вторично пересекала дорогу Лысьва-Кормовище и являлась второй линией обороны на случай, если «белые» успешно форсируют реку Лысьву и прорвут первую линию обороны. Восточный конец этой траншеи упирается в автобусную остановку сада № 13. Дальше ее продолжение проследить не удалось.

Напротив бокового ответвления на противоположной стороне реки Лысьвы ниже деревни Каменный Лог имеется еще одна траншея, вырытая в непосредственной близости от полотна железной дороги. Замеры этой траншеи и траншеи вдоль левого берега реки Большая Запорная не проводились. Проводимые замеры имеют определенную погрешность, поскольку осуществлялись в труднопроходимом

захлапленном и замусоренном мелкоколесье. Состояние всех сохранившихся траншей удовлетворительное.

Освобожденные от лесного и бытового мусора садоводов, траншеи как материальные следы гражданской войны могли бы стать интересным объектом туристических экскурсий.

2010 г.

Использованные материалы и литература

1. 1917 год на Урале : сб. статей / под ред. Ф. С. Горового. – Пермь : Кн. изд-во, 1957. – 250 с.
2. Андреев К. Н. Разгром белогвардейцев и интервентов на Урале : к 50-летию освобождения города Перми и Пермской губернии от колчаковщины / К. Н. Андреев. – Пермь : [б.и.], 1969. – 16 с.
3. Белоусов А. И. Крепкие корни. / А. И. Белоусов. – Пермь : Кн. изд-во, 1966. – 58 с.
4. В боях и походах : воспоминания участников гражданской войны на Урале.- Свердловск : Кн. изд-во, 1959. – 594 с.
5. Васильковский О. А. Гражданская война и интервенция на Урале / О. А. Васильковский [и др.]. - Свердловск : Сред.-Уральск. кн. изд-во, 1969. – 391 с.
6. Волков В. Д. Биография Волковых. Рукопись. Городской архив.1995
7. Гражданская война в Прикамье. Май 1918 – январь 1920 гг. Пермь, 2008.
8. Дайбо М. И. Уральский Кронштадт / М. И. Дайбо. – Свердловск : Сред.-Уральск. кн. изд-во, 1983. – 208 с.
9. История Урала. В 2 т. Т 2. Период социализма. - 2-е изд. – Пермь : Кн. изд-во, 1977. – 543 с.
10. Календарь-справочник Пермской области на 1968 год. – Пермь : Кн. изд-во, 1967. – 260 с.
11. Капцугович И. С. Прикамье в огне гражданской войны / И. С. Капцугович. – Пермь : Кн. изд-во, 1969. – 130 с.
12. Карякин А. А. Лысьва : путеводитель по памятным местам города и района / А. А. Карякин. – Лысьва : [б.и.], 1997. – с. 128 с.
13. Коновалов И. Ф. Командир бронепоезда Иван Деменев / И. Ф. Коновалов, Н. П. Титов. – Пермь : Кн. изд-во, 1960. – 27 с.
14. Материалы лысьвенского краеведческого музея.
15. Окунев А. И. Село Новорождественское. Век XX : рукопись. Личный архив. 1997.
16. Отчий край : краеведческий сборник. – Пермь : Кн. изд-во, 1987. – 221 с.
17. Персов С. Д. История Лысьвенского завода : рукопись / С. Д. Персов. - Лысьвенский краеведческий музей, 1937.
18. Под красным знаменем : сб. воспоминаний. – Пермь : Кн. изд-во, 1957. – 359 с.
19. Революционеры Прикамья : 150 биографий деятелей революционного движения, работающих в Прикамье / сост. Н. А. Аликина, И. Г. Горовая. – Пермь : Кн. изд-во, 1966. – 823 с.
20. Розенберг Н. Л. Строительство Красной Армии в Пермской губернии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. - Пермь, 1967. – 64 с.
21. Спасский А. А. Третья армия / А. А. Спасский. – Пермь : Кн. изд-во, 1958. – 152 с.
22. Торопов С. А. Дорогами народной славы : путеводитель / С. А. Торопов. – Пермь : Кн. изд-во, 1987. – 189 с.
23. Упрочение советской власти в Пермской губернии : документы и материалы / под. ред. А. М. Горового. – Пермь : Кн. изд-во, 1966. – 431 с.

Красногвардеец
Я. И. Дылдин,
1917 г.

Красногвардеец
Г. И. Коровин с оружием,
изъятым у полицейского,
1917 г.

Формирование батальона связи в Перми под командованием К. Азина, 1918 г.

Командир бронепоезда № 2 и № 3
Иван Деменев

1-я рота 1-го Лысьвенского рабочего полка,
1918 г.

Красноармейцы 2-й роты 1-го Лысьвенского полка
Слева направо В. Кильдибеков,
сидит неизвестный, И. Сергеев.

Духовой оркестр 2-й роты, 1918 г.

Командир 2-й роты
1-го Лысьвенского рабочего полка И. Е. Катин

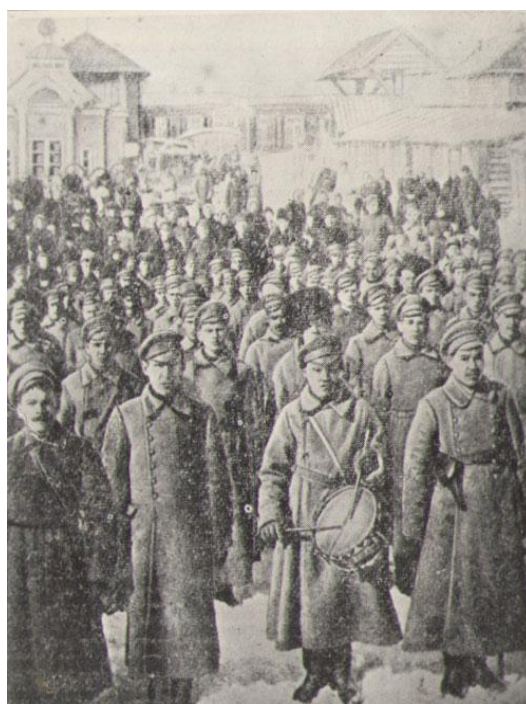

*Добровольческая Бисерская рота перед отправкой на фронт.
Станция Лысьва, 1918 г.*

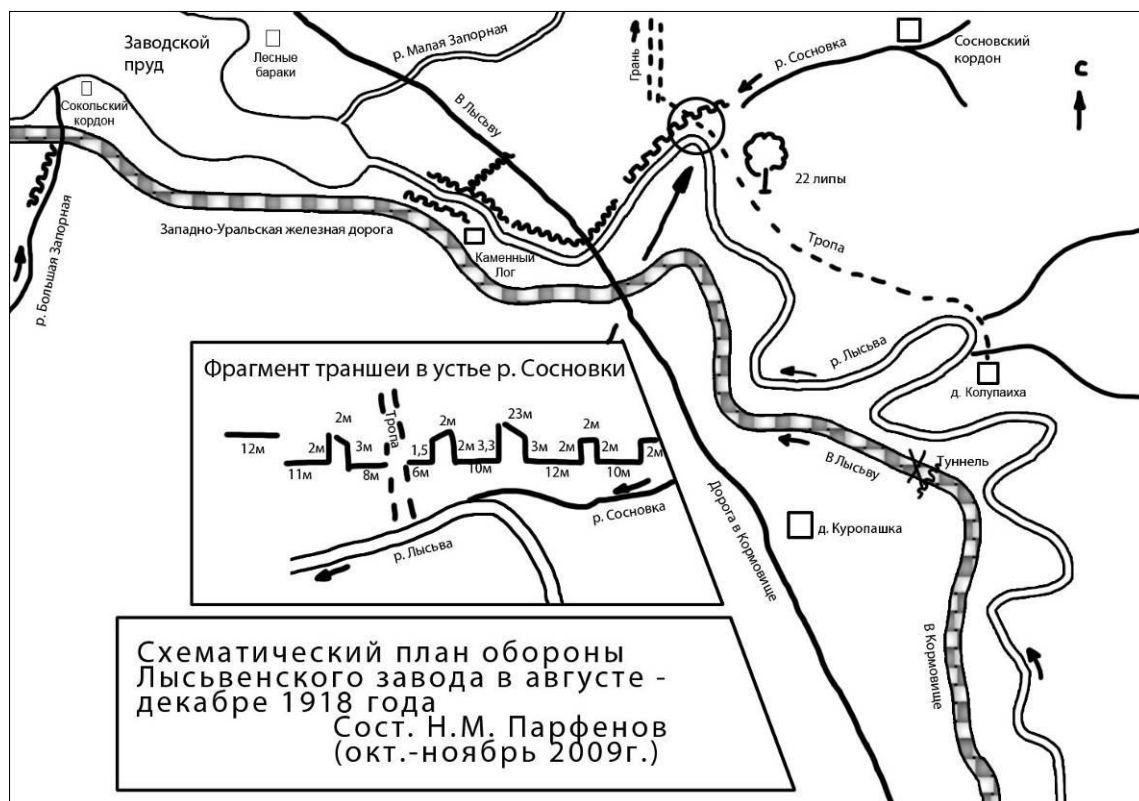
*Здание штаба 2-й роты
1-го Лысьвенского полка.
с. Чусовское. фото 1959 г.*

*1-я Добровольческая рота
перед отправкой на фронт.
Станция Лысьва, 1918 г.*

*Командир 1-го Лысьвенского рабочего полка
И. П. Ермаков,
Август, 1918 г.*

Красноармеец роты связи
1-го Лысьвенского полка
П. В. Скорняков

Командир взвода
И. В. Замедлин

*Доброволец
1-й Лысьвенской роты
А. З. Колчанов*

*Добровольцы
1-й Лысьвенской роты
Л. Демаков и И. Казаков*

*Красноармеец
бисерской роты
1-го Лысьвенского
рабочего полка
А. П. Горбунов*

*Комиссар
1-го Лысьвенского
рабочего полка
А. П. Рожков*

*Митинг пополнения перед
отправкой на фронт,
ст. Лысьва, октябрь 1918 г.*

Анастасия Дергачева

Сергей Гринкевич

Гражданская война в устных свидетельствах и воспоминаниях жителей села Кын-завод¹

Из воспоминаний Зои Ивановны Гуляевой, племянницы Татьяны Ивановны Старковой (1901–1986 гг.)

В 16 лет Татьяна Ивановна ушла сестрой милосердия в Красную Армию и воевала в отряде венгров - «интернационалистов» под командованием Бела Куна. Прошла всю гражданскую войну, имеет награды. Из-за ранения Татьяна Ивановна так и не вышла замуж. Вместе с русскими в отряде Бела Куна воевали венгры, австрийцы и даже китайцы. Татьяна Ивановна так описывала ст. Кын:

«В то время она представляла собой железнодорожное полотно с вокзалом. На верхней стороне железной дороги стояло несколько жилых домов казарменного типа, так называемые «жёлтые дома». После того, когда белые в очередной раз захватили станцию, они жестоко расправились с отрядом «интернационалистов». Их расстреляли. Колючая проволока, которой был обнесен пакгауз (склад на станции), была в крови. Трупы сбрасывали прямо в болотистую местность, заросшую кустарником, рядом с железнодорожным полотном. На месте современного поселка стоял хвойный лес.

Только тогда, когда красноармейцы захватили ст. Кын, они смогли похоронить тела погибших. Таким образом, памятник у дороги - братская могила, в которой похоронено около 70 казнённых «интернационалистов».

Из воспоминаний Владимира Васильевича Рачева (1900-1933 гг.) и Александры Федоровны Рачевой (1902-1973 гг.)

Владимир Рачев был ещё молодым парнем, когда началась гражданская война. Ежедневно общаясь с разными людьми, он слышал о событиях, происходящих в стране. Сердце подсказывало, что его место с большевиками. Когда у красных в Кыну сложилась сложная обстановка, он вызвался идти с донесением в Серебрянку. Чтобы попасть туда, требовалось пройти немало километров горными тропами, перерезанными белогвардейцами. Как ни остерегался связист - разведчик, белогвардейцы схватили его. Допрашивали Владимира в деревне Бабенки. Допрос вел колчаковский поручик. Он расспрашивал пленного, с какой целью тот шел в Серебрянку, о численности и вооружении отряда, о кыновлянах, сочувствующих большевикам. Парень упорно молчал. Разъяренный его упорством, офицер приказал солдатам колоть разведчика штыками. Шестнадцать штыковых ран нанесли палачи юноше. Но и после этой пытки Рачев не выдал тайны о силах кыновского красноармейского отряда, не назвал имена тех, чьи симпатии были на стороне красных.

¹ Учитель Кыновской школы № 65 С. А. Гринкевич собрал обширный краеведческий материал, посвященный своей малой родине. Совместно с ученицей А. Дергачевой он провел исследование на тему «Кровавый калейдоскоп гражданской войны (Гражданская война на ст. Кын, в селе Завод Кын и его окрестностях)». С точки зрения авторов, в историографии о гражданской войне имеются неточности, поскольку историю этой войны писали победители. Авторы считают, что методы борьбы «белых» и «красных» были сходны. Этот тезис они подтверждают данной статьей. – Ред.

- На такого и пули жалко,- закричал взбешенный офицер и приказал прикончить пленного.

Учинив зверскую расправу, белые ушли.

Но семнадцатый удар штыком, к счастью, оказался не смертельным. Очнулся Владимир, когда вокруг него уже никого не было. Собрав остатки сил, он пополз в Кын, оставляя на земле кровавый след. По дороге встретился Владимиру хороший человек - сельский фельдшер Яков Федорович Дылдин. Положив юношу на телегу со снопами, он привез его в родительский дом, где раненого сына родители спрятали в погребе. Рана в правом боку так и не зажила. В 33 года Рачев умер, оставив жену вдовой и 6-х детей сиротами.

Родной брат Владимира Василий в это время служил у белых, так в одной семье братья оказались врагами.

Среди жителей были люди, помогавшие красным. Однажды белогвардейцы согнали на площадь весь народ и велели выдать женщину Екатерину Афанасьевну Петрову, которая прятала раненых красноармейцев. Но люди молчали, и тогда белые приказали расстреливать каждого 5 человека. Мать Александры Федоровны оказалась, к счастью, третьей, бабушка - четвертой.

Из воспоминаний Ираиды Алексеевны Паршаковой, дочери Дылдиных Алексея Григорьевича (1899-1963 гг.) и Людмилы Дмитриевны (1897–1971 гг.)

Семья Дылдиных имела добротный обустроенный дом с несколькими комнатами. В нем останавливались на постой то белые, то красные, т. к. село Кын переходило из рук в руки 7 раз. Алексея Григорьевича по ложному обвинению белые повели на расстрел, и только благодаря вмешательству одного из офицеров, квартировавших в доме, смертная казнь была отменена.

На вопрос о том, как население относилось к белым и красным, И. А. Паршакова, ссылаясь на слова матери, рассказывала: «Простые жители села совсем не разбирались в происходящих событиях, их охватывал страх при любых военных действиях как белых, так и красных. Расстрел мирного населения производили только белые. Однажды они открыли огонь на поражение в выбежавших из школы учеников, но, к счастью, никто не пострадал, а из-за стрельбы без приказа командира несколько рядовых чинов были наказаны».

Из воспоминаний Маргариты Александровны Новиковой

«Мой свекор Алексей Иванович Новиков (1895-1966 гг.), житель деревни Грязнуха, рассказывал о расстреле молодого красивого белого офицера красноармейцами на лесной дороге в месте, называемом жителями деревни «Елашка». После ухода красных жители не посмели даже насыпать холмик на месте гибели белогвардейца. Почти все жалели, что он погиб таким молодым...Алексей Иванович помнил также о гибели трех моряков, повешенных белогвардейцами у пакгауза на станции Кын».

Из рассказов Елены Ивановны Тяпугиной

«Моя мама, будучи совсем юной девочкой, в годы гражданской войны жила в деревне Ледянка, что в семи километрах от ст. Кын Лысьвенского района Пермского края. За укрывание красноармейцев белые выстроили все немногочисленное население этой деревни на расстрел. Родители, надеясь, что их дочь пощадят, в последний момент отдали ей все свои сбережения, завернутые в платочек. К счастью вовремя подоспел конный отряд красноармейцев, и мирное население Ледянки было спасено...Все очевидцы событий отмечают, что отряды красноармейцев были хуже вооружены и одеты по сравнению с белогвардейцами. Имели место случаи, когда

красным приходилось забирать у населения продукты питания и лошадей, так как с наступлением осени положение Красной Армии ухудшалось с каждым днем».

Из воспоминаний Игоря Леонидовича Югова

«В гражданскую войну моей бабке было 15 лет, она 1903 года рождения. Она так говорила: «Не верь, когда белых ругают. Белые, если что у крестьян брали, то всегда платили». Когда белые стояли в Кыну в 1918 году, моя бабка жила на Долгом Лугу. Заболели у нее зубы, пошла к врачу. На окраине Кына – белая застава. Пропустили ее. Врач, офицер в погонах, зуб ей вылечил, а на следующий день – и второй...

А когда пришли красные, то пленных белых офицеров расстреляли на Мерзлой горе. Отвели их к полевой меже, что по дороге в Кошкину, и там расстреляли, там и зарыли. Было офицеров четверо.

А в деревне Деменево местный мужик навел ночью белых на красных солдат. Они ночевали в овине. Белые ночью пробрались и штыками покололи красных.

У жены моей, Татьяны Александровны, дед в мировую войну воевал, вернулся с крестами на груди. Когда началась гражданская война, он не пошел ни к белым, ни к красным, в лес ушел, там всю войну и прятался, жил охотой».

Из воспоминаний Тамары Ивановны Клячиной (Лежневой)

«Фамилия наша Лёжневы, по преданию, французского происхождения. Был такой пленный француз ле Жен. Он попал в Россию во время какой-то войны, женился на нашей девушке, отсюда и пошли Лежневы.

В революцию и гражданскую войну мой дед был за красных. Работал он в то время на Лысьвенском заводе. Отправили его большевики в Кын создавать большевистскую ячейку – в Кыну ведь много было рабочих с бывшего Строгановского завода. Летом 1918 года пришли колчаковцы, и дед ушел в лес, но по ночам иногда в дом наведывался. На Долгом Лугу жил кержак Авдейка Арапов, хозяйство у него было большое, богатое. Он, говорят, и донес на деда. Тут его и арестовали, увезли на станцию Кын и расстреляли у железнодорожного полотна, где сейчас памятник. Там не только венгров расстреляли, но и наших, кто был за красных. Моя бабушка убежала к родне в деревню Зимняк, это в восьми километрах от Кына, там спасалась от белых. Потом, когда колчаковцев прогнали навсегда, она в Кын вернулась, настояла, чтобы имя ее мужа появилось на памятнике, что стоит при въезде в Кын. Имя деда там, а могила его на станции Кын под железнодорожным полотном».

Из воспоминаний Степаниды Лазаревны Елоховой

«Родом я из деревни Ломовки, сейчас ее нет. Место шибко красивое, все вспоминаем, тоскуем по ней. Одно плохо: мерзлое оно, верхнее. Там даже картошка замерзала часто...

В революцию красные повесили отца на станции. Был он знатным охотником и рыбаком. Все лесные тропки знал. Он, конечно, догадывался, что белые или красные могут использовать его в качестве проводника. Потому и убежал к странникам, в скиты, к «накрытым-то». Он леса знал, ведал, где скиты стоят. Уехал к ним на время, а без работы сидеть не будешь. Он бы там лапти плести стал, а котачежок не взял с собой. Домой за котачегом приехал на время коротенькое. Мама рассказывала: «Сидим мы за столом, обедаем, а тут солдаты явились, как потом оказалось, белые: «Веди нас прямой дорогой». А попробуй откажись, расстреляют на месте. Он их провел. Круговой дорогой 27 километров было, а напрямую - 15. Потом красные его встретили и повесили в 1918 году...».

Из воспоминаний Нины Николаевны Желонко

«...Мой дед, Иван Дылдин, а с ним и Шостин, были расстреляны белыми в 1918 году...»

2009 г.

ЕДИНОЛИЧНОЕ ХОЗЯЙСТВОВАНИЕ

Григорий Пермяков

Размышления о крестьянской доле, деревне Топорки и предках

И стали носить фамилию Пермяковы

Шестьдесят пять лет прожили совместно наши родители Александр Евфимович и Анастасия Евграфовна (на фото, 1929 г.). Их жизнь была трудной и одновременно счастливой. В чем могло заключаться счастье людей, родившихся в начале рокового двадцатого века? Только в любви и в семье - многодетной, устойчивой, дружной.

Много бед, обид и лишений пережил папа. Благодаря спокойному характеру, врожденному такту, естественной вере в Бога, уважительному отношению к людям он стойко перенес потрясения, унесшие жизнь многих его ровесников. Время коллективизации, репрессии конца тридцатых годов, голод, непосильный труд в военное лихолетье не ожесточили его. Он оставался спокойным и доброжелательным.

В преклонные годы папа писал воспоминания, в которых есть сведения о появлении наших предков в Лысьвенском районе. Известно, что наши далекие родичи жили в Оханском уезде Пермской губернии. Когда и

откуда они появились на пермской земле? Это мы не знаем, но рассмотрим несколько версий.

Первыми колонизаторами Урала в XI-XII веках были новгородцы. Очень интенсивно началось переселение крестьян на земли Строгановых во времена Ивана Грозного. Это подтверждает историк Валишевский в книге «Иван Грозный». В эпоху Великого Раскола много русских ушло на Урал, в Сибирь. Наши предки были приверженцами старой христианской веры, не принявшими нововведений патриарха Никона. Прошли столетия, а бабушка, родители не жаловали «никониан».

Итак, наши предки со стороны папы обосновались в Оханском уезде Пермской губернии и стали носить фамилию Пермяковы. Занимались хлебопашеством, извозом, умело вели хозяйство и к концу XIX века имели определенные накопления, позволившие купить землю.

На фото: Рудометова Дарья Дмитриевна, прабабушка семьи Пермяковых, 1900 г.

Усадьба в деревне Топорки

Прадед Прохор Тихонович Пермяков с женой Евдокией Кирилловной, двенадцатилетним сыном Евфимием (моим дедом) и дочерью Епистимией в 1898 году приобрели усадьбу в деревне Топорки близ Лысьвенского завода. Земля принадлежала И. Я. Косачеву. Купленный участок в повседневной жизни называли Косачи. Деревня находилась в 15 километрах от Лысьвенского завода и имела около двадцати дворов. Сейчас там заросшие сорняком поля и покосы, поскольку Топорки постигла участь неперспективных деревень.

Дом предков, обшитый тесом в «елочку», с резными наличниками под белой оцинкованной крышей стоял на светлом солнечном угоре. Под горой бил студеный чистейший родник, давший начало безымянной речушке. Очень красиво здесь было весной: кругом свежая зелень, дом утопает в белых кружевах черемух. Нескончаемое пение птичек приносило успокоение и отдохновение от тяжелого крестьянского труда. Дед в молодые годы был стройным, высоким, носил небольшую бородку. Физически сильный, выносливый, но с тихой ангельской душой. Сильно любил землю, хозяйство вел грамотно, читал вестник Пермского сельхозинститута. В земледелии строго соблюдал многопольную систему. В жены он взял Анастасию Ионовну Рудометову из деревни Паинцы.

В марте 1908 года у Евфимия и Анастасии родился сын Александр. Это мой отец - продолжатель династии Пермяковых. Через год появился второй сын Евстафий. Следующий ребенок - дочь Агафия. Было еще двое сыновей - Лука и Симеон, но они умерли в раннем детстве.

Росла семья, разрасталось хозяйство. Исключительное трудолюбие, природная крестьянская сметка позволяли получать достаточное количество продуктов и для семьи, и на продажу. Близость к городу давала возможность реализовать произведенный товар и иметь наличные деньги для приобретения скота, инвентаря и сельскохозяйственных машин. Смотрю на старые фотографии и удивляюсь: добротные выходные вещи носили наши предки! Хотя в повседневной жизни обходились домоткаными одеждами, зимой - шубы, валенки.

Когда дети подросли, их отправили в школу в деревню Мехряково, расположенную в двух километрах от Топорков. Почему-то деревенские школы с пренебрежением называли церковно-приходскими, тогда как знания они давали приличные. За три года учебы дети постигали основы математики, географии, истории. Особое внимание уделялось изучению русского языка и литературы. Папа и дядя Евстафий очень любили читать, дядя в дальнейшем создал домашнюю библиотеку, особенно много книг было по автомобилям. Папа предпочитал религиозные книги, всю жизнь читал газеты.

На фото: Ефим Прохорович Пермяков, жена Анастасия Ионовна и сноха Анастасия Евграфовна, 1930 г.

Крестьянские традиции

Постоянный физический труд на севе, сенокосе, уборке урожая сделал братьев здоровыми, сильными, выносливыми. Крестьянские традиции, сознательная религиозность, домашнее и школьное воспитание создали характеры стойкие, высоконравственные и в то же время не лишенные природного юмора. Они умели работать и отдыхать без вина и курева, чего не скажешь о детях Александра Ефимовича, городских жителях.

В деревнях отмечались религиозные праздники, в каждой был свой престольный, на который съезжались крестьяне из близлежащих деревень к родственникам и друзьям. Особо чтили Рождество Христово, Пасху, Петров день, Николу Вешнего и Зимнего. В праздничные дни готовились вкусные, разнообразные кушанья с изобилием мяса и рыбы. В простые дни на столе крестьянина преобладали овощные блюда, каши и ржаной подовый хлеб. Праздники отмечались по окончании постов и являлись отправной точкой для следующего этапа сельскохозяйственных работ. Сенокос начинали только после Петрова дня (12 июля), жатву - после Ильина дня, в начале августа.

Особенно радостными для молодежи были святки и масленица. В святки девушки гадали, старались узнать свою судьбу. Масленица - общенародный праздник, уходящий корнями во времена язычества. Блины и оладушки с пахучим топленым маслом, сметаной, различными вареньями целую неделю украшали стол. Главная прелесть - катание с гор. Летишь - аж дух захватывает! Вокруг нарядные девушки в ярких кашемировых платках, дубленках. Лица зарумянены морозцем.

Шутки, смех, песни, дружелюбное общение сплачивали людей. Все это хорошо подмечено в картине Ф. Сычкова «Катание с гор», в серии полотен Б. Кустодиева, посвященных Масленице. Ее конец венчало Прощеное Воскресенье. В этот день каждый стремился попросить прощение у близких за нанесенные обиды. После этого начинался Великий пост, длившийся семь недель.

Не случайно назвали Олени

На одном из гуляний в крещенские морозные дни Александру приглянулась красивая девушка из деревни Олени Анастасия Рожкова. Как водилось в те времена, заслали сватов, а потом сыграли свадьбу.

Необходимо остановиться на династии Рожковых, многочисленной и достаточно известной в настоящее время в Лысьве. Мамин дед Иван Михайлович с братом Степаном основали в XIX веке деревню Олени. По рассказам маминих братьев Григория и Василия, деды были сильными, скорыми на ногу, очень энергичными, с зычными голосами. Не зря их прозвали «оленьями», отсюда и пошло название деревни. Они приехали в Лысьвенскую волость откуда-то с золотых приисков – это я слышал от разных людей.

У Ивана Михайловича Рожкова было шестеро сыновей, предпоследний мой дед, мамин отец Евграф Иванович. К тридцатым годам XX века деревня значительно разрослась за счет прямых родственников Ивана и Степана Рожковых. Дед Евграф Иванович и бабушка Александра Филипповна воспитывали шестерых сыновей и дочь Анастасию. Семья была очень трудолюбивая, дружная. Парни статные, как и отец, обладали недюжинной природной силой - истинно русские богатыри. Я помню относительно молодыми дядей Григория, Василия и Степана Евграфовичей. Это были крепкие орешки! Судьба круто обошлась с ними, а Василий дважды был репрессирован. Он сполна отведал «прелести» Гулага.

Бабушка Александра Филипповна родом из деревни Захарово носила в девичестве фамилию Оборина – очень распространенную в Лысьве и на Урале. Обратимся к книге «Судьба по имени Лысьва» (2000 г.): «Основал деревню выходец из кишертского края Захар Оборин. Жил неторопливо, обживался основательно. Выжег Захар делянку за Талым ручьем, поставил избу на краю леса. Вырастил четырех

сыновей. Когда они обзавелись семьями и стали жить своими домами, возникла деревня, названная по имени первопоселенца». Наставником старообрядческой общины после смерти отца стал Филипп Захарович – отец моей бабушки Александры Филипповны Рожковой. В бытность его наставником построена часовня, действующая по сей день.

Дом деда Евграфа огромен, под железной крышей (большинство стояло под тесовыми). Я его помню, с автотрассы был виден хорошо. После раскулачивания и выдворения семьи в доме деда организовали избу-читальню, затем клуб, школу, столовую, а в 1980-е годы его сожгли по халатности пьяные повара.

При коллективизации деда раскулачили и посадили в тюрьму. Думаю, он пытался защитить свое имущество, приобретенное неустанным трудом, мозолями и потом. Освободили его в 1933 году. Все эти потрясения подкосили некогда здорового, молодого мужчину. Дед Евграф Иванович скончался в возрасте 53 лет. Его многочисленная семья не имела ни крыши над головой, ни средств к существованию. Но мамины братья выжили благодаря исключительному трудолюбию и природной выносливости.

Обвальная коллективизация

Мои родители обвенчались в феврале 1929 года, последнем году счастливой крестьянской жизни. Молодые крепко любили друг друга, строили радужные планы о собственном доме, хозяйстве. Папа с восторгом рассказывал о солнечной красивой полянке, где под кудрявой сосной должен был стоять наш дом. Но, увы, их мечты не сбылись.

Летом 1930 года родился первенец Иван - любимец всей семьи. Мальчик рос смысленный, являясь частью благодатной природы, вдохнувшей в него дар поэта. В зрелые годы он вспомнит дни детства:

*Крестьянский дом, красивый и добротный,
Ржаное поле, тихий ручеек –
Резвился там мальчишка беззаботный,
Смешной и дикий маленький зверек.*

Осенью того же года папу призвали в Красную Армию. Служил отец в пограничном молдавском городе Тирасполе, с которым в дальнейшем связали свою судьбу мои братья: Иван прожил в нем 12 лет, а Степан остался, по всей вероятности, на всю жизнь.

Не трудно представить, что Молдавия очаровала молодого уральца. У нас в октябре летят белые мухи, а там цветут хризантемы! Воздух напоен ароматом спелых яблок, груш, кругом виноград, а молдаване, опьяненные молодым игристым виноградным вином, в нарядных вышитых сорочках, встречают праздник Урожая.

Папа часто рассказывал о своей службе, Тирасполе, Днестре, по которому проходила граница с Румынией. В преклонные годы он побывал в Тирасполе, нашел место, где находился военный городок. Служил он хорошо. Грамотного красноармейца заметили и перевели в штаб части писарем. Исполнительность, аккуратность послужили поводом для отпуска. Как ни хорошо на чужой стороне, а на родину к молодой жене и сыну тянуло с неодолимой силой.

Пока папа служил в армии, над уральскими деревнями прокатилась страшная буря обвальной коллективизации. Все, что нажили крестьяне за десятилетия, было реквизировано, обобществлено. Под дулом пистолета сдавали скот и инвентарь, а упорных и несогласных раскулачивали и ссылали в таежные глухие места.

В эти годы у Пермяковых было крепкое хозяйство с постоянным рынком сбыта продукции. Дед Евфимий Прохорович вынужден был вступить в колхоз. И вскоре из состоятельного хозяина превратился в униженного, обворованного государством лапотника.

Вернувшийся из армии папа тоже стал колхозником, но вскоре понял, что колхоз – это полное разорение и даже гибель. Они с мамой подались в город Чусовой, затем перебрались в Лысьву. Начались их мытарства по получению специальности и постоянного места жительства. В октябре 1934 года папа поступил на Лысьвенский металлургический завод в цех № 4, изготавливающий боеприпасы. На заводе он проработал без малого тридцать лет.

Отходник

Вновь и вновь рассматриваю справку, выданную деду Евфимию Прохоровичу Лязгинским сельским советом 5 октября 1934 года... Зажиточный крестьянин сельским хозяйством не занимается, из колхоза исключен, прав голоса не лишен, отходник... Не ведали люди, выдавшие этот документ, что он послужит фундаментом новой жизни для будущих поколений династии Пермяковых!

Итак, вся семья собралась в Лысьве. Первоначально жили у дяди А. Ф. Белоусова, затем купили небольшой домик в поселке Карпаты, а в марте 1939 года приобрели просторный дом в Октябрьском поселке. Семья у папы с мамой росла: сын, дочери Нина и Женя, сын Анатолий, рано умерший, Виссарион, умерший перед моим рождением.

Мама работала на металлургическом заводе браковщиком изделий для армии. Предельными калибрами проверяла корпуса снарядов после механической обработки. Имея за плечами только ликбез, но благодаря природному уму, смекалке, ответственности за выполняемую работу, мама получала одобрение мастера. Работу на заводе была вынуждена прекратить в 1939 году в связи с моим рождением. Она полностью посвятила свою жизнь семье, но о заводе вспоминала с удовольствием. Трудно забыть ее постоянные хлопоты по хозяйству: приготовление обедов, стирка, шитье, уход за домашними животными, приобретение продуктов, материалов, а это сплошные очереди. Летом – огород, заготовка дров, сенокос.

Подрастая, мы оказывали посильную помощь родителям в ведении хозяйства. Постоянная занятость оставляла им мало времени для нашего воспитания, эти функции выполняла бабушка Анастасия Ионовна. Она, наша няня и воспитатель, отдавала все время нам – детям. Теперь я осознаю, как она с нами уставала. Помогала воспитывать и двух внуков-сирот – детей своей дочери Агафьи. Бабушка была трудолюбива, почти до последних дней занималась вязкой, шила для себя вещи. В преклонные годы обучилась чтению церковно-славянских книг, ее часто можно было видеть за чтением. Да сохранится ее светлый образ в сердцах внуков!

Главой семьи, бесспорно, являлась мама, женщина строгая и властная. В шутку говорили, что она достойный представитель «оленьевой» породы. Неиссякаемая энергия, трудолюбие, умение найти выход из затруднительных положений позволили ей поднять огромную семью и дать детям образование.

В конце тридцатых годов папа окончил школу мастеров, ему присвоено звание мастера социалистического труда по специальности «токарное дело». Бывший крестьянин изучал черчение, теорию резания металла, допуски и посадки, станки, получил хорошие и отличные оценки. С фотографии на Свидетельстве смотрит молодой человек в костюме, белой рубашке, при галстук. Он работал в цехе, производящем продукцию для обороны. Занимал должности мастера, старшего мастера. В дикие годы клеветы и доносительства его сняли с должности, обвинив в причастности к Белому движению. Что стоила эта клевета, если папе было 11 лет, когда красные освободили Лысьву от белых!? Неужели парнишка сыграл роковую роль в продвижении колчаковских войск по Уралу? Абсурд! Хотя папу не посадили, но унизили и оскорбили. В конце концов справедливость восторжествовала и папу назначили мастером в цех № 5, изготавливавший корпуса артиллерийских снарядов.

Военное лихолетье

Великие потрясения пришлось испытать всем людям нашей страны в годы Великой Отечественной войны. Папе выдали «бронь», освобождающую от фронта. График работы на заводе был жестким: 12 часов в сутки без выходных и отпусков. За малейшие нарушения судили по законам военного времени: в лучшем случае штрафная рота, в худшем – Гулаг. При трудностях этого ужасного периода папа остался жив и сумел сохранить семью. Нас было уже пятеро: в ноябре 1941 родился сын Виктор. Трудно без содрогания вспоминать годы войны: голод, холод, отсутствие обуви, одежды... Время несколько сгладило впечатления о тех страшных днях.

Трагедия войны коснулась и наших родных. В июне 1941 года ушел на фронт папин брат Евстафий Ефимович, а в августе от него пришло последнее письмо. Погибли два маминых брата: лейтенант Евстафий Евграфович и младший лейтенант Фотий Евграфович Рожковы. Дядя Фотий возглавлял колхоз им. Молотова в деревне Олени, в 1942 году добровольцем ушел на фронт. Вот что сказано о нем в «Книге памяти» (том 9): «Рожков Фотий Евграфович 1901 г. рождения. Деревня Олени Лысьвенского района. Младший лейтенант. Погиб 25 октября 1942 г. Похоронен в деревне Машага Ленинградской области». Не вернулись с фронта двоюродные братья папы: Оборины Александр Дементьевич и Степан Дементьевич, Рудометовы Георгий Тимофеевич и Маркел Тимофеевич.

Осенью 1943 года семью постигло очередное горе - умер дед Евфимий Прохорович в возрасте 57 лет. Отсутствие известий о сыне, изнурительный труд, потрясения тридцатых годов сломили этого некогда крепкого человека.

Я хорошо помню майское утро, когда папа радостным пришел с работы и произнес долгожданное слово: «Победа». Слезы на лицах взрослых, их возбужденные речи.

Трудно жилось в первые послевоенные годы. Только в конце 1947 года отменили карточную систему. Появился белый хлеб, другие продукты. Некоторые послабления произошли на производстве. Цехи, производящие боеприпасы, законсервировали. Папу перевели в цех оцинкованного железа, необходимого для восстановления разрушенных городов.

У нас появилась сестра Валентина. С белыми льняными волосиками, очень милая, забавная, красивая, любимица всей семьи. К сожалению, она умерла очень рано, мы переживали потерю сестры Вали. В 1948 году семья пополнилась братом Степаном, в 1951 родился Леонид.

С годами жизнь несколько стала улучшаться: у папы выросла зарплата, старшие дети вносили небольшую лепту в семейный бюджет, а правительство Г. М. Маленкова снизило цены на продовольственные и промышленные товары. Замечательное событие в жизни родителей – строительство нового дома. Ставили его в 1955 году «помочью», помогали родственники, соседи. Работали весело с шутками да прибаутками.

В этот период в жизни семьи многое изменилось: Иван отслужил в армии, работал на турбогенераторном заводе, сестры Нина и Женя вышли замуж, а в нашей семье появился последний ребенок Геннадий. Родителям приходилось много работать и втягивать нас, детей, в этот трудовой процесс. Многие навыки, особенно по строительству, пригодились в последующей жизни.

Спокойная старость

Папа закончил работу на производстве в возрасте 55 лет и полностью посвятил свою жизнь домашнему хозяйству. До глубокой старости родители имели корову. Приятно пить свежее домашнее молоко, но трудно представить, как оно достается! Мы, дети, жили семьями и заботами, но старались помочь в заготовке дров, сена, овощей. При этом узнали некоторые специфические крестьянские работы, сами стали садоводами-огородниками, в этом видится генная связь с предками-крестьянами.

Человек религиозный, папа стал регулярно посещать старообрядческую часовню в деревне Захарово. На общественных началах ведал кассой, обеспечением материалами, ремонтом. В праздники Рождества, Пасхи мы своими семьями собирались у родителей, общались, узнавали семейные новости. Очень нравились вкусные шанежки, пирожки, испеченные мамой в русской печке. Особенно организованной и запоминающейся стала Золотая свадьба родителей в феврале 1979 года. Это последнее крупное общесемейное мероприятие.

В конце 1980-х годов папа резко сдал, здоровье после инсульта полностью не восстановилось. Некогда цветущий, крепкий мужчина превратился в старичка физически немощного, но с ясным умом и здравыми мыслями. Из-за усиливающейся глухоты его речь потеряла былую яркость. Много читал книг по религии, выписывал газеты, следил за политической жизнью страны. Нравоучений нам не читал, но своим образом жизни, отношением к жизни, отношением к обществу являлся примером честной, бесребренической жизни.

Папа умер 20 ноября 1994 года. Запах ладана, тепло оплывающих свечей, скорбная песнь «Со святыми упокой...» вывели из оцепенения, заставили осознать всю тяжесть случившегося. Похоронили папу по всем правилам старообрядческих ритуалов на сельском кладбище, где нашли последнее успокоение его предки. Мама очень тяжело переживала смерть папы, роняя горькие вдовьи слезы по милому незабвенному мужу.

Мама скончалась 1 апреля 2005 года в возрасте 92 лет. Многочисленные родственники проводили ее в последний путь.

Светлый образ родителей до конца жизни сохранится в сердцах их детей.

Сентябрь 1995 г.

Апрель 2005 г.

• • • • •

Тамара Кибардина
Надежда Кузнецова¹

Деревня наша Власово

В первой половине девятнадцатого века мои предки занимались сельским хозяйством: пахали землю, сеяли хлеб, выращивали скот, разводили пчел. Проживали они в деревне Власово, которая находится недалеко от деревни Воскресенцы.

В деревне Власово все были Власовы. Моего прапрадеда Ивана Ивановича Власова привезли в деревню в 1872 году, когда ему было четыре года. Позднее у него появились братья и сестры: Николай, Киприян, Парасковья, Пелагия.

В 1898 году у моего прапрадедушки Ивана Ивановича и прапрабабушки Федосьи Степановны родилась дочь Парасковья, а в 1901 году - сын Никифор, мой прадед.

К этому времени у прапрадеда было крепкое, хорошо обустроенное хозяйство. Хорошо шли дела и у его братьев Николая Ивановича и Киприяна Ивановича. У всех были большие дома, просторные дворы и загоны для скота. Общими усилиями жители

¹ Н. Кузнецова – научный руководитель

деревни построили часовню, мельницу, кузницу. Активное участие в этих работах принимал мой прапрадед и его братья.

Жизнь шла в трудах и заботах о доме, о хлебе насущном, о детях.

Незаметно выросли дети. Женился Никифор, вышла замуж Парасковья. Хозяйство прапрадеда становилось всё больше и больше: появилась своя пасека,

было несколько лошадей, коров, неслучайное количество овец, птицы. Со временем семья приобрела весь необходимый сельскохозяйственный инвентарь вплоть до косилок и молотилок зерна. Всё было своё. Все были сыты, одеты и обуты.

Почти каждый год рождались дети. У прадеда Никифора и его жены Марии (на фото) было семеро детей: Евдокия, Григорий (он погиб в годы Великой Отечественной войны в битве под Москвой), Кузьма (он тоже погиб в самом конце войны), Алексей, Татьяна. В семью на воспитание был взят мальчик Федот. Некоторое время он работал в колхозе «Новина», затем корреспондентом в газете «Искра». Самым младшим был Василий. Его жизнь была связана с общественной деятельностью. Он работал секретарём, был куратором строительства заводской больницы, долгое время его избирали парторгом. Он

умер в 2004 году в деревне Воскресенцы.

Наша семья так же, как и сотни тысяч других семей в 1930-е годы, пережила раскулачивание. На основе хозяйства нашей семьи был создан колхоз, в котором оказалась и ферма, и скотный двор, и овчарня, и пасека. В часовне разместили школу; кстати, это здание до сих пор стоит в деревне Воскресенцы.

Как водилось в те времена, всю семью Власовых после раскулачивания выселили и отправили в Сибирь в Томскую область в село Богородское. Во время раскулачивания мать Федосья Степановна не выдержала переживаний и умерла от инфаркта. Здесь же в деревне Власово её и похоронили. Никифора Ивановича с семьёй переселили в деревню Мальцево, там и родился сын Василий.

В деревне был страшный голод. От него умерли жена Никифора Мария и отец Иван Иванович. Остались 6 маленьких детей. Прадеду с детьми разрешили переехать домой, и они снова поселились в Воскресенцах.

Это был очень сложный и трудный период. Семья голодала, но на всё была Божья воля.

В 1935 году Никифор Иванович женился повторно. Жену Анну Семёновну Старцеву он

взял из деревни Северной (на фото). Это была моя прабабушка. Если

считать детей Никифора Ивановича от первого брака,

собственного сына Анны Семеновны, Алексея, и вновь родившихся детей, то в общей сложности в семье воспитывалось 16 детей. В 1939 году родилась моя бабушка Степанида Никифоровна (на фото).

Грянула война. Наступили тяжёлые, голодные годы. Обессиленные, дети не могли ходить даже в школу. Ни одежды, ни обуви. Об этом только мечтали. И все-таки жизнь продолжалась. Степанида окончила 4 класса и в 15 лет

устроилась работать на ферму колхоза «Новина» дояркой... Бабушка до сих пор живет в деревне Воскресенцы.

В 1973 году родилась моя мама Татьяна.

Давным – давно нет деревни Власово, где жили мои предки. Не стало колхоза «Новина», в котором трудились их потомки, но стоят среди полей село Моховляна и деревня Воскресенцы, и я верю, что они будут жить всегда.

2010 г.

*Деревня
Власово, 1930
год*

*Николай, Киприян,
Иван Власовы*

*Прапрадедушка
Иван
(сидит слева)
и
прапрабабушка
Федосья*

*Иван, Николай,
Киприян – братья
Власовы*

Зуй

По рассказам бабушки Варвары Прокопьевны (1872 г. р.), на месте сплошной тайги очень давно поселился беглый солдат – старовер по фамилии Зуй¹. Он обосновался возле речки, названной впоследствии Гусиновкой, и стал здесь жить. По фамилии первопоселенца деревня стала называться Зуи. В ней были две улицы: Тепличная и Зуевская. Деревня была очень красивая. Она представляла из себя замкнутое кольцо, окруженное со всех сторон громадными вековыми елями и пихтами, полями и угорами. Внутренняя часть деревни напоминала большую круглую зеленую клумбу, по бокам которой росли черемухи, березы, липы, тополя, рябины и калина.

Среди хвойного леса протекала речка с двумя ключами. В лесу росло много ягод и грибов, водились звери и птицы. Со всех четырех сторон деревни жители устроили выездные ворота для телег и калитки для пешеходов. Боковые огороды примыкали друг к другу. Чтобы выйти из деревни, надо было пройти через несколько изгородей. У некоторых жителей между изгородями паслись овцы и телята, у реки ходили утки и гуси. Таким же образом огораживались гумна, в которых жители хранили снопы овса, ячменя, пшеницы, конопли, льна, ожидавшие своей очереди для обмолота. В деревне насчитывалось всего домов 15. До школы № 2 домов почти не было.

За Зуями среди елей и пихт находилось кладбище староверов и православных. Оно протянулось до речки Гусиновки. Теперь на месте кладбища расположен сквер имени 25-летия ЛТГЗ.

В те времена Гусиновка была большой речкой с глубокими ямами и крутыми берегами. В ней водились щуки. По берегам росли кусты смородины. Весной луга заливало водой, что способствовало богатым травостоям. Уже в июле вдоль речки стояли высокие стога сена. Свое начало речка брала где-то в гористой местности, вытекая из земли сильным ключом и пополняясь водой из болота. Перед войной лес вырубил, болото осушили и на этом месте построили турбогенераторный завод. До 1930-х годов взрослое население занималось сельским хозяйством и работало на заводе № 700². Жители Зуев имели свои земельные наделы, которые обрабатывали сами, благо семьи были большие. Все держали скот, который пасли на лугах за деревней. На берегу Гусиновки стояла кузница.

В 1930-е годы крестьянские земли отошли совхозу. Жители перестали заниматься сельским хозяйством и пошли работать на завод. Вместе с мужчинами на заводские работы стали устраиваться и женщины. В эти годы улицу Аптекарскую начали застраивать деревянными домами. Среди них был красивый дом с большими окнами, построенный в качестве награды за высокопроизводительный труд для первой лысьвенской стахановки Галины Рудометовой. Позднее появились каменные дома в поселке имени Орджоникидзе. Так, постепенно стерлась граница между деревней Зуи и городом. От деревни осталась одна улица Зуевская. Коренными жителями деревни были Падерины и Арефины. Среди деревенских строений выделялся один каменный дом, сложенный из красного кирпича. Его начал строить Иван Максимович Падерин в 1905 году, а закончил строительство в 1920 году. Дом был очень крепкий. Его кое-как разобрали на кирпичи. Простоял он на своем месте всего 100 лет.

¹ 1. Зуй – дохристианское мужское имя. 2. Дialectное «зуй» в Вятке – болотная птица куличок, на псковщине – птица цапля. – Ред.

² В годы Великой Отечественной войны с целью сохранения секретности все промышленные предприятия страны, работавшие на нужды обороны, имели порядковые номера. В частности, Лысьвенский металлургический завод имел № 700. В 1930-е годы завод № 700 назывался Лысьвенский металлургический завод имени «Газеты «За индустриализацию» - Ред.

Виссарион Волков

Волковы из деревни Волково

Деревня у ручья Поперечный

В 1840–1850-х годах из Кишертской волости из деревни Волково, расположенной на одном из притоков реки Барды (сейчас Березовский район), в окрестности Лысьвы переехали три брата Павел Иванович, Петр Иванович и Иван Иванович Волковы.

Павел Иванович местом жительства выбрал деревню Бабеныши, расположенную на правом берегу речки Березовки в 1,5 – 2 километрах от деревни Паинцы. Петр Иванович и Иван Иванович первоначально построили свои дома на правом берегу речки Березовки около «Первой Красной Глинки». Место это оказалось не удобным, далеко до воды, ключа близко нет. Вскоре они перенесли свои дома на левый берег Березовки вблизи ручья Поперечный в одном километре от речки Березовки.

Вначале в деревне было 3 дома. В двух домах проживали Петр Иванович и Иван Иванович Волковы. В третьем доме - Василий Волков. Новое месторасположение деревни выбрали удачно: юго-восточный склон, с северной стороны деревню прикрывал хвойный лес. В 5-7 метрах протекала речушка с чистой ключевой водой. За дворами располагались поля, недалеко находились деревни Выломово и Лязгино. Поля образовались после выжига древесного угля для металлургического завода, находившегося в 7-8 км от деревни. Река Березовка была богата рыбой, особенно хариусом, окунем, щукой и мулявой. В окружавших деревню лесах водилось много боровой дичи (рябчик, тетерев, глухарь), а также пушной зверь.

Близость завода определила животноводческое направление развития хозяйства. У каждого хозяина было по 4-6 коров, 2 лошади, до 10 и более овец. Поскотины (выгоны) были рядом. В период «столыпинской реформы» деревенские мужики купили у хозяев завода участок леса около 50 десятин. В этом лесу до революции заготавливали лес для строительства и дрова. Этот участок назывался «куплей».

Зимой крестьяне деревни занимались вывозкой продукции завода по «чугунной дороге». Она проходила через 2-е Карпаты – дер. Веснино – дер. Выломово – Калино и дальше до пристани Усть-Долговская на реке Чусовой, откуда готовая продукция на баржах сплавлялась на Каму и Волгу в города России и даже за границу.

Дед мой Иван Иванович Волков имел пятерых сыновей.

Остался для наследования хозяйства

Мой отец Демид Иванович Волков родился 29 августа 1887 года. Всех своих сыновей дед отправил работать на завод, а нашего отца оставил в деревне для наследования деревенского хозяйства, поэтому образования он не получил. Умел только читать и расписываться. Отец отслужил воинскую службу в Варшаве и в 1911 году вернулся в деревню. Осенью 1911 года отец женился на Лобановой Татьяне Порфирьевне, жившей с родителями около деревни Выломово на хуторе Лобаново. Было маме в то время около 16 лет.

...Моя мать Татьяна Порфирьевна родилась 25 января 1885 года и умерла 28 сентября 1974 года. Родители были очень трудолюбивыми, хорошо вели свое

хозяйство. Поля всегда давали хорошие урожаи. Коровы, которых в отдельные годы было по 4 – 5 голов, давали много молока. Одна из них по кличке «Зорька» тагильской породы давала около 30 литров молока в день. На полях был введен севооборот. Сеялась рожь «Вятка», овес «Золотой дождь». Было несколько гектаров клевера. Благодаря этому наше хозяйство всегда было обеспечено грубыми кормами, хватало и на продажу. Сеяли вику, горох, сажали турнепс.

В хозяйстве держали быка тагильской породы. Отец ездил за ним зимой в Нижний Тагил. К этому быку на случку приводили своих коров крестьяне из близлежащих деревень. Кроме того, были у нас 2 лошади. К зиме выращивали до 10 овец «романовской породы». Шкуры выделывали в основном сами, часть сдавали в потребкооперацию. Молока производили много и сдавали его на молокозавод, принадлежавший, видимо, тоже потребкооперации. Завод размещался у речки Песьянки. Сдаваемое молоко шло в счет ссуды, которую брали для закупки сельхозтехники. К 1929 году отец имел в хозяйстве все сельхозмашины: молотилку, жатку, сеялку, сеялку для клевера, сенокосилку. Не было трактора, но отец мечтал и о нем.

Часть молока мы продавали у «белых казарм». Были такие двухэтажные дома возле железнодорожной станции «Лысьва». Их снесли в 1971–1972 годах при освобождении площади для строительства цеха холодного проката (ЦХП - ЛПЦ-3 - «Полистил»). Летом часто приходилось ездить в город и возить молоко. Моя задача заключалась в том, чтобы открыть ворота при въезде и выезде из деревни. Раньше все деревни были огорожены и на въездах и выездах на дорогах стояли ворота. Это нужно было для того, чтобы скот не забредал на поля.

Ранней весной к нам приходили три-четыре татарина, видимо, из деревень Аитково, Верх-Култыма и других. Они готовили дрова для зимы.

С периодичностью в два года из Кировской (Вятской) губернии приезжал пимокат. Он на всю деревню катал валенки отличного качества.

Помню также, как зимой приходил портной со своей швейной машинкой и шил одежду. Обшивая односельчан, он переходил из дома в дом и таким образом обходил всю деревню.

Когда задремала охрана...

...Гражданская война не обошла стороной и нашу деревню. Когда в 1919 году колчаковцы стали отступать из Лысьвы, они мобилизовали всех крестьян, имевших лошадей, в обоз. Ф. С. Шестаков, М. Г. Михеев, М. Д. Опалев и Д. И. Волков с нагруженными возами отходили под охраной солдат по Кусьинскому тракту в сторону Обманки. За 1-й Обманкой встали на ночевку на одной из полян. Отец сказал соседям, чтобы возы ставили поближе к лесу. Когда наступила ночь и охрана обоза, собравшись у костра, задремала, все деревенские мужики верхом на лошадях скрылись в лесу, оставив на поляне телеги. Несколько ночей они скрывались в «согре». Так называлось место в верховьях речки Поперечной. Когда колчаковцы окончательно оставили Лысьву, мужики поехали на то место, где оставили телеги, и, к счастью, увидели, что они целы, только без груза. Так рассказывал мой отец.

В 1923–1925 годах в деревне появилось электричество. Все дома освещались электрическими лампочками. Источником электроэнергии была электростанция в дер. Выломово на базе выломовского пруда и мельницы, принадлежавших крестьянскому обществу. Оборудование для станции приобрели на металлургическом заводе.

Монтаж и наладку электростанции помогали вести инженер Иван Николаевич Шуткин и мастер заводской станции Михаил Петрович Петухов. Обслуживали станцию мельник Александр Кузьмич Сергеев, Андрей Фомич Мехряков, Михаил Савич Мехряков, Николай Маркелович Мехряков. Трое последних дежурили на станции.

К сожалению, электрическим освещением общество пользовалось недолго. Заводская администрация усмотрела некое нарушение в приобретении оборудования

электростанции, и в 1926 – 1927 годах оно было снято, и деревни надолго остались без электричества.

Время печь рыбные пироги...

Наши деды и родители исповедовали старообрядческую веру. Все церковные обряды они совершали в часовне, располагавшейся в деревне Лязгино. Сам я был в часовне один раз, как стал что-то помнить, на богослужении в Пасху в 1926 или 1927 году. Престольным праздником нашей деревни был Ильин день. В этот праздник приезжали и приходили все близкие родственники.

В большой комнате ставился общий стол. Готовилось свое пиво, покупались «Зубровка», «Ерофеич», была и водка. Выпивали и хорошо закусывали. Мама пекла очень вкусные рыбные пироги, тушила мясо, делала окрошку, солила грибы. Сладости покупали в городе. Выпив и закусив, любили петь русские песни. Отец наш имел хороший голос.

Садясь за стол и выходя из-за стола, все крестились. Никто никогда не матерился, ссор и драк не было. Из всех родных, кого помню, курил только один дядя Федор Леонтьевич Оборин из деревни Захарово.

Зимой устраивались посиделки, когда женщины собирались у кого-нибудь в доме с прялками, вязанием или шитьем, пели песни, делились новостями, обсуждали события в деревнях. Ближе к масленице в деревне Выломово старшие ребята делали ледяную катушку с выходом на пруд, в праздничные дни катались на санках. Крестьяне, имевшие хороших лошадей и кошевки, организовывали катание на лошадях. Здесь происходили знакомства ребят с девушками, которые иногда кончались свадьбой.

Свадьбы, как правило, организовывались глубокой осенью и зимой, когда были закончены все сельскохозяйственные работы. Свадьбы справлялись с большим размахом. Кроме родственников на свадьбу приглашались все деревенские жители. Перепадало и нам, «мелюзге», приходившим посмотреть на жениха и невесту. Угощали нас кусочком пирога и конфеткой.

Летом в деревне Выломово около дома лесника проходили гулянья в воскресенье и праздничные дни, которые назывались «полянкой» от слова «поляна» - ровного места с травяным покровом. Под вечер сюда собирались парни и девушки со всех близлежащих деревень. Приходили гармонисты и балалаечники. Под их музыку организовывались пляски и танцы. Танцевали «Польку», «Подиспань» и другие. Здесь всякий парень и девушка могли показать свое искусство и способности. Были и игры в «третий лишний» и другие. Здесь же встречались влюбленные пары. Происходили новые знакомства, показывались обнови. Бывало и такое: в сухой жаркий вечер приходил парень в туфлях с резиновыми калошами: нужно ведь показать обнову.

Здесь случались и драки, но строго соблюдался неписанный закон: лежачего не бьют. Пьяных было очень мало.

На гулянье приходили и молодожены. Старшие со стороны наблюдали за ходом гуляния, а больше всего – за дочерьми смотрели: с кем они дружат и общаются.

Платных организаторов мероприятий не было. Все делалось по инициативе самой молодежи. Были, конечно, и лидеры, как правило, это парни, имевшие свою гармонь или просто более грамотные и сильные.

Отец запомнился вечно работающим

...Весной, как только подсыхали поля и дороги, организовывалась «помощь» по вывозке накопившегося за зиму навоза на поля. Обычно в этой работе участвовали все соседи. Во дворе оставались трое-четверо, которые быстро нагружали навозом телеги, а мы, 8-10-летние мальчишки, везли их в поле. Там был, как правило, один взрослый парень или мужчина. Он быстро разгружал телегу, перевортывая ее на бок, а

мы снова мчались за очередной порцией. Таким образом, в течение нескольких дней очищались все скотные дворы в деревне.

Уборка сена и жатва хлебов проводилась самостоятельно силами семьи, родственников и знакомых из города. Иногда для косьбы нанимались татары. Наше хозяйство, как я помню, обходилось без найма, так как имелась своя косилка. Литовкой обрабатывали места, где нельзя было заехать косилкой. Луга и лесные покосы весной и осенью очищались от пней и кочек, чтобы не сломалась косилка.

...Нас очень рано приучали к труду, например, меня в 6 лет уже заставляли боронить. Отец привязывал меня к седлу, чтобы я не упал, и мне нужно было ездить с бороной, управляя при этом лошадью. Помню, однажды нужно было боронить поле в три следа, а я решил для ускорения боронить в два следа. Когда закончил, подъехал к отцу. Он в это время рядом пахал другой загон. Конечно, он сразу же разоблачил мой обман, и пришлось мне, но уже поперек поля, проборонить еще один раз.

Обжинать поле для жатки я начал в 8-9 лет, а в 10 лет уже самостоятельно косил. Для этого была у нас маленькая коса. Вязал снопы после жатки, ставил их с братом Семеном в бабки.

Когда косили клевера, а они у нас были хорошие и сена всегда ставили много, в нашу с Семеном задачу входила обязанность подвозить копны к стогу, а также топтать и вершить его. Кроме клеверов косили и луговое сено на берегу реки Березовки (пабереги) и на лесных полянах. Сколько помню, сена всегда хватало для прокорма большого стада, оставалось и на продажу. В сеноуборку иногда помогали жители города Анатолий Васильевич Ваганов и Вася Ветлужских. За это отец отвозил им сено. В городе они держали своих коров.

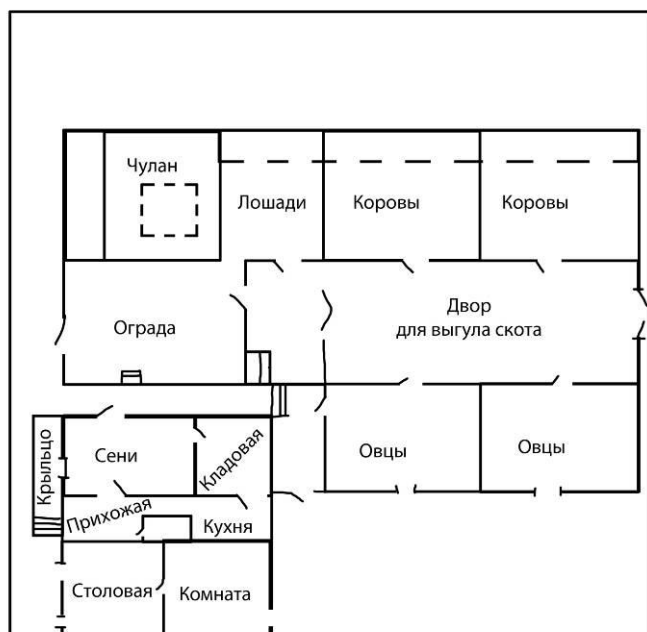
...Мой отец запомнился мне вечно работающим, куда-то спешащим. К детям он относился хорошо. Не помню, чтобы когда-то сильно наказывал нас. Он не курил, выпивал в меру и только по праздникам. В праздники любил попеть. Не помню его ссор с мамой. Отец был верующим, но не фанатично, а, по-моему, больше оттого, что этого требовала окружающая жизнь. Он не избегал нововведений в хозяйстве. Выписывал газеты и журнал, что в то время в деревне было редкостью. Не зря однажды Фрол Семенович Шестаков сказал ему: «Ты бы, Демид, лучше на эти деньги купил себе штаны».

Нужно сказать, что по тем временам мы одевались неплохо. Отец имел хороший выходной шевиотовый костюм, была у всех добротная обувь и одежда. Конечно, излишеств в такой большой семье не было.

Обстановка в доме была простая: три стола, венские стулья, табуретки, в столовой вдоль стен – скамейки. В передних углах иконы, две железных кровати, полати, большая глинобитная печь и подтопок с вмонтированным большим чугунным котлом для подогрева воды, приготовления пойки и корма скоту, кипячения белья при стирке. В чистой комнате стоял шкаф для посуды.

Дворы для скота были большие, амбар с овощной ямой,

План дома и надворных построек
крестьянина Волкова Д. И.

крытая ограда, конюшни для лошадей, стайка для коров, овчарня, посредине – выгульный двор. Все это находилось под одной крышей. Над дворами большой сеновал, куда заезжали с возом сена на лошади. Для подачи сена скоту над кормушками имелись проемы, закрываемые щитом. В суровую зиму могли выходить для ухода за скотом, одевшись лишь в слегка утепленную одежду – фуфайку. Это облегчало труд: не требовалось таскать сено на большое расстояние, как это делается сейчас на колхозных и совхозных скотных дворах. В общем, в постройке все было продумано и учтено до мелочи.

Летом в теплую погоду спали на сеновале.

Под полом дома находилось большое подполье, где хранилась картошка для зимы, овощи, стоял бочонок с квасом, бочонок с солеными грибами, другие соленья и различное варенье.

Овощная яма в амбаре весной набивалась снегом, где почти до конца лета хранилось мясо и другие скоропортящиеся продукты.

В помещениях для скота даже в зимние морозы стояла плюсовая температура за счет перепревшего навоза. К весне навоз выкидывался в выгульный двор и с наступлением сухой погоды вывозился на поля.

За дворами на запад простирались наши поля. Недалеко от дворов, метрах в пятидесяти, находилось гумно, где стояли молотилка с конным приводом, веялка, овин для сушки снопов в сырую погоду. Рядом стоял стог обмолоченной соломы, которая использовалась в качестве подстилки для скота и не экономилась. Навоза требовалось много. Огород не примыкал к дому, а был через улицу. В огороде стояла чистая, «по – белому», баня и размещалась вторая овощная яма, которая после заполнения ее картошкой закрывалась до весны. В ней хранился картофель на семена и для еды летом. Воду для скота брали из речки, иногда из колодца Ф. С. Шестакова. Свой колодец, видимо, выкопать не успели. Метрах в 10-15 от дома под закрытым с южной и западной сторон навесом хранились дрова и сельхозинвентарь, вымытый и смазанный на весь срок хранения.

Расходный запас дров, который пополнялся по мере его использования, был в ограде.

Конец единоличного крестьянского хозяйства

В 1929 году я пошел учиться в 1-й класс Выломовской школы. После третьего класса меня и брата Семёна перевели в Лязгинскую семилетнюю школу, которую в июне 1936 года я закончил. Запомнился директор школы Георгий Иванович Копысов. Его называли лязгинский Макаренко. Он одевался как Макаренко, носил такие же усы, да и дела в школе вел как Макаренко... У школы был свой земельный участок 10 – 12 га, две коровы, лошадь и 10 пчелосемей. Мы, старшие ребята, занимались ведением школьного хозяйства: сами пахали, боронили, сеяли, убирали урожай. Технику для обработки земли давал колхоз имени Ворошилова. Зимой детей кормили бесплатными обедами.

...Осенью 1929 года после больших переживаний и тяжелых раздумий отец вступил в колхоз. наших коров колхозники увели в деревню Выломово в непригодный общий скотный двор. Однако в колхозе отец был недолго. Весной 1930 года в марте или апреле после мартовской статьи Сталина «Головокружение от успехов» он из колхоза вышел. Коров обратно не отдали, лишили близлежащих полей, а в 1931 году отобрали последнюю корову. В то время как раз родился младший брат Михаил. Остались от скота лошадь, овцы да куры. Часть сельскохозяйственной техники осталась в колхозе. Землю для обработки выделили в районе деревни Новиковки. Это в 4-5 км от усадьбы, покосы тоже отобрали.

Налог, которым обложили разоренное хозяйство, платить было нечем. Старшие дети Андрей, Паня и Таня фактически уже жили в городе, и к концу 1935 года отец переехал в Лысьву. Позже наш дом и дворовые постройки продали на слом. Он и по

сей день стоит за 15-й школой в Лысьве. Из дворов Н. Федин построил хороший дом с надворными постройками.

В Лысьве первое время несколько месяцев жили у Девятковых, затем сняли небольшой домик на улице Железнодорожной. В конце 1936 года купили домик на углу улиц Кунгурской и Мотовилихинской № 12, так как около дома было свободное пространство, где отец собирался построить новый большой дом.

В начале 1930-х годов отец собирался делать прируб к дому. В «купле» был заготовлен лес, но мечта отца не сбылась. Лес этот потом использовали на строительстве коровника в деревне Выломово.

В городе отец вступил в артель «Ломовик», организованную на кооперативных началах. В конце 1936 года он поступил работать на металлургический завод плотником в складское хозяйство. Его начальник Александр Александрович Шатов очень хорошо отзывался о его работе, исполнительности и честности. Шатов рассказывал такой случай. В один из оборонных цехов поступило оборудование. Бригада, разбиравшая укупорку, не заметила небольшого ящика, прикрепленного к стенке, и увезла станок в цех. После установки станка на месте не оказалось пульта управления. Станок не мог работать. Многим грозили суд и большие сроки по статье «вредительство». Отец, прибиравший разгрузочную площадку, через несколько дней обнаружил ящик и принес его Шатову. Так было спасено несколько человек от верной тюрьмы.

В те годы среди молодежи большой популярностью пользовалась профессия геолога - разведчика. После окончания 7 классов я подал заявление в Алапаевский геолого-разведочный техникум, выдержал вступительный экзамен, но в это время геолого-разведочное отделение закрыли, и я поступил учиться на отделение фото-топографии. Учился я в основном хорошо. Трудно давался предмет по иностранному языку, поскольку в лязгинской школе его не преподавали. Много и успешно занимался спортом, особенно лыжами. Был чемпионом Алапаевска в гонках на 10 км среди юношей, участвовал в лыжном пробеге Алапаевск – Свердловск. Постоянно не хватало денег, особенно после смерти отца, хотя мама и сестра Таня помогали, как могли, но ведь кроме меня нужно было поднимать на ноги Семена, Дусю и Михаила. Иногда по несколько дней кроме хлеба с чаем ничего не ел. В июне 1940 года успешно защитил диплом на тему «Геодезическое нивелирование»...

6 лет на военной службе

Поработать в поле мне довелось недолго. Осенью 1940 года я был призван на действительную службу в армию и 10 ноября выехал в Иркутскую школу младших военных топографистов. Учился я хорошо, поэтому был награжден значком «Отличник РККА». В марте 1941 года меня направили в Читинскую школу разведки, но я не прошел мандатную комиссию, поскольку брат Андрей находился в лагерях на Колыме, а дядя Кирилл служил у колчаковцев. В начале Великой Отечественной войны я попытался добровольцем пойти на фронт, но командование распорядилось по-своему: несколько месяцев я занимался топографической съемкой государственной границы с Китаем.

В начале декабря 1941 года меня направили в город Абакан, где формировалась 309-ая стрелковая дивизия. Меня направили командиром отделения топо-разведки взвода топо-разведки управления 1-го дивизиона 842-го артиллерийского полка. В первых числах мая 1942 года мы выехали на фронт. Наша дивизия приняла участие в кровопролитных боях под Харьковом, оборонялась на левом берегу Дона, участвовала в Воронежско-Касторской наступательной операции, освобождала город Белгород, в составе 40-й армии сражалась на Курской дуге, форсировала Днепр, вела бои на Букринском плацдарме, отступала, была в окружении, но всякий раз выходила победительницей из всех трудных положений и продолжала движение на Запад.

За это время я был дважды контужен и ранен в ногу. Первую медаль «За боевые заслуги» получил за августовские бои, которые вела наша дивизия в районе Дона у сел Щучье и Переезжее. Вскоре мне присвоили звание младшего лейтенанта. Потом я был награжден орденом Красной Звезды, Отечественной войны II степени, Кутузова II степени и другими. В 1942 году вступил в партию. В начале марта 1944 года нашу дивизию ввели в состав 1-й гвардейской армии, которой командовал генерал – полковник А.А.Гречко.

Моя судьба оказалась ко мне благосклонной. Участвуя в боях, я видел, как рядом находившийся со мной человек погибал, а меня пуля или осколок снаряда миновали. Видимо, такова судьба.

В декабре 1958 года меня избрали заместителем председателя горисполкома. По сравнению с предыдущей работой круг обязанностей и ответственности значительно расширились, потому что я вел коммунальное хозяйство, строительство, был председателем административной и жилищной комиссий. Два созыва был депутатом городского Совета. В январе 1963 года по рекомендации и настоянию ГК КПСС меня назначили главным инженером завода ЖБК-6. На новом месте работы построил механизированный растворно-бетонный узел и освоил производство 6-метровых безнапорных труб.

В июне 1990 года я перенес тяжелую операцию и с июля 1990 года не работаю. В связи с ранением и контузиями на фронте в январе 1991 года мне была установлена военная инвалидность 2-й группы.

Не зажившая боль

Ветераны металлургического завода хорошо знают работника отдела снабжения Евгения Семеновича Мехрякова. Для этого человека не существовало невыполнимых заданий, как бы трудны они ни были. Будучи пенсионером, Евгений Семенович продолжает служить Лысьве и родной деревне Мехряково, многим другим деревням, порушенным в лихолетье сталинской коллективизации. Память о горьких годах не дает покоя. Вот поэтому при непосредственном участии Евгения Семеновича у обочины трассы Кунгур-Соликамск появились памятники жителям деревень Лязгинского сельсовета, погибшим в годы Великой Отечественной войны, и жертвам сталинских репрессий. Он с благодарностью откликнулся на публикации о забытых деревнях в газете «ГородЪ» и стал еще одним деятельным моим помощником. Поистине богат наш край подвижниками!

Евгений Мехряков присутствовал на митинге в день освящения памятного знака, установленного на месте исчезнувшей деревни Веснино. Мне удалось записать на диктофон его выступление. Вот оно:

«Поначалу, после Октябрьской революции, крестьяне вроде бы обрадовались. Землю им дали. Дескать, мужики, трудитесь, хозяйствуйте, размножайтесь. И действительно, в деревнях стук топоров не прекращался - строили дома, дворы, конюшни, землю раскорчевывали, скот разводили.

У моих родителей было шесть коров, две лошади, овцы, куры, имелись косилка, жатка и прочий инвентарь. Так и семья была большая, отец с матерью да нас, детей, десятеро. Конечно, труду крестьянскому мы были приучены сизмалства - с таким хозяйством, подворьем надо же управляться! Я до сих пор помню клички наших буренок - Муська, Маруська, Пестрянка, Утка, Октябринка. Но пришло время «великой» сталинской коллективизации и раздался клич: «Все в колхоз!» У зажиточных, но наживших добро своим горбом крестьян, всё поотбирали. И у нас последнюю корову увели...

Знаю таких людей, которые и сейчас твердят: «Как хорошо жилось при Сталине!» А я говорю: «Будь он проклят!» Правда, в тридцатых годах за такие слова людей жизни лишали. Но, слава Богу, прошли те гнусные времена. Между тем, на местах насильственной коллективизацией занимались не приезжие посланцы, а наши же мужики, земляки. Приходит к нам Иван Михайлович Веснин: «Сдавайте корову в колхоз!». Многих деревенских мужиков он поразгонял, а потом и сам из Мехряково смотался. Еще один был «деятель» - Федор Мехряков - в Выломово жил, комсомольский вожак.

Не без их помощи власти отправили на выселки многих крестьян из нашей и окрестных деревень. За что? За одно то, что умели работать? Ни того, ни другого из тех «деятелей» сейчас уже нет на свете. И хоть о мертвых не положено плохо говорить, но и добрым словом помянуть язык не поворачивается. Ходили они по домам, зачищали амбары, забирали последнюю горстку зерна для государства. А как семье дальше жить - это их не касалось. У кого находили припрятанный хлеб, тех - на выселки. У нас была ручная мельница (я её потом в музей сдал), вот на ней родители

втихаря мололи зерно, подмешивали в мучицу картошку да мякину. Такой хлебушек и ели. Было мне в ту пору 5-6 лет, но в памяти те жуткие дни остались.

Наступил 1936 год: засуха, голод. За буханкой хлеба (я уже тогда в городе учился) ночами в очередях стояли. В десять часов вечера придешь к магазину, очередь займешь, а в двенадцать «пересчётка», и так через каждые два часа. В семь утра откроют магазин, а к девяти надо в школу бежать. Какие там занятия на голодный желудок да не выспавшемся? И зима в том году выдалась суровая. Начался падеж скота. Много пало коров и лошадей в деревнях Лязгинского сельсовета. К счастью, пережили. Зато весна была ранняя, а потом урожай хороший - природа отблагодарила людей за все страдания! Но опять установка товарища Сталина: «Никакой пощады врагам народа!» И таких добрых, работающих мужиков не стало... Андрей Фомич Мехряков, Тимофей Иванович Мехряков, отец Героя Советского Союза Николая Сергеева - Александр Кузьмич, Антониевский, бригадир Иван Николаевич Черепанов...

Многих в ту пору «почистили». Работяг в лагерях сгноили, а насадили пьяниц. Тут война началась. Как работалось тогда бабам и подросткам - об этом достаточно написано. Но ведь не кончились мытарства крестьян и после войны! Не случайно сельские парни, отслужив в армии, в колхоз старались не возвращаться. За 50-60 рублей снимали в городе квартиру, работали на заводе, но только подальше от колхозных трудодней. Где-то до середины пятидесятых годов сельских жителей вообще за людей не считали, паспортов не выдавали, из деревень не отпускали. Девчат чуть не поголовно отправляли на лесозаготовки. Женское ли это дело?

Как только девчонки ни ухитрялись, чтобы вырваться из села! Помню Клавдию Выломову. Её никак не отпускали из колхоза. Тогда она договорилась с кем-то из знакомых парней ...сыграть будто бы свадьбу. И бражку поставили. И «горько, горько!» кричали. И поплясали. А получила справку, потом паспорт, и всё: «Я тебе не жена, ты мне не муж, я свободная». И в город подалась. Там работать устроилась и замуж, уже по-настоящему, за другого парня вышла.

А дальше-то как жили? Кому же в верхах пришла в голову мысль объединить мелкие колхозы? И тогда давай одна за другой исчезать с лица земли столетние деревни. Гриву, например, объединили с Большой Лысьвой. В деревню по разнарядке горкома партии отправляли активистов, чтоб руководили в новых колхозах. Одного из них я знал - Матвей Владимирович Пьянков. Так тот активист и лошадь не умел запрягать. Сколько раз он к моему отцу, жившему в Мехряково, «подъезжал»: «Семен Яковлевич, у тебя сын в городе есть. Говорят, техникум закончил. Нельзя ли его в колхоз вернуть? Бригадиром бы поставили».

Отец меня предупредил, а я и без него решил: коли однажды удрал от колхозной жизни, в которой не видел просвета, нечего и возвращаться. Кстати, тот посланец из горкома тоже в колхозе долго не задержался - нашел «теплое» местечко на заводе. И не в простых рабочих ходил, а в начальниках. Короче, досталось бедной деревне сполна, под завязку. Чего стоили только одни налоги на молоко, масло, яйца и другую продукцию, произведенную частниками! Это же была натуральная обдираловка.

Спасибо, что хоть теперь начали возрождать память об исчезнувших деревнях и их жителях. Вот за это низкий поклон. Ведь если забытые деревни вспомним, глядишь, и к ныне действующим, в которых еще теплится жизнь, у властей больше сочувствия будет».

*Семен Яковлевич и Анна Дементьевна Мехряковы,
нач. XX в.*

*Мехряков Евгений Семенович (слева)
со старшим братом Леонидом*

Похороны в деревне Мехряково, середина 1950-х г.

ЖИЗНЬ КОЛХОЗНАЯ

Алексей Окунев

Село Новорождественское. XX век

В село пришла советская власть

До 1913 года село Новорождественское входило в состав Покровской волости и было её окраиной на границе с лысьвенским краем. Народ в селе изначально был «сборным» по своему составу. Испытывая нехватку земли, русские люди постепенно осваивали бывшие урочища татар, которые земледелием почти не занимались. Заселение шло со стороны Сосновки и Саи – южное направление, и со стороны Покровки, Дубового, Мохового – западное направление. Отсюда и сложились семейные роды Останиных, Печкиных, Санниковых, Елисеевых, Тетюевых и других.

Деревня жила размеренной патриархальной жизнью на основе общинного землевладения, где каждая семья, как правило, была многочисленной, имела свои земельные участки. Время от времени земля перераспределялась среди крестьян в зависимости от едоков и количества мужчин в семье. Жили скромно, но не бедствовали. Мужчины усердно трудились в поле, женщины занимались домашним хозяйством и рожали детей. К сожалению, детская смертность была очень высокой. Мальчиков рождалось на 15 процентов больше, чем девочек, но и смертность среди мужчин была на 9 процентов выше, чем среди женщин. Детей по возможности старались учить в школе, построенной в 1895 году. Примерно 40 процентов жителей владели грамотой.

В конце 1912 года население Верх – Култыма¹, так поначалу называлось село Новорождественское, составляло вместе с окрестными деревнями более 1000 человек. Это позволило Кунгурской епархии принять решение о строительстве церкви. Разрешение жителям села было дано в 1910 году, тогда и началось строительство. Новорождественский храм строили всем миром. Освятили его 7 января 1913 года. С этого момента село и получило свое нынешнее название, а татары, проживающие в окрестности, услышав колокольный звон, стали называть его «чангала», что значило «звон колоколов». Так возникло село Новорождественское с правом волостного центра.

Экономика Новорождественской волости основывалась на земледелии, животноводстве, подсобных промыслах, различных ремеслах и извозе. В 1898 году посевные площади ржи занимали – 35,8 %, овса – 42%, клевера – 7,7%, льна – 1,6 %. Осталь-

¹ По данным директора Аитковской школы краеведа Ф. Г. Асанова в начале XIX века на перекрестке местных дорог в устье реки Явыш стоял полустанок под названием Верх-Култым. Во второй половине XIX века в 6 верстах вверх по течению р. Култым была основана русская деревня Верх-Култым. Так и сосуществовали два поселения с одним названием. После освящения церкви русский Верх-Култым назвали Новорождественском. Бывший полустанок Верх-Култым, а впоследствии деревня, сохранил свое первоначальное название. – Ред.

ные пахотные земли занимали пшеница и овощи: горох, репа и т.п. В среднем на каждое хозяйство приходилось лошадей – 0,9, коров – 1,2, овец без приплода - 1,6, птицы – кур, гусей, уток – без счета. К 1914 году процентное отношение засеваемых площадей указанными культурами почти не изменилось. Произошло незначительное увеличение поголовья крупного рогатого скота.

Заметного расслоения жителей по классовому принципу не было. Выделялись семьи с сильным мужским составом. Благодаря большому количеству рабочих рук и трудолюбию многие из таких семей сумели построить полуторазэтажные или пятистенные дома. Семьи не делились и жили всем родом под одной крышей. Среди наиболее крепких хозяйств были семьи Василия Борисова, Ивана Даниловича Останина, Алексея Шаравина, Степана и Алексея Еремеевых. Это были крестьяне-трудоголики, у которых рубашки от пота не высыхали и от соли на спине стояли колом.

Была и голытьба – это лодыри, неумехи и обиженные судьбой и Богом люди. Правда, почти не было среди этих бедолаг пьяниц. Пьянство в простые дни резко осуждалось, поэтому пили в основном по церковным праздникам.

Первая мировая война почти не отразилась на жизни села. Мужики уходили на войну, некоторые погибли, часть возвратилась домой. Бывшие фронтовики - новорождественцы вместе с лысьвенскими большевистскими агитаторами и стали распространителями смуты, беспредела и террора по отношению к местным «врагам советской власти».

О приходе новой власти селяне узнали от агитаторов из Лысьвы в начале 1918 года. Они собирали жителей в доме у Никиты Важесова и агитировали за счастливую жизнь. Крестьяне, кого удавалось уговорить, стали записываться в большевики. Деревня всполошилась. Началось деление на два лагеря: одни – за новую власть, другие против, хотя подавляющее большинство новорождественцев, не чуя беды, продолжало жить по-старому. Но все чаще односельчан тревожили слухи о боях между белыми и красными. Особенно тревожно стало к концу весны – началу лета 1918 года.

Гражданская война до поры обходила Новорождественское, но в конце октября 1918 года в село нагрянули белые, а с ними пришла беда. Красные вместе с комиссаром успели разбежаться по лесам, а трое красногвардейцев спрятались в подвале у большевика Андрея Андреевича Ведерникова. Их скоро нашли и босыми привели в штаб, который разместился в доме Василия Ивановича Останина. Судьба солдат не известна, но никаких расстрелов в деревне не было. Контрразведка быстро выявила всех сочувствующих советской власти. У них забрали хлеб и дали по 40 розг. Не избежали этой участи и женщины. Некоторые, чтобы «смягчить» побои, надевали на себя все юбки, что имелись в обиходе, не предполагая, что бить их будут на лавке у церковной ограды с задранными до головы подолами. Было больно и стыдно. Белые поставили старосту, и жизнь потекла по-прежнему руслу. Нейтральному населению вреда никто не делал. За сено и продукты белые платили деньги. Постояв немного в селе, белые части ушли по старому тракту. Деревня снова затаилась в страхе.

На фото: Солдаты Гражданской войны

Новая напасть свалилась на жителей села в виде насильственной мобилизации сначала в ряды белой, а потом красной армии. Обременительными и опасными были армейские извозы по перевозке военных грузов. Зимой перемаялись, весной посеяли хлеб, и вот белые начали отступать. Их отход происходил довольно буднично. Солдатам явно не хотелось воевать, многие откровенно говорили о том, что хотели бы оказаться дома и покрестьянствовать.

В июле 1919 года в деревне появились красные. Начались расправы над «прислужниками» белых. У таких семей изымалось всё имущество. Ловили разбежавшихся по лесам мужиков. Стали хватать местных «богатеев». Сразу же арестовали Василия Борисова, Алексея Шаравина, братьев Еремеевых. У них конфисковали дома, а самих хозяев отправили в Кунгур и Пермь-Серьгу. Загорелись леса. Остаётся только гадать о причине пожаров: огнем выкуривали из лесов мужиков-беглецов или лесной пожар вспыхнул по неосторожности.

Началось строительство новой жизни. Хозяевами положения стали в основном бывшие бедняки. Активно работали на советскую власть Константин Степанович Запечалов, Степан Михайлович Русских, Сергей Филимонов, Афанасий Васильевич Скачков, Иван Иванович Санников, Григорий Мозжерин из д. Валюшино, Алексей Петрович Колодин, Никита Осипович Важесов, Григорий Михайлович Скачков, Виталий Евгеньевич Плотников.

Террор 1931 -1 937 годов

Весной 1920 года в урочище Зеленая был убит волостной секретарь Петр Федорович Бурцев. В 1918 году после возвращения с фронта он попал под влияние большевика Николая Агаповича Окунева и принялся активно устанавливать в округе советскую власть. Хорошо зная местность, он выловил несколько беглых мужиков, уклонявшихся от мобилизации уже в ряды Красной Армии, участвовал в реквизиции имущества у местных «богатеев». Имущество потом раздавали неимущим, правда все в деревне видели и знали, что наиболее ценные вещи - шубы, шали, платки - исчезали, а потом появлялись на плечах жён и родственников новоявленных хозяев.

Расследовать убийство Бурцева понаехали чекисты. Они арестовали и увезли в город подозрительных, часть из которых так и не вернулась домой. В память о волостном секретаре хотели переименовать деревню Бражники в Бурцево, но тщетно - народ никогда не называл деревню по-новому, и власти в конце концов сдались. Но поле, на котором был убит секретарь, ныне называется «Бурцевское».

«Военный коммунизм»¹ наше село обошёл стороной. Правда, страхи все же были. Многие прятали хлеб, но повальных обысков не было. С 1923 по 1928 г. деревня стала жить лучше, многие поверили в Новую экономическую политику большевиков². Единоличная жизнь крепким мужикам очень понравилась, законы общины теперь не мешали. Многие зажили ничуть не хуже, чем при царе. Казалось, что все плохое уже позади. Но впереди были страшные 1930-е годы.

С 1926 - 1927 годов власть стала обкладывать крестьян непосильными налогами.³ При этом цены на сельхозпродукцию падали, а на промышленные товары, напротив, росли. Вот пример налоговых обложений с разных категорий сельских жителей.

¹ Начало политики «Военного коммунизма» было положено большевиками в 1918 году запретом частной торговли, обязанностью всем гражданам от 16 до 50 лет трудиться, трудовой повинностью, продовольственной разверсткой, государственным распределением продуктов питания. В 1920 году были отменены деньги. «Военный коммунизм» - это разгул жестокой диктатуры, уравниловки, пренебрежение к интересам человека. - Ред.

² Новую экономическую политику (НЭП) принял в марте 1921 года X съезд РКП(б). Были разрешены предпринимательство и частная торговля, фактически был отменен декрет о национализации мелкой и кустарной промышленности, продразверстка заменена продналогом, вводилось материальное стимулирование рабочих, предприятия отдавались в аренду частным лицам или кооперативам и т.д. - Ред.

³ В 1925-1926 годах НЭП начинает сворачиваться. Страна вновь встала перед необходимостью индустриализации. Для строительства новых заводов и фабрик, железных дорог, машин и т.п. нужны были огромные финансовые средства. РКП(б) взяла курс на установление административного контроля города над деревней, ликвидацию рыночных отношений, перекачку средств сельского хозяйства в промышленность и т. д. - Ред.

А. К. Патласова, 1881 г. р., трое детей. Имеет дом с постройками, земли 0, 72 га; налог - 36.50 коп;

У. Г. Тетюева, 1890 г. р., детей нет. Есть дом и огород 0,3 га; налог - 24,35 коп;

М. С. Тетюев, 1874 г. р., жена Александра Алексеевна, 1870 г. р.; имущества нет, земли нет, детей нет. Повышенный налог в 65.00 руб. за то, что служит псаломщиком в церкви;

Яковлевы Анисья, 1884 г. р., и Наталья, 1872 г. р.; есть дом, сарай и ворота, земли 0,08 га, налог - 6.70 коп.

Учитывая курс тогдашнего рубля, суммы были очень даже приличные, а порой и просто непосильные. Но это было только начало. В 1929 году началась сталинская коллективизация сельского хозяйства¹. Первым делом раскулачили и выгнали из домов: Василия Борисова, Алексея Шаравина, Степана Еремеева, Алексея Еремеева. В их домах обосновались Степан Русских, будущий председатель колхоза, контора сельского Совета, торговая лавка и заготларёк. Дальше - больше. Началось создание коммун в селе Новорождественском и в деревне Заитовке, а в 1931 г. был создан первый колхоз. Кирилл Родионович Санников, Пётр Киприянович и, что совсем не понятно, сын «кулака» Иван Борисов вступили в колхоз добровольно. Обобществили тогда только лошадей и сельхозинвентарь. В 1932 году уже силой «загнали» в колхоз ещё 32 хозяйства. Обобществили практически всё. Из воспоминаний Е. И. Печкиной: «Все собрали в кучу. Хлеб выдавали раз в неделю, приплод от оставшегося скота забирали в колхоз, как и овощи с огорода, оставляя лишь то, что, по мнению властей, было самым необходимым».

В Новорождественском колхоз называли «Колос», а в деревне Чебота колхоз получил название «Красная звезда». Часть людей ушла в коммуну. Вспоминает Серафима Савватеевна Печкина, 1908г. р.: *«Прожили до 1930 года. Стали организовывать колхозы. Вступили сразу. Свёкор Кирилл Никифорович сдал в коммуну, чтоб не раскулачили, 20 пчелосемей, корову с телкой, лошадь. Надеялись на лучшее. Свекор стал пчеловодом вместе с сыном Алешкой, но поссорился с бригадиром, забрал постель и ушел жить в деревню Вязовка. Хорошо, что дом в коммуну не перевез. Ходил каждый день за 5 км на работу. Питались сообща в столовой, работал круглосуточный детский садик, молодежь учили грамоте. Ночами по очереди караулили колхозное добро. Молодежи такая жизнь нравилась. Для курящих на лавке стоял мешок самосада. Жили в двухэтажном доме, который в 1936 г. был перевезен в село и переделан в школу. Все дружно работали, обед в поле брали с собой из столовой. Прошло два года, коммуна разбежалась. За это время проели всё. Когда свекор собрался домой, то унес с собой дырявое ведро, в которое сложил щенков от коммунарсской собаки».*

Жить становилось все труднее. Не вступишь в колхоз – пропадешь, и в колхозе хоть плачь... Появился закон «О сохранности социалистической собственности». В народе его прозвали «закон о трех колосках», когда за присвоение хотя бы горсти зерна следовало жестокое наказание. Почти весь колхозный хлеб изымался в пользу государства. Были созданы машино-тракторные станции (МТС), их за глаза называли «нахлебниками». Колхозники голодали.

Вспоминала Г. С. Еремеева: *«Из южных районов России измождённые, опухшие люди тянулись и к нам в село. Умирали прямо на дорогах. Их хоронили на скотском кладбище или прямо у обочин. Было страшно, когда эти бедолаги ели конский помет, разогревая катыши на костре. Помочь им жители села практически не могли - сами жили впроголодь».*

¹ В начале 1928 года И. В. Сталин принял решение об увеличении темпов индустриализации за счет производственного кооперирования деревни – коллективизации. Летом 1929 года он провозгласил лозунг о «сплошной коллективизации». За отказ вступать в колхозы крестьян лишали избирательного права и «раскулачивали», т.е. отбирали имущество и лишали свободы. - Ред.

За горсть зерна арестовали Зинаиду Шаравину вместе с младшей сестрой, которой было около 13 лет. Наказание - шесть лет лагерей. Вспоминала В. Н. Бражникова, тоже жертва «закона о колосках»: *«За малую толику пшеницы для каши (около 300 граммов) меня осудили на два года, учли, видимо, что мать действительно умерла от голода.... Привезли в лагерь, мне 15 лет. Трусливая, забитая деревенская девушка, а там сытые, откормленные надзиратели. Каждый вечер группу девушек вызывали «мыть полы» и так до утра... Я так и не вышла замуж после тюрьмы. Лишь спустя много лет решила родить ребёнка».*

Трагична судьба крестьянина Алексея Васильевича Терентьева, жившего на самой границе колхозных земель в деревне Пальник. В годы НЭПа он построил собственными руками дом - благо, лес рос прямо в огороде. Раскорчевал клочок земли и решил крестьянствовать, заниматься охотой, пчеловодством, ловить рыбу в р. Култым и мастерить различные вещи: корзины, корыта, прялки. Но колхозное начальство выставило ультиматум: поскольку Терентьев не собирался вступать в колхоз, а до села от Пальника около 10 км, ему нечего делать на колхозной земле. Иными словами, приказали убираться с колхозной земли. И выгнали. Разобрал Алексей свой дом и по брёвнышку перетаскал его на себе за 50 м на другую сторону реки Култым на земли Березовского района. Но недолго радовался. Спустя 5 лет и Березовские власти добрались до него. Бросив все, мужик ушел, куда глаза глядят, а избу его потом спалили.

Конечно, были и такие, кто, вступив в колхоз, глубоко верил, что «светлое будущее» настанет. Не скоро, но настанет. И они радовались пышным революционным праздникам, искренне негодовали над «врагами народа», ликовали по поводу появления первого трактора в 1935 году и первого автомобиля в 1939 году, по поводу постройки новой школы в 1937 году. Они безропотно выплачивали «натуральный налог» с одного крестьянского хозяйства в год в размере 40 кг мяса, 240 штук яиц, 120 литров молока, 2-х фунтов шерсти, приобретали принудительные государственные займы, выплачивали денежные налоги, почти бесплатно трудились на колхозных полях и фермах.

Но, как оказалось, власти этого было мало. И до нашего села докатилась волна репрессий, поисков и выявлений «врагов народа». До сих пор оставшиеся в живых старожилы помнят так называемое дело «банды Колодина». Михаила Петровича Колодина, Ивана Савватеевича Запечалова и Василия Федоровича Зернина обвинили в развале колхоза. Чекисты в деревне перерыли все вверх дном. У Колодина нашли обычный «пугач», которым в деревне часто балуются мальчишки - это обыкновенная трубка, в которой спичкой поджигается порох. Грохоту много, а вреда почти нет, ведь стрелял он 2-3 дробинками на расстоянии нескольких метров. Самопал и стал главной уликой для следствия. Сначала арестованных долго допрашивали в г. Лысьве. По крайней мере, так «обработали», что жена В. Ф. Зернина Анфисья, сговорившись с милиционером, смогла увидеть своего мужа, но не узнала, так он был истерзан. Лишь по пёстрым старым валенкам она догадалась, что это был её Василий.

Дальше был показательный суд в Перми, на который ездила делегация из колхоза. Арестованные признались в таких «преступлениях», что люди ахнули. Тогда ведь не знали о методах допроса в тюрьмах и во время следствия.

Вот скорбный список односельчан, пострадавших от сталинских инквизиторов:

- Ковин Василий Кириллович и его брат Афанасий. Их подвели неосторожные разговоры. Василий попал в застенки за любимую фразу: «Доронькин пулемёт и их мать моя тяжёлая индустрия», а Афанасий спел частушку:

«Эх, яблочко, да с боку выгнило,

Советская власть с дому выгнала»;

- Останин Иван Ефремович при очередной уплате денег за облигации госзайма в сердцах сказал: «Провальная яма какая-то: платим, платим и конца не видно»;

- Скачков Михаил Симонович несколько раз врывался в контору колхоза и нецензурно ругал начальство: «Вы тут дурака валяете, идите работать в поле. Хватит перьями махать!»;

- Борисов Василий Дмитриевич и Кобелев Ефим Петрович пострадали как кулаки и торгаши;

- Гладких Григорий Семёнович, Гладких Алексей Васильевич, Гладких Пётр Афанасьевич, Русинов Василий Самсонович, Колодин Пётр Епифанович были арестованы, как выяснилось позже, по разнарядке. Об этом узнали, когда при переезде сельсовета из одной избы в другую была утеряна тоненькая папочка, где находилось предписание об их аресте. Содержимое этой папочки собственными глазами прочитала Санникова (Маштальер) Серафима Кирилловна, 1912 г. р.;

- Запевалов Иван Михеевич и Гладких Пётр Иванович пострадали как «пораженцы», т.е. не верили мужики в благо, которое им обещала колхозная жизнь;

- Шаравин Вениамин Петрович и его соперник Петька Епишкин попали в лапы чекистов из-за драки. Не поделили парни девушку - учительницу Мызлову, и пришлось им отбывать срок по политической статье;

- Афанасий Бражников был учеником 7-го класса. Между ним и учителем школы Тимофеем Петровичем Анисимовым возникли неприязненные отношения на бытовой почве. Учитель часто придирался к Афанасию. Однажды перед уроком ученик повернул портрет Сталина лицом к стене. Учитель это увидел и доложил куда следует. Финал этой истории понятен. Подростка арестовали, и больше он в селе не появлялся.

Вот далеко не полный перечень «врагов народа» из нашего села. Все они исчезли бесследно. Лишь один из них, М. С. Скачков, сумел прислать коротенькую записочку: «Сию в Соликамске, строим завод. Прощайте!».

В 1936 году в конце апреля в селе начали крушить церковь. Эту акцию возглавляли председатель колхоза, председатель сельского Совета и директор школы. Один спиливал крест, другой с помощниками срывали колокола, третий при помощи трактора рушил колокольню... Часть больших икон свезли в амбар на пиломатериал, а те, что поменьше, свалили на скотское кладбище и сожгли. Присутствующая при разгроме толпа переломала церковную ограду, прогнала священника Михаила Степановича Черепанова, изорвала церковные одеяния, часть из них позднее использовали в художественной самодеятельности.

После разгрома церкви священник сошел с ума. Он ходил по селу из дома в дом, и верующие кормили его, но старались поскорее вывести на улицу, сами боялись, что власти заподозрят их в нелояльности к режиму. Обычно выманивали старика из дома кусочком сахара или веником - любил батюшка чай и баньку. Он почти ослеп и ходил из избы в избу, держась за веник. В конце концов, его увезли в г. Лысьву, где он и умер.

А церковь?! Много лет стояла она с развороченной кровлей, пока не пригодилась сначала под амбар, а потом под клуб.

Крышу мало-мальски залатали, окна зашили досками, и вот уже 60 лет она не видит Божьего света - заживо похороненная, хотя сейчас называется сельским домом культуры (СДК). Кошунственно звучит слово «культура» в стенах храма, где на стенах намалеваны картины местным художником, звучит пьяный мат, стоит собачий холод зимой и угнетающая скука¹.

¹ Здание бывшей церкви сгорело в 2006 году. - Ред.

Подходил к концу 1936 год. 5 декабря была принята новая Конституция СССР¹. В селе по этому поводу устроили грандиозный праздник. Сварили артельно несколько бочонков (по местному - лагунов) браги и веселились под звуки гармошек классных гармонистов Ивана Петровича Окунева и Александра Гладких.

И как бы между делом за «колоски сели»: Клавдия Григорьевна Скачкова, Татьяна Русинова вместе с сыном, который в лагере сошёл с ума. Им дали по шесть лет лагерей за кражу килограмма зерна из сушилки, где они работали. В это же время органы НКВД «подобрали недобитого подкулачника» Павла Алексеевича Елисеева.

В 1938-1939 годах в колхозе был очень хороший урожай. Люди наконец-то наелись досыта. Впервые за 20 лет советской власти. Думали, что всё страшное позади. Но грянула война, сначала финская, а потом Великая Отечественная. 132 мужика ушли на фронт; домой вернулись только 45 человек. Из них к 1997 году в живых осталось 8 человек.

Война. Долюшка женская

Горе вошло в каждый сельский дом и стало испытывать людей на прочность. Уж как война ломала и корёжила женские души и судьбы! Но ведь выстояли, сумели выжить в условиях жесточайшего голода, непосильного труда, страшных вестей с фронта и тревоги за судьбу детей. Кажется, можно было с ума сойти от всего пережитого, но мои односельчанки выстояли. Многие, к сожалению, уже умерли, но остались записи наших бесед. Я их комментировать не стану, хотя и привожу в сокращении. Здесь, как говорится, не убавить и не прибавить.

Евдокия Ивановна Печкина (Чернышева), 1903 г. р.:

«Родом я из села Сосновка. В 1922 году вышла замуж за Фёдора Васильевича Печкина в деревню Вязовка. До войны пришлось пожить в коммуне деревни Заитовки, а затем мы переехали в село. Жили, работали, детей поднимали, а тут война. Горя хватило сполна. Фотографию мужа храню, как последнюю реликвию, командиром он у меня был».

Пелагея Васильевна Печкина, 1909 г. р.:

«Родилась в Вязовке. Замуж вышла в 1929 г. за Печкина Григория. Родила 11 детей. Выжило только трое - Слава, Раиса да Зоя. Всю войну работала в колхозе. Сначала разнорабочей, а потом конюхом. Все работы выполняла одна. Страшный голод, беспросветный труд. Часто еда была одна: лошади едят сено и мы тоже. Свой огород да хозяйство дали возможность выжить нам четверым».

Серафима Кирилловна Савинкова (Мамталяр), 1912 г. р.:

«Отец был первым организатором местного колхоза. До войны толком не жили, а война забросила на ЛМЗ, куда попала по разнарядке. Работала в шихтовом цехе. Грузили вручную металлические болванки весом 50 кг для мартена. За смену столько груза поднимешь, что жить не хочется, а все равно надо. Начальник наш носил фамилию Мамаев. Он казался нам хуже татарского Мамаю из рассказов о монгольском иге. Требовательный был, спасу нет. Наверное, и с него спрашивали так же, ведь завод № 700 давал для фронта броневой лист и многое другое. Однажды чудом не угодила в тюрьму, а дело было так.

Умер отец. Отпустили меня домой на два дня. Пришла домой, а это пешком 40 вёрст. Гроб сколотил сосед-старичок. Пошли могилу копать, а земля смёрзлась. Долбили- долбили, а выкопать не смогли – голодные, сил нет. Оставили покойника на кладбище и домой. Только на другой день докопали яму и захоронили отца. День прошел, а мне надо уж на заводе быть. Пошла к председателю сельсовета

¹ Конституцию 1936 года называли «Сталинской». Это был документ, провозгласивший главенство демократических принципов в условиях тоталитарного государства. Многие положения Основного Закона СССР были пустой декларацией и попросту бездействовали. Например, Конституция СССР расписывала права человека, гарантировала неприкосновенность личности и в то же время против человека действовала безжалостная репрессивная машина с массовыми арестами и расстрелами. - Ред.

Колодину Алексею Петровичу, дал он мне справку. Опять голодная пешком 40 вёрст шла до Лысьвы. Дома даже поесть нечего было, а на заводе меня уже ждут. Сначала Мамаев «воспитывал», а затем какие-то дяди в штатском. Красиво материли, но, слава Богу, не посадили. За работу давали хлеба по 600 граммов и карточки. Выжили. А вот родить потом так и не смогла. Работала на заводе до 1959 года. Потом домой потянуло, здесь и доживаю свой век».

Анфисья Николаевна Окунева, 1912 г. р.:

«Жизнь моя с детства была трудной. В семье у отца Николая Семёновича было 8 детей. Мать умерла при родах в 1934 году. Мне, можно сказать, с 1929 года крупно повезло. Украл меня местный гармонист Иван. Конечно, любила я его, а отец был против. Он был, ой, как крут! Вот мы с Иваном и сбежали в Заитовку в коммуну. До войны у нас уже две дочери было - Галя и Валя, а потом и сына Алёшу родила. Жить бы да радоваться, а тут война. Ушёл мой Иван и не вернулся. Он погиб на Украине, где сейчас дочь Галя живет. А война - это голод и холод. В первую зиму еще держались на старых запасах, а потом ели всё: гороховую соломку, кору липы, лебеду, крапиву и прочие травы (пиканы, пистики, ягоды, грибы). Из всего этого лепешки пекли. Сушили всё дома, а потом на мельнице мололи.

До войны Ваня мельником работал. Хозяйство держали, но ведь себе почти ничего не оставалось - всё уходило в налоги. Все, что можно было, на фронт отправляли, тёплые вещи, лапти. А трудились до упаду от темна до темна. В своем хозяйстве работали только ночью, да дети сколько могли помогали. Алёшка от голода умер, а после войны я так замуж и не пошла, чтоб дочерей не ставить в положение падчериц. Тайком ели прямо на работе зерно, но домой не носили. Три семьи за горсть зерна в тюрьме сгнили, так что боялись воровать. Даже дохлую скотину не разрешали есть, но мы порой всё же выкапывали и ели. А одежду носили латаную - перелатаную, из мешков шили, из всякого старья, лишь бы тело закрыть».

Антонида Петровна Ижикова, 1921 г.р.:

«До войны в колхозе работала. В 1940 году окончила курсы трактористов. Нас тогда агитировали на это дело. Выучилась, а тут война началась, и пришлось нам, бабам, весь груз на свои плечи переложить, мужики-то все на фронт ушли, остались старые да малые. Дали мне трактор «Универсал». Капризная была машина, особенно при заводке. Раз при заводке «сдало» и рукояткой мне руку переломило, заросла слава Богу. Вкладыши меняли часто. Открутишь картер, а он тяжёлый больно, сменишь баббит, и снова всё надо на место ставить.

Работали порой круглосуточно. Домой некогда сбегать, хотя бы в баню. Механиком у нас была Федотья Лаврентьевна Гладких, и мы трактористки - Анна Еремеева, Поля Худякова да Валя Важесова. Все поля успевали обработать. Железо ломалось, а бабы стояли. В редкие минуты передышек я, бывало, на балалайке играла, всё на душе светлее становилось. Хлеба давали по 2 кг на 5 дней на семью из 3 человек. В общем, выходило 200 г муки на человека в сутки. После войны дали трактор «Нати», на котором до 1953 года я и проработала. Потом в доярки ушла. Ладно, что ещё детей у меня не было, еще бы трудней пришлось».

Таисия Филипповна Санникова, 1925 г.р.:

«До войны в колхозе работала в деревне Мартелы. Отец погиб в самом начале войны. Собрали в колхозах коней на фронт - грузили их в вагоны на станции Тулумбасы. Один жеребец никак не хотел заходить в вагон. Отец храбрый был, взялся за узду и повел его по сходням, жеребец встал на дыбы, отец упал и оказался под копытами. Еле живого его домой привезли. Вскоре он и умер, оставив четверых детей.

По разнарядке сельсовета отправили меня на Чусовскую железную дорогу. Там я и стала ремонтником. Таскала шпалы и рельсы с 1941 по 1946 год. Адский труд. Хлеба, правда, давали по 600 г в сутки. В 1943 году вместе с девками из нашего сельсовета мы сбежали домой. За нами приехали и увезли обратно.

Отсидели по трое суток в КПЗ и снова работать. В конце войны эшелоны с военнопленными пошли. Остановятся на станции, выглядывают немцы из вагонов, насмеются над нами. Они, побеждённые, довольно сытые, на руках у многих золотые кольца блестят, а мы, победители, в лаптях, в рванье, голодные и измождённые, ответить не можем – их конвой бережёт. Такие вот парадоксы жизни. С 1947 года стала работать счетоводом-кассиром в Мартелах, а в 1949 году замуж вышла и в Новорождественское переехала».

Ульяна Григорьевна Окунева, 1924 г.р.:

«Мне 17 лет было, как война началась. Раз молоденькая и детей нет, то одна дорога - на лесозаготовки. Пять зим в лесу работала, два сезона на лесосплаве, а летом дома в колхозе и пахала, и сеяла, на косилке тряслась. Все местные реки от вершин до устья прошла. Первый сезон по р. Лысьве, а потом по Култыму и Шакве до Кунгура. В ледяной воде работали в лаптях, о сапогах и думать не приходилось. Особенно неприятная работа была - «лапушку» косить. Зарастают реки на мелководье водорослями, вот и скашивали их стоя в воде. Это, чтобы лес при сплаве не задерживался. Правда, за этот труд давали знаменитую «пятисотку» - хлеба по 500 граммов в сутки. Что помогло выжить? Да, наверно, молодость, вера в будущее и оптимизм. После войны детей нарожала, аж пять сынов. А теперь вот ноги не ходят и голова болит. Достала меня всё же война-то».

Таисья Степановна Бичурина, 1915 г. р.:

«С началом войны два года в лесу проработала, а с 1942-го работала техничкой в правлении колхоза и школе одновременно. Как служащей давали буханку хлеба на три дня и карточки, которые и то председатель сельпо утаивал. Конечно, 200 граммов хлеба в сутки маловато было. Трава спасала да картошка. А председатель сельпо до того доворовался, что застрелился, когда ревизия прошла. Пришлось поработать вместе с грозой деревни Данилюком. Ох, зверь был, как его люди боялись! Исчез после войны куда-то. В школе я до 1945 года работала. Трудно было в войну, но дети были хорошие. Весь школьный двор засаживали овощами, концерты ставили, в колхозе помогали. Худые, плохо одетые, без книжек и тетрадей, а учились хорошо. Легко мне с ними было, а вот потом в 1960-е уже пошли другие совсем. Наверно, родители, пострадавшие в войну, стали слишком баловать своих чад».

Заканчиваю эту часть моего рассказа об односельчанах, но хочется, чтобы люди поименно знали каждую труженицу колхоза «Колос», внесшую свой вклад в нашу общую Победу: Бичурина Таисья Степановна, Бурцева Крестинья Григорьевна, Важесова Раиса Петровна, Гладких Анастасия Григорьевна, Гладких Анастасия Яковлевна, Гладких Евдокия Ивановна, Гладких Ульяна Васильевна, Елисеева Ирина Тимофеевна, Елисеева Зинаида Григорьевна, Елисеева Любовь Максимовна, Елисеева Надежда Алексеевна, Еремеева Анна Семёновна, Запевалова Екатерина Сергеевна, Запевалова Пелагея Евстафьевна, Запевалова Анастасия Степановна, Зернина Серафима Савватеевна, Ижикова Антонина Петровна, Калабина Мария Игнатьевна, Кобелева Анна Григорьевна, Коваленко Анна Николаевна, Кокшарова Валентина Алексеевна, Колодина Елизавета Савельевна, Колодина Маремьяна Михайловна, Маракулина Мария Михайловна, Мамталяр Серафима Кирилловна, Окунева Анфиса Николаевна, Окунева Ульяна Григорьевна, Останина Анастасия Ивановна, Останина Екатерина Андрияновна, Останина Аграфена Петровна, Останина Павла Васильевна, Печкина Александра Ильинична, Печкина Галина Максимовна, Печкина Евдокия Ивановна, Подвинцева Ирина Афанасьевна, Птицина Александра Ильинична, Рагозина Анна Ивановна, Санникова Пелагея Васильевна, Санникова Фёкла Петровна, Сергеева Анна Фёдоровна, Сорогина Анна Евграфовна, Сорогина Фекла Васильевна, Сударикова Анна Константиновна, Шипигусева Евдокия Павловна.

У войны не детское лицо

Наравне с матерями светлый день Победы приближали и деревенские дети. Сегодняшние их сверстники едва ли представляют себе, как сельские «малолетки» жили и трудились в те неимоверно тяжелые годы. Вот воспоминания моих односельчан о военном детстве и юности.

М. Ф. Елисеев: *«Когда началась война, мне было 9 лет. Отец ушёл на фронт прямо с поля, где работал на тракторе. Даже проститься не успел с семьёй, хотя в то время у него родился сын. Он так и ушёл, даже не взглянув на новорожденного. Год я ещё поучился в школе, а с 10 лет начал работать в колхозе. Жили очень тяжело. Выручало своё хозяйство, но и из него приходилось платить огромные налоги и молоком, и мясом - себе оставались крохи. На всех нас в семье были лишь одни штаны более-менее хорошие. Так что изредка удавалось сходить на косогор за деревню, где собиралась молодёжь. Под гармошку пели частушки, плясали кадрили. В клубе за всю войну ни разу не был - ходить не в чем, да и мелковат был. В колхозе с 12 лет работал на лошадях. Всё делали, что заставят. Дисциплина была крепкая, как на войне. Голод был жуткий, а труд непосильный, но спасала вера в лучшую жизнь после войны».*

М. И. Калабина: *«Жили мы в Вязовке. Как и все, работала в колхозе наравне со взрослыми. Ох, и трудно было! Возили зерно в Лысьву на лошадях. Мешки таскать - силы нет; ухватимся за мешок вдвоем - втроем и тащим его по сходням. Домой обратно везли керосин или жмых. Лошадь падает. Бегаешь, ревёшь, уговариваешь её подняться, а у самой порой от голода круги плывут перед глазами. Поздно вечером приедешь, а на утро снова в путь. Если кто опаздывал, то бригадир Миша Черепанов ругал.*

Зимой из леса ружейную болванку вывозили. Это кряжи двухметровые из витой берёзы. Болванки тяжеленные, а снегу по пояс. Вот и ползаешь по лесу, собираешь их в кучу. Нагрузишь на воз и вперёд. При спусках с гор сани напирают, лошадь сдержать не может, начинает бежать и может запросто на поворотах расшибиться о деревья. Тогда стали «тормоза» делать - привяжем сзади на верёвку два бревна волоком и спускаемся потихоньку. Нужно было обязательно норму выполнять. Вот мы и решили с вечера дороги протаптывать, но опять новая напасть. Старички утром рано встанут и у нас бревна увезут. Мы режем и к начальнику с жалобой, а он нам посоветовал: «Поймайте старичка - разбойничка, да посите ему в ухо». Мы, конечно, старичков попугали да и начальник их пристыдил. Воровать они перестали, и даже помогали при нужде. Ну, а если порой удавалось в клуб за 3 км сбегать, то спляшешь кадрили 2-3 рядовки и снова домой. Лаптей не жалели - мама сама их плела».

Ф. И. Тетюев: *«К началу войны мне 10 лет стукнуло. В семье четверо детей, я самый старший. Отца убили на Западной Двине через месяц после приезда на фронт. Окончил я 5 классов и на работу в колхоз. Сначала боронил, а потом взяли на ферму скотником. Практически всю войну там и прожил в сторожке. Домой только в баню заезжал да за картошкой. Девки-дойarki в отдельном домике жили рядом с фермой. Вставал в 4 часа утра, убирал навоз и вывозил за ферму, после дойки вёз молоко в с. Покровку за 4 км, обратно вёз сыворотку или обрат. Потом снова управлялся с навозом, возил из леса дрова для печки.*

Частенько приходилось выезжать в поле, чтобы привезти обессиленную лошадь, на которой бабы сено к ферме подвозили. Привезём её, бедную, на ферму, подвесим на верёвках, чтобы не падала, немного откормим и снова в работу. После вечерней дойки снова еду с молоком, иногда и девки со мной в клуб соберутся. Попляшут там под гармонь, иногда кино посмотрят, а я жду «обрат» и девок - сплю под рогожей, если на улице тепло. Бывало, мастер сырзавода даст творога поесть. Это было великим праздником. Так проработал до 1944 года.

С 13 лет стал хлеб в Кунгур возить. Обрато керосин везли для тракторов. Лошади падали, а иногда и умирали в дороге. Их тоже надо было домой везти для отчёта. Хлеб сгружали в кунгурские церкви. Мешки таскали гурьбой - одному бы мешок ни за что не поднять. В дороге ночевали в д. Мечки. Старуха за ночлег брала по 5 рублей. Если удавалось её обхитрить и деньги утаить, а давали их в колхозе, мы складывались и за 10 рублей покупали хлеба буханку. На обратном пути голод донимал крепко. Лепёшки из коры липы, мякины и лебеды, приготовленные дома на дорогу, мы съедали раньше, в первый же день.

В Шакве (Березовский район) обычно ходили побираться, иногда вдвоём. Один в избе просит, а другой в сенках шарит что-нибудь съестное, но брали по совести. Люди в Шакве жили лучше. Они в Берёзовке на промкомбинате работали, хлеб и деньги получали, а у нас в колхозе давали по 200 граммов отрубей на человека да и то, если работаешь. Когда ничего не получалось с добычей съестного, то в Переборе уже заходили по очереди во все дома и просили поесть. Иногда давали немного горячей картошки. Вот так я и проработал до 1948 года.

Иногда меня спрашивают, почему ты голодал, ведь молоко и зерно всегда было под рукой, ел бы. Но это сейчас воруют, а тогда всё учитывалось до грамма. Попробуй не довези хоть 100 граммов - немедленно тюрьма и примеров тому было много. Мария Бражникова за 2 кг зерна получила 5 лет. А вот ещё случай.

Летом 1944 года (самый тяжёлый год) девки-дойрки Надька, Настя и Наташка решили мяса поесть. Сговорились со сторожем, а это был дед-доходяга, и зарезали корову. Мясо разнесли по домам в мешках. Утром стадо должны были выгнать на пастбище, а вечером после пересчёта собирались доложить по начальству, что одну корову пастухи потеряли или медведь задрал. Всё было рассчитано, но подвели коровы – почуяли запах крови и подняли рёв, а дальше... Розыски, избивание сторожа, и старик выдал сообщниц. Приволокли девок, заставили принести мясо. Председатель колхоза Анатолий Морозов бил их прикладом ружья, пока не разнёс его в щепки. Особенно избивал Наташку, самую красивую из девок. Её он принудил к сожительству ещё в 1943 году.

Составили процессию: впереди старик в коровьей шкуре, надетой подхвостьем на голову. Старик ничего не видел, часто падал, его пинками поднимали. Потом для глаз вырезали в шкуре дырку, а девки с мешками мяса шли сзади. Толпа зевак окружила процессию, и некоторые били палками «воровок». Четыре километра побоев и унижения. Из правления в д. Косулино повели в сельсовет в Покровку. Там Наташка попросилась в туалет. Морозов пошёл с ней, но девка вдруг рванулась и прыгнула в колодец, чтоб убиться насмерть. Колодец был 12 метров глубины. Опять ей не повезло, так как воды оказалось 1,5 метра, и она не утонула. Вытащили её, снова пнул её Морозов несколько раз сапогом и оставили до приезда милиции, а там суд. Дали им от 8 до 12 лет. Домой из тюрьмы вернулись двое, куда делись остальные, не знаю. Говорят, что Наташка сказала Морозову, когда её уводили милиционеры: «Чтоб ты этим мясом подавился, изверг!» После таких вот «показательных процессов» воровать боялись. Лучше с голоду умереть дома, чем в тюрьме. Жаль, что фамилии этих девчат вспомнить не могу, а вот этот самосуд до сих пор стоит перед глазами».

В. И. Тетюева: «В войну мы с сестрой Галей только в школу пошли. Тяжкое было время. Младший брат Алёшка умер от голода на первом году жизни в 1941 году. Отец воевал на фронте. Он погиб 29 января 1944 года на Украине в д. Осетняшки Кировоградской области. Мама в колхозе работала от темна до темна. Дома старый дед 77 лет и нас двое. Ели в основном траву, картошку и иногда снятое молоко. Всё сдавалось на фронт.

В школе не было книг, тетрадей и всего нужного. Выручала смекалка: чернила делали из сока свеклы и сажу, писали на любой бумаге. Ходили в обносках, правда, можно было марлю купить, она тогда дешёвая была. Помню, мама достала где-то несколько метров белого полотна, сшила нам с сестрой платья, и пошли мы в

школу как принцессы. Недолго длилась наша радость - соседская девчонка Галья порвала платье. «Это, чтобы вы не выделялись!»- сказала она. Школу вспоминаю с теплотой в душе. Там всегда было чисто, тепло и уютно. Учителя творили чудеса. Это Шипигушевы: Алексей Александрович и Евдокия Павловна, Павел Гаврилович Паршаков, П.В. Шупсов, А.И. Важесова и другие. Но особенно хочется сказать о техничке Таисье Бичуриной. Это она своими руками мыла, скребла грязь после лаптей, грела кипятком и всегда помогала то пуговку, то вешалку пришить, и никогда ни крика, ни ругани. Святой человек. Посмотри на её руки, они все распухшие в суставах, как корни старых деревьев. От труда беспросветного. Детей у ней было двое. Здесь в школе она и жила в маленькой комнатухе. Школьники хорошо учились, выступали с концертами, работали летом в поле и дома. Серьёзные какие-то ребята были, хотя порой и шалили. Как-то Ленка Санников бросил чернильницу и попал в лоб учителю П. К. Ковину. После этого он больше в школу не ходил. В колхозе работал с 4 классами образования.

А с какой торжественностью проходили любые вечера! Огромные концерты, декорации рисовали на газетах, подклеивая их на картошку. Особенно радостно встречали Новый год, Первое мая, Октябрьскую революцию. Школу я окончила уже после войны - 7 классов, а далее сама всю жизнь в школе проработала завхозом и техничкой».

Много приходилось мне слышать рассказов от ныне живущих и уже умерших людей о юности и детстве, опалённых войной. Конечно, бедность была жуткая, но молодёжь и дружила, и любила, даже пела и плясала. Изредка даже выпивали самогонки, но работали до изнеможения, а иногда и умирали на работе.

Александр Михайлов подростком ушел работать на завод в г. Лысьву, но сначала вместе с односельчанином Александром Окуневым закончил ФЗУ. Молодые были, неопытные. Давали им на заводе карточки на продовольствие. Конечно, еды не хватало. Если была возможность, из дома изредка привозили картошку. Решил Михайлов свои карточки продать, а на деньги покупать на рынке шанежки (тонкий кусочек хлеба и сверху чуть-чуть картошки). Короче говоря, проел он деньги за полмесяца, а дальше как жить, где что взять? Воровать не умел, в деревне вырос, где воровства никогда не было. Помочь было некому, и умер он прямо на разметочной плите в цехе, а Александру Окуневу кисть левой руки раздробило паровым молотом. В 17 лет он стал инвалидом.

Сейчас дети военных лет уже старички и старушки. Страна наградила некоторых из них медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» сразу после войны. Остальные получили эту медаль лишь в 1995 году.

Так и доживают свой век эти недоучившиеся, недолюбившие когда-то люди. Детство и юность сожрала война, непосильный труд - здоровье, бессмысленные реформы – веру в будущее. Но они и теперь говорят: «Чего стонать, хорошо живем! Работать надо, а не пить». Вот настоящий русский характер!

Колхоз после войны. На пути к коммунизму

С войны возвращались солдаты. Гремели застолья, пусть скудные, но радостные. Последние запасы капусты, картошки, молока – все выставлялось на стол, таковы уж наши обычаи. Сами есть не будем, а гостей угостим всем, что в доме есть. Собирались соседи, глядели с радостью и тоской в глазах на солдата и с последней надеждой спрашивали: «Не видал ли там, на войне, нашего-то?». Лишь однажды В. Ф. Санников рассказал о встрече в 1941 году с Андреем Печкиным под Брестом. Главное было в одном – война позади и впереди всех ждет светлое будущее, главное трудиться и терпеть временные трудности.

Война изменила людей, они утратили страх перед смертью и властью. Помню, как безногий Серега (Сергей Дмитриевич Терентьев) в пьяном виде в пух и прах материл местное начальство и кричал, что он Гитлера не боялся. Но Сталин быстро

опомнился и после речей и тостов в честь русского народа-победителя перешел к жестоким мерам. В 1946 году после работы «комиссии по делам колхозов» изъяли излишки огородов, ведь много людей погибло, и согласно нормам огороды урезали по оставшимся едокам. Началось насильственное уничтожение мелких деревень. В 1947 году постановлением «О мерах по подъему сельского хозяйства» наметили довести сбор зерна в 1950 году по всей стране до 12 центнеров с гектара, а в 1955 – до 16 центнеров или 100 пудов. За хищение госсобственности тюремный срок увеличивался от 5 до 25 лет. Отмена карточной системы и денежная реформа¹ деревни почти не коснулись, потому как жили всегда натуральным хозяйством, а живых денег в руках не держали.

В 1950 годы колхоз снова пережил укрупнение за счет сноса мелких деревень. Крупным хозяйством стало труднее управлять. Начальства становилось больше, а результат работы колхоза был хуже. С болью в душе колхозники пережили новую обрезку огородов. В то же время увеличивались посевные площади колхоза, но техники в хозяйстве не было. Вся она сосредоточилась в МТС, которые не только сеяли и пахали, но и обирали колхозы до нитки в виде платы за свой труд, а особые люди из «компетентных органов» зорко следили за этим. Так и дожили до марта 1953-го, когда страшная трагедия обрушилась на страну - умер Иосиф Виссарионович Сталин. Для нас это был шок. Я хорошо помню эти дни в Покровке. По всей деревне висели знамена с черными траурными лентами и портретами Сталина. В правлении колхоза круглосуточно говорило радио (батарейный радиоприемник). Люди с непокрытыми головами стояли и плакали. Парторг Павел Алексеевич² читал траурные речи и плакал сам. Потом в газетах появились большие портреты Сталина и фотографии Сталина в гробу. Это была поистине трагедия для всего народа. В Новорождественском траурный митинг проходил в школе, где работал радиоузел. Все проходило так же, как и в Покровке.

После смерти Сталина к власти пришел Никита Сергеевич Хрущев, но жить от этого легче не стало. Помню, как на нашу семью из 9 человек колхоз выдавал сена и соломы по 2 центнера и хлеба примерно столько же. Кроме этого одновременно государство изымало из семьи мясо – 25 кг, молоко - 250 литров, шерсть, яйца 80 штук, 2 шкуры и ненавистные займы в деньгах. Как выживали, не знаю. Ели все, что только можно. Помню, как я с маленькой сумочкой ходил весной по колхозному картофельному полю и искал перемерзшие клубни картошки. Затем мать промывала этот белый сгусток в колодезной воде и пекла лепешки. Горячими их еще можно было есть, но холодные они синели и становились, словно резиновые. Капуста, «паренки» всех мастей, кисели из отрубей, картошка и молоко с черным хлебом – вот главная еда того времени. Еще кормил лес ягодами и съедобными растениями. Мой отец был заядлым рыбаком, поэтому речная рыба у нас летом бывала часто. Хлеб в магазине продавали «на развес». Нам давали на семью по 2 килограмма. Если буханка была легче, то прирезывали к ней маленькие кусочки, которые отец разрешал по дороге к дому съедать. Это было великое счастье! В магазин за хлебом я ходил с первого класса. Бывало, отец сплетет лапти за ночь, продаст за 3 рубля, и я иду в магазин. Очереди были огромные, и я научился из-за малого роста проползать к прилавку между ногами людей. Бить за это взрослые не били, но порой тумачи доставались.

Вот так и жили, вернее, выживали. Тяга к жизни была великая. Тяжело жилось вдовам, но они не боялись заводить детей и растили их трудолюбивыми и порядочными. До сих пор стоит перед глазами такая картина. Летом от болота с ветками ольховых веников идет семья Лидии Дмитриевны Михайловой (в народе ее называли Лидка-Меланья). Впереди мать с большой ношей, за ней 5 детей с ношами все меньше и меньше в зависимости от возраста, а сзади семенит «последыш» Вовка

¹ В 1947 году. – Ред.

² Михайлов – Ред.

с 2-3 прутиками в руке. Жили страшно бедно, но весело. К ним в дом всегда можно было зайти. Если семья обедала, то и за стол усаживали, хотя кроме картошки, капусты да козьего молока у них ничего не было. Одежды и обуви на всех не хватало. Помню, мой сверстник Мишка выскочит на улицу босиком в 30- градусный мороз, пробежит по снегу метров 50 туда-сюда и на печь. Но все дети выросли здоровыми, честными, трудолюбивыми. У всех теперь хорошие семьи, дети и внуки. Ни один не спился и в тюрьму не попал.

Крупные домашние дела вершились «помочью». Сварит хозяйка браги или самогона, позовет соседей, они все сделают, выпьют немного и по домам. Если кто умирал, покойного провожало в последний путь все село. На свадьбах тоже обычно все присутствовали в качестве зрителей или гостей. Свадьбы тогда игрались по старинным обычаям, было весело и интересно. Во всей деревне не было замков, их заменяла палка у ворот. Коль просунута палка в кольцо, то никто и никогда не войдет - хозяина нет дома. Только жадные да богатые запирались на замки.

Весь скот свободно гулял на улицах и пустырях. Село было огорожено от колхозных полей, поэтому убежать скоту было некуда. Никто не калечил, не воровал живность. Коров, овец и коз пасли строго по очереди. Конечно, могли бы люди тогда держать скота в 2-3 раза больше, но кормить было нечем. Покосы не давали, зерна себе не хватало на еду, а огороды обрезали совсем. У нас, например, на 9 человек осталось всего 15 соток. Траву на сено разрешали только в болоте косить да веники в лесу заготавливать. Вот и бились колхозники, как караси на сковородке, а толку было мало. Чтобы держать корову, надо было проявить столько смекалки и трудолюбия, что равносильно подвигу.

Я и мои сверстники работали в колхозе с начала лета и до осени. Сначала сорняки пололи, затем на покосе работали, осенью картошку собирали и колоски. Зарабатывали крохи. За первый год я заработал 8 трудодней¹ с четвертью. Отец в шесть лет посадил меня на кобылу и заставил копны возить. Первое время тяжело было. К вечеру ноги на раскорячку, зад до крови смозолен. Вечером мать коросты сметаной смажет, а утром снова на работу. Потом, конечно, привыкаешь, да и седло старинное отец для меня приспособил - легче стало. До середины 1960-х годов сельские дети работали в поле наравне со взрослыми. Сначала копны возили, затем гребли на конных граблях, дальше уже копнили, а потом садились на прицепы к тракторам. Все эти университеты я прошел от начала и до конца.

Помню, как весной 1956 года мы с соседскими ребятами рано утром по насту пошли с санками за «обвершьями». Это прелое и гнилое сено, которое остается на земле после вывозки стога сена или соломы. Дома коров совершенно нечем было кормить. Договорились, что сначала сообщу привезем Михайловым, а во второй раз к нам. Нашли мы далеко за деревней эти гнилушки и привезли. В это время в конюховке парторг П. А. Михайлов призывал колхозников к экономии кормов и успешному завершению стойлового периода. Вдруг кто-то из колхозников в окно увидел, что с поля ребята волокут сено прямо в огород к парторгу. Вот смеху-то в конюховке было. Михайлов схватил ременный черессидельник и бегом домой. Мы же, как ни в чем ни бывало, разгружали этот злосчастный корм. Били нас зверски, но мне досталось поменьше. Я успел убежать, а своих сыновей парторг отчесал на славу. Затем нас заставил отвезти эти охвостья на конный двор.

¹ Трудодень – мера трудовых затрат, применявшаяся в колхозах с 1930 до 1966 года. Для колхозников был установлен обязательный минимум трудодней. Не выполнивший его подвергался исправительно-трудовым работам сроком до 6 месяцев. В годы ВОВ обязательный минимум был установлен для сельских подростков. Размер трудодня насчитывался после того, как колхоз выполнял обязательные поставки государству, рассчитывался с МТС и выплачивался колхозникам в основном натуральными продуктами. – Ред.

Как выживать колхознику? Начали тайком воровать. Отец мой И. А. Окунев с февраля в самую ненастную ночную пору на лыжах с кошельком (плетеная из мочала большая сетка – А. О.) уходил порой за 3 километра от деревни, чтобы принести ношу сена. Метель хорошо заметала следы. Иногда он засветло уходил с ружьем, якобы на охоту для того, чтобы натоптать следов, а потом снова шел в ночь и притаскивал ношу сена или соломы. Да дай ему тогда участок для покоса, он бы траву голыми руками нарвал, чтобы не мучиться с кормами для коровы. Без коровы семья могла вымереть от голода. Вот и мучились...

В конце 1950-х годов Хрущев «заболел» кукурузой. Что творилось в деревне! Огороды отрезали по баням - не более 15 соток в хозяйстве. Поголовье скота в личном пользовании строго ограничили. Все ягодные кусты обложили налогом и стали кукурузу - «королеву полей» - растить. На конном дворе при помощи самодельных прессов из торфа, перегноя и конского навоза изготавливали ручную торфоперегнойные горшочки. В них закладывали зерна кукурузы и в тепле проращивали. Затем на лучших полях с южным уклоном строго по разметке ручную сажали. Специальное звено женщин ухаживало за посевами, но результаты были плачевными. Потом техника появилась для квадратно-гнездового посева, удобрения минеральные и многое другое, но результаты были теми же. Промучились с этой кукурузой до самой отставки Хрущева в 1964 году и больше к ней не возвращались. В эти же годы были распущены МТС. Технику отдали в колхозы, которые не имели ни гаражей, ни ремонтных мастерских, ни квалифицированных специалистов по ремонту, и началось в деревнях создание кладбищ изломанной техники.

Но все же стоит в каждой деревне поставить памятник Н. С. Хрущеву. Он отменил советское «крепостное право». Бурное развитие промышленности потребовало много рабочих рук, и помаленьку из колхозов стали людей отпускать в города. Голубая мечта мужика о получение паспорта стала реальностью. Если раньше только самые отчаянные девчонки сразу после 7 классов могли через знакомых устроиться нянкой в городе, получить городскую прописку и паспорт, то теперь после долгих мытарств многие «выбивали» справки в колхозе и сельском Совете и уходили в город.

Наверное, главным событием села Новорождественское стало в 1960 году превращение колхоза «Колос» в совхоз «Лысьвенский». Стараясь обеспечить город Лысьву молоком и мясом, партийная верхушка области пошла на создание совхоза - гиганта. Его поля простирались от Лысьвы до границ Березовского района и были по размеру больше некоторых европейских государств. Резко менялась и жизнь будущих рабочих совхоза. Действительно, крестьянин становился в один ряд с рабочим классом. За бывшую колхозную собственность людям выплатили компенсацию и стали регулярно платить зарплату живыми деньгами.

Для жителей ближайших деревень село Новорождественское стало землей обетованной. Много семей переехало сюда из Покровки (Тетюевы, Михайловы, Кобелевы, Мазунины). Стали постепенно селиться татарские семьи. Вернулись домой из Лысьвы некоторые молодые люди. В общем, демография села изменилась до неузнаваемости. Старинные рода Печкиных, Останиных, Санниковых, Важесовых были оттеснены пришельцами. Это была первая волна миграции. Она не смогла нарушить традиционный уклад жизни.

А как хорошо жить стали! Работали много, дисциплину поддерживали строгую, молоко и мясо исправно поставляли в город, продолжали выращивать овощи. Осуществилась наконец-то мечта о хорошей жизни. Первым директором обкома партии назначил Ф. И. Важесова (управляющий 5 отделением). Объединение колхозов и создание огромного монстра под названием совхоз «Лысьвенский» проходило довольно спокойно. Люди действительно поняли и почувствовали выгоду от этого решения.

Ветераны Великой Отечественной войны из с. Новорождественское, 1985 год

Ф. И. Важесов, управляющий отделением 1961-1979 г.г. вспоминал:

«После окончания войны я вернулся домой. Здесь и женился на своей Вале. Конечно, положение деревни было очень трудным, но все крепко верили, что после этой ужасной войны мы все преодолеем и станем жить хорошо.

В 1947 году государство выделило кредиты на приобретение конного инвентаря, косилок, окучников, плугов, граблей, жаток-лобогреек и другого сельхозимущества. Этой помощи явно не хватало, но мы понимали, что восстанавливать страну после войны надо и больших иллюзий на особую поддержку не питали. Работали в основном вручную. А какие труженицы были! Жена Никиты Осиповича Важесова за день выжинала серпом до 50 сенок и при этом ещё вязала снопы и ставила суслоны.

...Обмен денег нас не коснулся. Хотя жена работала в аптеке и получала 400 рублей, денег в семье не чувствовалось. Буханка хлеба на рынке стоила 100 рублей, хотя госценны были низкие. В основном по карточке выдавали 600 граммов хлеба в день, изредка перепадало немного сладкого и совсем редко отпускали промтовары.

...Особенно наших женщин волновал налог на бедность. Платили все, у кого было менее 3 детей, правда, размер налога менялся пропорционально количеству детей. У многих мужья погибли на войне, и вступать в половые связи с кем попало вдовы не хотели. Религия, нравственность и верность мужу, пусть и мёртвому (многие не верили похоронкам и всё ждали и ждали своих любимых), не давали большинству вдов переступить ту черту, что в деревне называлась блудом. Конечно, государству нужны были новые работники и воины взамен убитых, но моральная сторона вопроса была просто не учтена. Какой вой стоял в конторе, когда вдовы платили эти 50 рублей.

...Началось укрупнение мелких колхозов и артелей. В округе было образовано четыре хозяйства: Валюшино, Сосновое Болото, Чебота («Красная звезда») и Ново-Рождественское («Колос»). В 1952 году Чебота и Ново-Рождественское объединились в единый колхоз «Колос».

После смерти Сталина и траурных церемоний немного полегчало. В конце 1953 году списали колхозные долги, а их накопилось много. Ссуды не успевали вовремя выплачивать, цены на нашу продукцию были мизерные. Государство часто выгрело осенью все зерно. Весной, чтобы засеять поля, снова давали ссуду на семена и кое-какой инвентарь. Так и сидели вечно в долгу перед государством, хоть и работали в полную силу. После списания долгов появилась надежда. В 1955 году в селе появились электричество, телефон, а потом и радиоточки. Старую мельницу, которая молола зерно, а в войну и всякую траву на муку, а также давала электричество, порушили.

В 1957 году отменили займы (одномесечная зарплата в рублях) и натуральный налог (оброк). Ну, думали, наконец-то дошли до зажиточной жизни. Но тут началась кукурузная эпопея, которая закончилась провалом.

В 1960 году нас преобразовали в совхоз «Лысьвенский». Начали строительство школы и интерната при ней. К 1964 году школу вместе с котельной пустили в строй».

К. А. Щукина, бухгалтер совхоза с 1957 по 1980 г.:

«До 1947 года жизнь нашей семьи была кочевой. Отец, спасаясь от колхозов, мотался по лесоучасткам. Родилась я в 1930 г. в деревне Нижние Исады, а затем были: Верх-Култым, Матвеево, Явыш, Пальник. В 1947 году переехали в Ново-Рождественское. Вышла замуж и с мужем жили в д. Рыжково, работали на Пронсинском деревообрабатывающем заводе, где изготавливали телеги, сани, дуги, пиломатериал и различные несложные деревянные изделия. В 1956 году завод и деревня сгорели в пожаре, а в 1957 году мы с мужем стали жить в Новорождественском. Я работала бухгалтером до 1980 года. Можно сказать, «пережила» 4-х директоров, вернее, заведующих отделениями. Это были: С. М. Русских, П. И. Кобелев, Ф. И. Важесов, Н. И. Спицин. После войны жили очень плохо, но была надежда и крепкая дисциплина. Работали все от мала до велика. В страду и сенокос выходили в поле и интеллигенты. В детсадах дети содержались до 1947 года за счет колхозов - еду ребенку родители приносили сами, а вот няне колхоз платил по трудовому в день. В колхозе тогда возделывали не только хлеб, но и овощи. Содержали овец, кур, свиней, гусей. Дисциплина держалась на страхе, но польза была. За тунеядство судили. За год надо было выработать минимум 240-270 трудовых. Обычно на трудовую давали по 5-10 копеек денег и 200-300 граммов хлеба. (Билет в кино стоил 2 рубля взрослый и 50 копеек детский). Пенсий не было совсем. Доходы только по труду. Во всем был строжайший учет вплоть до граммов. Колхоз люди считали своим.

С возникновения совхоза с 26 января 1960 года и началось разложение деревни. Оплата стала осуществляться за смену, а не за вложенный труд. Все это быстро развратило людей. Нескончаемый поток денег от государства окончательно отучил людей работать, а начальство - думать и отвечать за свои дела. Не стало ни порядка, ни законов. Смешно сказать, в деревне появились безработные. В деревне со скотом и землей работы круглый год хватает. Даже в теперешнее трудное время многие картошку не сажают, скот не держат. Как и век доживать, не знаю, ладно, сыновья у меня добрые и работающие».

З. А. Маракулина, рядовая колхозница с 1957 по 1981 год.

«Замужем официально не была. Вся юность и молодость пришлось на войну. Да и жили до 1957 чаще в лесу. В леспромхозе мочало драли, рогожи ткали и веревки вили. В колхозе «Колос» жили трудно, но с верой и надеждой. Все лога, болота, реки местные выкашивали вручную. Для телят заготавливали самое нежное и лучшее сено. Работали в поле все: учителя, медики и дети. Однажды крупным дождем на поверхность земли выбило горох, так школьники несколько дней ходили цепью по полю и палочками втыкали горошины в землю. Теперь, наверное, никого не поднять на такое и за деньги».

«Золотые» 1965-1985 годы

Решения мартовского Пленума 1965 года по подъему сельского хозяйства добавили оптимизма и материального благополучия жителям деревни. Финансы, техника, товары потекли в совхоз рекой. Началось невиданное до сих пор строительство. Вместе со строителями в село хлынула вторая волна переселенцев, которая начисто смела прежний патриархальный быт. Началось строительство грандиозного мясо-молочного комплекса, двух новых улиц с каменными 2-квартирными домами, двумя многоквартирными домами, прокладывались коммуникации водоснабжения и парового отопления, возводились два больших пруда для работы мелиоративной системы, разворачивались мастерские, гаражи, хранилище, 2 комплекса по переработке зерна, склады, прокладывались асфальтовые дороги, а затем были построены средняя школа (на фото. 1967 г.) и детский сад. В планах было строительство Дворца культуры и крупного административного центра.

Кажется, люди ошалели от размаха строительства. Село буквально менялось на глазах. Деньги текли рекой, зарплату платили аккуратно и во все больших размерах. А сколько создавалось новых семей! Кажется, со всего Советского Союза съехались в Новорождественское люди. Кого только здесь не было: корейцы, армяне, коми-пермяки, немцы, молдаване, украинцы и прочий люд, именуемый «шабашниками».

Жизнь в селе пошла развеселая, все больше пьяная и разгульная. Дисциплина начала падать, а к технике и прочим ресурсам стали относиться по-варварски. Девиз был один: «На наш век железа хватит». Небывалыми по размаху стали официальные праздники с премиями, застольями и массовыми гуляньями. И, казалось, что так будет вечно, ведь производство продукции росло, молока надаивали по 2500-3000 литров на корову и даже более. Создавались целые династии механизаторов: Окуневы, Щукины, Санниковы. Доярки Павлова, Бурцева, Елисеева, Сергеева, Санникова и многие другие прославились не только в районе, но и в области.

Однако уже в 1980-е годы появились первые признаки надвигающейся беды: старые кадры уходили на пенсию, а достойной замены не было, управляемость хозяйством падала, как и дисциплина труда. К технике и удобрениям отношение становилось просто бесхозным. Процветали пьянство и безалаберность.

Мясо-молочный комплекс и прочие чудеса техники не оправдали надежд. Комплекс ни одного часу не работал так, как было задумано, кочегарка быстро вышла из строя, а поливная система проработала 2 года, после чего ее забросили. Гидрослив навоза разрушал сами здания комплекса; создать городские условия для жизни даже в двух многоквартирных домах не удалось - слишком велики оказались затраты на содержание жилья.

Местных кормов для скота не хватало, поэтому совхозные «десанты» заготавливали солому в Казахстане и в соседних южных районах. Правда, обходилась эта солома в три раза дороже печеного хлеба. 1 кг соломы стоил 50 копеек, а булка хлеба - 16 копеек. Конечно, город помогал, чем мог. Ежедневно приходили грузовики с комбикормом, но с каждым годом себестоимость продукции росла, производство падало. Бешеные деньги развратили народ. Не имея своего, люди начали воровать. Пустыри около многоквартирных домов хаотично застраивались сарайчиками, в которых сельчане стали держать личный скот. Откармливали его печеным дешевым хлебом, который раскупали в магазине по фургону в день. Из «элитных» домов люди начали разбегаться теперь уже в двухквартирные коттеджи с сараями для скота и приусадебными участками.

В конце 1979 года совхоз «Лысьвенский» разделили на два – «Лысьвенский» и «Новорождественский», а в 1989 году совхоз «Новорождественский» распался на «Аитковский» и «Новорождественский», которые в 1992 году стали Товариществами с ограниченной ответственностью.

Ф. И. Важесов вспоминал:

«С 1965 года начали строить мясо - молочный комплекс, две новые улицы домов, пруд, дорогу, мастерские, хранилище, две КЗС-5, гараж, сушильные площадки.

Хорошо жили, зарплату платили регулярно, кредиты давали под 0,2 % годовых, технику поставляли в первую очередь. Как-никак наш комплекс должен был полностью обеспечить г. Лысьву продовольствием. Хотя я как директор совхоза, вернее 5-го отделения, был против строительства такого гиганта, но кто нас тогда слушал. Проблемы с кормами начались сразу. Кормить приходилось «с колёс».

31 августа 1979 года совхоз «Лысьвенский» распался на 2 хозяйства – «Лысьвенский» и «Новорождественский». Тогда же я и на пенсию вышел. Считаю, что страну мы кормили хорошо, ведь в магазинах тогда было все. Люди жили прекрасно и трудились на совесть, хотя, конечно, уже началось и пьянство, и нарушения дисциплины, но они были единичными».

«Перестройка» и рыночные страдания 1985-1990 годов

Горбачевская перестройка круто изменила жизнь нашего села. Сначала люди обрадовались – даешь демократию, хватит терпеть совхозных «баронов», партийно-хозяйственную бюрократию. Будем всех теперь выбирать. И выбирали. Старые руководители ушли на пенсию или потихоньку разъехались, а новых выбирали из тех, кто по духу ближе, кто громче других кричал на собраниях, но кричать на собраниях и руководить - не одно и то же. Полный упадок дисциплины и элементарного порядка окончательно подорвали совхоз. Повальное воровство, пьянство и дефицит всего и вся поставили село в условия выживания. Теперь уже и начальников выбирать стало не из кого. Умные односельчане наотрез отказывались, а смелых, желающих «поручить» в столь сложное время не находилось. Управлять селом из города и области почти прекратили, и остались люди неприкаянными и никому не нужными. Совхоз умирал прямо на глазах.

Перестройка закончилась развалом СССР и курсом на рыночные отношения. Как всегда никто не подумал о простом народе, о том, как он будет жить - выживать. Самое страшное было впереди. Начался раздел собственности. В результате кто-то приобрел легковые и грузовые автомобили, трактора и сельхозтехнику, а кто-то остался ни с чем. Источниками дохода стали спекуляция спиртными напитками, продажа сначала лома цветных, а затем черных металлов, махинации с лесом и пиломатериалами, выращивание скота за счет скармливания ворованных кормов и т.п. При этом большинство сельчан жило на пособия по безработице.

...Вот и закончился мой рассказ о родном моем Новорождественске. Что-то ждет его в наступающем XXI веке?!

1990-1997 г.

Председатели колхозов, директора совхозов и ТОО «Новорождественское»

Колхоз «Колос» объединил все мелкие товарищества и коммуны в единое целое в 1934 г.

1. Санников Кирилл Родионович 1931-1933 гг.
2. Филимонов Сергей 1934-1936 гг.
3. Колодин Алексей Петрович 1936-1941 гг.
4. Некрасов Иван Федорович 1941-1945 гг.
5. Санников Иван Иванович 1945-1947 гг.

6. Останин Петр Степанович 1947-1950 гг.
 7. Русских Степан Михайлович 1950-1961 гг.
 8. Важесов Федор Иванович 1961-1979 гг.
 9. Спицин Николай Иванович 1980-1981 гг.
 10. Волков Николай Алексеевич 1981-1982 гг.
 11. Иванов Виктор Николаевич 1982-1983 гг.
 12. Паршаков Аркадий Андреевич 1984-1994 гг., март.
 13. Фаткуллин Ильнур Мугинович 1994 г., март – сентябрь
 14. Асанов Роман Васильевич 1994 г., сентябрь - 1998 г., март
 15. Бражкина Ольга Александровна март 1998 г.
- Кроме них работали по несколько месяцев:
1947 г. – Скачков Григорий Михайлович
1960 г. - Кобелев Павел Иванович

по страницам газет

С. Н. Рождественск

Радостно живет в нашем колхозе Из истории села Новорождественского

Получив землю после победы над буржуазией в 1917 году, крестьяне села Н-Рождественского жили больше десятка лет, замкнувшись в своем небольшом хозяйстве.

Единоличный труд не давал хорошего дохода. Он был малопродуктивным трудом. Хозяйство росло медленно, оно было непродуктивным.

В 1929 году в отдельных селениях Н-Рождественского сельсовета организовались первые шесть маленьких колхозов. Эти колхозы были крайне слабы и сознательная часть крестьянства поставила вопрос о слиянии их в один крупный колхоз. Это предложение было принято. В 1930 году маленькие колхозы объединились в один колхоз и назвали его «КОЛОС».

Но, не имея необходимого опыта при коллективном труде и крепкого руководства, в первые два-три года трудовая дисциплина в колхозе была слабой.

Пробравшееся в колхоз кулачество не давало правильно организовать работу и встать колхозу на ноги. Заняв должность хозяйственника, кулак ЕЛИСЕЕВ ПАВЕЛ умышленно гноил колхозный хлеб, портил и выводил из строя машины. По его вине пало три годовых жеребенка.

Сообщники кулачества ЕРЕМЕЕВ ЯКОВ и ЧИГВИНЦЕВ МИХАИЛ также всячески стремились навредить колхозу, снизить его доход и доход колхозников. Они спелый колос ржи с зерном закладывали в силос, говоря, что силос будет питательнее.

Вредительские действия кулаков были разоблачены и кулаки были выгнаны из колхоза.

Все попытки классового врага развалить колхоз были биты. Колхоз с каждым годом крепнет, хозяйство его растет, колхозники неуклонно идут к новой радостной, зажиточной жизни.

С каждым годом увеличивается посевная площадь колхоза «КОЛОС». В 1932 г. всего посева были 763 гектара, а в 1935 году посевная площадь почти удвоилась, достигнув до 1.355 гектара. В том числе зерновых было посеяно 875 гектара. Средний урожай с одного гектара выражается 11,5 центнера.

Колхоз «КОЛОС» своевременно выполнил план хлебопоставок, после чего продал кооперации хлеба 820 центнера. К распределению на трудодни колхозникам остается зерна свыше 4.900 центнера. На каждый трудодень колхознику обойдется более 5 килограммов.

Зажиточная жизнь колхозников близка. Многие из них уже в нынешнем году получают хлеба такое количество, о котором они раньше не могли и мечтать.

Семья ударника колхозника **ЕЛИСЕЕВА ПЕТРА ИВАНОВИЧА**, состоящая из трех человек, за этот год заработает свыше тысячи трудодней и хлеба получит свыше трехсот пудов. А таких семей в колхозе «Колос» большинство.

С каждым годом укрепляется обобществленное хозяйство колхоза, растет поголовье скота на животноводческих фермах. Поголовье крупного рогатого скота за последние два года выросло на 129 голов и всего имеется сейчас 287 голов.

... Началось строительство новой большой школы. Намечен план озеленения колхозной улицы. Женщины колхоза окружены заботой. Организованы детские ясли. Каждая беременная женщина, согласно сталинскому колхозному уставу, пользуется двухмесячным отпуском.

12 декабря в колхозе «Колос» был большой праздник. На общем собрании колхозников председатель городского совета тов. **М. П. ШЕИН** вручил председателю колхоза **ФИЛИМОНОВУ** государственный акт на вечное пользование землей. 3407 гектар земли передано в пользование колхозу и закреплено за ним навечно.

Большой колхозный бал, был устроен в честь этого знаменательного дня. Нарядные хозяева колхоза - колхозники и колхозницы, поздравляя друг друга, пели веселые колхозные частушки. Задорно и весело плясала молодежь...

Искра. – 1935. – 17 дек.

Б. Бойко

В борьбе за зажиточную жизнь

В 28 километрах от Лысьвы, на правом берегу речки Шаквы, раскинулась небольшая деревня Валушино. Местные старожилы этой деревни рассказывают, как тяжела была их жизнь в старое время. С малоурожайных полосок земель распыленные индивидуальные хозяйства собирали хлеба так мало, что его хватало только до января. После чего они были вынуждены брать подряд на рубку леса и идти на сплавные работы, чтобы добыть себе средства на пропитание.

Это та деревня, в которой девять лет назад организовался колхоз им. Сталина, состоящий теперь из 44 хозяйств. К 1937 году колхоз уже начинал богатеть и укрепляться, но в его хозяйстве еще было много недостатков. Скот простой породы находился в примитивных дворах, нужных сельскохозяйственных машин для обработки земли было недостаточно. Теперь в бухгалтерских книгах записан целый перечень того, что колхоз приобрел за 2 года. На доходы колхоза куплены полусложная молотилка «БДО-34», автомашина, сноповязка, триер, сортировка «Клейтон», сортировка «Триумф», механические кормозапарники и целый ряд сельскохозяйственного инвентаря на 13.000 рублей. Большие капитальные затраты произведены на строительство свинарника, скотного и конного дворов, колхозного склада, на приобретение лошадей орловской породы, на улучшение породности скота.

Еще с большим энтузиазмом колхозники стали бороться за выполнение производственного плана, за поднятие урожайности полей. Сеять стали исключительно высокосортными семенами, на полях стали расти пшеница «Лютесценс 062», овес «Золотой дождь», ячмень «Винер». Подкормки и минеральные удобрения широко нашли применение в уходе за зерновыми культурами. В 1938 году средний урожай хлебов выразился в количестве 16 центнеров с гектара.

Завершением сельскохозяйственных работ колхозники колхоза им. Сталина встречают новый 1940 год. Обмолот зерновых закончен полностью на площади в 175 гектаров. Сдали обязательные поставки, выполнен план по сдаче молока и мяса государству. В новый амбар засыпано 200 тонн семян.

Если в 1938 году колхозное хозяйство, состоящее из 60 трудоспособных колхозников, дало 110 тысяч рублей дохода, то в 1939 году от животноводства и полеводства получено 132 тысячи рублей дохода. На распределение заработка по трудодням правление колхоза выделило 75.000 рублей. На каждый трудодень пало 3 рубля деньгами, 1,2 килограмма хлеба, 2,5 килограмма фуража и капусты 1 килограмм.

Так, например, конюх Дмитрий Афанасьевич Кобелев заработал 800 трудодней¹. Он в колхозе борется за чистоту конного двора, за сохранность молодняка, поставил образцовый уход за лошадьми. Получая деньги и хлеб в колхозе, он заявил:

- Мои трудодни не пропали даром, я еще с большей энергией буду работать в колхозе. Мне предстоит ответственная задача - это ухаживать за племенными лошадьми и это задание я с честью выполню.

Семья Василия Степановича Терентьева выработала в колхозе 1402 трудодня. Она получила 4.200 рублей деньгами, свыше 400 пудов хлеба, 3,5 тонны фуража и около 1 тонны капусты. Василий Степанович работает в колхозе кузнецом и, несмотря на свой преклонный 65-летний возраст, за один только ноябрь месяц заработал 45 трудодней. Сын Алексей Васильевич работает на колхозной лесопилке рамщиком и ежедневно выполняет норму на 170 процентов. Телятница Анастасия Терентьева добилась высоких показателей в уходе за молодняком.

Искра. – 1940. – 1 янв.

**А. Перескоков,
В. Ишмухаметов**

Колхоз «Авангард» через два - три года

В 1949 году колхоз «Авангард», над которым брали шефство коллективы горкомхоза, стройконторы и горторга, был экономически слабым. Животноводческие постройки находились в ветхом состоянии, собственных семян в колхозе было недостаточно. Перед нами, шефами, стояла задача - помочь колхозу выйти в число передовых.

Ознакомившись с хозяйством, мы сразу же наметили ряд мероприятий, которые необходимо было провести в самые короткие сроки.

Ежегодно для оказания помощи колхозу наши организации выделяли рабочих самых разнообразных специальностей: землекопов, бондарей, плотников, кузнецов и других профессий. Особенно оказывалась помощь в посадке и уборке картофеля, вывозке удобрений. За четыре года шефствования колхоз значительно окреп, хозяйство его выросло. Теперь он считается одним из передовых в районе.

Сельхозартель ведет большое строительство животноводческих и других построек. Осенью прошлого года пущены в эксплуатацию типовой птичник на 600 голов, овощехранилище, зернохранилище, силосная полубашня на 80 тонн, приобретены автомашина с прицепом, аппараты для дойки коров и стрижки овец.

Полновесным стал колхозный трудодень. Колхозникам выдано на трудодень 1 килограмм 200 граммов зерна, один рубль 20 копеек денег, мясо и другие продукты.

Недавно мы побывали в колхозе. На общем колхозном собрании, совместно с руководителями артели, разработали перспективный план по дальнейшему укреплению и развитию хозяйства артели на ближайшие два - три года.

Считаем, что ближайшей задачей артели является хорошая подготовка к зимнему стойловому содержанию скота. Чтобы своевременно привести фермы в полную готовность, мы направляем рабочих для проведения текущего ремонта скотопомещений.

С наступлением заморозков направим в колхоз транспорт. Из города этот транспорт повезет минеральные удобрения, а из колхоза - овощи для населения города.

Весной будущего года колхоз приступит к достройке электростанции с тем, чтобы пустить ее в эксплуатацию к началу уборки урожая. Все земляные работы будут проведены с помощью шефов.

¹ Нетипичная оплата за трудодень из-за неправильных расценок и нормирования отдельных работ, когда подсобные работники: конюх, кузнец, пиломрамщик получили больше, чем колхозник, занятый в полеводстве или животноводстве. – Ред.

С пуском колхозной электростанции механизмируются все трудоемкие процессы в полеводстве и в животноводстве. Колхоз сможет использовать электродойку, электрострижку и автопоильные аппараты.

В 1953 - 55 годах будет оказана помощь в закладке плодово-ягодного питомника. В связи с развитием овощеводства предусмотрено расширение парникового хозяйства. Здесь мы окажем помощь в изготовлении парниковых рам. Будут построены теплица, овощехранилище с установкой в нем чанов для засолки капусты, огурцов и других продуктов.

В 1954 году в мероприятиях по дальнейшему развитию сельского хозяйства предусмотрено строительство колодца глубиной 25 метров. В нем будет установлен центробежный насос, который будет подавать воду на скотные дворы. В этом же году построится механизированная кормокухня, где будут установлены кормозапарники, кормоизмельчители и другое оборудование. На животноводческой ферме предусмотрены строительство узкоколейной дороги протяженностью 250 метров, установка скотопрогонов и загонных площадок.

Большая помощь будет оказана в проведении политико-массовой работы на селе.

Изменится облик колхозной деревни. В перспективном плане намечено благоустройство центральной деревни Валюшино. Ее будут украшать чистые прямые улицы с тротуарами и зелеными насаждениями.

К концу пятилетки будет построено новое здание правления колхоза, расширено старое помещение клуба, избы-читальни, детских яслей и садика с устройством около них скверов и детских площадок.

Такой будет выглядеть через два - три года колхозная деревня Валюшино.

Искра. - 1953. - 18 окт.

Тимофей Анисимов

Колхоз растет и крепнет

Окреп и вырос колхоз «Колос», Н-Рождественского сельсовета.

Если в 1933 году в колхозе состояло 160 хозяйств, то сейчас имеется 206 хозяйств, с общим числом 678 человек. Посевная площадь растет из года в год. За три года она увеличилась более чем на 200 гектаров. В прошлые годы колхозники пренебрегали посевом пшеницы и травосеянием. В настоящее время 15 процентов всей посевной площади занимает пшеница, а посева клевера имеется 265 гектар.

Хозяйство колхоза механизмируется. Помимо машин МТС, колхоз имеет 16 молотилок, 32 жатки и косилки, полусложную молотилку, двигатель внутреннего сгорания, автомашину, трактор и другие сельскохозяйственные машины.

Большую помощь колхозу оказывает машинотракторная станция. Тремя тракторами МТС за летний период вспахано 1315 гектар. Есть куда заехать на стальных конях. За колхозом навечно закреплено 3407 гектар земли.

Растет и животноводство. Если в 1933 году было 170 лошадей, то сейчас имеется 214, крупного рогатого скота насчитывается 345 голов, из них 120 голов племенных и породистых, колхоз имеет 237 голов свиней, из них 44 племенных, 77 голов овец, 310 штук птиц и 186 пчелосемей.

Колхоз имеет собственные молодые квалифицированные кадры. За два года подготовлено три молодых счетовода, три ветработника и бригадир-животновод, комбайнер, восемь трактористов.

Со дня решения правительства о помощи бескорванным хозяйствам выделено 42 телки. Продано поросят с колхозной свинофермы 56 голов и роздано колхозникам 199 кур. Оказывается всемерная помощь многосемейным¹, сиротам, старикам и инвалидам.

Колхозники начинают жить не только зажиточно, но и культурно. Появляется вкус к предметам роскоши и развлечения. Колхозник Худяков Яков купил себе патефон

¹ Многосемейные (устар.) – многодетные. – Ред.

за 200 рублей, колхозник Колодин А. купил велосипед за 250 рублей. Более десяти молодых колхозников имеют гармошки.

Колхоз досрочно выполнил в нынешнем году зернопоставки. Сдано государству 1292 центнера по обязательным поставкам и 320 центнеров натуроплаты МТС. Зерно сдано лучшее по качеству.

Готовясь к VIII Всесоюзному Съезду Советов и борясь за сталинские 7—8 миллиардов пудов хлеба, колхоз полностью выполнил план вспашки зяби. Вспахано 600 гектар. Закончена сдача картофеля и мяса государству. Завершается весь цикл сельскохозяйственных работ текущего года.

Колхозники с увлечением читают и ведут обсуждение проекта сталинской Конституции. Единодушно одобряют его и в своих выступлениях выражают полное одобрение и преданность партии Ленина—Сталина, великую любовь к творцу новой Конституции Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Искра. – 1936. – 20 нояб.

• • • • •

Людмила Красильникова

Святая, как хлеб, деревенька моя...

Отсчет начат в 1869 году

Наша деревня Паинцы известна с 1869 года. Деревня расположена на южном склоне горы. С нее проглядывается стена леса, который раскинулся по всему противоположному угору. За деревней – необозримые поля и снова лес. У нас много пастбищных и сенокосных угодий. Леса не остаются без внимания местных и городских грибников, ягодников, охотников. Под горой из ключика по желобу в колоду течет вода, чистая и холодная. Старые жители ценят ключевую воду за ее особенный вкус. Ниже ключика раскинулся небольшой пруд.

Существует два объяснения тому, как появилось наименование нашей деревни. Первый вариант очень вероятный. Свое имя деревня получила от прозвища «паинец», что означает выходец с реки Пая, притока Сюзвы, протекающего по территории Нытвенского района. Второй вариант тоже правдоподобный. Для Лысьвенского металлургического завода требовалось много древесного угля. Крестьян высылали в близлежащие леса на его заготовку. Те, кто хорошо трудился на углежжении, получали паи земли. Отсюда - паинцы.

В Паинцах были четыре коренные фамилии: Шиховы, Чудиновы, Зотиковы, Рудометовы. В 1930-е годы в нашу деревню стали приезжать коми-пермяки. В 1932 году лысьвенские большевики приступили к организации колхозов. В Паинцах был создан колхоз «Новая деревня». Он включал в себя три деревни: Паинцы, Новую Деревню и Бабеныши. Рядом был еще один колхоз под названием «12 лет Октября». В него входили деревни Кульбики, Яшино, Фроловичи, Брагино, Рожково.

Жители Паинцев гордились своей маленькой часовенкой. Внутренняя ее часть была очень красиво убрана иконами. Когда не могли дожидаться дождя, служивший

здесь поп собирал людей и благословлял их идти по полям с иконами, молитвами и просьбами о дожде. И, как ни странно, на другой день шел дождь. Потом часовенка прекратила свое существование. Её переоборудовали в пожарную часть, на которой остался висеть большой часовенный колокол.

Урожай на полях был очень богатый. Колхоз «Новая деревня» славился на весь район. Но слава жила до тех пор, пока власти не стали забирать все зерно в счет отстающих колхозов. Один год все выгребли в закрома государства, другой год повторилось то же самое, а с третьего года, как-то само собой получилось, урожаи на паинцевских полях стали все беднее и беднее...

Электричество в деревне появилось перед Великой Отечественной войной. Электроэнергия поступала со станции Кутамыш.

Зарождение традиций

Многие годы гордостью Паинцев была школа. Её построили без единого государственного рубля силами жителей деревни. Для строительства крестьяне сами заготавливали и возили на лошадях лес, сами били и возили камни под фундамент. В 1937 году начальная школа была открыта. С этого времени ученики перестали кочевать по временным помещениям, расположенным то в одном доме, то в другом.

В этом же году паинцевская молодежь создала комсомольскую организацию, состоявшую из 30 человек. Это были ребята и девушки из Паинцев, Кутамыша и Белой. Явка на комсомольские собрания была обязательной для всех. Деревенские комсомольцы организовали отличную самодеятельность, традиции которой продолжали жить более 30 лет. Первые комсомольцы заработали в колхозе деньги и купили для самодеятельности гитару, балалайку, а потом ездили с концертами по окрестным деревням. Комсомольцы проверяли, как охраняются трактора, конный и скотный дворы. Секретарем комсомольской организации был Михаил Шихов. Позднее Михаил Иванович стал директором Паинцевской школы.

Небольшая партийная организация была создана в 1946 году. Председатель колхоза Сметанин одновременно был и секретарем партийной организации.

Из односельчан, много потрудившихся на благо родной деревни, следует назвать первого директора Паинцевской школы Сергея Лазаровича Леонтьева. Это был поистине уважаемый человек. До сих пор его вспоминают бывшие ученики. Когда Сергей Лазарович выходил из учительской, по обыкновению держа за спиной одну руку, «школяры», а их было очень много, вставали по стойке «смирно» по обе стороны коридора. Такими тогда были взаимоотношения между учителями и учениками. Они уважали друг друга.

В годы Великой Отечественной войны Сергей Лазарович воевал, был разведчиком. В его отсутствие в школе директорствовал Тимофей Петрович, затем Иван Иванович Востокнутов. Вернувшись с фронта, Сергей Лазарович снова возглавил школу. Затем была директором Александра Тихоновна Зубарева, после нее Дина Петровна, а с 1959 года Михаил Иванович Шихов. Директорами также работали Иван Петрович Шульгат, Нина Петровна Анорина, Евгения Гавриловна Беспалова и Александра Ивановна Ложкина. В паинцевской школе учились ребята из многих деревень: из Кутамыша, Белой, Кульбики, Рожково, Брагино, Оленей, Сои, Выломово, Таборцев, Латышей. Жили они в интернате. В 1975 году школу закрыли.

О чем вспоминают березки...

Одна из достопримечательностей Паинцев – школьный сад. С ним связаны воспоминания почти каждого жителя нашей деревни. Когда бывшие ученики приезжают в деревню, они обязательно пройдут по саду, вспомнят, как высаживали деревья, найдут «свое» дерево. «Эти березки я посадила», - вспоминала Л.А.Петухова, приезжавшая навестить родные места. Сад теперь – гордость деревни.

...Это было до войны. Директор школы Сергей Лазарович Леонтьев съездил в лысьвенский парк и с него снял план для будущего школьного сада. Посадили деревья, но не огородили сад забором, и всю посадку поели животные. Осенью 1955 года председатель колхоза «Прогресс» Вячеслав Михайлович Ощепков выделил транспорт для поездки в лес за молодыми саженцами. С группой ребят поехала в лес учительница В. А. Федосеева. Другая группа с учительницей Л. М. Шиховой выкопала ямки, в которые и посадили привезенные саженцы. Лето 1956 года было жарким. Старшие школьники для полива деревьев возили воду в бочке на лошади. И молодые посадки стали расти! Были посажены многочисленные кусты смородины, крыжовника, яблони. Сад огородили.

Какой богатый урожай смородины собирали! Варили варенье. Оно было непременно лакомством учеников на чаепитиях, которые организовывали к праздникам. Оставались ягоды и на продажу. На вырученные деньги купили для школы баян, лыжи, совершали интересные поездки с экскурсиями в Лысьву. В посадке деревьев и кустарников, уходе за ними помогали учителя Л. М. Шихова, Л. В. Шихова, А. Т. Зубарева, А. Н. Абатурова, В. Н. Федосеева. На пришкольном участке был огород. На нем выращивали картофель, морковь, огурцы, свеклу, капусту. Ученики помогали пропалывать грядки, поливать растения.

Почин учителей и учеников подхватили местные жители. Они стали озеленять деревню, высаживая деревья возле своих домов. Степан Александрович Каменских посадил вдоль огорода черемуху и рябину. Мария Осиповна Федосеева - яблони, рябины, черемуху. Сергей Иванович Шихов предпочтение отдал тополям. Этих людей уже нет в живых, но они оставили о себе добрую память. Буйно цветут яблони на бывшей усадьбе Анны Степановны Федосеевой. Раздался вширь, как богатырь, и пошел в высоту - выше крыши стоит тополь, посаженный Колей Каменских.

Т. И. Носкова, работавшая воспитателем в детском саду, вместе с заведующей Т. А. Голевой посадили березки возле детского сада. Детсада на этом месте нет давно, а березки растут, радуют нас, жителей. Эти женщины, приезжая в родную деревню, обязательно на свои березки посмотрят, наказывают беречь их.

В 1975 году Паинцевскую школу закрыли. Многим жителям пришлось уехать из деревни - нужно было учить детей. В деревне осталось менее сорока человек, да и те в большинстве своем пенсионеры. О детских голосах здесь надолго забыли.

В 1984 году люди стали вновь приезжать в деревню. Открылись детский сад, начальная школа. Жители построили несколько домов, провели водопровод и установили водозаборную колонку, словом, возродилась деревня.

Высокой ценой завоевано счастье...

Возле школы возведен памятник погибшим в боях за установление советской власти на Урале. Учитель начальной школы В. А. Федосеева с ребятами посадили у памятника елочки, березки, которые незаметно выросли. Вместе с заведующим клубом В. П. Федосеевым школьники разбили вдоль дороги аллею Победы.

Имеется в деревне и памятник, посвященный Великой Отечественной войне. К дню Победы над фашистской Германией на памятнике укрепили памятные доски с надписью «Вечная память погибшим на фронтах Великой Отечественной войны». Фамилии 48 погибших земляков перечислены ниже. Это 18 жителей Паинцев, 16 жителей Белой, 14 – Кутамыша. Каждый год у памятника проходит митинг. Собравшиеся поминают погибших минутой молчания.

Насмерть бился с врагом житель нашей деревни Петр Александрович Рискос. Он участвовал в боях под Москвой, освобождал от врага города Орел, Минск, Сталинград, Калинковичи Гомельской области. Петр Александрович отправился на фронт молодым парнем. Словно «заговоренный» от пуль три года он шел по фронтовым дорогам. Свою воинскую работу выполнял, как землю пахал: добросовестно, честно и смело. Сначала был пехотинцем, а затем танкистом. В боях в Восточной Пруссии получил

тяжелое ранение в плечо. За свои подвиги награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны, двумя медалями «За отвагу», медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда». После войны Петр Александрович растил хлеб, работал слесарем, был кузнецом.

Отважно воевал другой наш земляк – Сергей Иванович Шихов. Он и его жена Любовь Матвеевна были уважаемыми людьми. До и после войны Сергей Иванович пахал землю, был председателем колхоза. Любовь Матвеевна работала учительницей в Паинцевской школе. Они воспитали достойных детей. Их сын Леонид – замечательный труженик, о котором говорят «Мастер на все руки». Дочь Надежда закончила Пермский политехнический институт, дочь Вера – Нижне-Тагильский педагогический институт. Родители никогда и ни с кем не ругались, и детей своих они вырастили людьми высокой духовной культуры, тактичными и деликатными.

Долго будут помнить в деревне мастера-умельца Василия Елисеевича Девяткова. Много он умел делать: плел лапти, мастерил санки для детей, лошадиные сани и кошевки, коромысла, корыта для рубки капусты, вил веревки, ремонтировал хомуты... Нет теперь такого человека.

Тяжелые испытания выпали на долю женщин, оставшихся в войну без кормильцев с маленькими детьми на руках. Испытывая неимоверный холод и голод, они что есть мочи выполняли обязанности мужчин: запрягали и распрягали лошадь, ездили с зерном на мельницу, причем в одиночку, работали на лесозаготовках, метали зароды, жали серпом рожь, ремонтировали трактора в МТС, возили молоко в город, пасли коров. Трудились поистине самоотверженно. Вот имена этих славных женщин:

- Александра Прокопьевна Федосеева, вдова фронтовика, награждена медалью «За доблестный труд»;
- Екатерина Николаевна Девяткова подростком трудилась на лесозаготовках;
- Анна Александровна Рискова работала дояркой;
- Екатерина Ивановна Рискова ходила за плугом и пахала поля, могла выполнить любую мужскую работу;
- Александра Михайловна Богатырева всю войну работала трактористом и комбайнером.
- Ирина Андреевна Решетникова работала на тракторе и сама же его ремонтировала.

В 1944 году Ирину Андреевну отправили в Ленинградскую область. Там она пахала поля и во время работы наехала на фашистскую противотанковую мину. Взрывной волной ее выбросило на землю, а трактор раскидало по частям в разные стороны. Чудом женщина осталась жива.

Не хлебом единым...

И после войны нелегкой была жизнь, но все же находилось время у сельчан для отдыха. Художественная самодеятельность, созданная первыми комсомольцами, кажется, всегда была в Паинцах. Клубом заведовала Мария Ивановна Федосеева, но особенно запомнился Константин Данилович Клементьев, организовавший в клубе хор. Сначала хор был без музыкального сопровождения, а потом привлекли баяниста – самоучку Валентина Павловича Федосеева и пели под баян. Надолго запомнилась пьеса А. П. Чехова «Медведь». Любовь к сцене сельчанам прививала завклубом Ира Гордиенко.

Коллектив Паинцевского клуба не раз выезжал на смотры художественной самодеятельности в Лысьву, во дворец ЛМЗ и во дворец ОАО «Привод», на проводы русской зимы, выступал в драмтеатре, в Липовском доме культуры. Несколько раз участвовал в фестивале «Кыновские зори», выступал в Пермском районе и, конечно, в родной деревне и окрестных деревнях: в Оленях, Кутамыше, Сое, Талой, Заимке. Коллектив паинцевской художественной самодеятельности неоднократно награждался Почетными грамотами.

Долгое время завклубом работал Валентин Павлович Федосеев. Участниками художественной самодеятельности были Голевы Тамара и Виктор, Гордиенко Ира и Евгений, Маргарита Павлова, Лидия Каменских, Федосеевы Валентин Павлович и Валентина Александровна, Анна Николаевна Абатурова, Александра Тихоновна Зубарева, Людмила Ивановна Павлова, Нина Петровна Анорина, Сергей Тимофеев, Александр Ходырев, Любовь Васильевна Шихова, а позднее Лена Богатырева, Нина Тимофеева, Нина Кычкина. В последние годы, примерно с 90-х, в самодеятельности участвовали Валентина Сунцова, Галина Федосеева, Светлана Лапаева, Людмила Красильникова.

Жители нашей деревни любили читать. Первая библиотека, которая открылась в 1955 году, располагалась в двухэтажном деревянном доме на втором этаже. Первым библиотекарем была Александра Павловна Ладейщикова. Она жила в деревне Кутамыш. В Паинцы на работу ходила пешком или приезжала на лошади. После нее в библиотеке работала Анна Николаевна Абатурова.

Со временем книги перевезли в бывший дом Рудометовых. Анна Николаевна сдала библиотеку Нине Попониной, имевшей специальное образование. Профессиональным библиотекарем была и Людмила Ивановна Мальцева, сумевшая увлечь читателей игрой в шахматы. В то время на абоненте было записано 120 школьников и взрослых столько же. Затем в библиотеке работала Зоя Васильевна Вшивкова.

Дом, в котором располагалась библиотека, начали ремонтировать, и книги перевезли в школу. Здесь библиотекарем была Нина Павловна Каменских. Она ходила на работу из Латышей. Книги снова перевезли в двухэтажное здание, а библиотеку принял Валентин Павлович Федосеев.

Дом Рудометовых отремонтировали, и книги вернулись на свое место. В 1978 году библиотекарем работала Ирина Гуцу, а с 1983 до 1994 года – снова В. П. Федосеев.

В библиотеке проводились различные массовые мероприятия. Особенно запомнился вечер, посвященный памяти С. А. Есенина. К участию в нем Валентин Павлович привлек учительницу литературы из Лысьвы Людмилу Николаевну Ульянову. Интересно прошел вечер памяти Владимира Высоцкого, на котором звучали его песни в грамзаписи. Много людей собралось на праздник Рождества Христова. Из множества мероприятий, проведенных по инициативе библиотеки, запомнились также экскурсия по родным местам и встреча с фотокорреспондентом газеты «Пермские новости», участником международных фотовыставок Борисом Николаевичем Максимовым.

Сегодняшняя жизнь Паинцев не похожа на ту, что была прежде. Настали другие времена. Не звенят над деревней веселые голоса школьников, не слышно тракторного гула на полях, не пасутся в окрестностях стада скота. Зарастают лесом поля – кормильцы, но деревня жива, потому что мы не можем жить без нее, как не может человек жить без хлеба.

2000 г.

----- по страницам газет -----

Борис Максимов

Ностальгия по-деревенски

Паинцевские селяне частенько собираются на посиделки. Еще недавно народу больше было, теперь уже в новом клубе (успели до перестройки поднять) на 80 мест едва набирается два десятка своих. Да и откуда взяться народу, если на всю деревню осталось 4-5 семей. Все почти родственники. Больше всего бабушек. Дедов уцелело трое-четверо. Пацанье под ногами вертится. Парни, с петушиного голоса на бас переходящие, важно выходят покурить.

После традиционного самодеятельного концерта ребяшня убегает по домам, расходится молодежь – у них свои вечера для танцев за полночь, в клубе остаются те, кто постарше. Чокаются, выпивают рюмку – другую, закусывают принесенной в складчину из дома снедью. Пройдутся по кругу под развеселую гармошку старушки, споют в перерывах старинные песни. Вспоминают жить-бытьё:

- Сколько же нас было? Одних ребятишек в местной сельской школе 120 училось, а в прошлом году всего четверо. Да и школа – то заброшена, теперь в одной комнате уместается вместе с учительницей.

Жалостливый, с тоской по прошлому, перебивает всех монолог Елизаветы Архиповны Катаевой:

- Веселье-то какое раньше было? По праздникам все в новых белых платочках, юбках, кофточках. Откуда брали? На выход было. Из деревни в деревню, пока все не обойдем с песнями и плясками. Все счастливые. И так же весело, нарядно встречали первый день полевой страды. Особенно на покосе. Как на картине, рядами шли по большому лугу, только косы сверкают при взмахах. От души работали, с солнышком вставали. Идешь – пшеница высоченная, и такая радость на душе... А ныне... Зачем это деревни нарушили? Ничего на полях не родится. Корма неприбранными сгнивают. Лодыри! Никому ни до кого дела нет. Мой «дедушка» (муж) умер, так за все его труды на похороны дали 5 тыщ, на солярку для трактора на кладбище увезти и то не хватило. А он и трактористом, и кузнецом, и председателем ночей не спал, работал, да и войну прошел.

Старики с недоумением, незлобивостью к властям констатируют, что, как бы ни трудились люди, бедно жили всегда. Припоминают, как из жизни вырос в Паинцах свой местный тип неудачника – бедняка. С юмором сыплются байки:

- У Изосима спрашивают: ты что летом в ватных штанах? Отвечает: я их зимой-то на другую сторону переворачиваю. Вот износились эти штаны до того, что одни дыры остались да катышки и упали с него посреди деревни. Ничего, перешагнул и дальше пошел.

- Что, у тебя Верка – то опять в положении?

- Да, опять, Ванька-граф приезжал. Наделает ребят, а я вожусь.

- Председатель ругается: ты, Изосим, опять дров не припас, зимой замерзнешь с семьей. «А вот соседи истопят – и нам тепло».

- Изосим вместо подушки полено клал, в бане спал, досыта ел дважды в год – в Троицу на праздник угощали, и в Троицкую субботу в поминки на кладбище набирал еды.

- Захожу к Изосиму, а он в чугунке варит обед. «Что, наверное, одну картошку»? - «Нет, смотри-ка, – крышку открывает, – вона сколько, посчитай». А там картошка такая «крупная», как гороху насыпано...

В тяжкие 30-е и военные годы голодали все. С ильмовых деревьев кору сдирали, сушили впрок. «На мельницу – мешок, а обратно этой муки – пригоршню. Матери напекут как лепешки, а вкусно-о-о».

Помнят в деревне, как еще недавно и земля была ухоженная, и леса вокруг стояли дремучие, и кристально чистые реки текли. Как былина звучит:

- Дед Савва возрастом 91 год бежит как-то по деревне. Ладом – то не ходил, все бегом. В апреле – босиком, а снежок еще кой-где остался. У него штаны засканы, рубаха нараспашку, борода по сторонам развивается. Сам маленький, круглый. Приезжие милиционеры рты разинули, говорят, как из сказки выбежал.

- Параня-красуля была, богатырша, мужиков на работе обгоняла. Охотница, лосей ловила, петли ставила на лесное зверье...

Но нет теперь такого зверья и птицы лесной. Отшумел подчистую вырубленный высоченный бор, а с ним деревня Тайга. Исчезли чистейшие родники, среди которых и целебный был, сероводородный. Рушатся последние дома опустевшей деревни Родничной. И следов не осталось от речки Седунки и одноименной деревни. В речке Белой окрестные жители рубахой черпали рыбу! Пять деревень пропало. Только самых близких по соседству. Не считая хуторов. Совсем недавно, за 5 лет, как война, прокатилась перестройка.

руководил всем этим хозяйством. Мы с ним воспитали четверых детей: Людмилу, Надежду, Андрея, Татьяну. Несколько слов скажу о своем свекре - Григории Ивановиче Колодине. Он был родом из Новорождественского (в просторечии Чингала). Практически всю войну работал на заводе, а с 1944 года его с женой Клавдией Петровной откомандировали работать на пасеку в деревню Талая. Здесь же, на пасеке, с 1960 по 1967 год работал и их сын, мой муж Николай.

Хорошо помню жителей деревни Бординских: Николая, его жену Анастасию Кузьмовну (она работала дояркой), двух их сыновей - Юрия и Геннадия, дочерей - Нину и Марию. Старожилками деревни были:

Матвей Литвин с женой Серафимой. В их семье росло пять детей: Анатолий, Валентина, Татьяна, Николай и ещё одна дочь, имени не помню;

Аркадий Александрович Рязанов (работал бригадиром, а затем начальником участка) с женой Валентиной Ивановной, их дети: Николай, Татьяна, Нина;

Дарья Решетникова с дочерью Анной и сыном Анатолием;

Анатолий Федорович Коновалов с женой Милей и 3 дочерьми;

Николай Меркушев (работал на лошади, возил молоко в Лысьву) с женой Александрой Петровной (она работала бригадиром по животноводству).

В 1962 году по решению правительства маленькие деревни начали ликвидировать. Мы вынуждены были уехать в деревню Липовая, так как Талая была отделением Липовского совхоза. Стадо коров перевели на Новую Ферму. Туда же, на Новую Ферму, переехали Паркаловы, Трушникова, Меркулова. На Кубань уехали Снегирёвы, Фофановы, Решетниковы. В Свердловскую область перебрались Павловы, Михайловы, Боринских, Коноваловы, Мира Гладких с сыном Виктором. В Обманку переехали Русиновы и Клавдия Тарабухина. Семья Кокшаровых уехала в Латвию. Деревню Талая ликвидировали в 1965-1966 годах. Последней из Талой уехала Мария Шумихина. Остальные наши земляки стали жителями города Лысьвы и деревни Липовая.

Жители д. Талая 1961 г. на пасеке

*Первый мотороллер появился в Талой в 1956 г.
Рязанов Аркадий Александрович
с женой Валентиной Ивановной*

*Супруги Гусевы:
Леонид-механизатор,
Анна - доярка, 1953-1954 гг.*

Бригадир животноводческой бригады Геннадий Иванович, лучшая доярка Анна Александровна Гусева и Клавдия Соловьева (слева)

Супруги Павловы: Леонид - тракторист, Зоя - повар детского сада

*Слева направо:
Рязанова Валентина Ивановна,
Зоя Васильевна (зав. д. сада),
Костина Виктория Яковлевна,
Грачева Мария Давыдовна (фельдшер),
Изместьева Галина Ивановна (продавец),
Рязанов Аркадий Александрович
(управляющий)*

*Колодин Николай и Пестрикова Лиза
на переходном мостике через реку Талая*

*Жители деревни на фоне клуба, построенного в 1954-55 годах.
Михаил Николаевич Кокшаров с женой Евдокией (у них было 4 детей). Михаил - хороший гармонист.
Колобов Георгий и жена Аксинья, у них было 6 детей - Василий, Геннадий, Сергей, Петр, Тамара, Татьяна.*

Деревня Усть-Серебряная

Чусовая самая живописная река Среднего Урала. На своем пути река пересекает несколько горных хребтов, образуя красивые прибрежные скалы-камни. Но не только этим знаменита река. На живописных берегах её, некогда судоходной, полтора века назад обосновались деревушки с красивейшими названиями Журавлик, Веселый Луг, Усть-Серебряная... Природа и история каждой из деревень по-своему уникальны. Приятно сознавать, что в последнее время туристов привлекают не только река и её история, но и история деревень, которые некогда находились на её берегах...

Ниже камня Котёл Чусовая делает излучину. На правом берегу высятся колоссальные каменные стены камня Ростун. С его стометровой высоты открывается великолепный вид. *«Вон и Серебрянка - катит в Чусовую темную волну. Белый гребень отчертил воды двух рек, бурливо побежал по Чусовой. Он словно был уверен, что до устья сумеет разделять два течения. Но на повороте чусовской стрежень порвал его, смял и затопил, поглощая в себя Серебрянку...»*, - пишет А. В. Иванов в своей книге «Золото бунта, или Вниз по реке теснин». С высоты птичьего полета видны серебристая лента реки Серебряная и нежилая деревня Усть-Серебряная.

Река Серебряная - крупный приток Чусовой. В книге И. К. Кабанова «Путевые заметки. Река Серебряная от Серебрянки до Усть-Серебряной» (2006 г.) находим второе название реки – Серебрянка. «Серебрянка, река на Среднем Урале, главным образом в Свердловской области РСФСР, правый приток р. Чусовой (бассейн Камы). Длина 147 км, площадь бассейна 1240 км². Питание снеговое и дождевое. Средний расход воды 12,4 м/сек. Замерзает в ноябре, вскрывается в апреле. Сплавная», - читаем в «Гидрологическом справочнике» (1964 год).

В летописях реку называли Серебряна. По ней к перевалу через Уральский хребет шел Ермак со своей дружиной¹. *«Серебрянка начало получает из Уральского хребта Пермского уѣзда, по которому течет версть 20, далѣе при дер. Кедровкѣ вступаетъ въ Кунгурскій уѣздъ и версть черезъ 100 впадаетъ въ Чусовую при Усть-Серебрянкѣ. Верстахъ въ 25 выше устья на ней находится Серебрянскій заводъ, отъ коего рѣка удобна для судоходства. По Серебрянкѣ въ XVI столѣтіи шелъ Ермакъ на р. Туру; до настоящаго времени при устьѣ рч. Кокуя сохранились остатки Ермакова городища и одинъ изъ острововъ носить названіе Ермакова. Названіе рѣкѣ дано не по находенію здѣсь серебра, а за прозрачность и чистоту воды»*, - отмечено в «Списке населенных мест» за 1869 год.

¹ В сентябре 1581 г. казачий атаман Ермак, проделав путь по Каме и Чусовой, поднялся вверх по реке Серебрянке до сибирского волока, разделяющего бассейны рек Камы и Оби. По Серебрянке струги тащили с помощью бечевы, а также поднимали уровень воды, предварительно подпруживая реку парусами. В верховьях Серебрянки Ермаку пришлось бросить самые тяжелые струги. Их остовы, проросшие густыми кустами, находили еще в XVIII веке. Это подтверждает первый русский картограф С. У. Ремезов в своей «Чертежной книге Сибири», а также Кунгурская летопись. – Ред.

Река действительно уникальна. Ее воды в конце XVI века смогли вывести Ермакову дружину, а с ней и всю Русь, на новые бескрайние просторы Сибири. Самым убедительным доказательством масштабности этого события может служить то, что почти за пять веков просторы эти так и не были до конца освоены и будут ли освоены когда-нибудь – большой вопрос.

В 16 веке река была известна уже под названием Серебряная. В 1862-1863 годах на Серебряной было найдено более десятка золотоносных мест. Встречается графит. Золото добывалось в россыпях. В виде тонких прожилок здесь можно встретить полевой шпат в известковых скалах. Платина попадает попутно с золотом в россыпях. Полевой шпат имеет кристаллы и зёрна желтоватого цвета. Серный колчедан здесь является золотосодержащим и встречается в виде кубических кристаллов, вросших в глинистый сланец. Тальк можно встретить в свободном состоянии валунами или в соединении с графитом. В советское время на Серебряной работала драга, мыли золото.

Некогда в устье реки стояло поселение - деревня Усть-Серебряная. Говорят, основали его беглые работники Демидова, «лесные люди», что скрывались в окрестных лесах. Они облюбовали потаенное место и называли его Леснята. В обращении местных жителей это название сохранялось почти до конца 19 века. На это указывал в 1880 году В. Лохтин, однако уже в 1857 году в официальных «Пермских губернских ведомостях» деревня называлась Усть-Серебряной. В 19 веке в деревне было 15 домов. В 1897 году в 9 дворах проживали 41 мужчина и 45 женщин, а в 1909 году в 10 дворах проживали 42 мужчины и 31 женщина. В 1930 году в 24 дворах проживали 110 человек. Последний жилой дом стоял на берегу реки в начале 1960-х годов.

Деревня имела вытянутую форму вдоль правого берега Серебряной и Чусовой. Еще в 1940-1950-е годы это было довольно большое поселение. Дома вдоль реки Серебряной располагались в два ряда, между ними проходила дорога. В одном из домов во втором ряду от речки Серебряной располагалась школа, выше улицы – колхозный конный двор. По берегу реки Чусовой тоже проходила дорога. Здесь дома были выстроены лишь в один ряд. Со слов старожилов, первые две семьи рубили свои избы топорами, без единого гвоздя. *«В середине улицы, у небольшого лога, в 1940-е годы стоял такой дом, рубленный из «лиственника». Там жили Маточкины. Большой дом с «накатным» потолком (на потолок были накатаны обтесанные топором брёвна - Н. Д.). Крыша была крыта пиломатериалом, который пилили вручную специальной пилой. Из такого же материала были сделаны заборки (стены, разделяющие дом на комнаты – Н. Д.). Стены в доме мыли до желтизны мочальным вехтем с мелкой галькой - «дресвой», - вспоминал Георгий Павлович Тяпугин.*

В конце улицы, ниже по течению Чусовой, располагались контора лесопункта, конный двор леспромхоза, ещё ниже – колхозная кузница. На этой же улице, но выше по течению Чусовой находились правление колхоза, кооперативный магазин, магазин ЛПХ. Выше деревни, на косогоре, располагались поля с зерновыми, а выше колхозного конного двора, за школой, большой участок земли засаживали огурцами.

Основная часть жителей работала в колхозе. В Усть-Серебряной располагалось правление колхоза «Ударник». Колхоз был организован в 1928 году. Первым председателем был Александр Николаевич Чудинов, его сменил Николай Михайлович Чудинов. Во время войны председательствовал Константин Емельянович Федосеев. Все они проживали в Усть-Серебряной. Колхозные бригады были созданы в деревнях Кисели, Гаревая, Деменёва, Новикова, Кайгородова. Хлеба выращивали в Усть-Серебряной, Гаревой, Новикова, Киселях, Деменёва. Поля для зерновых разрабатывали вручную: зимой валили лес, а весной, когда оттаивала земля, вагами (*длинные толстые жерди – Н. Д.*) выворачивали корни. Когда поле было готово, его засеивали. Сеяли рожь, пшеницу, ячмень, овес, горох, лен и вику, бобовую культуру, которую выращивали на корм скоту. Сажали картофель. Поля не запускали «на отдых», посто-

янно готовили новые пашни. Урожаи были очень хорошие. Их успевали убирать даже в войну, хотя мужчин в деревне почти не оставалось.

В Усть-Серебряной, в Гаревой, в Киселях колхоз содержал лошадей; крупный рогатый скот - в Киселях; овец романовской породы, кур, поросят - в Кайгородова. В зимнее время в Гаревой велась заготовка древесного угля для кузницы в Усть-Серебряной. Уголь выжигали по старому дедовскому способу в «кучонках» или «кабанах» (*«кучонка», «кабан» - поленища дров по 20-30 кубометров, уложенная особым образом – Н. Д.*). А. В. Иванов в своём романе «Золото бунта, или Вниз по реке теснин» так описывает этот процесс: *«Огромные поленицы, обложенные дерном, неделями прели гнилым огнем, превращаясь в уголь. Углежоги с кольями-шнырами в руках ходили по ледяной скорлупе кабанов и расчищали, прошныривали прудухи, чтобы адский огонь в чревах кабанов глотнул воздуха и не удушился»*. Заготовкой древесного угля руководил Александр Иванович Тяпугин.

Примерно в 1949 году колхоз «Ударник» был присоединён к колхозу имени Сталина (*позднее переименованный в колхоз «Мир» - Н. Д.*) с центральной усадьбой в селе Кын - завод. Председателем колхоза был бывший фронтовик Алексей Иванович Нечаев. Под его руководством колхоз стал одним из лучших в районе.

Помимо колхоза, позднее колхозной бригады, в Усть-Серебряной находились лесопункт и магазин от Кыновского ЛПХ. Зимой мужчины заготавливали лес, свозили его к реке, а весной сплавляли по Серебряной и по Чусовой. После сплава по берегам рек проводили очистку – сталкивали выброшенные половодьем на сушу бревна обратно в воду.

Местные жители жили своим хозяйством. Выращивали картофель, капусту, морковь, свёклу, калегу, репу, лук, яровой чеснок, горох. В лесу заготавливали малину, черёмуху, рябину. За брусничкой и черничкой ходили в сосновые бора.

В деревне находилась начальная школа. Здесь учились дети не только из Усть-Серебряной, но и из Деменёва, Кайгородова, Киселей, Гаревой. Вспоминает Георгий Павлович Тяпугин, уроженец деревни Гаревая: *«Мы ходили в школу в Усть-Серебряную. Пять километров через гору, а зимой на лыжах по реке Чусовой. Тяжело приходилось зимой, особенно девочкам. По реке ветер – тягун, пронизывает насквозь. В школу уходили на целую неделю. Дома собирали на это время продукты: хлеб, молоко, картофель»*.

Самая распространённая фамилия в Усть-Серебряной – Чудиновы. Мои попытки найти материал о деревне в Интернете не увенчались успехом. Лишь в списках репрессированных я нашла сведения о Сергее Николаевиче Чудинове: *«ЧУДИНОВ Сергей Николаевич. Род. 13.10.1873 в д. Усть-Серебряная Кыновской вол. Кунгурского уезда Пермской губ. Русский, образование - сельская школа. Из крестьян. Продавец хлебного ларька райпо в с. Нижнеусиское Усинского р-на КК. Арестован 27.11.1936. Обвинение по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Осужден 24.07.1937 Красноярским крайсудом на 10 лет ИТЛ и 5 лет лишения политических прав. Реабилитирован 07.12.1960 ВС РСФСР (П-3543)»*. Кроме Чудиновых в Усть-Серебряной в 1940-1950-е годы двадцатого века жили Добрынины, Брагины, Маточкины.

Больно ударила по деревне Великая Отечественная война. Многие семьи не дождались своих кормильцев. Не вернулись в родную деревню братья Сергей и Андрей Маточкины. Погиб учитель местной школы Иван Петрович Черемных, совсем ещё молодой парень, женившийся перед самой войной... А семье Павла Семёновича Чудинова повезло. Все сыновья: Тимофей, Иван, Василий, Владимир, Александр - вернулись с фронта.

После войны в районе Усть-Серебряной и вдоль реки Серебряной искала алмазы геологоразведочная партия. Её контора находилась в селе Кын. В самой деревне был открыт фельдшерско-акушерский пункт.

Предполагаю, что отъезд жителей из Усть-Серебряной начался в 1950-1952 годах и связан с присоединением колхоза «Ударник» к колхозу имени Сталина. К

этому времени Чусовая как транспортная артерия уже давно потеряла своё значение. Жители переезжали поближе к центральной усадьбе колхоза и туда, где есть шоссейная и железная дороги.

Крайний дом, что стоял у устья реки, оставался жилым ещё в 1960-х годах. К 1980 году в Усть-Серебряной сохранилось немало домов, некоторые из них служили хозяевам в качестве дач. Дачники имели даже лошадей. Значит, кто-то из них держал здесь хозяйство, но постоянных жителей уже не было. К 1990 году на месте деревни уже был пустырь, а в ста метрах от устья на берегу речки Серебряной догнивал последний дом.

Мне не довелось встретиться и поговорить с коренными жителями Усть-Серебряной. Свою статью я построила на воспоминаниях Георгия Павловича Тяпугина, который учился в местной школе. Цепкая детская память сохранила уважение к местным жителям, к их труду, восхищение красотой и богатством родной природы.

И всё же, мой рассказ будет неполным, если я не упомяну об одной встрече, состоявшейся несколько лет назад, когда краеведение ещё не занимало определённую нишу в моей жизни. Эта короткая встреча состоялась на берегу совсем другой реки - Яйвы, куда меня занесло институтское распределение. «Мне сказали, что вы из Кына. Это, действительно так? А я из Усть-Серебряной! – заговорила со мной приятная молодая женщина. – Вот всю жизнь здесь проработала, на пенсию вышла, а по родине очень скучаю...» И с такой любовью она (в девичестве Добрынина – Н. Д.) стала расспрашивать и рассказывать о своей родной Усть-Серебряной, продуваемой всеми ветрами, но такой светлой и тёплой!..

Список литературы:

1. Иванов А. В. *Золото бунта, или Вниз по реке теснин* : роман / А. В. Иванов. – СПб : Азбука-классика, 2005. – 704 с.
2. Кабанов И. К. *Путевые заметки. Река Серебряная от Серебрянки до Усть-Серебряной* / И. К. Кабанов. - 2006.

.....

Людмила Старкова

Все началось с парка для Анны...

Из истории деревни Парканы

Достопримечательностью деревни является красивый сосновый бор или, как его называют, сосняк. Существует легенда, что сосняк был высажен в честь Анны, поэтому название деревни Парканы происходит от словосочетаний «Парк для Анны» или «Парк Анны». Деревня стоит на берегу небольшой реки Лямпы, которая впадает в Барду на территории села Матвеево. Сейчас она представляет собой небольшую деревушку, насчитывающую чуть больше десятка домиков местных жителей и дачников.

Из архивных документов

Документов в Лысьвенском архиве о Парканах оказалось немного. Материалы, возможно, хранятся в архивах Берёзовского и Кунгурского районов, так как Матвеевский сельский Совет когда-то входил в состав то Берёзовского, то Кунгурского районов.

Можно предположить, что деревня уже существовала в конце 19 века. Если судить по датам рождения жителей из «Похозяйственной книги основных производственных показателей хозяйств колхозников 1946-1948 гг.», то многие сельчане родились в 1880-1890-х годах. В этом же документе есть данные о количестве скота в каждом хозяйстве, земельных наделах, выращиваемых сельскохозяйственных культурах.

В начале 20 века это было небольшое поселение примерно в двух километрах от старинного села Матвеево. Здесь жили крестьяне – единоличники со своими небольшими хозяйствами.

По данным переписи 1926 года, деревня Парканы числилась в составе Матвеевского сельского Совета Берёзовского района. В деревне было 21 хозяйство, проживало 94 жителя, в том числе 41 мужчина и 53 женщины. Указаны и расстояния: до сельсовета - 2 км, райисполкома - 43 км, ближайшей официальной железнодорожной станции (ст. Тулумбасы) - 69 км, школы - 2 км, больницы - 43 км, телеграфа - 43 км и т. д. Недалеко от деревни располагался выселок Якушевых, его называли кордон Якушевых, в котором было три хозяйства. Позднее семьи трёх братьев Якушевых переехали в Парканы, и в «Похозяйственной книге...» от 1946-1948 г.г. Якушевы значатся уже её жителями. В этом же документе есть графа, в которой отмечено, что в 1916 году деревня Парканы относилась к Сосновской волости.

От колхоза имени 17 съезда партии - к колхозу имени Ленина

В 1930-е годы, когда в стране шла всеобщая коллективизация, в Парканах был организован колхоз имени 17-го партсъезда. Как и везде, колхозники имели в личной собственности дом, небольшой участок земли, сельхозинвентарь, корову, птицу. Паркановские колхозники заготавливали корма, сеяли рожь, овёс, пшеницу. В деревне существовал конный двор с большим количеством лошадей, курятник. Действовал склад для зерновых, работали сушилки. Жизнь в те времена была трудная. Труд колхозников оплачивался в конце года, после уборки урожая, и не деньгами, а натуральным продуктом (зерном, мукой) в соответствии с количеством заработанных трудодней.

В военные и послевоенные годы на тракторах работали женщины. Из-за железных колес с железными шипами такие трактора называли «колесниками». Они тянули 2–3 плуга при вспашке пашни. Во время посевной к ним подцепляли конные сеялки. На тракторах работали Анна Петрова и Тамара Глобина.

Охранял колхозное зерно Фёдор Сергеевич Кузнецов. Иван Фёдорович Попков ходил работать в матвеевскую кузницу.

В конце 1950-х в селе Матвеево создан колхоз имени Ленина. В связи с этим паркановский колхоз имени 17-го партсъезда ликвидировали и на его месте организовали отделение матвеевского колхоза. Вспоминает Зоя Васильевна Гладких (1935 г.р.), бывший агроном колхоза, в 1980-е годы председатель Матвеевского сельского совета:

«В марте 1957 года после окончания Кунгурского техникума я приехала работать агрономом в колхоз имени Ленина. Паркановской бригадой руководил Александр Дмитриевич Кузнецов, человек очень добросовестный. Я всегда на него могла положиться. В те времена зерновые жали руками, косили вручную. Александр Дмитриевич давал колхозникам разнарядку на работы, очень скрупулёзно всё измерял мерой, отмечал, сколько суслонов поставил, сколько соток выжал человек, сколько скосил на сено. Использовали гужевой транспорт. На три отделения

колхоза, в том числе на Парканы, был один колёсный трактор марки «ХТЗ». Помню, как из Куйбышевской области прислали зерноуборочный комбайн «С-6» вместе с комбайнёром Соловьёвым. Комбайн был прицепной, его таскал за собой трактор. Ширина захвата жатки составляла 6 метров. Потом появились самоходные комбайны «С-4», ширина захвата жатки которых была 4 метра».

Мария Мироновна Гладких (Борисова) родилась в селе Берёзовка в 1928 году. Их семью раскулачили. Она рассказывает: «Отца ночью переправили на лошади к старшей дочери в Лысьву. В Лысьве папа познакомился с мужиками из Паркан. Переехал туда с семьёй. Работал сторожем. Поначалу жили в бывшем курятнике, предварительно всё отскоблив. Нас было пятеро в семье. С раннего детства много работали. Ходили со старухами собирать колосья. Помогали и на сенокосе: бабы копнили, а мы за ними подскребали. В колхозе сеяли рожь, пшеницу, горох, ячмень. На конном дворе было около 20 лошадей. Несмотря на трудные годы, жили в деревне дружно. Устраивали «помочи», мыли потолки по 2-3 человека, пилили дрова. У одного сделают, потом другому помогают. Хорошо было и в сосняке, там стояли круговые качели, где по вечерам собиралась молодёжь. Пьянки никакой не было, а было веселье». Став взрослой, Мария Мироновна работала дояркой в колхозе. Сейчас живёт в селе Матвеево.

В 1969 году на базе колхоза им. Ленина был организован совхоз «Матвеевский». Он функционировал до конца 1980-х годов.

Военные и послевоенные годы

Мирная жизнь колхозников оборвалась в 1941 году. Большинство колхозов перестроили свою работу в интересах военного времени. Значительная часть мужчин ушла в армию. Те, кто остались, трудились не покладая рук. Обычным явлением стала работа без выходных, увеличилась продолжительность рабочего дня. Мой дед Михаил Павлович Антропов ушёл на фронт и пропал без вести, его жена Мария Александровна (моя бабушка - прим. авт.) одна поднимала четверых детей. Вернулись с фронта в деревню лишь немногие. Среди них Александр Дмитриевич Кузнецов - первый, Александр Дмитриевич Кузнецов - второй, Александр Сергеевич Якушев, Фёдор Афанасьевич Якушев, Сергей Афанасьевич Якушев.

Галина Фёдоровна Мельцина (Якушева, 1930 г. р.) (на фото) переехала в Парканы совсем маленькой девочкой. Её семью переселили в Парканы из близлежащего выселка Якушевых. Она вспоминает:

«Семья у нас была большая – семеро детей. После первого ранения папа пришёл домой, а потом - снова фронт. С войны вернулся. Я закончила всего 2 класса и пошла работать в няньки - приходилось семье помогать. Посылали работать на сплав леса в Матвеево. Силы ещё было мало. Поставили работать маркировщицей. На каждое бревно ставила печати в виде молотка. Когда заканчивался сплав, было очень весело: играли на гармониях, пели, плясали. Потом повезло, взяли работать в матвеевские ясли няней. Туда и ходила из Паркан работать. До 1948 года жила в Парканах. Потом вышла замуж в Матвеево. Доставалось в войну бедным женщинам! Возили корма, воду в бочках на конный двор. Не было семьи, которая не пострадала бы от войны. Беда у всех была общая. Солдатки сочиняли частушки. Помню одну из них:

Германия, Германия,
наделала делов.

*Ягодиночку убила
Восемнадцати годов.
Ох, если б знала я
В Германию тропиночку,
Тогда бы вывела
из плена ягодиночку.*

После войны мы любили собираться в сосняке. Там были лавки, круговые качели. Пели песни и частушки. Двоюродная сестра Шура, как сейчас помню, очень звонко пела:

*Все Парканы были в яме,
А теперя на горе.
Про Парканы я не знала,
А теперя на уме.*

После войны жили бедно, нарядов не было. Старшие сёстры надевали, что понаряднее да поновее, а мне - что достанется. Молодёжь из Паркан ходила в Матвеево, собиралась там на бардинском мосту вечерами».

Анфиса Михайловна Шестакова (Антропова, 1937 г. р.) вспоминает о тяжёлых годах: «У нас на фронте погиб отец. Мама и бабушка поднимали четверых детей. Мама работала в колхозе от зари до зари: летом трудилась в поле, зимой возила корма и воду на конный двор. В хозяйстве была корова, но еды не хватало, так как молочные продукты из личного хозяйства сдавали государству. Очень хотелось есть. Хлеба не видели месяцами. Ели суррогат. Вместе с сестрёнкой ходили по полям собирать колоски, гнилую перезимовавшую картошку. Помню, как весной и

осенью ноги вязли в грязи, когда собирали эту картошку. Если в доме было немного муки, то её смешивали с листьями крапивы и ильма (так называли вяз – прим. авт.) и пекли лепёшки. Они были очень твёрдыми и невкусными, но всё равно ели. Каждая семья обязательно сдавала налог: яйца, масло, носили молоко на молзавод в Матвеево. Было такое: свинью не держишь, а свиную шкуру государству сдай. Хлеб выдавали по карточкам до 1947 года, их получали в Матвеево. Однажды послали старшего брата за мукой. Его спросили, сколько у нас детей в семье, и он стал по пальцам пересчитывать, а сам звуки не выговаривал, и у него получилось: Фишка, Шанко, Жойка, я (Фиска, Санко, Зойка, я.)

Ездили паркановцы продавать мясо в Лысьву, чтобы заработать немного денег. И мама однажды поехала. У неё на рынке отрезали карман у фартука с вырученными деньгами. Она плакала навзрыд».

На фото: Антропова Мария Александровна с дочерью Анфисой

Лесоучасток в Парканах

В 1929 году был создан Асовский леспромхоз, в который вошли пункты лесозаготовок: Кордонский, Западнинский, Молебский, Матвеевский, Канабековский. В Матвеевском лесопункте контора располагалась в Парканах. Именно здесь формировался, расселялся и обучался кадровый состав работников. Все рабочие, принимаемые на лесоучастки в Красоты, Каменку, Рассоху и другие, приезжали в Парканы, а затем уже ехали дальше, на места работы. В 1937 году начальником Матвеевского лесопункта работал Коряков.

В деревне появились склад, база горюче-смазочных материалов, 16-квартирный барак для рабочих. Рядом с конторой находились квартиры, в которых жили служащие.

Появились магазин, база для продуктов, пекарня, клуб. Лес в округе стал интенсивно вырубаться. Территория деревни расширилась. Пожив в бараке, люди приступали к строительству собственных домов.

Лес возили на тяжеловозных лошадях - битюгах. Лошадей закупали через контору «Заготконь». В четвертом квартале 1940 года Асовским леспромхозом для пополнения собственного обоза было закуплено 64 лошади. Каждая из них состояла на учете, потому что от того, насколько сыты и здоровы животные, зависело выполнение плана. Однако тяжелые условия труда приводили к истощению и заболеваниям лошадей. Не случайно в одном из приказов Асовского леспромхоза было указано: «Заведующему коннообозом Коновалову лошадь Пяташник поставить на отдых и лечение».

На берегу Лямпы находилась эстакада, где обрабатывали лес, пилили его на брёвна, сортировали. Работали даже ночью. В те времена Лямпа была неширокой, но глубокой речкой. Лес скатывали в штабеля. Весной в половодье вода выбрасывала бревна на берега, и люди прикладывали много сил, чтобы столкнуть их обратно в речку.

В документах треста Уралзападолес за 1937-1942 гг., хранящихся в Государственном архиве Пермского края, содержатся данные об Асовском ЛПХ и Матвеевском лесопункте. Вот выдержки из некоторых:

- «Директору Асовского ЛПХ Галягину в соответствии с приказом НКЛеса СССР за №159 от 23.06. с. г. всемерно форсировать окончание работ по строительству и скорейшему пуску в эксплуатацию вновь строящихся лесоучастков, имеющих целевое назначение. Объем вывозки на 1941г. по данным предприятиям установлен: Матвеевский л/пункт на базе конно-рельсовой железной дороги (речь идет об УЖД в Рассохе - прим. автора) 50,0 тыс. куб.м.»;

- «...к 10.11.1940 г. число работников должно быть: Асовский ЛПХ пеших - 1000, конных - 510»;

- «В предприятиях Асовском, ... не позднее 15.11.с.г. организовать кустовые постоянно действующие стахановские школы по изучению непосредственно на производстве стахановских методов работы т.т. Гузиенко, Ноговицина и др.»;

- «За выполнение производственной программы 3 кв. с объявлением благодарности премировать руководителя и технорука Асовского ЛПХ. Выделить для премирования стахановцев - 3000 руб.»;

- «Директору Ничковскому обследовать состояние древесины на плотбищах рек Барды, Лямпы, Каменки...»;

- «Матвеевская узкоколейная конно-рельсовая дорога должна быть построена в срок к 1 декабря 1942 г.»

Интересен приказ Асовского ЛПХ № 189 от 25.10.1939 г. по технике безопасности:

«На всех дорогах, особенно ледянках¹, улучшенных поливных на уклонах более 0,02 иметь на санях тормозные приспособления, а колею дороги посыпать костриком или мелкими ветками хвои».

Скупые строчки приказов, но по ним можно судить о значимости лесозаготовок, о вербовке рабочей силы в соседних районах, о внедрении новых методов труда и т.д. Представленные документы подтверждают жители деревни в своих воспоминаниях.

Из воспоминаний А. М. Шестаковой: *«В годы работы лесного участка много людей увидели Парканы. Построенных барачных для сезонных рабочих не хватало. Людей распределяли по квартирам местных жителей. Это не очень радовало хозяев. Но за то, что пускали квартирантов, платили живыми деньгами, в колхозе*

¹ Для улучшения скольжения лошадиных саней и увеличения количества бревен, вывозимых из лесных делянок в зимнее время года, дороги поливали водой. Их называли «ледянками». Иногда, если делянка находилась недалеко от сплавной реки, с осени в дороге делали неглубокий желоб, который тоже поливали водой, и тогда бревна таскали к месту складирования без саней. - Ред.

же денег не давали, поэтому волей-неволей приходилось потесниться. Места в избе было мало самим, а тут ещё постояльцы каждый со своим характером. Мама ходила продавать молоко и яйца рабочим, которые проживали в бараках и работали на участке. Иногда посылала нас с сестрёнкой. Изредка рабочие лесоучастка угощали нас конфетами. Завхозом на лесоучастке работал Михаил Федотов. Он выдавал продукты, инвентарь, распределял рабочих по квартирам. Потом завхозом был Николай Бражников, который переехал впоследствии в Ломовку».

Из воспоминаний Г. Ф. Мельциной: «Помню, знали репатриированных через Парканы в Рассоху. Было их человек 20. Моя сестра потом вышла замуж за одного из них».

В 1950-х годах участок перевели во вновь строящийся посёлок Ломовку, что в двух километрах от Паркан. Служебные здания участка заняли клуб, магазин, свинарник. Кто-то из жителей переехал в Ломовку, а оставшиеся трудились в колхозе, затем в совхозе или ходили работать в Ломовку, в лесничество или леспромхоз.

После 1970-х ...

В 1970-е годы жизнь в Парканах была довольно оживлённая. Существовали конный двор, свинарник, небольшой магазинчик и клуб. Много было трудоспособного населения и ещё не старых пенсионеров, на долю которых выпали военные и послевоенные испытания. В Парканы переселились на постоянное место жительства семьи из вымирающих мелких отдалённых деревень, таких как Чунтоновка и Шиши. Из Чунтоновки переехали Казариновы, Ситниковы, Любовь Асанова и другие. Это были молодые семьи с детьми. Более 20 ребятишек ходили учиться в среднюю школу в Ломовку. Среди этих детей была и я.

В 1970-е годы у моей бабушки Марии Александровны Антроповой (на фото слева) любили собираться её подружки, женщины преклонного возраста. За кружечкой сладкой бражки они пели русские народные песни «Шумел камыш», «Когда б имел златые горы», «На золотом песочке», «Наташа». Сколько скорби, не истраченной нежности, не сбывшихся надежд слышалось в интонациях этих песен! Женщины вспоминали свои нелёгкие судьбы, ведь многие остались вдовами. Всё это я слышала и чувствовала. А ещё бабушка садилась со мной на пригорочек возле дома и пела. Мне было лет 5, я тоже знала слова особенно полюбившихся песен и подпевала бабушке. Меня, маленькую девчонку, особенно трогала за душу песня о Лиле и её несчастной судьбе. Бабушка знала много песен, в том числе застольные и свадебные. Её называли почему-то не «песенницей», а «песельницей» и приглашали петь на свадьбах - раньше это был целый сложный обряд.

Были в деревне и свои умельцы. Вот, например, Михаил Родионович Бурылов. Он не успел пройти военными дорогами, потому что потерял ногу, когда эшелон, шедший на фронт, попал под бомбёжку. Всю жизнь он проработал в колхозе, где занимался всеми посильными работами. Мастер был на все руки. Если надо было наточить косы (литовки), починить сельскохозяйственный инвентарь – всегда обращались к нему. Да и обувь ремонтировал всей округе. Он пользовался огромным уважением у односельчан. Его жену звали Вера Дмитриевна. Они создали большую и дружную семью. Отменной швеёй была Анна Андреевна Вилисова. Всей деревне шила замечательные наряды. Благо, что в 1970-х годах люди в деревне это уже могли себе позволить. Пчеловодством занимались Мезенцевы, Глобины, Бражниковы.

Политработники на колхозных полях в годы войны

...После окончания курсов медсестер на фронт я не попала. По направлению горкома комсомола оказалась в машинотракторной станции (МТС) Лысьвенского района в должности помощника начальника политотдела по комсомолу¹. Работали мы все под лозунгом «Все для фронта, все для победы». Задача была ясная и беспредельно трудная. Покоя не знали ни днем, ни ночью.

Материальная жизнь тружеников села была бедная, на «трудодни» зарабатывали мало. Урожаи были небольшие, так как недостаточно было удобрений и техники... Помню, в конце 1941 года все комбайны и тракторы с осени стянули в мастерскую МТС в д. Бабеныши для ремонта. Запасных деталей не хватало. Что делать? На партийном собрании решили, что все коммунисты выедут в колхозы для организации сбора запчастей в домах трактористов и комбайнеров, ушедших на фронт. Подключили сельских пионеров и комсомольцев. Задание было выполнено. Запчастей было собрано достаточно. Особенно много собрали свечей и подшипников...

1942 год выдался ненастным. Постоянно шли проливные дожди и грозы. Тракторы вязли на пахоте, а трактористами и прицепщиками были молодые девушки и юноши. Придешь в бригаду и видишь: трактор стоит, а рядом с ним тракторист плачет, потому что не может завести машину. Их тогда заводили вручную. Сеяли дедовским способом из лукошка, иногда на лошадях и даже на коровах, но поля засеивались все. На прополке работали в основном дети и старушки. Наступила пора засыпать семенной фонд, но зерно было сырым. Оно долго лежало в валках на полях. Для сушки зерна использовали все пригодные для этого помещения, включая школы и клубы. Хлеб убирали косами, серпами, и, если позволяла погода, сенокосилками и комбайнами.

В этом же 1942 году был организован обоз для сдачи хлеба государству. Лошадей, очень истощенных и изработанных, украсили цветами и лентами. Обоз возглавляли председатель колхоза имени XVII партсъезда т. Якушев, секретарь парторганизации этого колхоза т. Гладких и комсорг Шура Пирожкова. Кроме колхоза имени XVII партсъезда в обозе участвовали колхозы «Новый путь», им. Калинина, им. Кирова. Хлеб везли на элеватор в Кормовище. В каждой повозке находился комсомолец. К возам прикрепляли лозунги «Все для фронта, все для победы!», «Враг будет разбит!», «Долой Гитлера!», «Долой фашизм!».

Задача политработников состояла в поддержании высокого морального духа сельских тружеников. Уже шли похороны, в каждый дом стучалось горе. Мы ходили по домам, чтобы поддержать сельчанок в трудную минуту, облегчить, насколько это было возможно, их горе. Свободного времени не было. Собрания проводились прямо в поле, здесь же читались лекции и письма фронтовиков, проводились беседы. Дома

¹ Политотделы – созданы в 1933 г. для полит-воспитательной работы с сельским населением; состояли из начальника, двух заместителей по общепартийной работе и одного помощника по комсомольской работе; в 1934 г. слиты с РК ВКП (б); 17 ноября 1941 г. вновь восстановлены, ликвидированы 31 мая 1943 г. – Ред.

оставались одни маленькие дети без присмотра или, в лучшем случае, со старой бабкой. Встал вопрос о создании яслей и детсадов. Их организовали в непригодных избах. О профессиональных воспитателях не могло быть и речи. Нянечками работали женщины, которые не могли выполнять тяжелую работу в поле или на ферме.

Социалистическое соревнование было очень действенным. Везде выпускались стенгазеты, «молнии», «крокодилы»¹. Часто чествовали добросовестных тружеников с вручением им вымпелов и переходящих знамен. Интересно, что вымпел или знамя передавали победителям те, кто терял право владеть ими. Ежедневно подводились итоги соревнования, после чего их помещали на Доску производственных показателей. Партийная организация пополнялась за счет лучших комсомольцев и молодежи, проверенной на деле...

1987 г.

.....

Таисья Рожкова

Воспоминания долгожительницы из деревни Олени

Мы с мужем приехали в деревню Олени в 1934 году. На тот период в ней было всего одиннадцать домов, шесть из них занимали братья Рожковы. Промышляя охотой, они добывали медведей, лосей, зайцев. Немало километров пройдешь, пока найдешь добычу. Однажды во время охоты один из братьев крикнул: «Я бегаю, как олень, смотрите!»! Возможно, поэтому и называли деревню Олени. Это одна из версий.

В деревню приезжали новые жители, строили дома. Она становилась все больше и больше. В одном из домов открыли лавку, куда привозили самое необходимое: керосин, лампы «летучая мышь», соль, сахар, спички, свечи.

В 1930-е годы в Оленях организовали колхоз. Так как не было фермы, все коровы стояли по дворам. Молоко носили на молоконку, а потом во флягах увозили в город. Машин-то было очень мало, все возили на лошадях. Да и многие работы выполнялись с помощью лошадей.

Потом построили ферму. Я работала дояркой, затем выучилась на трактористку. Во время войны многие девушки и женщины работали на тракторах вместо своих мужей.

В 1943 году была открыта изба-читальня при школе. Хотя весь день работали, но вечером находили немного времени почитать книгу. Я с раннего возраста начала читать. Люблю книги о колхозной жизни, сказки. Хотя зрение стало хуже, но я все равно читаю. Прочитаешь хорошую книжку – и жить легче.

Потом в одном из домов открыли клуб. Народу в нем собиралось очень много. Большой интерес вызывали новые кинофильмы. В праздники доставали из сундуков лучшие наряды и спешили в клуб, где веселились от души. Никто не оставался в стороне от веселья.

¹ Стенгазеты, «молнии» и «крокодилы» - статьи и рисунки оперативного и сатирического содержания, написанные и оформленные от руки на листах бумаги и вывешенные на видных местах. – Ред.

В 1960 году вместо колхоза был организован совхоз. Здесь выращивали зерновые культуры, овощи. На совхозной земле росли яблони, смородина. Деревня росла и ширилась. С открытием детского сада ребятишки уже не бегали, как беспризорники. Вскоре построили школу, и отпала необходимость идти учиться за пять километров в деревню Паинцы.

Много всего было в жизни и хорошего, и плохого. По-разному протекала наша деревенская жизнь. Олени я ни на что не променяю. Так и буду доживать свой век в своей любимой деревне.

• • • • •

Анна Захарова

Деревня, в которой жил капитан?

В Лысьвенском городском архиве удалось найти интересную карту с обозначением земель, относящихся к Кыновскому заводу. На карте отчетливо читаются деревни, лесные массивы, пашни, реки и речки, тракты и дороги, крестьянские наделы, курени, границы Министерства государственного имущества, дачи Лысьвенского завода, частные владения, церковные земли, рудники. Очень хорошо обозначены лесные массивы: еловые леса, береза, сосна, осина, липа, ива. Есть среди деревень и Капиданы, только подписана деревня по-иному – Капитаны. Около деревни берут начало реки Кын, Нёк, Бизь, Барда, Лазарев Кын, Солночевка (хотя на карте Чолночевка – А. З.). В то же время на картах советского времени деревня значится как Капиданы. Вероятно, изменение названия произошло по ошибке советских служащих, занимающихся составлением карт. Ошибки такого рода, когда произвольно переименовывались названия населенных пунктов, в 1920-1930-е годы были не такими уж редкими. Таким образом, название Капитаны стерлось в людской памяти, а Капиданы – осталось.

В Лысьвенском архиве удалось найти объяснение некоторых топонимов Кыновского поселения. Что касается Капидан, то на этот счет запись такая: «...расположена деревня на реке Нёк, а название деревня получила не известно от чего». Старожилы предполагают, что первый житель, который поселился на реке Нёк, был по фамилии Капитанов или имел воинское звание капитана. По переписи населения 1909 года деревня Капиданы состояла из 15 дворов, где проживали 40 мужчин и 46 женщин православного вероисповедания. Расстояние до ближайшей церкви, школы и волостного правления составляло 20 верст; до уездного города – 119 верст¹.

До ближайшей от Капидан деревни Мякий Кын было 8 километров. Между деревнями простирались огромные курени, где сельские жители выжигали древесный уголь для нужд Кыновского завода. К каждой домне были приписаны 100 крестьянских дворов. За то, что селяне выжигали уголь, заводчик платил за них в государственную казну подати. Помимо выжигания угля, и за отработку податей крестьяне должны были нести дополнительные повинности в виде рубки и вывозки леса для завода.

¹ До г. Кунгура – Ред.

Однако основная трудовая деятельность жителей Капидан была связана с занятиями сельским хозяйством. Почти все деревенские мужчины были охотниками.

Картофель в те времена лесные жители не сажали, да и, начав культивировать, не знали, как за ним ухаживать. Клубни вырастали очень мелкими и не вкусными. Только позднее, вступив в колхоз, сельчане узнали: чтобы получить хороший урожай, картофель надо обязательно окучивать.

Уроженка Капидан Ефросинья Ивановна Гилишева, 1928 г. р., поведала историю своей семьи: *«Моих родителей звали Иван и Маремьяна. Умерли они один за другим в один год, и остались мы с братом Васей сиротами. Мне в то время исполнилось 9 лет. Тетя по маме Настасья Гилишева взяла нас в свою семью, хотя у самой было четверо детей. Брат Вася бегал учиться в поселок Рябиново. Я же училась всего один год. Учила меня молоденькая учительница. Проработав один год, она уехала из нашей деревни. Ребята в основном учились до 4 класса в деревне Мягий Кын, жили на квартирах у родственников. Работать я пошла рано».*

Вспоминает Клавдия Швецова (1951г.р., девичья фамилия Крыласова):

«Мы жили в одном доме с бабушкой и бабушкой. Четверо детей от первого брака папы также жили с нами. Их после развода оставила отцу его первая жена. Всего в семье было 10 детей. Нашему отцу было 48 лет, когда он женился на маме. Папа работал бригадиром в колхозе, мама продавцом. Отец наш трагически погиб на охоте: в приступе эпилепсии упал лицом в лужу и задохнулся. Старшему брату тогда исполнилось 16 лет, а самому младшему - 2 года. Мама стала работать вместо отца бригадиром. Колхозная пенсия в те годы составляла 45 рублей. За жилье в Кыновском интернате надо было платить по 17 рублей за каждого ученика. Все мы рано начали работать. Мне было 7 лет, а я уже ходила на прополку озимых, помогала матери сепарировать колхозное молоко, мыть сепаратор. Брат Коля с 11 лет ночами косил сено на сенокосилке. До 4 класса мы учились в Мягокыновской школе, а жили на квартире у Степана Мазунина. Раз в неделю из поселка Рябиново приезжал киномеханик Вениамин Крылов и показывал фильмы. Нередко и мы, девчонки, бегали в этот поселок на танцы. Ходили к этому поселку летом собирать малину. В 1971 году мама с младшими сестрами Аней и Надей переехали жить в поселок Кын. В Кыну мама стала работать страховым агентом, хотя была уже на пенсии. Она отличалась строгим, властным и требовательным характером. Наша деревня Капиданы прекратила свое существование в 1978 году».

Деревенька, вроде, и маленькая, всего-то 12 дворов, но разыгрывались и тут семейно - любовные драмы. Поселилась в семье Ереневых постолица - молодая и красивая Надя Мироненко. Влюбился в нее Анисим Петунин, а у самого семья, пятеро детей. Увез он Надю в поселок Кын и создал вторую семью. Зимой 1947 года трагически погиб его отец: ушел на охоту и заблудился. А у Анисима родился первый сын от второго брака - Ефим. От второй жены у него было четверо детей. Первой жене Павле он, правда, купил впоследствии домик на станции. Не смогли дети простить ему измену, ни один из них не приехал к нему на похороны.

Среди охотников Анисим считался чуть ли не ведун, а, может, и был им. Один ходил на медведя - 41 мишка был на его счету, из леса он никогда не приходил без трофея. Рассказывал его зять Павел: *«Пошли мы с тестем на покос, иду, обливаюсь потом, сердце останавливается - накануне с друзьями хорошо «посидели». Сам про себя думаю, как я косить буду, руки-ноги дрожат. Оглянулся на меня тесть раз, другой, и вижу, остановился у валуна, в центре которого оказалась небольшая выемка с водой. Наклонился над ней и что-то пошептал, затем заставил меня выпить эту воду, что я и сделал. Когда мы пошли дальше, я уже совершенно не чувствовал мук похмелья».*

Ирина Дмитриевна Кашина, 1967 г.р., преподаватель физики и математики в средней школе № 65, с любовью вспоминает дни детства, проведенные в деревне Капиданы у бабушки и дедушки: *«Отец мой, Дмитрий Крыласов, вырос в этой деревне, но после службы в армии в колхоз не вернулся. Он рассказывал мне, что*

колхоз организовался в 1930 году, что до коллективизации около деревни располагались хутора Дресвянковых, Петуновых, Аристовых, жителей которых раскулачили в 1930 годы. В самой деревне зажиточными крестьянами были Вожаковы и Крыласовы. Чтобы избежать раскулачивания, им пришлось часть своего хозяйства отдать в колхоз. В 1940-х годах в деревне была начальная школа (располагалась в доме Герасима Осиповича Крыласова); магазин (в доме Федора Крыласова), постоянный двор (в доме Вожакова). В двух километрах от Капидан в лесу жили староверы в кельях, находился молельный дом. В самой деревне многие жители также придерживались старообрядческой веры. В деревне праздновали один из православных праздников, кажется, Успенье. Позади огородов деревню обрамлял мрачный еловый лес. Некоторые из деревень мы, девчушки, втроем не могли обхватить, взяв друг друга за руки. Рядом с Капиданами стояла небольшая деревушка Дресвянкова. Когда она исчезла с лица земли, то место, где была деревенька, в народе стали называть Дресвянский лог. Здесь хоронили старообрядцев и «скитцев», умерших в своих лесных кельях. На краю Капидан стояло деревенское кладбище. Рядом с ним проходила дорога на Моховляне.

Примерно в 2 километрах от деревни, в сторону п. Рябиново, стояло жилище, которое в народе называли Вышка. Жила там семья Терентия Андреевича Петунина с женой Ксенией, сыном Яковом, дочерью Неонилей. Стояло там высокое деревянное сооружение, с которого лесники регулярно осматривали округу и следили, не возник ли где пожар на лесных участках. В 4-х километрах от Вышки простирались рябиновые поля, где также жила хуторская семья. На этих полях до середины 1960-х годов также стояла пожарная вышка. С высоты ее можно было видеть окрестности до 10 км. В настоящее время от большого роскошного поля остались маленькие полянки, которые постепенно зарастают молодыми деревцами. Сохранился колодец внизу поля. Местные охотники пользуются им во время привалов.

Дома в Капиданах в основном располагались вдоль речушки Нёк. На реке имелись 2 запруды, за речкой располагались колхозные постройки: ферма, телятник, зерносклад, конюшня, маслобойка и другие».

Рассказывает Анна Ивановна Голышева, фармацевт поселка Кын: «Моя мама родилась в 1920 году в семье Тимофея Андреевича Петунина. Кроме нее были брат Анисим, 1907 года рождения, и Александр, 1918 года рождения. Александр воевал в финскую войну, затем учил призывников в Кыну, был хорошим охотником и рыбаком. В годы Великой Отечественной войны он пропал на фронте без вести. Мама умерла, когда мне исполнилось 4 годика. Отец женился на Анастасии Савельевне, вдове. Она проработала 25 лет дояркой и награждена была медалью за доблестный труд в годы войны, Почетными грамотами. Ей довелось съездить в Москву на выставку ВДНХ как передовой доярке».

В советское время жители Капидан организовали сельхозартель им. Кагановича. Подчинялась она Ломовскому сельскому Совету (д. Ломовка стояла в 4 км от Рассоленок – А. 3.). В 1951 году артель объединилась с колхозом «Восход» в деревне Мягкий Кын, а закончила свое существование уже в составе колхоза «Мир» в 1978 году. На период сенокоса и уборки урожая в деревню направляли городских и леспромхозовских рабочих. В зимний период местное население, в основном мужчины, вербовалось на лесоразработки. В последние годы существования деревни в Капиданах выращивали только телят. В 1965 году состоялась передача деревни Капиданы в подчинение Кыновскому поселковому Совету. В 1969 году в деревне проживало 48 человек. Последние жители Крыласовы и Аристовы уехали из деревни в 1978 году.

Список жителей деревни Капиданы

1. Вожаковы Поликарп и Акулина, дети Люда, Валя, Вася, Арина, Катя.
2. Вожакова Арина, дети Иван, Женя, Мария.

3. Гилишева Настасья, дети Павел, Афонасий, Иван, Лена.
4. Крыласовы Герасим и Марфа, дети Дмитрий, Никита, Акулина, Павла, Катя, Ксения.
5. Крыласовы Федор и Лепестинья.
6. Петунины Анисим и Павла, дети Таня, Лина, Иван, Дуся.
7. Юреневы Степан Иванович и Наталья Михайловна, дети: Шура, Иван, Валя, Люба, Маша, Ира.
8. Бабина Наталья, дети Зина, Витя.
9. Петунины Тимофей Андреевич и Анастасия Савельевна, дети Анисим, Саша, Мария.
10. Перины (переехали с д. Петровичи), жили при ферме.
11. Петунин Галактион Андреевич, сын Кирилл.
12. Аристовы Филарет (пропал в войну без вести) и Дросида, Михаил, Анисья. Шуру и Иру родила от Кынкурогова Павла. Из Капидан эта семья переехала жить в д. Моховляне.

2010 г.

Список литературы

1. Воспоминания жителей бывшей д. Капиданы.
2. Карты, документы Лысьвенского архива.
3. Пермская область. Административно-территориальное деление. – Пермь, 1969 год.

*Семья Крыласовых:
1 ряд: Герасим Осипович с внуком
Филимоновым Гришей, Марфа
Васильевна
2 ряд: Крыласовы Екатерина,
Акулина, Ксения*

Крыласов Герасим Осипович и Марфа Васильевна

История забытой родины. Деревня Большой Кумыш

Просыпаясь среди серебра...

Давно хотелось рассказать о самом прекрасном для меня месте на земле - моей малой родине. Это деревня Большой Кумыш. Если верить сказаниям людей, ранее проживающих в этой деревне, то ее зарождение относится чуть ли не к середине XVI века. Урал еще мало был освоен и служил для русского государства защитным буфером от набегов сибирских татар. Нередко они совершали набеги под предводительством сына сибирского хана Кумеша. Путь войска Кумеша проходил по речке Кумеш, впадающей в реку Чусовую. «Кумеш» в переводе с татарского означает «серебряный». По другой легенде, услышанной от стариков, в наши места приходили люди в поисках «лучшей доли». Те из них, кто засыпал на берегу реки, поутру просыпались, якобы, среди рассыпанного вокруг серебра. Хотя кое-кто из местных жителей говорил, что не серебро то было, а туман.

Со временем в документах русских поселенцев в слове Кумеш буква «е» исчезла, ее заменила буква «ы». Речка, а по ней и деревня стали называться - Кумыш. Первопоселенцы вырубили девственный лес, и когда он раздвинулся, перед людьми открылись живописные картины кумышанской округи, окутанной предутренними туманами, через которые ласково проглядывало солнце. Краше место ищи - не найдешь!

История Большого Кумыша начинается со времени возникновения Кунгурского тракта¹. Уральским промышленникам нужна была дорога, которая связала бы вотчины Строгановых, Демидовых, Голицыных и Шуваловых. Дорога Кунгур - Завод Кын - Нижний Тагил - Невьянск как транспортная артерия возникла уже к 1700 году², а проходила она через деревеньку Кумыш, непонятно, когда и кем так названную. На всем протяжении этого тракта через 10-15 верст возникали небольшие деревеньки: Матвеево, Кормовище, Паленый Лог, Крутой Лог, Большой Кумыш. Большинство изб в этих деревеньках были приспособлены под постоянные дворы. Кумыш как населенный пункт был очень удобным местом для проживания. Кто первым поселился здесь, для нас, Иванов, не помнящих родства, останется загадкой.

Как становились на ноги...

Сначала избы, а затем постоянные дворы строились вдоль тракта, который пересекал речку Кумыш, т.е. деревня располагалась не вдоль, а поперек речки. Наличие речки позволяло решать проблему всех проезжающих: водопой для лошадей и баня для возчиков. Постоянные дворы, по словам старожилов, были просторными,

¹ Автор называет Кунгурским трактом продолжение Гороблагодатского тракта, проложенного от Осянской пристани через Кыновской завод до Кунгура. – Ред.

² Наметки Гороблагодатского тракта от Кушвы до Осянки были сделаны в 1735 году. Свое продолжение от Осянки до Кыновского завода и дальше тракт получил в середине - второй половине XVIII века. – Ред.

вмещали в себя в морозное время неимоверно большое количество людей. К избам примыкали конюшни, которые тоже были очень вместительными. За конюшнями строились амбары для зерна и ледники для хранения мяса и продуктов.

По тракту сновали гужевые «поезда» с разного рода товарами, как бытовыми, так и промышленными. И чем больше перевозилось всевозможных товаров, тем большее значение приобретали стоявшие вдоль тракта деревни. К концу XIX века жители Кумыша занимались не только «гостиничным бизнесом», но и выращивали большое количество зерновых культур и настолько в этом преуспели, что возникла нужда в собственной мельнице. И кумышане принялись строить мельницу, а заодно и плотину. Постепенно деревня разрасталась. В начале XX века в окрестностях Большого Кумыша появились новые поселения: Малый Кумыш, Митин Лог, Заболотня, а ниже по течению реки - Бабкин Луг, Вотolino, Усть-Кумыш (он упоминается в летописи с 1696 г.). В 1916 году в 5 километрах к юго-западу от Большого Кумыша проложили железную дорогу и выстроили железнодорожную станцию, которую тоже называли Кумышем.

К этому времени Большой Кумыш как населенный пункт «хорошо стоял на ногах». В деревне было более ста гектаров посевных площадей. Она имела мельницу, молотильный двор с молотильной машиной, сушилку для хранения зерна, две плотины, перегородившие русло речки Кумыш. В одном из самых красивых зданий, построенном в 1854 году, находилась торговая лавка. В деревне насчитывалось до десятка постоянных дворов, была кузница.

Годы хаоса, страха, повиновения

Первая мировая война, а за ней гражданская внесли хаос в жизнь кумышанских обывателей. Многие из мужиков – хозяев сложили головы на полях сражений, да и сама деревня пострадала за годы войны. Войска то белых, то красных 7 раз проходили через деревню, обирая до нитки мужиков. С постройкой железной дороги или, как говорили местные люди, «железки» сократились объемы гужевых грузоперевозок, а с ними утратилась потребность в постоянных дворах. Деревня стала угасать. Жители перестали следить за плотинами, и весной 1919 года талая вода снесла сгнившие заплоты и нарушила сначала одну, а потом и вторую плотину.

1920-1921 годы были неурожайными. Через деревню потоком шли нищие в поисках куска хлеба и отряды продразверстки. Одни просили хлеб, а другие требовали, требовали, требовали... Чтобы некогда внушительные сооружения постоянных дворов не вызывали лишних вопросов у новой власти, жители стали разбирать на дрова сначала амбары (в них все равно уже нечего было хранить), потом конюшни и ледники.

НЭП кумышанские жители встретили настороженно. Особых усилий по созданию своего «дела» никто не прилагал - боялись. Правда, у многих стал проявляться интерес к разведению пчел, и через некоторое время не было семьи, которая бы не держала и не разводила пчел. Скота держали мало - боялись, что отберут пришлые люди, которые неоднократно и раньше ватагами проходили через деревню, отнимая нажитое. Но что бы ни происходило вокруг, распаханные ранее поля засеивались и жители всегда были с хлебом. В деревне долгое время не выращивали картофель, может быть, из-за того, что заморозки в Кумыше выдавались чаще, чем в других местах. Но вот такие культуры, как турнепс и репа, садили много и чаще всего в лесу. Вероятно, по той же причине, по которой не выращивали картофель, - из-за поздних весенних и ранних осенних заморозков, от которых только лес являлся естественной защитой. Для посадки овощей лес вырубали и выкорчевывали. Народ увековечил имена людей, которые разрабатывали овощные поля. До сих пор именами хозяев называются поля - Вожаковых, Старковых, Татауровых, есть Зыряновские поляны и т.д. Но постепенно, как и старых жителей Кумыша, их забыли, перестали обрабатывать, и поля зарастают молодым лесом.

К середине 1920-х годов людская боль от Первой мировой и гражданской войн поутихла, да и новая советская власть стала проявлять лояльность к крестьянам, но что-то сломалось в людях. Новая власть много обещала, но мало что давала. Как и повсюду, мужики много митинговали, мало работали. В разговорах мечтали восстановить плотину, запустить мельницу, но это были всего лишь мечты. К 1930-м годам все больше мужиков в Кумыше стало склоняться к тому, что для личного подворья вместо зерновых лучше выращивать картофель и иметь небольшое, но стабильное хозяйство. Они не подозревали, что в скором времени этим решением спасут себя от раскулачивания. После 1930-х годов все стали понимать, что обещанные СВОБОДА – РАВЕНСТВО – БРАТСТВО канули в прошлое, в 1917 год, и наступает что-то страшное под названием «коллективизация».

Страх появился тогда, когда кумышане узнали, что в нижнем течении реки Кумыш в урочище Вынырок появились первые раскулаченные спецпереселенцы. Шел 1932 год, на дворе стояла зима. Людей пригоняли со станции Кын. Там был своего рода распределитель, куда людей привозили поездом в товарных вагонах с Кубани, Украины, из Чувашии, Мордовии. Были семьи из соседних районов: Суксунского, Куединского и других. К 1937 году на Вынырке вырос целый поселок. Страшно! Люди, сорванные с родных мест, каким-то образом выжили! А ведь их привозили с семьями на голое место зимнего Вынырка в 30-градусные морозы. К этому времени власть озверела настолько, что люди безропотно повиновались ей. Власть ратовала за колхозы – люди шли в колхозы; власть требовала сдать имущество в колхоз – сдавали в колхоз все. В этот же период власть пыталась просвещать людей. Для этого в Кумыше открылась изба-читальня. Для нее выделили один из домов.

Некогда большое кумышанское хозяйство разваливалось. И власть, как и везде, приняла решение по указанию партии и правительства сгонять всех в колхоз. После долгих митингов и дебатов колхоз называли именем Сталина. Все имущество, скот, утварь мужики добровольно снесли в колхозный «общак» и приступили к коллективной работе. Дела в колхозе шли плохо, коллективное хозяйство не складывалось, председатели менялись ежегодно вплоть до 1948 года. Благополучие, о котором так много говорили представители власти, не наступало. Беды преследовали кумышан очень часто: в 1936 году начался падеж скота; в 1939 году в старой постройке, когда-то предназначенной для конюшни одного из постоянных дворов, упал потолок, задавило всех молодых телят; в июне 1940 года выпал снег – все пчелы колхозной пасеки, расположенной на взгорке у реки Кумыш, замерзли.

Крестьянская хватка «вожака»

А вот дела в соседнем колхозе «Путь Ильича» на Вынырке шли неплохо. Мужики, ранее раскулаченные и сосланные сюда из разных уголков страны, оказались злыми до работы, трудились много. На голом месте построили дома, распахали землю на склонах Вынырка, построили мельницу, развели и приумножили хозяйство. Во главе хозяйства стоял Михаил Кириллович Ломаев, раскулаченный крестьянин, сосланный с семьей из Суксунского района.

Известие о начале Великой Отечественной войны в Кумыше встретили по-разному. Одни считали, что война принесет беды и несчастье, но находились и такие, кто думал, что война избавит людей от несчастий, что-то изменится. Изменилось то, что всю взрослую часть мужского населения Кумыша, а это 22 человека, забрали на войну. Из колхоза мобилизовали всех хороших лошадей. Войну пережили трудно – обнищали, хозяйство колхоза уменьшилось в два раза. Председатели менялись часто.

С войны в деревню вернулись всего 8 мужиков. Поднимать хозяйство колхоза было некому, из колхоза и колхозников выжималось все. Положение было настолько тяжелым, что мирные послевоенные годы не смогли качественно изменить жизнь колхозников. В этот период государство требовало от деревни не только хлеб и продукты, но и строительные материалы – лес. Вокруг деревни Большой Кумыш стали

появляться первые лесоучастки: Октябрьский, Талка, Мишариха, Кумышанский (на ст. Кумыш). На Вынырке колхоз «Путь Ильича» перепрофилировали на заготовку леса. Хватка и опыт вынырковского председателя Ломаева, крепкого хозяйственника, и тутгодились. В 1946 году на Вынырке работала своя электростанция, была создана уникальная система заготовки леса, при этом сохранилась и сельскохозяйственная деятельность вынырковцев.

На уровне правительства в 1948 году было принято решение об укрупнении колхозов. Колхозы имени Сталина в Большом Кумыше и «Путь Ильича» на Вынырке объединились в один колхоз имени Сталина. Председателем объединенного колхоза назначили вынырковского Михаила Кирилловича Ломаева. Осенью 1946 года он из Вынырка с семьей переехал в Большой Кумыш. Практическая хватка молодого председателя колхоза, сильного и упрямого, позволила колхозному хозяйству резко пойти в гору.

К 1953 году некоторые населенные пункты вокруг Кумыша после укрупнения колхоза перестали существовать. Исчезли Вынырок, Вотolino, Малый Кумыш, Митин Лог, Бабкин Луг, Талка, Октябрьский, Старая Мишариха. В связи с этим резко увеличилось население лесопунктов Мишарихинского, Кумышанского, Кыновского на ст. Кын, так как жизнь в леспромхозе была сытнее, чем в колхозах. Люди, настрадавшись, наголовавшись в колхозах, переселялись в леспромхозы.

В 1953 году состоялся очередной виток укрупнения колхозов. Небольшие колхозы стали превращаться в колхозные бригады. Центральной усадьбой большого хозяйства стал поселок Завод - Кын. Новый колхоз получил название «Мир». В него вошли бригады Большого Кумыша, Большого Бизя, Малого Бизя, Симонова, Поповки. Председателем колхоза назначили Алексея Ивановича Нечаева.

После смерти «вождя народов» жизнь улучшилась, призывы партии о помощи деревне сделали свое дело. В деревню потянулись семьи из городов, в том числе и семья моих родителей. В Кумыше по-прежнему бригадировал Ломаев. Дела продвигались хорошо. Семьям, которые приезжали на жительство в деревню, предоставлялись бесплатно колхозные дома, корова, покос, две пчелосемьи, две тысячи рублей подъемных.

Ломаеву удалось многое. При нем в деревне появился первый трактор. Мой отец Дмитрий Сергеевич Костылев был первым трактористом кумышанской бригады. Были построены конный двор на 40 голов лошадей, ферма на 60 голов коров, телятник, склад для хранения бригадного добра, курятник на 300 кур-несушек, а также лесопилка, кузница, овощехранилище, местная электростанция... В дома колхозников провели электричество. Был проложен водопровод на конный двор, ферму, телятник. В деревне открыли начальную школу, построили клуб в 1956 году, Кыновское сельпо открыло магазин. Впервые за многие годы разрухи в деревне мужики начали строить собственные дома.

В 1968 году Чусовские электросети протянули вдоль тракта высоковольтную линию, и в дома кумышан пришло постоянное электричество. В это время в деревне проживало 38 семей. Все они были большими и дружными. Жители никогда не проявляли неприязни друг к другу, все праздники отмечали в местном клубе за одним общим застольем. Кумышанские поля все до одного засеивались зерновыми культурами. В бригаде существовала самая большая в округе пасека, которая располагалась в 5 километров от Кумыша в доживающей свой век деревеньке Заболотная. Пчеловодом был Михаил Афанасьевич Белоусов - неоднократный победитель ВДНХ в Москве. Что вроде бы еще надо? Живи и радуйся, но наше государство непредсказуемо!

Деревня постепенно угасала...

Последовала еще одна государственная реформа - укрупнение сельсоветов. Ладно бы только сельсоветов, но эта затея родила мысль о закрытии

малокомплектных школ, малодоходных магазинов и т. д. В 1970 году в деревне закрыли начальную школу, в это же время перестала существовать соседняя деревня Крутой Лог. Кумышанским ребятишкам закрыли дорогу в «большую» жизнь. Многие из кумышан стали уезжать из родных мест именно по этой причине. В деревне снова возник дефицит рабочих рук. Кумышанский «вожак» Ломаев вышел на пенсию по старости. Так получилось, что заменить сильного, волевого хозяйственника оказалась некем. Были после него назначения, но преемники не обладали хозяйской хваткой и сноровкой своего предшественника. Хозяйство стало приходить в упадок. Сначала начали сокращать посевные площади, потом после смерти пчеловода Белоусова нарушили, а попросту разворовали пасеку. До минимума сократили поголовье скота, а когда последние колхозники ушли на пенсию в конце 1970-х годов, в бригаде работать стало некому. Последний скот угнали на центральную усадьбу в Кын-завод и пустили под нож. Дети кумышанских обывателей «разобрали» своих престарелых родителей и увезли их в города умирать на чужбине. Дворы и постройки бывшего колхоза разобрали мужики из соседних деревень Мишарихи, Кына, станции Кумыша, даже из Лысьвы. Да, ломать и крушить всегда проще, чем строить и возводить. Когда разбирались постройки бывших колхозных дворов, треск и скрежет выдираемых гвоздей и ломаемого шифера были страшными. Этот скрежет и сейчас слышится, если прислушаться, стоя на самой высокой точке на въезде в деревню со стороны Лысьвы.

Где-то живут и работают уроженцы из Большого Кумыша Ломаевы, Татауровы, Старковы, Постанововы, Кынкуроговы, Нечаевы, Юговы, Белоусовы, Дурневы, Шураковы, Брезгины, Рачевы, Корниловы, Мезенцевы, Окуневы и многие другие. Часто ли они слышат стон разрушенной деревни Большой Кумыш?

...Сегодня по-прежнему стоит вдоль тракта деревня Большой Кумыш из 14 домиков, в которых никто не живет. Только летом половина из них заселяется дачниками. Есть в деревне два дома, в которых все же появляются седовласые хозяева - потомки тех, кто когда-то жил и трудился в этой деревне, - это Владимир Федорович Мезенцев и Александр Михайлович Ломаев.

Февраль 2007 г.

Переселенцы поневоле

Павел Занин

Поселок Поныш

Поселок Поныш располагался в 25 км на восток от города Лысьвы. Дорога шла через 1-ю Обманку, далее 4 км по Кусьинскому тракту до Вашкорского кордона, где

стоял дом лесника, и уж за ним по лесной дороге, преимущественно по грани с горы на гору, до поселка. Административно поселок относился к Чусовскому району¹.

В 1929 году на месте поселка Поньш стоял один дом лесника да два холодных сарая. Строительство поселка развернулось в марте 1930 года. Энкаведешники начали свозить сюда семьи спецпереселенцев, выселенных из родных мест под предлогом раскулачивания. Среди переселенцев были украинцы из Луганской области; белорусы; много семей из Молотовской области – из Чернушинского и Осинского районов; из Тюменской области, Сибири; татары. Нашу семью в марте 1930 года выселили из Осинского района Пермской области.

Так как жить было еще негде, семьи на первых порах расселили в Кусье. Все трудоспособное население направляли в район будущего поселка заготавливать лес и строить избы. Вначале дома строили наскоро, без особого комфорта. Крыши домов крыли деревянными «желобами». Их делали так: брали дерево с гнилой или трухлявой сердцевинкой, распиливали его вдоль ствола и из получившихся половинок набирали настил крыши. В начале в избу вселяли по две семьи, позднее стали строить отдельные дома для каждой семьи. Так появился поселок Поньш.

Изначально новое поселение строили не как деревню, а как поселок городского типа с четко спланированными улицами и кварталами. Главная улица называлась Лысьвенской. От неё уходила дорога на Лысьву. Самой первой посредине поселка была построена комендатура.

Хозяйственная жизнь новопоселенцев началась с организации сельхозартели. Позднее на ее месте был создан колхоз имени XVI-го партийного съезда. Он просуществовал до 1952 года. Все лето до глубокой осени спецпереселенцы занимались сельхозработами. Все поля пропалывались вручную и разрабатывались без техники на лошадях. Дети летом работали на полях наравне со взрослыми. Они занимались прополкой, поливкой, боронованием и т.п. Перед Великой Отечественной войной в колхозе появились один колесный трактор и один гусеничный, работающий на газогенераторе. Но в основном все поля распахивали и боронили на лошадях.

Со временем в поселке Поньш были построены клуб, в котором одновременно размещалось правление колхоза, начальная школа, детский сад, детские ясли и все хозяйственные постройки: конный двор, скотный двор, пруд, мельница и малая электростанция. Все здания освещались своим электричеством, в том числе свет был и во всех жилых домах. Все это своими руками построили жители поселка.

Никто из спецпереселенцев не имел документов, а без них, как известно, никуда не пойдешь, не поедешь. Интересно, что после войны многих, в том числе и моего отца Игнатия Гурьяновича Занина, наградили медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Весь колхозный инвентарь делали сами жители поселка, среди которых были хорошие специалисты: столяр Стативка, кузнец Стерехов. Сани, телеги и другой инвентарь делал мой отец - плотник. По профессии он был столяром-краснодеревщиком. Был в поселке и фельдшер Мирошников. К сожалению, имен я не помню. Весь народ в поселке был очень трудолюбивый, благодаря чему и выжили в трудные годы.

В 1937 году многих без суда арестовывали, это даже я помню. Зимой приехали на санях люди с винтовками и забрали несколько человек. За что, не знаем, многие из них так и не вернулись домой, погибли.

¹ В соответствии с административно – территориальным делением пос. Поньш относился к Чусовскому району, однако жителям было проще дойти или доехать до Лысьвы, т.к. дорога до нее была короче. По этой причине жители Поньша более тяготели к Лысьве, чем к Чусовому. В лысьвенских образовательных учреждениях учились дети, в Лысьву ездили за покупками, на лысьвенском рынке продавали вещи, изготовленные своими руками, и сельхозпродукты. - Ред.

Кроме работы в колхозе в свободное время занимались на приусадебных участках, а в нашей семье зимой плели лапти и увозили их в город Лысьву. Там сдавали, по словам родителей, в завод и получали за них деньги. На них покупали продукты и вещи.

Зимой, после сельхозработ, трудоспособные жители, в основном мужчины, все до одного находились на лесозаготовках. Заготовленный лес складывали в бунты по берегам речки Поныш. Весной в половодье этот лес сплавляли вниз в реку Чусовую. Для этого открывали шлюз (затвор) у пруда в поселке Поныш и шлюз пруда на речке Талая, которая впадала в р. Поныш ниже поселка. Таким образом, лес по большой воде сплавлялся до полноводной реки Чусовой. Сплавом леса занимались опять же жители поселка.

На фото: Ученики 4 класса пос. Поныш, 1940 год

Начальную школу построили до начала Великой Отечественной войны. В этой школе понышские дети получали начальное образование, а дальше - учились в г. Лысьве.

Я учился в школе № 10, получил свидетельство об окончании 7 классов в 1944 году и поступил в Лысьвенский техникум, который окончил в 1948 году. После окончания техникума работал на металлургическом заводе помощником мастера, мастером, конструктором, начальником отделения ремонтно-механического цеха, заместителем начальника ОТБ, заместителем председателя завкома профсоюза, а дальше заместителем главного механика завода до выхода на пенсию. Во время учебы в школе, в техникуме каждое лето во время каникул работал в поселке Поныш в колхозе.

Многие мои сверстники учились в Лысьве. Некоторые закончили ремесленное училище № 2 и работали на металлургическом заводе. Среди них Иван Тимофеевич Александров, Миша Сакович, он был сталеваром в мартеновском цехе, Иван Шанаурин, слесарь и мастер штамповального цеха, а Анатолий Афонасьевич Мухлынин после службы в армии перебрался в город Свердловск, где в последнее время работал старшим мастером в мартеновском цехе на Верх-Исетском металлургическом заводе. Он получил почетное звание Героя Социалистического Труда. Сейчас, как и я, на пенсии.

В поселке Поныш проживало около 100 семей. Только в моей памяти сохранилось более 70 фамилий. Многие там закончили свою жизнь, многие уехали, кто в город Лысьву, кто на станцию Калино, некоторые на историческую родину, но это уже второе поколение. Сейчас на месте бывшего поселка спецпереселенцев Поныш не осталось даже столба и ничего не напоминает о том, что тут жили люди.

2009 г.

И ходит по земле бывшая память. Поселок лесозаготовителей Рябиново

Я родилась в 1950 году в поселке лесозаготовителей Рябиново. Как и все, училась, работала, воспитывала детей. С годами росло желание познать историю моей маленькой родины. Как оказалось, её история – это зеркальное отражение историй спецпереселенческих поселков Вынырок, Кирпичный, Кордон, Мишариха и многих других. Из разных мест Советского Союза наших предков собрала в глухой уральской тайге сталинская коллективизация. Почти два десятка лет они жили на положении полурабов, полузаклученных.

Путь первых спецпереселенцев от родного порога до будущего поселка был долог и труден. Вспоминает учительница Варвара Ивановна Ярыгина (Клюсова), чья жизнь тесно связана с поселком Рябиново:

«Родилась я в 1919 году в деревне Кукуй Абатского района Тюменской области. В 1930 году нашу семью раскулачили, посадили в дровни и повезли в Тобольск на поселение. Брат Алексей только что демобилизовался из армии. По этой причине по дороге нас завернули обратно, правда, не на родину, а в Свердловскую область. Высадили на какой-то станции под открытое небо. Поспешно стали строить временное жильё - бараки, стены которых были фанерными. Заставили сажать картофель. Для его хранения выкопали большое овощехранилище. Зимой женщины были заняты переборкой клубней, а мужчины рыли землянки - одну на две семьи. С нами жила семья Давыдовых. Прозимовали, прошли весна, лето, а осенью нас погрузили в вагоны и увезли на станцию Чусовская, откуда отправили на станцию Кумыш. Мужчин откомандировали строить дома в поселок Вынырок. Некоторые из строивших Вынырок перевезли туда свои семьи. Часть мужчин, среди которых был мой брат Алексей, послали отстраивать поселок Рябиново...»

Алексее очень понравились новые места, да и до железной дороги, которая проходила через станцию Кын, было не так уж и далеко, всего 12 км. Вокруг поселка стояла глухая тайга. К 1950 годам поселок окружали обширные поля, разработанные силами репрессированных... Примерно в это же время в Рябиново попадает и семья Алексея Ярыгина, моего будущего мужа. Его семья была раскулачена в селе Огородниково Бавлинского района Татарской ССР...

Брат Алексей Иванович первое время работал коновозчиком. Он подвозил лес к дороге, а там рабочие сортировали комплекты, которые потом увозили на станцию Кын. Через какое-то время рябиновцы избрали брата председателем колхоза, но ему не нравилась эта должность. Лысьвенское начальство постоянно требовало то свежее мясо, то масло. Эти поборы приводили его, человека честного и совестливого, в крайнее расстройство, поэтому он с удовольствием сдал председательские дела Тимофею Хорошильцеву».

Среди первых спецпереселенцев была и Наталья Дмитриевна Хорошильцева. О бесконечных мытарствах своей семьи и жизни в Рябиново она вспоминала:

«Осенью 1930 года мы вместе с другими переселенцами прибыли в товарных вагонах на ст. Чусовская. Отсюда нас отправили на лесоразработки в поселок Октябрьский, расположенный на берегу реки Чизма. Прожитые годы запомнились не столько непосильным трудом, сколько холодом и голодом. Глава семьи Сергей Спиридонович скончался через несколько месяцев по приезде на новое место»

жительства. В этом поселке мы похоронили своих трех новорожденных младенцев. В 1934 поселок был расформирован. Большая часть выселенцев попала в Лысьвенский район: кто в Мишариху, кто в Вынырок, а многие в Рябиново, на месте которого лежал сваленный лес. Здешняя жизнь мало чем отличалась от жизни в Октябрьском. Без ведома коменданта Зайнуллина, человека весьма злого и агрессивного, жители не могли отлучиться из поселка даже за грибами. Общаться с населением близлежащих деревень нам запрещалось. Суровое наказание могло последовать за малейшую провинность. За подобранные в поле три мерзлые картофелины меня однажды на трое суток закрыли в холодном амбаре. Чтобы не умереть с голоду, люди ели траву, кору деревьев. Большим событием, всколыхнувшим жизнь поселка, стал арест 30 рябиновских мужиков. Пришли за ними ночью 31 декабря 1937 года. Примерно через год некоторые вернулись домой, в том числе Тимофей, а кому-то в лагерях пришлось отбыть по 8-10 лет. За что их арестовали, мужики так и не поняли.

В июне 1941 года беда пришла уже в каждый рябиновский дом. Мы проводили на фронт старшего сына Александра, которому не было и 18 лет. Весь израненный и больной, вернулся он в конце 1945 года. Встретили его мать, братья Виктор и Анатолий, и маленькая сестренка Мария, родившаяся в 1943 году. Отца он дома не застал: в январе 1943 года председатель сельхозартеля был арестован по доносу... Домой он больше не вернулся».

О трагической участи отца со слов матери рассказывала младшая дочь Тимофея Хорошильцева Мария:

«Папа домой больше не вернулся. Маме удалось один раз съездить к нему, но свидание не дали. Тюрьма находилась в логу, и кто-то посоветовал ей подняться на гору рядом: мол, как выведут его на прогулку, ты его и увидишь. Так и случилось. Узнав маму, отец крикнул: «Как ты? Как ребятишки?» - А она ему: «Береги себя!» Тут конвоиры засуетились, на вышках что-то зазвонило, мама бросилась бежать. Через какое-то время до нее дошел слух, что отец заболел, помешался умом, но официально о его смерти нас не известили».

О жизни своих родителей-первопоселенцев вспоминают дети Михаила и Веры Сапрыкиных - Любовь Михайловна и Николай Михайлович:

«Отец (на фото) практически не вспоминал о тех страшных годах. Родился он в станице Кужорская Краснодарского края. Вся его семья: а это отец с матерью и братья Захар, Николай, сестры Таня, Наталья - были насильно выселены на Урал. Попали они в трудпоселок Рябиново. Его самого, отца и брата Захара арестовали ночью 1937 года. Попали они в Свердловск, где отец и брат Захар умерли. Их похоронили на тюремной площади, сейчас там центр г. Свердловска. Михаила после оглашения приговора отправили этапом на север Пермской области. Гнали этап пешком, кругом вдоль дороги простирался молодой березняк. Все голодные, изможденные... Большинству арестантов страшно хотелось курить и, когда раздавалась команда: «На перекур!», все падали на землю. С ним рядом шел паренек, который все время звал его сбежать на фронт. И ему это удалось: на одном из привалов он, по-пластунски перекатываясь, сумел незаметно откатиться за березняк. Отец рассказывал, что после войны этот человек приезжал в Рябиново, чтобы увидеться и рассказать, как он попал на фронт и воевал до победы».

Мама Вера Федоровна Сапрыкина (на фото), по словам дочери, больше рассказывала о своем прошлом, вот только жалеет, что ничего не записывала. «Её девичья фамилия была Котенева. Она родилась в д. Николашкино Татарской ССР в

дружной и трудолюбивой семье. Вспоминала, как вставали в 2 часа ночи и шли в поле жать урожай на своей полоске. Приехали за ними ночью на подводах. Разрешили взять с собой самое необходимое: кинули в подводу несколько полушубков, подушек да перину, которую впоследствии отобрали. Вот так вся семья: родители, два брата, Андрей и Петр, сестра Маруся - очутились в г. Краснокамске. Родители после всех переживаний умерли один за другим. Оставшиеся в живых переболели тифом, особенно долго болела Маруся. Братья и сестра после обучения в ФЗО разъехались: Маруся в Самару, Андрей в Башкирию, Петр попал в Грузию. Веру отправили сначала в г. Чусовой, затем по лесоучасткам. Работать пришлось в Старой Мишарихе и в Кирпичном. В Рябиново попала после войны, где и познакомилась с моим отцом Михаилом в 1947 году. Вскоре они поженились и уехали жить на Кубань, на родину отца, однако там его, как отсидевшего 10 лет в лагерях, не прописывали, да и работы для него не было. Поэтому молодая семья была вынуждена вернуться на Урал в Рябиново».

Так складывался основной костяк жителей Рябиново. Все они были разными, но у всех была одна судьба – неволя. В Лысьвенском городском архиве сохранились хозяйственные книги, которые были заведены на каждую репрессированную семью. На семьи Бойко, Аликиных, Стегний, Ярыгиных, Близнюк, Поповых, Шерстобитовых, Холодняк, Хорошильцевых, Ключевых, Савченко, Сапрыкиных и другие.

Итак, спецпереселенцы начали строить поселок Рябиново в начале 1930-х годов в 10-12 километрах от железнодорожной станции Кын. Место было выбрано на ровной горе, окруженной с трех сторон речками Солнечной и Бизь, которые через два километра сливались в районе деревни Старый Бизь. Свое название поселок получил от густых зарослей рябины, росшей в округе. Первые спецпереселенцы из-за отсутствия жилья вынуждены были рыть землянки, чтобы пережить суровые зимы. Люди умирали от голода, холода, жестокого обращения коменданта и охранников, скученности в бараках. Откровенной нищете и антисанитарии сопутствовали чесотка, экзема, повальный педикулез. Быстро росло поселковское кладбище. Было много умерших стариков и детей. Голодали страшно, пайки хлеба давали по 100-200 граммов на день или по полтора килограмма муки на неделю. Люди порой совершали обдуманное преступление, чтобы попасть в исправительный лагерь. Там было лучше. Забегая вперед, скажу, что никто из наших земляков не был «врагом народа», никто не совершал тех преступлений, которые им приписывались.

За 15 лет, с 1932 года по 1947 год, в поселке силами спецпереселенцев были построены жилые бараки, бревенчатые дома на две семьи, школа, фермы, конный двор, клуб и другие хозяйственные постройки. Была возведена плотина, сооружена мельница. Все делали своими руками. В Рябиново было место под названием Кирпичный лог, где выжигали кирпич. И сегодня, почти через 80 лет, найденный в земле кирпич не потерял свои свойства: не бьется и не крошится. Однако первые печи жители «били» из красной глины.

На новом месте понемногу обзаводились хозяйством. Разводили скот: коров, овец, свиней, а также птицу и пчел, разбивали огороды, где выращивали овощи, в основном картошку и мелочь: морковь, свеклу, капусту. Дети, если их не привлекали к полевым работам, снабжали семьи грибами и ягодами. Вспоминает Серафима Николаевна Брюхова-Тарасова:

«Вся власть принадлежала коменданту. Без его разрешения не выехать, не сходить в лес.... Мы, дети, уже с 7 лет нанимались работать в колхоз. Когда я подросла, меня направили на лесозаготовки в Кыновской леспромхоз. Очень хотелось учиться дальше, но заключенных никуда не принимали».

Основное население поселка работало на лесозаготовках, которые в то время носили сезонный характер. Большую часть леса рубили и вывозили зимой. Чтобы спецпереселенцы (в поселок приезжали все новые и новые «раскулаченные») не бездельничали летом, в 1930 году было принято решение организовать сельхозартель «Рябиновская», одну из первых в Лысьвенском районе. Рябиновцы стремились стать

членами артели, поскольку членство в ней давало узаконенное право каждому двору иметь в личном пользовании от 0,25 га до 0,35 га земли под сад и огород, а также 1 корову, до 2 голов молодняка, 1 свинью с приплодом, до 10 овец и коз, неограниченное число птицы, кроликов, ульев. Вступившие в артель должны были внести денежный взнос от 20 до 40 рублей на двор.

Идеологическую подоплеку по созданию сельхозартели раскрывают архивные документы. Вот выписка собрания членов сельхозартели «Рябиновская» Бизевского сельского совета Лысьвенского района за 1939 год. Всего на собрании присутствовал 181 человек, в том числе членов артели 108 человек. В протоколе собрания было записано:

«Трудящиеся поселка Рябиново добровольно объединились в сельхозартель, чтобы общими средствами производить и общим организованным трудом построить коллективное, т. е. общественное хозяйство, обеспечить полную победу над кулаком, над всеми эксплуататорами и врагами трудящихся, обеспечить полную победу над нуждой и темнотой, над отсталостью мелкого единоличного хозяйства, создать высокую производительность труда и обеспечить, таким образом, лучшую жизнь колхозника.

Колхозный путь – путь социализма единственно правильный путь для трудящихся крестьян. Члены артели обязуются укреплять свою артель, трудиться честно, делить колхозные работы по труду, охранять колхозную собственность, беречь колхозное добро, беречь трактора и машины, выполнять задания своего рабоче-крестьянского государства и таким образом сделать свой колхоз большевистским, а всех колхозников зажиточными».

Зажиточными члены артели «Рябиновская» не стали. В годы Великой Отечественной войны те, кто остался в поселке и не попал на фронт, до изнурения работали на лесозаготовках и на колхозных полях. Как могли, они тоже приближали светлый праздник Победы.

В 1947 году государство разрешило репрессированным выезжать из спецпоселков. Сельхозартель, ставшая к тому времени колхозом «Рябиново», стала нерентабельной. Если перед войной в 1939 году в колхозе было 95 трудоспособных человек, то уже в 1947 году осталось всего 23 человека. Лысьвенский городской Совет принял решение о ликвидации сельхозартели. Вот архивная запись из решения горсовета: «По колхозу «Рябиново» осталось 8 семей с 8 трудоспособными, которые все перешли на работу в ОРС Кыновского мехлесопункта».

Но возвращались в Рябиново солдаты с фронта, прибывали молодые рабочие из районов, разоренных войной, обзаводилась семьями местная молодежь. На базе ликвидированного колхоза было организовано подсобное хозяйство, которым руководил Иван Поликарпович Аликин, человек умный, требовательный, хозяйственный, с природной смекалкой. Под его руководством выращивали большие урожаи картофеля, огурцов, лука, турнепса, капусты. На полях сеяли овес, рожь, пшеницу. Выращивали на силос кукурузу, подсолнечник, горох.

На фермах откармливали свиней, поголовье которых доходило до 150 штук, с которыми управлялись две свиноводки. В коровниках стояли три группы коров по 12-16 голов в каждой. Ухаживали за животными доярки Елена Иванюта, Анисья Голышева, Валентина Мельцина. Молоко тут же сепарировали, масло, мясо отправляли в столовые ОРСа.

Послевоенная жизнь рябиновцев сохранилась в моей памяти. По-прежнему большинство населения поселка занималось лесозаготовками. Тяжелый, изнурительный труд был у рабочих, занятых ручной валкой и вывозкой леса. Мой отец Алексей Александрович много лет работал вальщиком леса. Чтобы в лесу не тонуть в глубоком снегу, он по вечерам плел лапти. Были и стахановские бригады. За стахановский труд моей маме Анне Тимофеевне был выделен кусок материала.

Так как родители целыми днями работали, за нами, детворой, присматривала бабушка по маме Марина Пименовна Мошева. Она жила вместе со своей младшей

дочерью Настей на Средней улице. При доме стоял конный двор, где бабушка исполняла обязанности конюха. Еще до войны она овдовела и одна вырастила троих детей. Единственного сына Ивана забрали на фронт в 17 лет. Вскоре на него пришла похоронка. Труд женщин в годы войны был просто непосильным. Однажды на бабушку напал племенной колхозный бык. Он так ее искромсал, что все думали, что ей не выжить. Несколько месяцев бабушка лечила саму себя. Сейчас, в настоящее время, ее бы называли народной целительницей.

К ней постоянно шел народ, в основном женщины. Мы, детвора, сидя на большой печке, наблюдали, как бабушка лечит женщин. Лечила она «надсаду» почти у каждой женщины. Если пуп не вставал на место, бабушка массажировала живот руками, смазанными хозяйственным мылом, и вкручивала в область пупка веник. Мы с интересом смотрели, как веник начинал вздрагивать, пульсируя вверх, вниз и, в конце концов, падал на пол. Это обозначало, что пуп встал на место. Поправляла она животы и у беременных, если ребенок неправильно лежал. Рожали деревенские бабы в банях, многих рябиновских ребятишек приняла на свои руки Марина Пименовна. Тут же в бане, вымыв ребенка, пеленала его крепко специальным свивальником, чтобы, не дай Бог, ребенок не взмахнул ручкой и не напугал сам себя. Ребенок мог сосать грудь матери только ночью, утром она убегала на работу. На день грудничку нажевывали хлеб с сахаром, заворачивали в марлечку, и ребенок сосал хлеб до прихода матери. В свободное время бабушка ткала половики на большом станке. К большим праздникам она варила солод из пророщенных зерен ячменя и варила пиво.

Из репрессированных помню наших соседей стариков Федора Миленко и его жену Домну Ивановну. Домна Ивановна ходила, согнувшись, но всю работу по дому, по двору она выполняла сама. Когда всходила картошка, она тщательно пропалывала огород, тогда как местные жители не делали этого совсем.

Напротив нас жил Василий Бойко с женой Дусей, детей у них не было. От первого брака с Марией Огульчанской у него в Кыну росли двое детей: Александр и Галина. Запомнились эти люди как крепкие хозяева: держали скотину, пчел. Огороды их были в идеальном порядке. Они выращивали в нашем суровом климате огурцы, были большими тружениками.

До 1950-х годов в домах единственным освещением были простые керосиновые лампы. Позднее появились более усовершенствованные лампы, в которых стекло надежно пряталось под каркасом, и их можно было носить и подвешивать за ручку. В поселке имела своя дизельная электростанция. Первое электричество подавали вечерами до 12 ночи. В домах стали появляться проигрыватели, радиоприемники, а первый телевизор появился в семье Марии Тимофеевны Бурыловой, молодой продавщицы магазина.

В конце 1950-х годов в поселке ненадолго активизировалось строительство. Сносились старые дома, наспех построенные первопоселенцами, рубились новые добротные избы. Поселок состоял из трех улиц, которые для удобства называли Нижняя, Средняя и Верхняя.

Многие семьи, особенно многодетные, вселялись в большие просторные квартиры, для приезжих семей построили 5 финских сборных домиков. В народе их называли щитовыми. Стала развиваться социальная сфера. Были построены новая школа, детский сад, клуб, магазин, пекарня, медпункт. Центром культуры поселка был клуб. Со ст. Кын на лошади приезжал киномеханик. Он привозил новые кинофильмы. Местная художественная самодеятельность состояла из школьников и жителей поселка. Часто в клубе выступала кыновская самодеятельность. В клубе работала передвижная библиотека, которой заведовала Анна Андреевна Стежина. В школе, в кабинете В.И. Ярыгиной, также имела небольшая библиотека.

Семьи в поселке были в основном многодетными. Наибольшее количество детей было в семьях Шаравиных, Мохоновых, Ивана и Алексея Терехиных, Хорошильцевых, Деменевых, Ивана и Андрея Катаевых, Ёлоховых, Стёжиных. В этих семьях было от пяти до девяти детей.

Второй мамой для рябиновских детей была учительница Варвара Ивановна Ярыгина *(на фото)*. Хорошо помню, с каким волнением мы, ребята, готовились вступать в октябрята и в пионеры. Старшие братья вырезали из картона звездочки и обшивали их красным материалом. Школьная жизнь была

насыщенной и кипела ключом. Наш класс учила молодая учительница Людмила Павловна Сердюк *(на фото)*. Возле школы она с ребятами соорудила спортивную

площадку, на школьном огороде выращивали овощи и красивые садовые цветы. К сожалению, её мужа направили работать в Кын, поэтому Людмиле Павловне пришлось перейти работать в Кыновскую школу.

Варвара Ивановна проработала в школе до 1969 года – года закрытия поселка и еще 10 лет учила детей в поселке Мишариха. Её муж до выхода на пенсию работал и продавцом местного магазина, и трактористом, был начитанным человеком, обладал прекрасной памятью, помнил и пересказывал содержание многих книг. Варвара Ивановна неоднократно избиралась депутатом Лысьвенского городского Совета народных депутатов и Кыновского сельского совета, вела большую общественную работу. Многие ребят эти учительницы вывели в большую жизнь. У самой Варвары Ивановны дочь Валентина окончила Уфимский авиационный институт. Высшее образование получили почти все дети из семьи Шаравиных, а дочь Мохоновых, Валентина Александровна, до выхода на пенсию работала учителем географии в поселке Кормовище. Много лет она была завучем этой же школы.

...Но постепенно поселок угасал. По официальной статистике, в 1969 году в Рябиново проживало 245 человек. Подсобное хозяйство постепенно приходило в упадок, лесосырьевая база истощилась, жители понемногу стали разъезжаться. В 1969 году власти приняли решение ликвидировать поселок. В связи с этим решением жители начали переезжать в поселок Кын, где для них была построена улица Калинина. Несколько семей уехали в поселки Мишариха и Рассоленко, в Кунгур. Поколение 1950-1960-х годов обосновалось в основном в г. Лысьве, где многие получили трудовые профессии в училищах города.

Рябиново.... Уже давно нет этого поселка. На его месте вплоть до 2005 года находились сенокосные угодья бывших рябиновских жителей. Хотя и жили они в 12 км от родного поселка, а сено для коров продолжали косить на родине. К этим временам многие уже были пенсионерами, поэтому мужская половина с удовольствием жила там весь сенокосный сезон. Директор Кыновского ЛПХ Петр Андреевич Штейников каждый год на время сенокоса выделял машину, на которой можно было уехать на покос и вечером вернуться в п. Кын. Несколько лет в Рябиново стояла пасека Кыновского ОРСА, которой руководил Александр Иванович Мохонов. Сохранился в бывшем поселке только пруд, но из-за бездорожья в настоящее время попасть на автотранспорте туда практически невозможно. Однако внуки бывших поселян приезжают на родину предков, чтобы поклониться этим местам, своей малой родине.

Дни детства - далекие дни -
Голодными, звонкими были.
Пусть бедно, но честно мы жили.

2010 г.

1936 год.
День принятия Конституции

Жители поселка Рябиново

Учащиеся школы. Конец 1950-х

Николай Парфенов

«Обманутая» Обманка

Можно только догадываться о времени основания Первой Обманки. Скорей всего она появилась на рубеже 18 и 19 веков, когда стали разрабатываться Койво-Куртымские рудники и укрепляться экономические связи Лысьвенского и Кусье-Александровского заводов, для чего потребовалось устойчивое транспортное сообщение. Зимняя дорога, проложенная по рекам Койве - Чусовой - Лысьве, была опасна и могла функционировать очень ограниченное время, поэтому ей требовалась более надежная замена. Так появился Кусье-Александровский тракт, обустроенный мостами, кюветами, замощенными топами. Очень возможно, что Первая Обманка была местом, где возчики могли покормить лошадей, передохнуть и продолжить свой путь в сторону Лысьвы или Кусье-Александровска. Со временем вокруг Обманки появились лесные кордоны: Вашкорский, Понышский, Исаковский, Рюминский, Силинский и другие. Свое название поселение получило от одноименной речушки Обманки, то текущей по своему руслу, то исчезающей под землей.

Если судить по подомовым книгам, то до Великой Отечественной войны в Первой Обманке проживало полтора – два десятка человек. При этом некоторые жители числились «выбывшими в неизвестном направлении». Жители работали лесорубами. Некоторые существовали за счет небольших огородов, на которых выращивали овощи. Только 3-5 семей имели коров. В годы войны в Обманке жили поволжские немцы, количество которых установить не удалось. Это были так называемые «трудармейцы»¹. Они занимались лесозаготовками. После войны Первая Обманка стала разрастаться за счет пришлого населения, занятого на приготовлении извести из местного известняка, лесозаготовках, переработке древесины. В 1965 году в поселке был развернут лесозаготовительный участок Лысьвенского лесхоза, специализирующийся на рубках ухода и главного пользования. Лесхоз в Обманке построил большое здание, собравшее под одной крышей детский сад, начальную школу, здравпункт и клуб.

Во второй половине 1930-х годов Первая Обманка превратилась в перевалочный пункт, через который из Лысьвы стали поставляться грузы и оборудование на строительство шахты в новый поселок, расположенный в 7-8 километрах в направлении на северо-запад. Не мудрствуя новый поселок называли Второй Обманкой.

¹ Трудармейцы – демобилизованные из действующей армии и депортированные советские немцы; содержались в условиях строгого режима в глухих лесах или на стройках; в правах приравнивались к спецпереселенцам; проходили ежедневную проверку; вопрос о лысьвенских трудармейцах никак не изучен местным краеведением.

Поводом для строительства нового поселка стало Обманковское месторождение каменного угля. Об этом месторождении было известно еще в XVIII веке, хотя официальная дата его открытия зафиксирована только во второй половине XIX века¹.

На картографическом плане Лысьвенского лесничества Лысьвенского района начала XX века Обманковское месторождение обозначено как «Отвод залежей каменного угля владения князя С. М. Голицина». Площадь отведенных князю Голицину залежей была похожа на прямоугольник. Его северо-восточная граница проходила по левому берегу р. Вашкор от среднего течения до устья, юго-восточная – от верховьев речки Талой до р. Вашкор, юго-западная – от верховьев Талой до реки Чусовой, северо-западная – вдоль левого берега Чусовой. Площадь «отвода» составляла примерно 10 кв. км. Выше по течению Вашкора находился отвод каменоломен владения наследников графа П. П. Шувалова.

Повторное «открытие» обманковского месторождения произошло в июле 1931 года, после того как краевед И. И. Спехов подал заявку в президиум Лысьвенского городского Совета РК и КД о «предполагаемом» месторождении каменного угля на речке Обманке (*левый приток р. Вашкор - Н. П.*). Спустя несколько лет Спехов писал: «Обманковские угли открыл я. Цель моих поисков углей была, чтобы освободить завод от топливного голода. Центральная комиссия по премированию при ПТУ в своем постановлении от 2 марта 1934 года отметила факт открытия мной по р. Обманке углей значительного промышленного значения. На 1 января 1935 года запасы разведанных там углей подсчитаны и утверждены высшими правительственными органами категории А-2,381 тысячи тонн, В-867 тыс.т., С – 4,530 тыс.т., С2 – 42, 717 тыс. т. и всего 50 миллионов тонн. Этих запасов Лысьвенскому и Чусовскому заводам вместе взятых хватит не менее чем на сто лет»². Угольный пласт залегал на глубине 2 – 3 метра от поверхности земли и составлял толщину 1,7 м.

Краевед И. И. Спехов повторно «открыл» то, что было известно задолго до него. Есть уверенность, что он не мог не знать об обманковском угле. Скорее всего, расчет был сделан на то, что о месторождении в «буднях великих строек» забыли, а всю заводскую документацию забрали с собой технические специалисты, когда эвакуировались с отступающими колчаковцами в 1919 году. Наверняка Спехов знал, где надо искать и что искать. Момент для «открытия» был подходящим...

В 1920-1930-е годы Лысьвенский завод находился на передовой позиции второй (советской) индустриализации. Традиционное топливо из дров уже не могло удовлетворить огромные потребности в энергоносителях. Однако в первые советские десятилетия поневоле пришлось вернуться к дровяному отоплению, поскольку дрова были дешевле и доступнее. Это совсем не значило, что дров хватало для быстро растущего производства. Нередко топливный кризис приводил к месячным простоям как отдельных цехов, так и всего завода. Ликвидировать топливный голод не могли ни партийно-комсомольские субботники, ни принудительные направления на лесозаготовки рабочих, студентов, служащих. Не эффективными оказались попытки использовать в качестве топлива торф, значительные запасы которого имелись на левобережье реки Лысьвы к северу от завода. По оценкам специалистов, его влажность составляла 14,04%, зольность – 6,36%. Партийные и хозяйственные руководители лихорадочно искали источники и надежных поставщиков угольного топлива. С большим опозданием в 1938 году Экономический совет при СНК СССР принял программу развития угольной промышленности на Урале и обязал Наркомат тяжелой промышленности увеличить добычу угля в Свердловской и Челябинской областях более чем в 2 раза.

Не дожидаясь этого запоздалого решения, комитет по делам геологии при СНК СССР уже в 1920-е годы направлял геологоразведочные партии на поиски

¹ Промышленная разработка каменного угля Кизеловского угольного бассейна, к которому принадлежит Обманковское месторождение, началась в 1797 году.

² Цит. по: Газ. «Искра», 1938, 21 июля.

перспективных угленосных районов в разные концы Урала. Параллельно поисками занимались и энтузиасты-одиночки, одним из которых был И. И. Спехов. На основании заявки Спехова с 12 ноября по 27 декабря 1931 года в районе Обманки состоялись геологоразведочные работы, которые подтвердили «предположение» краеведа: уголь в Обманке имеется. К сожалению, не удалось найти документы геологоразведочной экспедиции 1931 года. Нет никаких документов об Обманковском месторождении и шахте в архивном отделе ОАО «АК ЛМЗ». Наличие документов могло бы многое прояснить в бурной, но недолгой эпопее угледобычи во Второй Обманке.

4 июня 1933 года президиум лысьвенского горсовета РК и КД Уралобласти объявил И. И. Спехову «сердечную благодарность» за сделанное им открытие.

По словам заместителя директора металлургического завода А. В. Панина, в ноябре 1937 года руководство завода обратилось с просьбой в Наркомат тяжелой промышленности разрешить разработку Обманковского месторождения каменного угля для нужд завода и города. Такое разрешение было дано тресту «Востокосталь», в состав которого входил Лысьвенский металлургический завод. Он рассматривался как один из основных потребителей обманковского угля. Заводу и поручили разработку месторождения. Однако и по объемам начавшихся работ, и по специфике производства организация добычи угля оказалась для завода непосильной. Не исключено, что в другое время заводчане и справились бы с поставленной задачей, но приближалась война и госфинансирование направлялось в первую очередь на развитие оборонных производств, на совершенствование имеющейся топливно-энергетической базы, например, Кизеловского угольного бассейна.

Неофициальным годом основания Второй Обманки можно считать 1937 год. Неизвестно откуда прибывали на новостройку рабочие, которых поселили в старые бараки с разбитыми в окнах стеклами. Спали они на полу, ели что придется. Об этом сохранились документальные подтверждения в городском архиве.

В 1937 году добыча угля во Второй Обманке началось без специалистов, без специальной техники, без необходимого финансирования. Все работы велись вручную на старой, вероятно, еще дореволюционных времен, шахте. При добыче железной руды, как в шуваловские времена, использовались инструменты: лопата, лом, кирка, бадья для поднятия на поверхность пустой породы и угля. Несмотря на кустарный способ добычи, в июле - августе 1938 года первая 1000 тонн угля была выдана «на-гора».

Госфинансирование на закладку Обманковской капитальной шахты № 2 открыли в мае 1938 года. На выделенные деньги закупили нефтяной двигатель мощностью 18 л.с., лебедку, три шахтных вагонетки, динамомашину, керосиновый двигатель для компрессора и т.п. Размеры закупки позволяют судить, что денег выделили немного, а приобретенное оборудование, скорее всего, предназначалось для старой шахты, в которой хотя бы немного, но добывался уголь для завода.

Первые же тонны добытого угля породили проблему доставки топлива в Лысьву. До города не было не только железной, но и сносной грунтовой дороги. Таким образом, стали думать о строительстве 18-километровой железной дороги. И снова нужны были деньги, специалисты, рабочие. Пока же уголь возили в Лысьву на тракторах и лошадях.

О бедственном положении новостройки рассказывал начальник обманковской шахты И. Е. Школьников: «...развертывание работ по увеличению добычи угля проходит слишком медленно. Пуск двигателя ЧТЗ, компрессора и динамо-машины в известной степени двинет добычу угля вперед. Коллектив шахтеров при этих обстоятельствах сможет пустить четыре отбойных молотка или же четыре разбурочных. Однако разбурочные молотки потребуют ведения взрывных работ, мы же не имеем для этого взрывматериалов. С применением отбойных молотков вызовется необходимость пустить в эксплуатацию и ряд других вспомогательных механизмов как, например, приводов для транспортировки угля из забоя до

откаточного штрека, подъемной лебедки, освещения шахты, пуска лесопилки, механической мастерской и другие»¹.

Обманковские шахтеры уже выдавали «на-гора» уголь, а шахтостроители закладывали шахту № 2 (капитальная), тогда как Лысьвенский горкомхоз только 19 декабря 1939 года рассмотрел проект расположения промплощадки для новой шахты и эскизный проект жилого поселка «Обманка-2» на 2000 жителей. Строительство поселка началось в первой половине 1940-го года. Эту дату и можно считать официальным временем рождения поселка Вторая Обманка.

Строительство обманковской шахты и поселка было для Лысьвы и Лысьвенского металлургического завода невероятно обременительным. Не удивительно, что руководство города и завода пытались передать шахту под руководство Главугля или Наркомтопа. Пока шли переговоры между высокими инстанциями, обманковским шахтерам приходилось прилагать огромные усилия для выполнения плана по добыче угля. Только к марту 1940 года месячный план удалось выполнить на 101, 6%. Впервые себестоимость топлива с 95 рублей снизилась до 64 рублей и приблизилась к плановой цене в 62 рубля за тонну. При этом по-прежнему шахта работала без технического руководителя, не хватало квалифицированных шахтеров, нарушались правила техники безопасности труда. В марте 1940 года «на-гора» было выдано 8 тысяч тонн угля.

В архивных документах, относящихся к годам Великой Отечественной войны, нет никаких упоминаний о работе Обманковской шахты. Известно только, что в сентябре 1944 года исполняющий обязанности председателя горисполкома И. Аблицев обратился к населению города с призывом принять активное участие в воскреснике по ремонту Кусьинского тракта для вывозки 8 тысяч тонн угля из Второй Обманки для нужд города зимой 1944-1945 года. О металлургическом заводе речь уже не шла, потому что в годы войны уголь для него привозили из разных мест, а том числе и из Кизеловского угольного бассейна.

По неподтвержденным данным, в 1955 году вялотекущие работы по заготовке угля прекратили, и Обманковская шахта в числе других 10 шахт Кизеловского угольного бассейна была закрыта. На этот факт, в частности, указывала заведующая Лысьвенским горархивом Ф. А. Треногина в своей исторической справке, посвященной поселку Вторая Обманка. Примерно в то же время были прекращены работы по отсыпке железнодорожного полотна. Однако городская газета «Искра» продолжала освещать ход подготовительных работ по закладке шахты № 2 (капитальная), а также работы по созданию инфраструктуры шахтерского поселка и строительству жилья. Все газетные материалы полны оптимизма и веры в успех строительства. Также деловому был настроен Лысьвенский исполком относительно угледобывающего будущего Второй Обманки.

7 июня 1957 года на заседании городского Совета под председательством И. Н. Курзанова принято решение заложить во Второй Обманке среднюю школу на 260 мест, детский сад на 100 мест, а к 1 июля 1957 года сдать в эксплуатацию детские ясли и больницу. Иными словами, планы на будущее Второй Обманки у власти имелись самые серьезные. И вдруг последовало решение вышестоящих органов от 10 декабря 1958 года о прекращении финансирования и сворачивании всех работ в поселке Вторая Обманка. Объяснение прекращению строительства Обманковской шахты следует искать в документах XXI съезда КПСС, начавшего свою работу 27 января 1959 года в Москве. Среди прочих решений съезд уделил особое внимание развитию современных высокоэффективных отраслей и производств. «Средняя» по объемам обманковская шахта не подпадала под эти новые требования и поэтому участь ее была предрешена.

Так Обманка обманулась в своих ожиданиях стать лысьвенским угледобывающим центром. Как водится в таких случаях, встал вопрос: «Что делать с

¹ Подробнее см. Газ. «Искра», 1939, 18 ноября.

начатым строительством, чем занять людей, неожиданно оказавшихся без работы?». На скорую руку в поселке устроили лесозаготовительный пункт Свердловской железной дороги по производству шпал, а в пустующих домах служба социальной защиты населения разместила приют для одиноких инвалидов и престарелых граждан. В 1970-е годы дом престарелых и инвалидов сменил благотворительную ориентацию и превратился в психоневрологический диспансер. С тех пор уход за больными пациентами стал основным занятием трудоспособного населения Второй Обманки. В конце 1990-х – начале 2000-х годов лесосырьевая база в окрестностях Второй Обманки изрядно истощилась. По этой причине Свердловская железная дорога отказалась от заготовок древесины. Взамен в лес хлынули частные лесозаготовители. Стала процветать несанкционированная рубка леса.

Со времени начала добычи угля до сворачивания всех работ потребовалось почти 10 лет, чтобы определилась главная причина, по которой прекратилась разработка Обманковского месторождения, – низкое качество углей и их нерентабельная добыча. По большому счету это знали еще Шуваловские, Голицинские и Строгановские инженеры, проводившие исследования и анализ обманковских углей в 19 веке. Найти документальное подтверждение этим выводам никогда не составляло труда, благо они сохранились и по сей день.

Ниже мы приводим некоторые материалы (в сокращении) из газеты «Искра» о строительстве поселка Вторая Обманка и шахты № 2 (капитальная).

----- по страницам газет -----

Л. Сироткин

Обманка строится

...Во второй половине 1956 года должно быть освоено капиталовложений на 6 миллионов рублей. В 1957 году программа строительства увеличивается и капиталовложения составят 20 миллионов рублей. Для выполнения этой программы на строительство поступает богатая техника. В настоящее время получены 2 экскаватора, 3 трактора, 10 автомашин - самосвалов, 1 автокран. Ожидается 2 бульдозера и еще 10 автомашин. С развитием работ землеройные машины будут поступать дополнительно. Строителям предстоит переместить свыше 560 тысяч кубометров земли.

Для шахтеров намечено построить благоустроенный поселок с больничным городком, школой - семилеткой, клубом, детяслями, детсадом, пекарней и баней. В четвертом квартале 1957 года будет заложена сама шахта. Увеличение капиталовложений создает необходимость уже в первом квартале будущего года довести коллектив строителей до тысячи человек. Ясно, что для такого строительства требуется организация подсобной базы, проектирование которой уже ведется. Предполагается построить лесопильный цех, столярную мастерскую с сушилкой, бетонный завод, гараж на 20 автомашин, склады, овощехранилище и другие вспомогательные здания. Энтузиасты-строители не боятся трудностей, возникающих на каждом шагу в необжитой тайге. Сюда прибывают и с других строек нашего треста и из школ ФЗО. Люди осваивают профессии каменщиков, штукатуров, маляров, плотников, трактористов и другие.

Строительное управление № 2, организованное месяц тому назад в поселке Обманка, уже имеет среди своего коллектива прекрасных руководителей бригад

Искра. – 1956. – 26 сент.

Работы обманковских шахтостроителей

Строительство шахты в Обманке имеет для Лысьвы исключительно большое значение, так как промышленные предприятия и котельные установки жилых домов потребляют большое количество привозного каменного угля. После того, как шахта будет введена в действие, стоимость перевозки топлива в Лысьву значительно уменьшится. Кроме того, несколько высвободится железнодорожный транспорт Министерства путей сообщения. В связи с этим коллектив шахтостроителей прилагает все усилия к тому, чтобы как можно быстрее справиться с большой и ответственной задачей, которая выдвинута перед ним.

В настоящее время наш коллектив занят строительством поселка для шахтеров. У нас уже есть клуб, отделение связи и другие социально-бытовые учреждения. В текущем году здесь сданы в эксплуатацию два брусчатых восьмиквартирных дома. В июле был построен каменный продовольственный магазин на четыре рабочих места, а к сегодняшнему празднику закончено строительство столовой на 50 мест.

Жилищное строительство в поселке продолжается. В настоящее время стройуправление сооружает 18- и 8-квартирные каменные здания...

Искра. – 1957. – 25 авг.

Б. Колыванова

...- У Второй Обманки – большое будущее, - говорит начальник планового отдела стройуправления Валентин Кузьмич Виноградов. - Вот полюбуйтесь на план застройки. Здесь мы закладываем улицу Ленина, рядом будет разбита площадь, построен большой клуб. А копры поднимутся вот тут, на восточной стороне поселка.

Валентин Кузьмич называет одни данные за другими.

- Обманковская шахта будет средней мощности. Закладку шахтных стволов намечается начать в четвертом квартале 1958 года. Полностью шахта должна быть построена к концу шестой пятилетки¹.

В настоящее время шахтостроители занимаются сооружением жилья и строительством железной и шоссейной дорог. Но это только начало.

В новом поселке всюду видны плоды труда строителей. Нынче они сдали в эксплуатацию 2100 квадратных метров жилья. Это на 800 квадратных метров больше, чем предусматривалось по плану. У шахтостроителей появился новый благоустроенный магазин, не сегодня-завтра начнет работать замечательная столовая.

Хороший подарок сделали шахтостроители своим детям. Недавно в одном из новых домов открыты детские ясли

Искра. – 1957. – 2 окт.

А. Карякин

У шахтостроителей

...Все шире растет создаваемый руками шахтостроителей поселок вторая Обманка. Недавно здесь заселен первый кирпичный двухэтажный дом. В этом здании 18 квартир из 2-3 комнат со всеми коммунальными удобствами. В текущем году шахтостроители сдадут в эксплуатацию еще четыре 8-квартирных дома.

¹ Шестая пятилетка (1956 -1960 г.г.) продолжалась до 1958 года. XXI съезд КПСС принял новый семилетний план экономического развития на 1959 – 1965 г.г., который исключал строительство и эксплуатацию малоэффективных промышленных объектов, каковым могла стать Обманковская угольная шахта - Ред.

вылавливали из воды и складировали. В XIX веке лес с делянок начинают доставлять к Лысьвенскому заводу на лошадях.

Молевой сплав возобновили в XX веке, когда появились катера, с помощью которых на пруду шла сортировка и сплотка леса. Увеличению количества поставляемой в Лысьву древесины и продлению времени сплава способствовали плотины на реках Татарке, Бурсяке, Большой и Малой Запорной. Нехитрые гидросооружения накапливали в прудах воду, а затем в нужный момент пускался водяной вал, который подхватывал древесину и доставлял ее в Лысьву. Для заготовки леса, сплавных работ, обслуживания плотин в лесу строились небольшие поселки. Вероятно, в те времена и появились Татарка, Русская Невидимка, Татарская Невидимка, Колупаиха, Верх-Лысьва, Верхний и Нижний Бурсяки. В них проживали лесорубы, жигари, коновозчики, сторожа, сплавщики. На сплавные работы нанимались сезонные рабочие, чаще из крестьян.

В годы Великой Отечественной войны большинство рабочих лошадей были мобилизованы на фронт. По этой причине доставка в Лысьву древесины молевым сплавом вновь стала актуальной, поскольку это был самый дешевый по тем временам вид транспортировки. В качестве основной рабочей силы, как и на всех тыловых работах, использовались женщины и подростки.

Колупаиха

Ниже современной Невидимки по течению реки Лысьвы был основан Колупаихинский кордон, со временем превратившийся в небольшой поселок лесозаготовителей. Точная дата основания не известна. Через Колупаиху проходила дорога на юго-восток до Татарского кордона – 8 километров, и на запад, где в 1,5 километрах располагались железнодорожная казарма «34-й километр» и тоннель, от которых дорога выходила на тракт, соединявший Лысьвенский завод и Кормовище. Топоним Колупаиха, вероятнее всего, связан с прозвищем женщины, являвшейся одной из первых жительниц этих мест. В 1930-1940-е годы в поселке появляются школа, баня, магазин, пекарня, общежития для сезонных рабочих, столовая.

На фото: Сплав леса

Татарка

Итак, в 8 километрах к юго-востоку от Колупаихи на небольшом правом притоке реки Лысьвы находился Татарский кордон. Топоним и гидроним Татарка происходят от фамилии лесника Татаркина, проживавшего здесь со своей семьей. По мере увеличения потребности города и завода в древесине все более активно осваивались лесные богатства вокруг кордона. Рядом с домом лесника были выстроены 9 бараков для сезонных рабочих и постоянных жителей. Для детей были открыты детский сад и начальная школа. В здании конторы работал здравпункт. На берегу ручья, разделявшего кордон на две части, располагался конный двор. По окраинам поселения стали появляться частные дома. Примерно в километре от кордона выше по течению реки Татарки была возведена плотина и сделан большой пруд. Лесной кордон превратился в лесоучасток. Просуществовал он до начала 1960-х годов.

Верх-Лысьва

Супруги Л. И. и Н. Г. Мартыновы, поселившиеся в Верх-Лысьве в 1949 году, отмечают, что поселок существовал задолго до их приезда сюда. Подтверждает данное обстоятельство и справка архивного отдела муниципальной администрации, предоставленная по запросу учителя истории Невидимковской школы Н. Б. Низамовой.

В «Списке населенных пунктов Лысьвенского района Пермского округа» (по данным Всесоюзной переписи населения, 1926 г.) кордон Верх-Лысьва расположен в 17 километрах от Поселкового сельсовета г. Лысьвы. В нем было 8 дворов (не крестьянских), в коих проживало 8 мужчин и 8 женщин, всего 16 человек.

Можно предполагать, что наличие сырьевого ресурса, расположение на тракте, а впоследствии на железной дороге, определило более длительный жизненный цикл Верх-Лысьвы, нежели Татарки, Колупаихи и других небольших поселков. К тому же место для поселения было выбрано сухое, что немаловажно для жилищного строительства и гигиены проживания.

С 1947 года поселок начал разрастаться. В нем функционировали не только пекарня, магазин, конный двор, склады, но со временем появились медпункт, семилетняя школа, детсад, ясли, клуб. Но не суждено было Верх-Лысьве стать крупным поселком лесозаготовителей и лесопереработчиков. В конце пятидесятых годов центр производственной, культурной и административной жизни переместился в Невидимку. Строительство и развитие Верх-Лысьвы в этот период замедляется. «С 1949 по 1957 год в поселке особых изменений не происходило. Разве что менялись люди», – вспоминал верхлысьвенский житель Н. Г. Мартынов.

Постоянно живущие в поселке жители ездили на работу в Невидимку, с пятого по восьмой класс учили своих детей в Невидимковской школе. Прошло полвека с того времени, когда административный центр окончательно переместился в Невидимку, а поселок продолжает существование, правда, сегодня уже как дачный, местных жителей остается все меньше и меньше, но он все же жив.

Куропашка

В 1,5 километрах от Невидимки на тракте между Лысьвой и Кормовищем располагался поселок Куропашка. По моему мнению, топоним Куропашка имеет орнитологическое происхождение. Это одно из диалектных названий птицы куропатки¹.

Время возникновения поселка и первых жителей пока неизвестно. Судя по тому, что в поселке был домик лесника, можно предполагать, что когда-то в этом месте существовал кордон. Вполне возможно, что изначально организован он был не для заготовки леса, а как охотничье-промысловое местопребывание. Отсюда и названия близлежащих речек Глухарка, Куропашка. Я не стала бы исключать их связь с этимологией гидронима Гордеевка, протекающей неподалеку речушки. Вероятно, что названа она по имени или фамилии первого жителя, хозяина кордона или лесничего. Куропашка, Глухарка и Гордеевка берут свое начало совсем близко друг от друга. Данное предположение можно рассматривать в качестве рабочей гипотезы.

По справке архива администрации г. Лысьвы в 1926 году в Куропашке был поселок, где имелось 3 крестьянских двора и 18 прочих. Род деятельности жителей не указывается. Далее в справке читаем: «В советские годы лесной участок Куропашка, расположенный в 12 километрах от города, относился к Лысьвенскому поселковому совету. Находился поселок на противоположных берегах лесной речки Куропашки длиной порядка 4 километров и впадающей на 60-м километре в реку Лысьву».

Продолжая знакомиться с упомянутой справкой, узнаем, что в 1937 году в поселке насчитывалось 25 хозяйств, почти во всех был скот, имелись посадки картошки и овощей. Род деятельности жителей снова не указывается.

Наибольший интерес представляет часть справки, относящаяся к 1940-1942 годам. В эти годы проживают в поселке лесники С. П. Алексеев, А. А. Оборин, В. П.

¹ В электронной версии словаря В.И. Даля читаем: «Tryng rugnah, курочки все избура-серые, а петушки гривчатые (весною), как дворовые петухи. Охотники различают три вида: курухтлевой, болотный большой и малый. Кропать северный диалект, *куропашка* восточный диалект, куропатва сибирский диалект, куропахта, куропахка псковский диалект, тверской диалект, куроля южный диалект, курохта курский диалект, - куропатка ж.р., известная дичь».- прим. авт.

Баталов и Быстрых (без указания имени - прим. авт.) Начальником подсобного хозяйства участка значится Александр Васильевич Белканов. Счетоводом подсобного хозяйства была Пелагея Ильинична Благиных. Её муж Иван Иванович Волчков работал шофером. Филипп Киприянович Калинин работал трактористом лесного отдела, одна из его дочерей - продавцом «лесоторгсекции» лесного отдела, а вторая дочь - поваром в подсобном хозяйстве. Значились поварами дети Ульяны Акимовны Мишариной и Елены Дмитриевны Пальчиковой. Анатолий Васильевич Болотов был счетоводом дома отдыха, его жена одновременно исполняла обязанности продавца гортопа и кладовщика продовольственного склада госпиталя. Один из детей Ульяны Акимовны Мишариной числился «лапотником» (*плел лапти для работников подсобного хозяйства - прим. авт.*) Были ещё истопник, электрик, кладовщик, дроворуб, пильщик, конюх, пилоправ, лесорубы и рабочие гортопа.

Дома для проживания жители брали в аренду. Дети учились либо в Лысьве, либо в Верх-Лысьве. Школа в Куропашке была только начальная, как и в остальных населенных пунктах подобного типа.

Резюмируя анализ архивной справки по Куропашке, отмечаем, что основным родом занятий жителей Куропашки во время войны была заготовка леса на дрова для гортопа. Помимо этого поселок являлся подсобным хозяйством ОРСа леспромхоза. Кладовщик продсклада госпиталя проживала и работала в поселке, значит, она отвечала за сохранность и отправку продукции подсобного хозяйства в городские госпитали. Судя по перечню профессий, в хозяйстве были машина и трактор, конный двор. Можно предположить о наличии пилорамы, поскольку были должности пилопра и электрика. Должности поваров говорят о том, что в поселке работала столовая, а значит, было много приезжих и сезонных рабочих. Всего в поселке в период с 1940 по 1942 год насчитывалось 32 хозяйства.

После войны население Куропашки начинает стремительно сокращаться. Исключение составляет 1947 год, в начале которого в поселке насчитывалось 14 хозяйств, а в конце - 57. За счет увеличения населения расширяется сельскохозяйственная деятельность. П. К. Новикова вспоминала: *«Подсобное хозяйство разрастается до Невидимки. На месте стадиона выращивают морковь, а на левом берегу речки Куропашки - капусту, горох, огурцы в парниках. Овощи хранятся в больших овощехранилищах в Широком Курне на месте лесозащитной полосы. Остальная его (курня - прим. авт.) часть засаживалась картофелем».*

Но исчезновение поселка было предопределено. Истощение лесосырьевой базы, недостаток посевных площадей для развития сельского хозяйства, разбитая дорога, отсутствие железнодорожной станции, среднего звена школы все чаще приводило жителей к принятию решения о переселении в другие населенные пункты.

Люди стали переезжать в дом отдыха «Сокол», где появилось свое подсобное хозяйство и требовались рабочие руки, перебираться на другие лесоучастки. «В то время все леса близ Невидимки входили в зелёную зону, запрещалось спилить на дрова сухое дерево. Строго очень было, - вспоминает жена лесничего А. Н. Новикова Парасковья Киприяновна. - Люди остались без работы. Последними жителями в поселке были Мишарины. Но когда у них умерла от скарлатины дочь ввиду отсутствия своевременной медицинской помощи, то и они перебрались в Невидимку».

В 1952 году в Куропашке оставалось 11, в 1955 году – 9, 1958 году – 6 хозяйств. Решением Лысьвского горисполкома №200а от 29.04.1968 года в связи с тем, что все жители разъехались, «Куропашка снята с административного учета».

Каменка

После Великой Отечественной войны страна испытывала огромную потребность в древесине. Пермская область, и в том числе Лысьвенский район, должна была активно включиться в решение этой задачи. Энергично начинается освоение новых перспективных для разработки территорий, а значит и строительство новых

лесоучастков и лесопунктов. В то же время начинает сворачиваться производственная деятельность на неперспективных лесоучастках, таких как Верх-Лысьва, Татарка, Колупаиха, Куропашка и другие. Открытие новых лесоучастков и лесных поселков сопровождалось массовой миграцией населения, главным образом за счет жителей западных и центральных районов страны.

Бурным и коротким был век поселка Каменка. Происхождение топонима понятно и достаточно распространено на Урале. Поселок получил свое название от речки, протекающей по каменистому руслу. По нашим данным поселок появился в одночасье в 1947 году и состоял из 25 хозяйств. П. К. Новикова вспоминает: «Люди приезжали целыми эшелонами из разных мест, много было из центральной части страны, особенно из Калужской области». Подтверждают данный факт и воспоминания Т. А. Зюзичевой: «Мы приехали с родителями из Калужской области, бежали от голода, болезней, отсутствия жилья. Наша местность была полностью разрушена немцами, возвращаться по окончании войны было некуда. Мой отец был хорошим кузнецом, работал до войны на заводе. Поехали на Урал в поисках источника существования. Таких, как мы, было много. Первоначально поселились в Каменке, а когда участок закрыли, переехали с мужем и детьми вначале в Кумыш, а потом в Невидимку. Родители сразу из Каменки приехали в Невидимку».

Среди новоселов были и репрессированные, и отправленные властями в «медвежий угол на погибель». Мой отец, И. А. Лепихин, рассказывал о жителе Каменки столяре Афиногене Петровиче Мишкине. На Урал он был выслан за то, что при виде немецких самолетов в присутствии нескольких колхозников - односельчан сказал: «А у фашистов-то авиация посильней нашей будет». Через несколько часов его арестовали как «врага народа». Можно считать, что ему повезло, поскольку с семьей не разлучили и отправили на Урал с женой и детьми.

Нередко под предлогом государственной важности лесозаготовок начальство расправлялось с неугодными людьми. Так случилось с моим отцом. Отправляя его на работу в лес, председатель произнес следующие слова: «Возьмешь самую захудалую лошадинку Орлика, поедешь на дальние деланки в Асовском леспромхозе. Орлик твой подохнет, не выполнить тебе с ним норму, и ты с ним сдохнешь!» Предыстория этой «командировки» была такова. На сельском сходе моего отца, тогда семнадцатилетнего мальчишку, выбрали председателем колхоза. Старый председатель не мог смириться с этим и оклеветал И. А. Лепихина, понимая, что по его доносу тюрьмы человеку не избежать. Как он говорил: «Чтобы охолонул маненько!» Лепихина посадили на четыре года. Когда он вернулся, председатель колхоза был все тот же. Опасаясь возмездия, а отец умел за себя постоять, малодушный старик и приговорил его к голодной смерти вместе с изработанным Орликом.

Немало поволжских немцев оказалось в глухом уральском углу. Судя по всему, люди собрались толковые, работающие, с деловой хваткой. За короткое время в Каменке был сооружен пруд, в обрывистой части берега которого были оборудованы овощехранилища, построены четырехквартирные дома, мужское и женское общежития, отдельное здание для клуба. В поселке существовало трогательное место встреч и прощаний «У берёзы», что росла недалеко от клуба на въезде в посёлок.

В справочнике по административному делению за 1963 год лесной поселок уже не значится. Со слов Б. Н. Панюкова, чей отец был начальником лесоучастка, поселок прекратил свое существование в конце пятидесятых, скорей всего, в 1959 году. Многие жители переехали в Невидимку, на другие лесоучастки, в Лысьву.

Бурсяки

Так же стремительно разрослись и вскоре исчезли Верхний, Средний и Нижний Бурсяки, Усть-Бурсяк. Этимология топонима Бурсяк носит налет неясности уже по той причине, что на разных картах его написание отличается – «Бурсяк» и «Брусяк». Слово

имеет коми-пермяцкую основу. Не исключена и версия происхождения топонима от «бурсы» – суммы для нищих.

Уроженцы этих мест называют реку «Брусяк». Если учитывать, что уральские речки имеют каменистое дно и берега, то Брусяк по этимологии родной брат Каменок. Для моего слуха привычнее название Брусяк, а его этимология, мне видится, берет начало от верхнего жернова. Основанием для этой версии могут служить и каменистая местность расположения поселков, и вероятность наличия мельницы. Во времена первого упоминания, по архивным данным за 1926 год, такие отдаленные поселки жили натуральным хозяйством. Нужна была мельница¹. Еще одна версия происхождения топонима и гидронима «Брусяк» от глагола «брусить», т.е. «нести вздор»². Однако в данной статье мы будем пользоваться общепринятой орфографической нормой.

Поселков, в названии которых присутствовал топоним «бурсяк», было четыре.

Верхний Бурсяк – это лесоучасток, состоявший из 3 хозяйств. Он был основан на пустом месте. Помимо жилья в поселке была построена плотина для накопления воды.

Средний Бурсяк был основан раньше Верх-Бурсяка. За один 1947 год с 10 он разросся до 21 хозяйства. По словам Н. И. Петуниной, основанным на воспоминаниях ее отца, на Бурсяках и Потоскуях были спецпоселения. Жили там русские и немцы с Поволжья.

Нижний Бурсяк был деревней с 20 хозяйствами, а превратился в лесоучасток в 30 хозяйств. По воспоминаниям Лепихиных Нины Степановны и Ивана Афанасьевича, в Нижнем Бурсяке были школа, магазин, столовая и даже пилорама.

И, наконец, Усть-Бурсяк - лесоучасток, состоявший из 2 хозяйств. Жители этого лесоучастка занимались сплавом леса. Здесь был своеобразный нижний склад.

В справке за 1963 год указан только Нижний Бурсяк с населением 27 человек (не хозяйств). Верхний, Средний и Усть-Бурсяк свое существование к этому времени прекратили.

Верхний Потоскуй и Нижний Потоскуй

Эти лесные поселки совсем забыты в наши дни. На картах осталось только название реки Потоскуй – правого притока Бурсяка. Возможно, этимология гидронима и топонима имеет диалектное происхождение, от «тоскунья». На калужском (орловском) диалекте «тоскунья» – ворон, крятун (по сл. В. И. Даля - прим. авт.) Тоскун, потому что по приметам его голос вещал покойника, тоску, беду. Существует на этот счет примета: «Ворона каркает к ненастью, а ворон – к горю да несчастью». Калужан, волей и неволей оказавшихся в наших краях, было действительно много в Невидимке. Еще одна тягостная аналогия. «Воронок» – автомашина КГБ, увозившая безвинных людей «в никуда», названа так не только за черный цвет. Нет ничего удивительного в том, что люди, оторванные от родных домов, оказавшиеся без средств к существованию в глухой уральской тайге, дали своим лесным пристанищам такое эмоционально окрашенное, о многом говорящее название – Потоскуй.

Из воспоминаний Н. И. Петуниной, А. С. Нигомашева, И. А. и Н. С. Лепихиных, М. Ф. и Н. А. Илюшиных следует, что существовало два поселка – Верхний Потоскуй и Нижний Потоскуй. Довольно скудную информацию о Верхнем Потоскуе удалось найти в списке населенных пунктов Лысьвенского района по состоянию на первое декабря 1947 года. О Нижнем Потоскуе известно только со слов старожилов. Верхний Потоскуй появился в течение 1947 года в виде лесоучастка из двадцати одного хозяйства. Тот факт, что поселки не обозначены на картах как урочища, наводит на предположение,

¹ Документальных подтверждений и указаний местных жителей на наличие мельницы на р. Бурсяк не имеется. – Ред.

² Словарь В. И. Даля трактует слово брусяк так: «м.р. хороший жернов, обыкновенно верхний, нижний бывает дикарь; брусить камень, арх. ломать, выламывать из горы».- прим. авт.

что там действительно были спецпоселения. Ни единой фамилии жителей Потоскуев никому из живущих ныне невидимковцев вспомнить не удалось. Кем были жители Потоскуев, откуда они прибыли в наши края, не известно. Поиски пока успехом не увенчались. Н. И. Петунина вспоминала: «Помню только, как отец рассказывал, что люди, жившие в этих поселках, не имели даже обычной поваренной соли. Они выращивали зерновые и ходили пешком аж до Соликамска, чтобы обменять зерно на соль». Можно предположить, что в сторону Лысьвы их не пускали. Иначе почему люди шли в такую дальнюю и трудную дорогу за солью?

Невидимка

Существуют две версии относительно вопроса о происхождении топонима Невидимка. Первая: станция и поселок Невидимка расположены на склоне горы, спускающейся к реке Лысьва. С дороги, ведущей в Кормовище, поселок не виден. Железная дорога имеет также два поворота: на въезде и на выезде из поселка, поэтому заметить его можно только непосредственно въехав в населенный пункт. С какой бы стороны ни подъезжал путник к поселку, он замечал его лишь по прибытии. Вторая: название поселка произошло от небольшой речки Невидимка, которая берет начало в том месте, где и обосновались первые поселенцы. Родник вытекает из склона горы и уходит в карстовые пустоты. Впадает Невидимка в реку Большая Запорная и только потом в реку Лысьва.

Первые документальные подтверждения о существовании Невидимки удалось обнаружить в Списке населенных пунктов Лысьвенского района Пермского округа по данным Всесоюзной переписи населения 1926 года.

Наименование населенного пункта	Расстояние		Тип населен- ного пункта	Число дворов			Количество человек		
	До РИКа	До с/Сов		Крестья нских	Прочих	Все го	Мужч ин	Жен щин	Всего
Лысьвенско-Поселковый Сельсовет									
Татарка	17	17	Поселок	9	5	14	21	13	34
Невидимка	8	8	Поселок	3	23	26	40	29	69
Куропашка	12	12	Поселок	3	18	21	33	23	55
Верх-Лысьва	17	17	Кордон	-	8	8	8	8	16
Барак по реке Чёрной			Барак	-	8	8	9	7	16
Барак Лысьвенского лесничества			То же	-	1	1	2	3	5
Нижне- Бурятский	24	24	Поселок	-	25	25	31	28	59
Верхнее- Бурятский	25	25	То же	-	1	1	1	3	4

В списке упомянуты Татарка, Верх-Лысьва, Куропашка и Верхний и Нижний Буряки. Видим и Невидимку, но о какой Невидимке идет речь? На старых картах, относящихся к рубежу XIX–XX столетий, указаны две Невидимки: Невидимка и Большая Невидимка. Расположены они были примерно на расстоянии 6 километров друг от друга. Возникает целый ряд вопросов. Почему расстояние до Лысьвы от Невидимки (о Большой Невидимке речь в Списке не ведется) меньше, чем от Куропашки (8 и 12 километров, соответственно)? Почему ничего не говорится о Невидимке Русской и Невидимке Татарской? Откуда взялись «23 прочих хозяйства»? Кем были жители? Откуда такое большое количество народа - 69 человек?

На уровне рабочей гипотезы можно выдвинуть три версии:

- ✓ Речь идет о Большой Невидимке, а современной Невидимки на тот момент не существовало. Прилагательное «большая» просто пропущено делопроизводителем.

- ✓ Невидимка существовала, а в документе допущена неточность.
- ✓ Данные документа верны, не было Большой Невидимки, а была Невидимка, которая продолжает существование сегодня.

Версия первая перечеркивает все предыдущие изыскания. Не было на территории сегодняшней Невидимки ни Русской, ни Татарской Невидимки, что могут подтвердить и старожилы. Самый старый житель Надежда Александровна Шумкова, родившаяся в Невидимке в 1932 году, могла и не знать, что происходило с территорией сегодняшней Невидимки в 1926 году. Рассказы своих родителей на эту тему она не помнит. Знает только, что на месте первой деревянной школы в Невидимке житель Михаил Шардин убил медведя. Настолько дремучими были леса в те времена.

Версия вторая может завести только в тупик – никому неизвестно, где именно допущена неточность.

Третью версию с натяжкой можно попытаться обосновать. Итак, речь идет о Невидимке. Отвечаем на вопросы по мере того, как они были поставлены выше.

Почему расстояние от Невидимки до Лысьвы меньше, чем от Куропашки? Потому что в то время из упоминаемых населенных пунктов ездили в Лысьву не по той дороге, где проходит современное асфальтированное шоссе. Например, из Куропашки, по воспоминаниям П. К. Новиковой, можно было попасть в Лысьву по граням, ведущим к Каменному Логу. И. А. и Н. С. Лепихины вспоминают, что из Невидимки можно было пройти в Лысьву по грани, идущей вдоль правого берега реки Лысьвы в Колупаиху, затем через Сосновский кордон, по территории современных садов выходили на Мыс, Зольный мост и далее в любую точку города. По этой дороге примерно и получалось 8 километров до города.

Почему в Списке ничего не говорится о Невидимке Русской и Невидимке Татарской? Косвенно говорится о трех крестьянских хозяйствах. Вероятно, об этих поселениях речь и идет.

Что касается «23 прочих хозяйств», то, со слов Н. А. Шумковой, во время строительства железной дороги был построен пятиквартирный барак. В те времена люди были к жилью непритязательны. Совсем не исключено, что там и размещались строители дороги, которые позже расселились по казармам, а пять семей остались жить в старом бараке.

Это первая рабочая гипотеза. Есть и вторая, которая изначально для меня была единственной.

Вокруг железнодорожного барака до сих пор сохранились три места, где в стародавние времена выжигали древесный уголь для металлургического завода. Это конец современных улиц Нагорной, Больничной и за огородами улицы Заречной. Следы углежжения можно обнаружить и сегодня.

«Технология выжигания древесного угля – процесс сложный, трудоемкий и опасный, но хорошо оплачиваемый. Часто углежогги гибли, буквально сгорали в угольных кучах, «кабанах». В местах выжигания угля всегда жили углежогги. Объяснялось это длительностью цикла углежжения и тонкостью момента прекращения процесса. Уголь должен остаться углем, не превратиться в золу», – поясняет Н. М. Парфенов. Это наводит на мысль, что и на месте современной Невидимки в те времена не могли не существовать хоть в каком-то виде жилища. Но куда они делись к моменту строительства железной дороги? Многие жители знают места, где выжигали уголь, но никто не может даже предположительно указать места проживания углежогов. Гипотетически полагаем, что первое место проживания было в той части территории, где на схеме показано предположительное место размещения Невидимки Татарской, рядом место углежжения. Второе место проживания – это территория, на которой и располагался впоследствии пятиквартирный барак. Строения на третьем месте, думается, сгорели при пожаре на территории сегодняшней улицы Заречной. Почему о них никто не может вспомнить? Потому что прекратили выжигать уголь в те времена, когда не было на свете ещё никого из ныне здравствующих жителей. Даже

пожар на территории современной Зеречной никто не может вспомнить, а он был позже.

В дальнейшем поселок Невидимка застраивался в таком порядке. Вначале, с приходом строителей железной дороги, для них строится барак. Нам известно со слов Н. А. Шумковой и А. П. Пашовой, что в угловой квартире барака жил первый начальник железнодорожной станции Воеводина с женой. Часть их квартиры занимал телеграф, это же помещение служило и рабочим местом Воеводина. В остальных четырех квартирах жили семьи железнодорожников Еремеевых, Шестаковых, Южаковых и Коньковых. Позднее Воеводины переехали в Кормовище. Начальником станции был назначен Александр Феоктистович Южаков (отец Н. А. Шумковой, на основе воспоминаний которой и начинаем восстанавливать последовательность застройки Невидимки). Разъезд в этой части железной дороги появился сразу при строительстве, что позволялось рельефом местности. Первым начальником разъезда был Александр Феоктистович Южаков. Точной даты строительства барака сегодня не имеем. Предположительно, это может быть 1914-1915 годы или, что вполне вероятно, более ранний срок.

А вот начало строительства лесного поселка, по свидетельству Марии Федоровны Илюшиной, датируется 1953 годом. Самой первой улицей в лесном поселке была Первомайская. Первыми на ней поселились М. Ф. Илюшина с мужем. Они тогда были молодоженами и приехали в Невидимку на постоянное место жительства. «Было это в 1953 году. Когда мы с Сашей (мужем - прим. авт.) приехали, то на улице Первомайская стояло шесть домиков, выше того места, где сейчас располагается улица Октябрьская. Дома были нежилые, мы были первыми жителями, работали в МДО (машино-дорожный отряд - прим. авт.). Эта организация создавалась с целью строительства дорог в быстро разрастающиеся лесопункты. Руководил работами мастер Иван Алексеевич Макаров», - вспоминает Мария Федоровна.

Не забыты времена, когда улица была опрятна и красива. Даже в апреле и в сентябре по ней ходили в модельных сапогах или туфлях. Тротуары были посыпаны мелкой зеленой крошкой и красиво окантованы деревянной доской. Улица имеет уклон градусов 45, поэтому за кюветами следили в первую очередь. Они были аккуратно залиты цементом, а съезды на боковые улицы были проложены поверх труб. Территорию перед домами чистили сами жители. Озеленение, чистка и мелкий ремонт тротуаров проводились тоже силами самих жильцов во время субботников. Проезжая часть улицы и тротуары подсыпались и ремонтировались силами ЖКО. Первомайская выглядела нарядно и празднично в любое время года. Улица была шумной, многолюдной. Любили по ней школьники покататься: зимой - на санках и коньках, летом - на велосипедах, на горе водителям колесного и гужевого транспорта.

После заселения шести домов на улице Первомайской отстраивается улица Октябрьская. На этой улице, проходящей с севера на юг, размещались первые детский сад и ясли, клуб, контора, позднее большие ясли для детей лесопромышленников и начальная школа. Семилетняя школа до поры оставалась в Верх-Лысьве. Её перевели в Невидимку после размещения в посёлке леспромхоза в 1957 году. В этой части поселка располагались важные социальные объекты, но размещение их нельзя назвать удачным, поскольку место здесь сырое, подходы утопали долгое время в грязи. Благоустройство улицы провели только в семидесятые годы.

Со стороны леса началось строительство Нагорной улицы. Свои дома построили Новиковы, Мухачевы, продавцы магазина, лесники. Улица застроилась до самой Первомайской. Середина ее выступает «горбушкой». Нагорная была красива в любое время года, но особенно она хороша была поздним погожим вечером летом. В это время года и суток она заканчивается багровым закатом над потемневшей резной кромкой леса, внизу виднеется излучина реки Лысьвы. Соловьи заливались неистово, и душно пахло сиренью, черемухой, акацией, рябиной...

Именно здесь жила большая часть сельской интеллигенции: заведующая яслями, заведующая детским садом, директор школы, воспитатели, учителя, главный

бухгалтер, начальник планового отдела, начальник нижнего склада, главный инженер и другие служащие. Излишне говорить о чистоте этой улицы. Генеральная приборка улицы осуществлялась после весенней уборки дров. Проезжая часть улицы зимой расчищалась широко, поскольку количество личного транспорта доходило до пятнадцати единиц, нередко возникала необходимость проезжать и большегрузной технике.

В поселке появляется нижний склад с отгрузочной площадкой у железнодорожной линии, за конторой. Лес начинают транспортировать по железной дороге, но и от сплава полностью не отказываются. Строится первая пилорама (за старым гаражом), появляются магазин, вокзал, колодец - до этого воду носили из реки Лысьвы.

С 1953 по 1957 годы в Невидимке был размещен лесоучасток. В 1957 году в поселок перенесли контору леспромхоза, и лесоучасток стал называться Невидимковским ЛПХ. В своей книге «Лысьва» Н. В. Максаров писал, что «1 июля 1958 года произошло слияние Лысьвенского и Кормовищенского леспромхозов. В леспромхозах за последние годы произошли серьёзные изменения. В лесосеках широко применяется мотопила «Дружба», автомобильный парк все больше пополняется мощными лесовозами, увеличивается количество трелёвочных и линейных тракторов»¹.

С этого момента поселок разрастается в юго-западном направлении. Появляются улицы Садовая, Больничная, несколько позже Тракторная, в восточной части - Железнодорожная.

В устье речки Татарка обособливается с 1957 года первый «частный сектор» с большими приусадебными участками, палисадами, собственными банями и колодцами, пчельниками. Собственные дома строят Е. Ф. Оборина, И. А. Корчуков, И. А. Лепихин.

Поселок расстраивается. Появились конный двор, гараж, контора ЛПХ, пожарная часть. Открылись пекарня, хлебный магазин, баня, парикмахерская, сапожная мастерская, больница. В больнице был не только фельдшерско-акушерский пункт, но и стационар, родильное отделение. Говорят, что в стационаре лечились больные даже из числа горожан. Электричество вырабатывала специальная установка ПС-60. ЛЭП и подстанция появились позднее. Для стремительного строительства поселка нужен был кирпич, и в результате появился свой кирпичный завод.

Первым директором леспромхоза назначили Макарова. Позднее в разное время и в разные периоды работали Иван Леонидович Ярыгин, Дмитрий Степанович Савельев, Алексей Алексеевич Тарасов, Юрий Павлович Симонов и другие. В короткие сроки был возведен склад с эстакадой, пилорамой, шпалорезом. Подвозимые хлысты снимались при помощи тросов, затем по три-четыре бревна «лягушкой» (лебедкой) поднимали на эстакаду для раскряжевки. Дальше лес шел по транспортеру на различные производственные участки. От каждого участка на транспортере стояли несколько бракёров, которые отсортировывали лес. Лес укладывался в специальные карманы (накопители). Отсюда они поступали на склад готовой продукции и отгружались потребителям.

Количество жителей Невидимки доходило до полутора тысяч и больше. В школе для учащихся не хватало учебных площадей. И вот тут Невидимка жестоко поплатилась за то, что она не деревня, а лесной промышленный поселок. По воспоминаниям бывшего директора школы А. Д. Ладейщикова, именно это обстоятельство не позволило своевременно построить новую среднюю школу. В свое время вышло постановление правительства о совершенствовании инфраструктуры деревень, а Невидимка была лесным поселком, поэтому готовый к реализации проект новой школы вместе с выделенными материальными ресурсами и средствами тихо

¹ Максаров Н. В. Лысьва. – Пермь : Кн. изд-во, 1959. – Ред.

умер для поселка. Педагогический коллектив и ученики школы остались ютиться в неимоверной тесноте. У Александра Дмитриевича до сих пор остается горький осадок, потому как дался этот проект на строительство школы с большим трудом.

Бурное разрастание поселка продолжалось до 1972 года. Однако работа леспромхоза шла ни шатко ни валко. По воспоминаниям В. А. Андриянова, его как члена горкома партии и примерного лесохозяйственника неоднократно приглашали в Невидимку для консультирования.

«Только что толку в консультациях! - восклицал он. - Дисциплины нет, пьянство, поселок утопает в грязи, все дороги в отвратительном состоянии. Суть беспорядков ясна. Нужна дисциплина».

«Но чтобы тебя начали слушать как руководителя, надо показать свое умение работать и с людьми, и с руководством, и собственно хозяйством управлять умело. Надо проявить компетентность во многих вопросах. Другими словами, надо работать, а не консультировать, - продолжал высказывать свое мнение Андриянов. - Чтобы привлечь качественно другой состав работников, с которых можно было бы потребовать, необходимо людям создать условия для работы и проживания. Я как руководитель больше всего ценил в людях порядочность, честность, ответственность. И меня, думаю, уважали за те же качества, боялись, но уважали. Я от людей слова худого не слышал, а мне ведь приходилось провинившихся наказывать, вплоть до увольнения по статье. Спасала справедливость в требованиях. Никогда не выделял я любимчиков, со всех спрашивал одинаково. Более того, оступившийся человек – тоже человек, а не третьесортное существо. Наказав по заслугам, я мог и обратно пригласить на работу уволенного, и поощрить, если отличится в чем-то хорошем. Люди сами понимали, что главное – это дело, которому они служат. Погибнет дело, пострадает и качество условий для их проживания. Что я следовал именно этим принципам, неоднократно подтверждалось на практике. Например, первый секретарь обкома партии Б. В. Коноплев потребовал от меня в Невидимке двух «стотысячников». Я понимал, что возможности переработки древесины нижним складом в лесопункте только 180 тысяч кубометров. Дополнительные 20 тысяч кубов – это впустую загубленный лес! Пошел на конфликт с передовиком производства Полозовским¹, с Коноплевым². Не дал зря губить лес! Полозовский рассчитался и уехал, а меня сняли с управленческой работы. Устроился лебедчиком. Три года был рабочим...»

За три года его отсутствия на руководящем посту в лесоучастке шесть раз меняли руководителей. Шесть человек поочередно вставали на пост начальника участка в поселке, а выработка, дисциплина и качество труда, условия проживания ухудшались, падали на глазах. Андриянову вернули должность, и участок начал воскресать, снова поднялся на приличный уровень.

«Когда в 1978 году сгорел нижний склад, многие твердили: «Все, пропала Невидимка!», - вспоминает Василий Андриянович, - Я только и сказал: «Ёлки зелёные! Сколько лишней работы наделали!» Через два месяца нижний склад работал лучше старого. Все отстроили, поставили новый цех по переработке стружки совместно с А. И. Клементьевым³. Что бы не происходило, работать надо».

Когда речь заходит о красоте поселка Невидимка, о чистых и опрятных улицах, то вновь вспоминается В. А. Андриянов с его командой. Но новое время - «новые песни».

¹ И. И. Полозовский - бригадир вальщиков, многолетний передовик социалистического соревнования сначала Асовского, а потом Невидиковского леспромхозов, награжден орденом Ленина. – Ред.

² Б. В. Коноплев - первый секретарь Пермского обкома КПСС. - Ред.

³ А. И. Клементьев – директор дважды орденоносного Лысьвенского металлургического завода с 1975 г. по 1990 г. – Ред.

С новым руководством, по новым правилам, в беззаконии и беспорядке не захотел работать Андриянов даже в должности директора леспромхоза. В шестьдесят лет, будучи полон сил, опыта, знаний, компетентный уважаемый руководитель ушел на пенсию.

Теперь уже многие не помнят, что раньше в Невидимке был большой леспромхоз. Люди занимались не только заготовкой леса. Здесь был и лесхоз. Лесничие занимались организацией лесопосадок, прополкой молодых лесонасаждений, распределением сенокосных угодий и т. д. Часть жителей работала на железнодорожной станции. Мимо Невидимки шли составы не только с лесом, нефтью, углем, но и с легковыми и грузовыми машинами, тракторами и комбайнами, военной техникой, затянутой в брезент, зерном, аммиаком, удобрениями и т. д. Отгрузка леса и завоз товаров долгое время производился по железной дороге. Даже «кинотеатры» были передвижные. Приезжал вагон с кинопроектором и экраном, и люди шли смотреть фильмы, которые неизвестно когда еще привезут в клуб. Промышленные товары тоже продавались в вагончиках. Назывались они «вагон-лавки». Железная дорога в большей или меньшей мере на сегодняшний день сохранена, но основной грузооборот ложится на автомобильный транспорт.

Развалился лесной поселок Невидимка, чуть-чуть жива только сфера образования. Как память о былом, видимо, невосвратно потерянном благополучии стоят в Невидимке три памятника - творения рук человеческих, которые стали возможны при поддержке мудрого и толкового руководителя. Это удивительной красоты пруд на безымянном ручейке; деревянный детский сад, где когда-то была расположена больница; школа, которая во что бы то ни стало стремится «удержаться на плаву». Да еще работает почта, исправно доставляющая газеты, корреспонденцию и пенсии. Ранее здесь располагался детский сад, самое первое образовательное учреждение поселка.

Изначально поселок начинался с трех домиков углежогов у истока речки Невидимка...

Невидимка. День лесника, середина 1960-х

Жители деревни Колупаихи

Детский сад в поселке Невидимка, середина 1960-х

----- по страницам газет -----

Первые успехи

Пассажирский поезд Чуковская - Бакал замедлил ход и остановился среди молчаливого ночного леса. Приехавшие, идя один за другим по проторенной в глубоком снегу тропе, быстро миновали небольшой перелесок и начали спускаться по крутому склону горы к расположенному в низине рабочему поселку, который в этот полночный час светился сотнями электрических огней.

- Вот и Верх-Лысьва, - не без гордости говорит постоянный житель поселка, старик лет шестидесяти, - здесь у нас почти как в городе - электричество, радио...

Гордость старого лесоруба небезосновательна и вполне понятна. За последние годы Верх-Лысьвенский поселок заметно разросся. В нем появилось много новых жилых домов, построена школа-семилетка, открыты детские ясли, медицинский пункт, работают магазин, столовая, пекарня. Часто демонстрируются в поселке кинокартины. Чувствуется, неплохо живут кадровые лесозаготовители. Об их благосостоянии свидетельствует хотя бы тот факт, что многие из них держат коров, коз, птицу.

Особенно разительные перемены произошли в организации производственного процесса. На смену двуручной поперечной пиле пришли электропилы. На делянках Верх-Лысьвенского участка работают передвижные электростанции, трелевочные тракторы, лесовозные автомашины и мощный трактор-лесовоз С-80. Однако, несмотря на наличие таких технических средств, участок длительный период времени был отстающим, имел задолженность перед государством.

После выхода в свет постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О ликвидации отставания лесозаготовительной промышленности» коллектив лесоучастка значительно улучшил свою работу и добился некоторых успехов. Начиная с октября, он ежемесячно перевыполняет план и в четвертом квартале минувшего года дал дополнительно к заданию 1000 плотных кубометров леса.

Таковы первые успехи коллектива в борьбе за выполнение постановления партии и правительства.

В ходе социалистического соревнования многие лесозаготовители добиваются высокой производительности труда. Это вальщики Смирнов и Боксер, трактористы Субботин и Зотович, шоферы Бабаев, Хмелевской и многие рабочие других профессий.

Коллектив участка стремится закрепить и умножить успехи минувшего квартала. Но это стремление нередко наталкивается на всевозможные помехи. В организации трудового процесса на делянках Верх - Лысьвенского участка еще очень много досадных недостатков и неурядиц.

Искра. – 1954. – 21 янв.

• • • • •

Борис Мехряков

Поселок Любимово

... Это был рабочий поселок сельского типа, который находился на северо-востоке Больше-Лысьвенского и Заимского сельсоветов в 18 км от г. Лысьвы, в 7 км от д. Горюны и почти на таком же расстоянии от поселка Обманка–2. В противоположную сторону от Обманки до поселка Майдан-2 Чусовского района расстояние приблизительно было таким же - километров 7.

Любимово окружали девственные леса, распростертые на многие километры, поэтому здесь был организован леспромхоз.

Местность - холмистая. Около поселка протекала речка Любимовка, правый берег которой крутой и холмистый. Из земли бьет много ключей. Вода на вкус из всех ключей разная.

У поселка на правом берегу реки выступает гипсовая скала. На этом месте в 1932 году был организован небольшой завод по выпуску строительного гипса (алебаstra). Завод назывался алебастровым карьером.

По словам очевидцев, участок и поселение были организованы в 1932 году. В поселке было 3 барака, в некоторых жило по 8 семей, 9 частных домов, один из них был двухэтажный. В бараках располагались общежитие, клуб, детский сад, начальная школа, столовая. В поселке имелаcь общественная баня.

Недалеко от поселка был построен еще один барак для сезонных рабочих леспромхоза. Там были предусмотрены столовая и баня.

В поселке базировались 2 организации: Лысьвенский леспромхоз, который занимался заготовкой и вывозкой древесины, и Лысьвенский горпромкомбинат, который разрабатывал гипсовый карьер и вырабатывал строительный гипс.

Основная работа жителей поселка – лесозаготовка и выработка гипса. Помимо этого изготавливали конные сани, плели корзины, выращивали овощи для столовых. Жители занимались огородничеством, держали коров, пчел. В лесосеках росло много малины, земляники, смородины. Сюда за ягодами приходили из близлежащих деревень и даже из города за 18 километров. Обильны были леса и грибами. Все эти дары природы были подспорьем жителям поселка.

Семьи были большие - до 5 детей в каждой, а условия жизни - суровыми: тяжелая работа, плохие социальные условия, отсутствие электричества, вода из реки, дровяное отопление.

В поселке проживали люди, приехавшие сюда в трудные годы из разных мест, с разными судьбами, многие из них прошли через жернова сталинских репрессий. По словам старожилки З. П. Недобера, в поселке проживали Бачурины, Рахмановы, Тупицыны, Ураковы, Батуевы, Нурмухаметовы, Мусихины, Нагибины, Михайловы, Каликовы, Капизовы, Панюковы, Исаевы, Музонаровы, Салимзяновы, Меновщиковы, Останины, Меланины.

В годы Великой Отечественной войны многие мужчины были призваны на фронт. Вот только некоторые фамилии:

Тупицын – имел ранение, вернулся;

Исаев – родом из Коми-Пермяцкого округа, погиб;

Останин Степан – вернулся;

Останин Николай – вернулся;

Меланин – нет сведений.

Дети с 1 по 4 класс учились в местной школе. Для них был оборудован один класс, в котором занятия проводились совместно с учащимися всех классов в одну смену. Дальнейшее обучение ребяташки проходили в Заимской школе или в городе. После окончания школы многие обучались в школах ФЗО, а затем распределялись по разным предприятиям и городам. Некоторые уроженцы Любимово шли работать на Лысьвенский металлургический завод.

На фото: группа учителей поселка Любимово у школы.

Каким образом в такие жесткие годы сталинского режима люди попали в этот «медвежий угол»? Пути у всех людей разные. Леспромхоз и горпромкомбинат считались государственными организациями, поэтому здесь выдавалась постоянная зарплата, можно было выправить и получить паспорт, слабее был контроль административных органов. По словам очевидцев, некоторые работали без оформления документов. Николай Васильевич Бачурин и его отец были высланы из деревни Махрята Кишертского района. Из родного дома Николай Васильевич дошел пешком до д. Бурсяк Лысьвенского района к родственникам. В 1933 году он устроился в Любимово в алебастровый карьер на отжиг гипсовой породы. Построил дом, держал корову, пчел. В Лысьву переехал в начале 1960-х годов.

Пётр Николаевич Тупицын (на фото) родом из Коми-Пермяцкого округа, где работал председателем колхоза. За потерю колхозного теленка он и пастух были осуждены, отбывали наказание в лагере около г. Соликамска. Из лагеря Пётр Николаевич сбежал и скрывался у знакомых в разных деревнях. Попал в Калино, а из Калино в Любимово. Тайком привез в Любимово семью. Пока находился в бегах, судимость с него сняли и оправдали.

Николай Петрович Меновщиков, уроженец Очерского района, жил с родителями на хуторе Кухтанка Лысьвенского района, имели лошадь, коров. Когда местные власти потребовали сдать скот, семья была вынуждена покинуть хутор. Так он оказался в Любимово, где работал машинистом нефтяного двигателя.

Алебастровый карьер (на фото) сначала находился в распоряжении горпромкомбината, затем передавался другим организациям, в связи с чем менялось его название. Последним хозяином карьера был Лысьвенский металлургический завод.

В довоенные, военные и послевоенные годы поселок Любимово и его продукция имели большое значение для развития города и завода. Основными потребителями гипса были ЛМЗ, ЖКО, строительные организации города. По моему предположению, интенсивные разработки карьера и лесоразработки около Любимово связаны со строительством домов Октябрьского поселка (1932-1934 г.г.), строительством барачных и двухэтажных домов поселка Орджоникидзе, поскольку, по словам очевидцев, строительный гипс широко применялся при строительстве.

Для добычи гипса применялись несложное оборудование и технология. В карьере вручную долбили шурфы, закладывался аммонал для взрыва камня. Камень грузили и подвозили вручную на вагонетке к дробилке. После дробилки камень поступал на мельницу и сита. Агрегаты дробилки, мельницы и сит приводились в действие от нефтяного двигателя, работающего на солянке. Готовая продукция из карьера и лесоразработок вывозилась тракторами, машинами и гужевым транспортом.

Поселок Любимово с городом был связан дорогой, идущей от д. Большая Лысьва по пойме рек Мельничной и Любимовки. Была дорога, проходившая через д. Горюны, и лесная дорога от Любимово до Обманки-2.

Жителей поселка продуктами снабжал леспромхоз. С уменьшением объемов лесоразработок снабжение передали горпромкомбинату, а затем ЛМЗ (ЦМИ-4). Хлеб доставлялся из города на лошади один раз в неделю, иногда доставляли муку.

В поселке имелись лошади для подготовки производства и вывозки дров. С истощением лесных ресурсов леспромхоз был ликвидирован. Позже в соответствии с проводимой политикой государства по укрупнению малых предприятий и малых деревень был ликвидирован участок по изготовлению гипса. Жители были вынуждены покинуть поселок и переселиться в другие места. В основном все переехали в Лысьву.

По словам очевидцев, гипсовый завод был закрыт около 1960 года. Так поселок Любимово просуществовал 30 лет (1932–1962 гг.).

В настоящее время на месте поселка ничего не напоминает о жизнедеятельности человека. Поселок исчез, на его месте вырос лес. Природа взяла свое, но в памяти человеческой Любимово продолжает жить.

Воспоминаниями о поселке Любимово поделились:

Недобер (Тупицына) Зоя Петровна, Бачурин Иван Николаевич,

Игуменцев Дмитрий Николаевич, Меновщиков Михаил Николаевич.

*Группа рабочих. В верхнем ряду стоят: Бачурина Екатерина Николаевна
и Бушуева Александра,
середина 1940-х г.*

Зоя Петровна Недобер (слева)

*Семья Бачуриных: Николай Васильевич,
Пелагея Ивановна,
Иван Николаевич, Екатерина Ивановна (стоит),
1936 г.*

.....

«Наш Кумыш бывает то грустен, то ясен...».

Из истории поселка

Становление

Начало нашему поселку положила железная дорога, построенная в 1913-1916 годах. Она соединила станцию «Чусовская» на горнозаводской железной дороге с южноуральским поселением Бердяуш. Стальная колея бесконечно петляла между небольших гор, шла вдоль рек Лысьва, Барда и на 62-й версте пересекла речку с названием Кумыш. Рядом с местом, где железнодорожное полотно пересекало речушку, рабочие построили для себя временное жилье из досок и мелкого леса. Было это в 1915 году. Этот год, по мнению многих старожилов и архивной справке музея Свердловской железной дороги, считается годом рождения нашего поселка.

Старожил поселка Геннадий Кобелев рассказывал членам школьного краеведческого кружка о том, что строительство железной дороги на данном участке велось военнопленными немцами. С 1916 года началось движение поездов. Потребовалось постоянное жилье рабочим, обслуживающим железную дорогу. По его словам, к 1920 году вдоль железной дороги были возведены первые крепкие постройки: здание вокзала и жилой дом (казарма). Они до сих пор служат жителям поселка.

В 1918-1919 годах в районе нашего поселка разгорелись жаркие бои колчаковцев с красноармейцами. На перегоне Кын - Кумыш погиб отряд красноармейцев из поселка Кушва Свердловской области. В 1972 году делегация от кушвинских комсомольцев установила на месте гибели в нескольких километрах от Кумыша обелиск. Об этом вспоминал старожил Гуляев. Он указал место гибели отряда и рассказал, как захоронили красноармейцев местные жители. Открытие обелиска проходило в присутствии жителей поселка и учеников местной школы. Участники церемонии минутой молчания почтили память погибших и узнали о событиях от очевидцев. К подножию обелиска возложили венки. До сих пор ученики Кумышанской школы ухаживают за обелиском, а в кабинете истории хранятся папка с документами о его установке и переписка с руководителями комсомольской организации Кушвы.

По воспоминаниям старожилов, первые рабочие железной дороги построили для себя 5 жилых домов. Так, в начале 1930-х годов ниже вокзала появилась первая улица. Позднее она получила название улицы Труда. В это время, по воспоминаниям И.Н.Кузнецовой, в поселке было примерно 15 жителей. Первые кумышане вручную вырубали лес и разрабатывали землю под огороды. Проездом через Кумыш часто бывали жители из Старой Мишарихи и Вынырка. До Кумыша они добирались кто на подводе, кто пешком, а до Лысьвы ехали в поезде. Начальное образование дети рабочих получали в деревне Большой Кумыш. Им ежедневно приходилось преодолевать пешком по 4 километра туда и обратно. С 5-го класса они учились в школе деревни Крутой Лог.

В сотрудничестве с далекой Арменией

К середине 1930-х годов в стране значительно выросло потребление леса и лесоматериалов. В связи с этим произошли изменения в нашем поселке. Особенным был 1938 год. По решению местных властей была открыта лесозаготовительная

контора «Армянснаб». Рабочие занимались заготовкой леса и отправляли его в вагонах в далекую Армению.

По воспоминаниям П. И. Суханова, руководителем конторы долгое время был Б. Н. Попоян, который смог организовать работу по лесозаготовкам и умело наладил взаимоотношения между приехавшими армянами и местным населением. Вновь прибывших было примерно 50 человек. Для них прямо в лесу построили бараки и организовали питание. В поселке они появлялись только в выходные и в праздничные дни. В зимнее время бывали очень редко, так как дороги заносило снегом и добраться до поселка было непросто. Все работы, начиная с валки и отправки леса, выполнялись вручную. Для вывозки использовали лошадей и даже быков. Для них ниже улицы Труда был построен конный двор. Сам П. И. Суханов, закончив 5 классов, работал наравне со взрослыми на вывозке леса, а когда появились два трактора, самостоятельно освоил профессию тракториста. Всю свою трудовую деятельность, а это более 40 лет, он проработал честно и добросовестно на заготовке леса. Руководители организации отмечали его всегда как одного из лучших рабочих.

Поселок рос. Никакого плана застройки не было. Людям требовалось жилье, и они расчищали от леса территорию вдоль железной дороги и речушки Рассольной, которая впадает в реку Кумыш. Дома строили небольшие по размерам, окна из-за недостатка стекла делали маленькими в сторону железной дороги. Скот и птица свободно гуляли среди домов, а пастбища и покосы подходили к самому жилью. Остатки некоторых домов первопоселенцев сохранились в поселке до сих пор. Появился первый продуктовый магазин от Кыновского сельпо. В нем продавали не только продукты, но и предметы первой необходимости. Хлеб стали печь в местной пекарне.

В 1939 году возвели большое здание, в котором расположились библиотека и начальная школа. Недалеко от него построили административное здание для конторы «Армянснаб», медицинского пункта и почтового отделения. В Кумыше появились первые учителя и медики. И. А. Якушев вспоминал, что с мебелью в школе было трудно. Самодельными были деревянные двух и трехместные парты, классная доска, покрашенная черной краской. Для письма использовали газеты, старые тетради и книги. Учебники выдавали по одному экземпляру на 2-3 учеников. В школу дети ходили с желанием, с большим уважением относились к учителям.

В начале 1940-х годов в Кумыше было организовано лесничество. Старожил В. Е. Катаев вспоминал, что одним из первых его руководителей был А. С. Сандаков. Под его руководством 8 рабочих начали осуществлять лесовосстановительные работы. Лесничество активно функционировало до 2007 года. Долгое время его руководителем была Ф. С. Пережогина, воспитавшая себе достойную замену. По ее стопам пошли сыновья С. П. Пережогин и А. П. Пережогин, внук А. А. Пережогин.

«Военстрой» продиктован Великой Отечественной

...Началась Великая Отечественная война. Из немногочисленного населения Кумыша, по воспоминаниям И. А. Анянова, в действующую армию призвали примерно 15 человек. На фронт их увозили в простых товарных вагонах. Провожать мобилизованных пришли все от мала до велика. Уезжая, мужчины давали наказ детям: расти сильными, стойко переносить трудности и помогать взрослым.

Стране и фронту требовалось много леса. По этой причине «Армянснаб» был реорганизован в «Военстрой». Руководителем новой организации назначили Н. В. Захарина. В поселок стали прибывать эвакуированные из числа тех, кого по состоянию здоровья не призывали в армию. Вместе с вновь прибывшими на лесозаготовках работали подростки и женщины. Наравне с мужчинами они рубили лес, вывозили его на станцию, грузили в железнодорожные вагоны. Рабочим приходилось трудиться сверхурочно, чтобы справиться с планом заготовки леса. Дети видели своих матерей только урывками.

В районе поселка есть ценное и редкое для наших мест растение, богатое витаминами, – черемша. Кумышанским жителям запрещалось собирать ее. Места произрастания растения охранялись. Черемшу собирали приезжие из города и отправляли в лысьвенские госпитали раненым бойцам.

Все 1418 военных дней и ночей кумышане вместе со всем советским народом жили под лозунгом: «Все для фронта, все для победы!». Радио в поселке не было. О победе над Германией жители узнали через несколько дней после ее официального объявления. Важную весть привезла женщина, побывавшая в Лысьве. Весь поселок дружно отпраздновал это событие. Рабочие получили по выходному дню.

Домой стали возвращаться фронтовики, некоторые из них приезжали после лечения в госпиталях. Тяжело раненым вернулся отец И. А. Анянова. Прожив совсем немного, он скончался. В некоторые семьи продолжали приходить похороны.

В память о тех, кто защищал нашу страну в годы Великой Отечественной войны, в центре поселка установлен памятник - стела. Ученики местной школы ухаживают за ним, а в праздник Победы ежегодно здесь проходят Дни памяти. В настоящее время еще живы два ветерана Великой Отечественной войны М. А. Рачева и М. С. Ялунин. В начале 1960-х годов насчитывалось около 60 ветеранов.

Истоки центральной Куйбышевской улицы

В 1950 году на базе «Военстроя» был организован Куйбышевский леспромхоз. Рабочие «Военстроя» перешли работать в это лесозаготовительное предприятие. Из Куйбышевской области начали прибывать партии завербованных рабочих. Для них строили новые дома. Появилась улица, которая до сих пор называется Куйбышевской и является главной улицей поселка. Многие дома до сих пор являются жилыми.

Леспромхоз занимался не только заготовкой леса, но и лесопереработкой. Продукцию отправляли на различные предприятия Куйбышевской области. Обновлялся машинотракторный парк. Появлялись трелевочные трактора и машины ЗИС-5, на которых перевозили лес. Рабочий М. И. Елохов вспоминал, что он возил лес вместе с Д. Вахриным. В лесу в некоторых местах были болота, поэтому приходилось строить специальную дорогу из мелкого леса в две колеи. Такую дорогу называли «лежневкой». Ездить по ней нужно было очень осторожно. Чуть свернешь в сторону – угодишь в болото с груженой лесом машиной. Машины часто ломались, запчастей не хватало. Шоферы работали дружно, помогая друг другу.

Одновременно с Куйбышевским ЛПХ в 1950 году была создана лесозаготовительная организация «Ростовлес». И сюда приезжало немало завербованных работников. Рабочими становились бывшие жители из соседних деревень: Вынырка, Мишарихи, Северной, Моховлян, Крутого Лога. Как грибы появлялись новые дома и улицы на горе в северной части поселка. Многие дома рабочие строили для себя сами. Улицы получили название Заречная и Набережная. Связь с Лысьвой поддерживалась по железной дороге. Регулярно через станцию проходили пассажирские и товарные поезда.

Дальнейшее развитие лесозаготовительного хозяйства

В 1953 году в лесозаготовительном хозяйстве вновь произошла реорганизация. Куйбышевский леспромхоз был передан Свердловской железной дороге и стал называться Кумышанским лесоучастком, а «Ростовлес» преобразовался в Чечено-Ингушскую лесозаготовительную контору (ЧИЛЗК). В сущности, изменились только названия и сменилось руководство. Рабочие по-прежнему заготавливали и пилили лес, готовую продукцию отправляли в вагонах по железной дороге на нужды Свердловской железной дороги и на Кавказ. В связи с реорганизацией начала появляться современная по тем временам техника: автомашины, лесовозы, бензопилы, трелевочные трактора Т-4. Долгое время директорами ЧИЛЗК были очень грамотные и добросовестные работники, сначала С. И. Кучев, затем И. Ф. Горбунов. Они

заботились не только о развитии производства, но и старались многое делать для жителей поселка. В их бытность руководителями появился новый микрорайон, который до сих пор называют «чеченский».

В середине 1950-х годов в Кумышанском лесоучастке для вывозки леса построили узкоколейную железную дорогу с маленькими, казавшимися игрушечными паровозиками. Позднее вместо паровозиков появились мотовозы и тепловозы. Узкоколейка имела немалую протяженность. В некоторых местах дорога разветвлялась. По УЖД в специальных вагончиках возили рабочих в лесосеку, а на платформах лес. По ней же ездили на покосы, а желающие - за малиной. Железной дорогой пользовались до середины 1970-х годов, пока было что рубить.

Старожил В. П. Анянова вспоминала: *«Дороги тогда были ужасные, на машине съездить в город было проблемно. Хорошая дорога от поселка находилась в пяти километрах. Шла она мимо кладбища. Когда необходимо было отправлять машину в Лысьву, ее по доскам загоняли на платформу, довозили по узкоколейке до этой дороги. Там она с платформы съезжала и ехала до города. Возвращаясь обратно, шофер из села Крутой Лог, что в 15 километрах от Кумыша, звонил в лесопункт, чтобы его встречали. И опять машина возвращалась на платформе. Это летом. А зимой дороги чистили редко. Надеялись только на железную дорогу. По ней привозили из Лысьвы почту.*

С хлебом в Кумыше тоже было сложно. Пекли в поселковой пекарне или привозили из Чусового в магазин ОРСа, но его не хватало. Если днем хлеб не купишь, вечером после работы в магазинах его уже не было. Проблема была и с водой. Все жители пользовались водой из реки Рассольной и из ключика. Водокачек и колонок по всему поселку не было».

Валерия Петровна рассказывала, что на заготовке леса работало по 6-8 бригад по 10 человек в каждой. Кроме рабочих в лесу находились два мастера и приемщицы леса. При начальнике Лубенце в лесу были созданы комплексные бригады. Каждая несла ответственность не только за заготовку леса, но и за его отгрузку. Все были заинтересованы в том, чтобы не только больше заготовить леса, но и отгрузить на нижний склад и в результате больше заработать. За выполнение и перевыполнение плана начислялась «прогрессивка» - премия, которая зависела от выполнения плана. Кроме того, лесорубам насчитывали ежемесячно надбавку за выслугу лет, а механизаторам - за классность. У людей появилась заинтересованность лучше работать, они стали больше зарабатывать. В кабинете у начальника в конце 1950-х - начале 1960-х годов стояли три переходящих Красных знамени: знамя Куйбышевской железной дороги, знамя Лысьвенского горкома партии, знамя за победу во Всесоюзном социалистическом соревновании. В этот период времени шло интенсивное строительство новых жилых домов по улице Зеленой.

В 1957 году на территории поселка образовалось еще одно лесозаготовительное предприятие – Краснодарский леспромхоз. Работать в новом ЛПХ приехали люди из Краснодарского края, из близко лежащих деревень и сел, и даже из города Лысьвы. Появился новый микрорайон поселка, который до сих пор называется «краснодарский», а в нем три улицы Мира, Дружбы и Краснодарская.

Руководители Краснодарского леспромхоза серьезно отнеслись к проблемам развития поселка. При директоре Н. П. Назарове построили два магазина и столовую от Кыновского ОРСа, клуб, библиотеку, детский сад на 60 мест, общественную баню, общежитие. Под его руководством капитально отремонтировали дорогу в лесные делянки в сторону Моховлян, которая до сих пор служит людям для поездки на рыбалку, на покосы, за грибами и за ягодами. Появились необходимые производственные помещения и своя электростанция. По воспоминаниям бывших рабочих этого предприятия, все вопросы, касающиеся жизни и работы рабочих, решались быстро и оперативно. Пользовалась авторитетом и партийная организация, которой долгое время руководил И. А. Анянов. В разное время в леспромхозе работало до 700 человек. Лесопroduкцию отправляли в Краснодарский край.

И школа стала семилетней...

В 1959 году Лысьвенское горно приняло решение о переводе школы из деревни Крутой Лог в Кумыш. Кумышанская школа стала семилетней. Для школы приспособили двухэтажное общежитие в центре поселка. В 1959 - 1960 учебном году состоялся первый выпуск учащихся в количестве 7 человек. Всего, по отчету школы, в этом учебном году было 90 учащихся. В последующие годы их количество значительно увеличивалось. Учащимся в школе стало тесно.

В 1961 году в Кумыш перевезли здание школы из Вынырка. Его приспособили под спортзал, мастерские и классы, но площадей по-прежнему не хватало. В следующем году силами ЧИЛЗК было построено дополнительное школьное здание на берегу реки Рассольной, в котором разместились начальные классы. Директором школы в это время был очень ответственный и образованный человек И. Ф. Дивинский. Руководители леспромхозов активно помогали ему в организационных вопросах и приобретении мебели. Часть мебели перевезли из Крутого Лога. Иван Федорович старался создать необходимые условия для работы учителей и учащихся. Он лично сопровождал машины, которые перевозили мебель. Однажды во время очередной поездки он получил серьезную травму позвоночника, после чего стал инвалидом. Однако, будучи уже пенсионером, он старался помогать коллективу школы своими советами. Первые выпускники помнят его как прекрасного учителя, требовательного директора. Первые выпускники сохранили воспоминания об учителе физики и математики А. П. Ляминой, учителе русского языка и литературы А. С. Козловой, учителях начальных классов Н. Н. Нестеровой, А. В. Сергиенко, М. Е. Арской. Кумышане с благодарностью помнят учителей А. С. Праздникову, Д. А. Нестерова, Н. А. Горбунову, Н. Е. Анянову и других. Долгое время директорами школы были Д. Г. Гримов, 10 лет - Д. А. Нестерова, 33 года - Г. С. Елохова.

Занятия в школе проходили в две смены. Классы были переполнены. Наполняемость в классах доходила до 30 учеников.

Поселок продолжал расти...

Поселок продолжал расти. Он становился большим и шумным. Количество населения увеличивалось. В 1960-1970-е годы численность жителей достигала 3000 человек, а количество учащихся в школе доходило до 600 человек.

В 1969 году в Кумыше появились первые телефоны. В первую очередь их установили в организациях, а потом и в квартирах жителей. Телефонная связь осуществлялась через коммутатор, находившийся в деревне Крутой Лог.

В 1960-1970-е годы активно работали клубы Краснодарского и Кумышанского леспромхозов. «Кумышанский» клуб, построенный в 1959 году, долгое время возглавляла Б. Б. Ярыгина. Ей активно помогали секретарь комсомольской организации Л. Н. Углицкая (Бутенко), музыкальный руководитель Т. А. Ладыгина. Многие и сейчас вспоминают те давние клубные праздники, которые всегда проходили при большом стечении народа. В клубе работали кружки для взрослых и детей (вокальный, хоровой, танцевальный, баянистов, театральный, юных фотографов). В помещении клуба проходили торжественные регистрации молодоженов, большие общешкольные мероприятия.

В эти годы в поселке работали два ФАПа. Долгое время односельчан лечили А. П. Егорычева и Н. М. Зернина. Им до сих пор благодарны все те, кого они лечили, и не только за квалифицированную помощь, но и за доброе слово и полезный совет.

Каждый житель поселка пользовался услугами почты, которую долгое время возглавляла П. Г. Анянова. По ее примеру работу на почте избрали ее дети и внуки в городе Лысьве. Более двадцати лет посвятила библиотечной деятельности Р. Г. Дмитриева. В помещении библиотеки всегда были оформлены интересные стенды, тематические выставки книг. Как правило, в библиотеке было много читателей.

В 1962 году из деревни Крутой Лог в поселок Кумыш был переведен сельский Совет. Много лет секретарем сельсовета проработала Н. С. Дивинская. По воспоминаниям старожилов, она могла помочь любому, никому не отказывала в решении самых трудных проблем. Поначалу сельский Совет располагался в старом помещении бани на берегу реки Рассольной. Первыми председателями сельского Совета были В. А. Козлов и В. В. Гоголев. Некоторое время работали А. Ю. Дмитриев, Н. В. Кучкин. Старожилы помнят И. И. Кучеву, работавшую в начале 1970-х годов. Человек очень деятельный, она смогла внести много изменений в жизнь односельчан. При ней в разных местах поселка появились водокачки, строились и ремонтировались внутрипоселковые дороги и тротуары, открылся комплексно-приемный пункт, «хозяйкой» которого все годы работала З. А. Паранина.

В 1970 году под руководством Ираиды Ивановны было построено новое здание сельского Совета. По инициативе сельского Совета были открыты сберкасса, новый магазин на ул. Грозненской, переведен из деревни Крутой Лог коммутатор, оборудованы спортивные площадки в «краснодарском» поселке у общественной бани. По улице Куйбышева у клуба, организовывались соревнования по хоккею на катке, который ежегодно в течение нескольких лет располагался на местном пруду. И. И. Кучеву на посту председателя сельского Совета последовательно сменяли Г. С. Ёлохова, Л. А. Фролова, А. А. Семенова.

Значительную роль в экономической жизни Кумыша играла железнодорожная станция. В период активного развития поселка начальником станции долгое время была Я. А. Ярыгина. В то время работали товарный и пассажирский кассиры, несколько дежурных по станции, стрелочники, бригады путейцев, обслуживающие железную дорогу. Для каждой лесозаготовительной организации на железнодорожных путях станции было определено место для погрузки вагонов. За погрузку и оформление документов отвечали мастера нижнего склада. Если возникали претензии у покупателей к качеству продукции, эту проблему опять же решали мастера нижнего склада. Ежедневно со станции отправлялось в адрес заказчиков по 5-6 вагонов. Погрузка леса в Кумышанском леспромхозе была механизирована. В других организациях эта операция осуществлялась вручную. Старожилы вспоминают добросовестную работу мастеров С. П. Утробина, П. И. Сергиенко, А. И. Шадрина.

С 1987 года от станции «Чусовская» через Кумыш до станции «Кын» начал ходить пассажирский вагон, перевозивший рабочих железной дороги. Его прицепляли к товарному поезду. Первое время конкретного расписания не было, но постепенно увеличивалось количество обычных пассажиров, и по настоянию местных властей в 1989 году появился пригородный поезд, курсирующий по постоянному расписанию. Этот поезд называли «рабочим».

Были годы, когда в поселке работали семь магазинов. Снабжение жителей продуктами и промтоварами было хорошим. Много лет отработали в сфере торговли Г. А. Будрина, М. Ялунина, Ф. Р. Борисова, Т. И. Шилоносова. Местной хлебопекарней долгое время руководила Н. Е. Утробина. Столовая работала с раннего утра до позднего вечера. Поварами трудились М. П. Кустова и Л. И. Деменева.

С вырубкой леса угасал и поселок

Шли годы. Лесозаготовительные организации вырубали отведенные им лесфонды. В 1975 году Краснодарский леспромхоз перевели в Иркутскую область. Часть рабочих переехала по месту назначения леспромхоза. Последним директором этого предприятия был П. И. Сергиенко. Он сделал школе последний подарок, передав конторские полированные столы и шкафы. Для школы в те времена это был ценный подарок. Чечено-Ингушская ЛЗК вырубилась свой лесосечный фонд и закрылась в 1993 году.

Так начался упадок поселка лесозаготовителей Кумыш. Производственные объекты и жилые дома разбирались и перевозились частными лицами в другие

населенные пункты. Технику передали по указанию местных властей в различные организации города Лысьвы. Быстро стало сокращаться население поселка. Соответственно становилось меньше детей в школе и детском саду. Постепенно сокращалась торговая сеть. Произошло объединение двух железнодорожных, а потом и двух сельповских магазинов. Один за другим ликвидировались промтоварный и продуктовый магазины Кыновского ОРСа. Началось сокращение работников почты, лесничества, закрылся железнодорожный ФАП.

Весной 2000 года решением Лысьвенской администрации лесосырьевую базу Кумышанского лесопункта (последний руководитель В. М. Черашев) передали Кыновскому леспромхозу. Некоторые рабочие перешли трудиться в эту организацию, но большая часть уехала из Кумыша. Немногие кумышане приспособились работать вахтовым методом далеко за пределами поселка. После ликвидации Кумышанского лесоучастка в ноябре 1998 года прекратила свою деятельность железнодорожная станция. Дежурных и стрелочников сократили. Последним начальником станции была Р. А. Быкова. В настоящее время станция является полустанком. Остались рабочие, которые занимаются ремонтом железнодорожных путей. Руководит бригадами мастер С. В. Лукиных. Здание станции используется путейцами как место для отдыха. Экономическая жизнь поселка полностью свернута.

1 января 2006 года ликвидирован поселковый сельский Совет. В настоящее время административно Кумыш относится к Кыновскому сельскому поселению.

Из-за недостатка читателей библиотека работает два раза в неделю. Клубом руководит Л. Я. Дербенева. Совместно с учителями и школьниками она организует и проводит праздники и вечера. Работает ФАП во главе с И. Б. Лукиных. Она пользуется большим уважением среди односельчан. По совместительству на почте работает Г. В. Гущина. Местные проблемы решает представитель Кыновского сельского поселения Т. М. Черашева. Продовольственными и промышленными товарами с 2001 года обеспечивают население поселка индивидуальные предприниматели В. В. и В. Н. Ерстенок. Товар привозят из Лысьвы. Продолжает работать продуктовый магазин Чусовского ОРСа. Товар доставляется по железной дороге и на машинах.

Сейчас в поселке 123 двора. Численность населения 300 человек. Из них 70 процентов пенсионеров. Рождаемость очень низкая. Последние годы рождается по 2-3 ребенка в год. Безработных 13 человек. Поселок стареет. Новые дома не строятся, старые разрушаются.

В объединенной с детским садом школе 50 детей. Школа тесно сотрудничает со всеми учреждениями поселка. Коллектив учителей состоит из 12 человек, четверо из них - отличники просвещения (Г. С. Елохова, Л. Е. Брезгина, А. П. Югова, А. М. Елагина), 8 учителей имеют первую категорию. Руководит коллективом с 2009/2010 учебного года О. И. Чащина. Ведутся все учебные предметы. В школе есть столовая, библиотека, имеется компьютерный класс, организована кабинетная система. В кабинете начальных классов кроме компьютера установлена интерактивная доска (учитель М. А. Паранина). Школа является центром культурной и воспитательной жизни поселка. В спортивном зале каждую субботу кроме школьников собираются бывшие выпускники для игры в баскетбол. Школьные мероприятия посещают не только родители, но и выпускники, и просто жители поселка. Одним из направлений в деятельности учителей – использование краеведческого материала на уроках. В традиции школы ежегодное проведение фестиваля «Люби и знай свой край!», работа краеведческого кружка и факультатива. Детям прививается любовь к прошлому и настоящему своей малой родины, воспитывается уважение к старшим.

Тревожит будущее поселка. Очень хочется, чтобы он жил и процветал еще много лет. Свою статью о Кумыше хочу закончить стихотворением о Кумыше. Его написал выпускник нашей школы Егор Корнилов.

Наш Кумыш - поселок.
 На горках построен.
 И очень не хитро
 Народ наш устроен.
 Зимой метели,
 И вьюга тут злится.
 А утром весною
 Зальются вдруг птицы.
 Здесь летом с грозой
 Приходит прохлада.
 Скажите, пожалуйста,
 Что еще надо?
 Осень - суровая
 Желтая птица,
 Махая крылом,
 В небесах испарится.
 Наш Кумыш бывает
 То грустен, то ясен.
 Я вас уверяю:
 Он просто прекрасен!

2010 г.

Здание школы, 1960-1970-е годы

Бригада рабочих нижнего склада
 Кумышанского леспромхоза,
 Конец 1970-х годов

Машина для перевозки
 рабочих Кумышанского лесничества,
 1970-е годы.

Первый директор
 Кумышанской семилетней школы
 И. Ф. Дивинский

*Погрузка лесовозов в лесу,
конец 1960-х годов*

*Лесовоз Кумышанского леспромхоза,
середина 1980-х годов*

*Строительство узкоколейной
железной дороги в лесосеку, 1950-е годы*

*Участие женщин
в строительстве узкоколейки*

Список литературы

1. Архив музея Кумышанской школы.
2. Архивная справка из фондов музея Свердловской железной дороги. 24.04.1998 г.
3. Парфенов Н. М. Лысьва : очерки краеведа / Н. М. Парфенов. – Лысьва: [б.и.], 1998. – 325 с.
4. Статистические отчеты Кумышанского сельского Совета 1960-2005 г.
5. Статистический отчет Кыновского сельского поселения 2010 г.

Маленькая жизнь Большой Запорной

Деревня Большая Запорная образовалась примерно в 1928 году как лесоучасток по заготовке дров для металлургического завода. Люди переехали в нее из деревни Карповка, располагавшейся в 4 километрах. В 1939 году при образовании лесоучастка Каменка, что в 6 км от Запорной, местность заселили спецпереселенцами из Калужской области. Шесть семей приехали сюда со своим имуществом, некоторые даже с коровами. Население пополнилось семьями Литвиных, Булычевых (5 детей), Мустафиных (2 детей), Клубковых (5 детей), Хусаиновых (2 детей), Бражниковых (4 детей), Трухониных (10 детей), Закировых (7 детей), Кашаповых (4 детей), Мугдасимовых (2 детей), Лепишкиных (5 детей), Карповых (4 детей), Рочевых (9 детей), Пестовых (9 детей), Сабитвых (5 детей).

В Великую Отечественную войну многие мужчины ушли на фронт. В боевых действиях участвовали 14 жителей: Аркадий Трухонин, Александр Трухонин, Анатолий Трухонин, Лепишкин, Хусаинов, Бражников, Мугдасимов, Александр Комаров, Ганеев, Сергей Пестов, Андрей Булычев и другие, а вернулись с войны только 4: Сергей Пестов, Анатолий Трухонин и Александр Комаров. Михаил Мясников вернулся домой по ранению в середине войны.

Через деревню Большая Запорная проходила дорога в деревню Валюшино и в село Новорождественское в зимнее время. Это была основная дорога. Ездили по ней на лошадях. По речке Большая Запорная сплавляли лес. Работали на лесоучастке Каменка в любую погоду. Иногда по колено в снегу, при температуре минус 30 градусов, в пургу, а осенью в дождь и слякоть. Многие жители вели хозяйство, разводили коз, овец, кур, гусей. У многих во дворе была корова-кормилица. Некоторые жители занимались охотой, ловили рыбу.

После угасания деревни жители начали разъезжаться кто куда. В настоящее время от деревни ничего не осталось, всё заросло деревьями. Лишь кладбище в деревне Карповка напоминает о том, что здесь когда-то жили люди.

Вспоминает Александра Сергеевна Пшеницына (в девичестве Пестова, 1929 г. р.): «Наша семья приехала на лесоучасток в деревню Большая Запорная. Папа, Сергей Николаевич Пестов, начал работать пилоправом, а мама (в девичестве Микова), Анна Михайловна, занималась воспитанием детей, которых в семье было пятеро: Александра, Павел, Нина, Тамара, Надежда. Еще с нами жил старый слепой дедушка Михаил, которому было 100 лет.

В 1941 году папа ушёл на фронт. Маме давали пособие 75 рублей, а буханка хлеба на базаре стоила 300 рублей. Тем, кому исполнилось 12 лет, кто нигде не учился и не работал, хлебную карточку на 250 граммов не выдавали. Школа была начальной, и учиться в 5 классе надо было ехать в город, который находился за 12 километров.

Брату Павлу было 12 лет, когда его отправили в деревню Карповка к лесничему Тарасу Пьянкову помощником, а мы 13-летние девчушки Тоня Трухонина, Маша Булычева, Нюра Бражникова, Васима Лепишкина и я ходили в лес собирать сучья, жечь костры. Весной после сплава дров по реке Запорной мы доставали топляки и складывали их в штабеля. Летом нас посылали в деревню Мыльниковка молотить горох, копать силосные ямы. Копаем-копаем яму, устанем, сядем на край и заплачем от усталости и безысходности. Выбора у нас не было, нужно было кормить младших сестреночек. Когда нам с братом исполнилось по 14 лет, мы пошли работать в город. Я устроилась в торг, в пошивочную мастерскую.

В мае 1945 года закончилась война. Папа вернулся с фронта в июле 1945 года. Перед самой Победой он был ранен в ногу и руку. Дома у него открылись раны, работать он не мог. Мама тащила на себе всю семью и хозяйство, держали корову. Мы

помогали маме как могли, собирали пистики по пожарищу, крапиву да лебеду по пустырям.

Назло войне и голоду мы выжили! Мама после войны ещё родила сестру Людмилу, братьев Геннадия, Сергея и Анатолия. Когда деревня начала вымирать, мы переехали в Заболотную.

Заканчивая свой трудовой путь, я с ужасом узнала, что мне не хватает всего одного месяца рабочего стажа и все по тому, что контора торго была на пристани, а пристань сгорела, и все архивы сгорели вместе с ней. Свидетелей, которые бы подтвердили, что я работала в те годы, не нашла, поэтому звание ветерана труда мне так и не дали.

Муж к 65-летию Победы получил медаль и подарок, а я, кое-как сдерживая слёзы, думала, пусть хоть он порадуется».

Семен и Таисья Трухонины

*В деревне Запорная
у дома Пестовых,
Люся Пестова,
1950-е годы*

*Семён Трухонин с женой и детьми
Борисом и Антониной*

*Сергей Николаевич Пестов и
Борис Семенович Трухонин*

По родным просторам

Маргарита Зернина

Семь чудес посёлка Кын

Эссе

*Зеница ока, Родина моя,
Что без тебя на белом свете я?
А. Решетов.*

Год 2009-й. Кыну - 95. Через 5 лет -100! Целый век. Так родилась идея рассказать людям о самых интересных и значимых уголках Кына. Мне хотелось не просто поделиться своими размышлениями о посёлке, но и услышать мнение его жителей, тех, кому, как и мне, эта часть земли русской стала родной.

Я предложила своим респондентам назвать семь самых замечательных мест Кына по аналогии с понятием «семь чудес света», а моя бывшая ученица по мобильной связи обратилась к одноклассникам с таким предложением: «Ты знаешь о семи чудесах света? Я же предлагаю назвать семь чудес посёлка Кын. Не сможешь назвать семь – назови, сколько вспомнишь. Главное – не забудь объяснить, почему».

Отклики получились очень дружными. Люди называли свои любимые уголки природы, исторические памятники, отмечали особенности рельефа, признавались в любви к родной земле. В результате получился список «семи чудес Кына»:

- 1) исторические памятники;
- 2) памятные знаки защитникам Отечества;
- 3) уникальная природа посёлка;
- 4) самые красивые скалы;
- 5) Дом культуры;
- 6) средняя школа №65;
- 7) Кыновской леспромхоз.

Чудо первое: исторические памятники

В списке исторических памятников называются сама станция Кын и железная дорога, железнодорожный вокзал и депо, пакгауз и улица с «жёлтыми домами».

Впервые посёлок Кын упоминается в 1914 году. С этого момента железнодорожная станция «Кын» начинает свою историческую жизнь.

В 1912 году по решению царского правительства министерство путей сообщения развернуло грандиозное по тому времени строительство железнодорожной магистрали от станции Кузино до станции Лысьва с целью соединить горнозаводскую ветку с центральной магистралью, поскольку требовалось разгрузить Пермский железнодорожный узел. К концу 1914 года железнодорожная ветка от Кузино была доведена до будущей станции Кын. В это же время работающие здесь пленные австрийцы завершили строительство самой станции Кын. Здесь было проложено пять железнодорожных путей, а в 1915 году была учреждена билетная касса, разместившаяся в пассажирском вагоне. Таким образом, в 1915 году было налажено

регулярное движение пассажирских поездов от Кына до станции Кузино, а там - и до Москвы¹.

Значение железной дороги в Кыну огромно, что отмечают и жители посёлка:

- *Чудом Кына можно назвать нашу железную дорогу. Не будь её, кто знает, каким был бы наш Кын, и был бы он вообще*, - пишет бывшая ученица нашей школы Елена Зворыгина.

Ещё одно признание Оксаны Владимировны Решановой:

- *Без железной дороги не было бы станции, не было бы посёлка, а возможно, и леспромхоза.*

Кын, как и другие лесные посёлки, был окружён дремучей тайгой. Со стороны нынешнего кладбища густой еловый лес подступал к самым «жёлтым домам». Их строили пленные немцы и венгры.

- *Работали в нечеловеческих условиях. Всё делали вручную. Через горы и непролазную тайгу с помощью кайла и лопаты прокладывали рельсовую колею. Они построили здания вокзала, пакгауза, электростанции, «жёлтые» жилые дома. Так же было построено железнодорожное депо с поворотным кругом, который позднее был заменён «треугольником». На нашей станции менялись поездные бригады, осматривались вагоны, заправлялись водой и углем паровозы. Были построены и казармы, в которых жили путеобходчики со своими семьями*, - рассказала заведующая библиотекой посёлка Кын Анна Алексеевна Захарова, скрупулёзно собирающая материал об истории своего населённого пункта.

Представляет интерес рассказ бывшей ученицы нашей школы, историка по образованию, Татьяны Леонтьевны Колодкиной:

- *Историческую ценность Кына, по-моему, представляет здание пакгауза. Будучи учениками шестого-седьмого классов, мы с друзьями заглядывали в подвал пакгауза, пытались даже залезть внутрь, исследовать помещение, но ничего у нас не получилось: подвал почти до потолка был затоплен водой. Причина детского любопытства в том, что, во-первых, мы считали себя следопытами, во-вторых, тогда существовала легенда о том, что колчаковцы при отступлении со станции Кын затопили подвал, где содержали пленных.*

Помню странное чувство тревоги, когда мы видели длинный коридор (там под потолком горела лампочка, а по обе стороны находились решётки). На тюрьму очень похоже. И кругом вода. Столько лет прошло, а вода в подвале на одном уровне держится: зимой замерзает, летом оттаивает. В детстве очень хотелось узнать: вдруг это правда, про пленных? А ведь это вполне возможно. Казнённых колчаковцами похоронили в братской могиле. Тех, которых нашли.

Холодом веет от этой истории, как из того подвала.

В 1916 году железная дорога была от Кына доведена до Лысьвы, связанной ещё раньше железнодорожной веткой со станцией Калино.

Чудо второе: памятные знаки защитникам Отечества

Потомки хранят в памяти имена тех, кто пал в кровавой бойне Гражданской войны, и земляков – воинов Великой Отечественной.

Молодая мама Екатерина Мальцева пишет:

¹ Станция Кын один из пунктов дозаправки паровозов топливом, водой и осмотра ходовой части локомотива и вагонов на Западно-Уральской железной дороге, соединявшей ст. Чусовскую через Лысьвенский завод, Кузино и Дружинино с южноуральским поселком Бердяуш. Дорога протяженностью 455 верст строилась в 1913–1916 годах специально созданным акционерным обществом. По сложности ландшафта дорога практически не уступала Горнозаводской железной дороге. Она имела 549 насыпей, выемок грунта, водоотводных сооружений, мостов, один тоннель длиной 75 сажень и т.п. 16 октября 1916 года по Западно-Уральской железной дороге от ст. Калино до ст. Кузино открыто правильное товарное и пассажирское движение. – Ред.

- На мой взгляд, самые примечательные места в Кыну – это бюст Алексея Новикова и памятные обелиски у Дома культуры. Они не дают забыть нам о тех, кто до последней капли крови боролся ради жизни на земле, ради того, чтобы на земле царили спокойствие и добро.

Присоединяясь к автору высказывания, перечисляю эти места:

- братская могила воинов – интернационалистов, погибших в Кыну в Гражданскую войну;
- могила красноармейца Ильи Елизаровича Дылдина – участника Гражданской войны;
- два обелиска у здания Дома культуры;
- бюст Алексея Александровича Новикова, погибшего на границе в первые дни Великой Отечественной войны.

Братская могила воинов – интернационалистов

Постараемся проследить историю возникновения памятника и могилы, на которой он установлен.

Бои за станцию Кын в 1918 году были жестокими, кровавыми. Здесь сражался и почти полностью погиб интернациональный батальон венгров, которым командовал Ференц Мюнних. Комиссаром отряда был позднее известный деятель международного коммунистического движения Бела Кун¹.

Появлению братской могилы предшествовали страшные события. Сначала белые окружили станцию, потом взяли в плен большую группу венгров и учинили над ними жестокую расправу. Позднее красноармейцы обнаружили 70 изуродованных трупов своих товарищей.

По воспоминаниям старожилов, рассказывает Тамара Алексеевна Комарова:

- По левую сторону от путей находился пакгауз, на перекладинах которого повесили изуродованных красноармейцев. Кровь на столбах и балках не закрашивалась десятилетия. Рядом с железной дорогой была выкопана могила. Она по-настоящему братская. Там ведь не только венгры похоронены, но и русские. Дальше за могилой – болото и кусты ольхи до самой речки. В пятидесятые годы, когда железнодорожное полотно расширяли, могила оказалась под насыпью. И памятник сейчас стоит рядом с железной дорогой, вокруг установлена ограда.

В 1977 году здесь был поставлен обелиск с надписью: «Слава борцам революции. 1917-1977».

Могила красноармейца Ильи Елизаровича Дылдина

Не обделена вниманием и могила красноармейца на Песьянском кладбище. На памятнике – надпись: «На этом месте 1 ноября 1918 года героически погиб в боях с белогвардейцами рабочий Лысьвенского завода Дылдин Илья Елизарович».

И. Е. Дылдин со своим пятнадцатилетним сыном Яковом сражался с белыми в составе Лысьвенского батальона. В одном из боев он погиб. Его сын-подросток спрятал тело отца, замаскировав наспех вырытую могилку дерном. Весной мать со своей невесткой, женой погибшего, поехали в Кын хоронить Илью Елизаровича. Никаких почестей павшему бойцу женщины воздать не могли. Даже без гроба на бересте похоронили они сына и мужа. Говорят, что никто из местных жителей Песьянки не согласился сделать гроб коммунисту.

¹ Бела Кун был комиссаром 3-й бригады, в состав которой входил отряд венгров-интернационалистов под командованием Ференца Мюнниха.- Ред.

Несколько лет спустя на заводе, где работал красноармеец, ему отлили памятник и поставили в Песьянке.

Бюст Алексея Александровича Новикова

Во дворе средней школы №65 установлен бюст А. А.Новикову. Открытие памятника состоялось 23 июня 1991 года в день 50-летия подвига нашего земляка. 23 июня 1941 года на Западной границе недалеко от Бреста он, отважный пограничник – пулемётчик, более суток сдерживал наступление фашистов. Заслуженной гордостью наполнились сердца следопытов – новиковцев нескольких поколений, которые по крупицам собирали материалы о жизни и подвиге своего земляка; осуществилась их мечта – на родине героя появился его бюст.

Автор памятника – лысьвенский скульптор Лидия Архиповна Кузнецова.

Скульптуру установили родители учащихся. По совету скульптора, дети покрыли бюст краской защитного цвета, напоминающей цвет пограничной формы, но звёздочку на фуражке они непременно хотели видеть красной.

На мраморном постаменте надпись: «Новиков Алексей Александрович. 02.02.20.- 23.06.41». К постаменту справа примыкает плита, тоже мраморная, невысокая. На ней – рельефное изображение факела красного цвета. Рядом с плитой, слева, у подножия постамента - специальное углубление, куда во время митинга дети высыпали горсть земли с малой родины героя, из Грязнухи, которую бережно принесли из похода в уже не существующую деревню. Сюда же высыпали землю от легендарного дуба у границы, где держал оборону наш земляк, и от обелиска в Польше.

Обелиски у Кыновского дома культуры

К сказанному выше следует добавить, что в память о бойцах интернационального отряда, погибших в бою за станцию Кын, в 1967 году была установлена памятная плита у местного клуба. По времени это было сделано на десять лет раньше, чем установлен памятник на братской могиле.

Рядом ещё одна плита. Она установлена в мае 1984 года. Так увековечена память фронтовиков – защитников Отечества во время Великой Отечественной войны. На плите выгравированы слова: «1941 -1945. Вечная память павшим в боях за Родину!»

За памятниками перед Домом культуры налажен надлежащий уход.

В юбилейные даты здесь выставляют почётный караул из лучших учащихся школы № 65 и ветеранов Великой Отечественной войны.

Чудо третье: пейзаж, который «ударяет по сердцу»

Перефразируя К. Паустовского, хочу сказать, что кыновской «пейзаж ударяет по сердцу каждого, у кого есть сердце».

Новичка в Кыну поражает рельеф местности: горы, скалы, овраги, пещеры, огромная впадина среди семи холмов. И почти каждый объект имеет название, к которому стоит прислушаться. Это Гора любви, Пьяная гора, гора с Железнодорожным посёлком, Деповской посёлок, Костинская гора, улица Заречная, скала «Орёл», Шахтстройская гора или «Шахтстрой», Крутушка и т.д. На Крутушке, с ее почти отвесными склонами, раскинулись кыновские покосы. Понятно, что заготавливать там сено ох, как нелегко. По этому поводу даже анекдот появился:

- Ты где, Юлька, загорела?
- Да в Кыну на Крутушке.

- Здорово! Вот повезло.

Совершенно неожиданным для меня прозвучало название «Конская пещера», а ведь я прожила в Кыну почти сорок лет. А место оказалось действительно экзотическим.

Елена Фёдоровна Старцева, председатель Кыновского совета ветеранов, поведала:

- Конская пещера находится в поскотине за посёлком леспромхоза. Там раньше коней пасли. Помню, в детстве мой младший брат Александр Рожков с друзьями побывали в этой пещере. Чтобы не потерять тропы к выходу, они догадались натянуть нитки. В пещере было темно, а фонариков у мальчишек не было. Они из берёсты сделали что-то подобное факелу. Натянутая нить то ли нечаянно порвалась, то ли прогорела. Мальчишки заблудились, не могли долго найти выход, примерно в течение дня они не могли выбраться. Стали задыхаться от недостатка воздуха. Домой братишка пришёл уже поздно вечером, а губы и лицо вокруг рта были посиневшими. На расспросы родителей, откуда эта синева, ничего не отвечал. Синяк долго не сходил. Признался брат уже взрослым, что были с друзьями в Конской пещере.

Кыновляне и гости нашего поселка гадают, откуда Гора любви получила свое название. Что не человек, то версия...

- Ранней весной, когда ещё кругом лежат сугробы, здесь сходит снег. Подснежники расцветают раньше, чем в других местах. Вот и манят вытянувшие поляны влюблённых... Но и компании, причём не только молодёжные, стремятся на зелень. Мы, помню, в детстве ходили сюда семьей. Взберёшься наверх, дух переведёшь и понимаешь: чище воздуха нет, так легко дышится здесь. «Ни с какими звёздными отелями не сравнить уют лесной поляны», если эта поляна ещё на горе Любви, - рассказывала Наталья Томилова, учитель - филолог.

- Гора Любви – место романтических встреч в юности, - подтверждает Светлана Салимова, молодая учительница.

- А мне помнится, как школьники после выпускного вечера шли на гору Любви и гуляли там до рассвета, - говорила Тамара Георгиевна Свиридова, ветеран педагогического труда.

Не менее интересна история Пьяной горы, которая по рейтингу идёт сразу за горой Любви. По версии старейшей жительницы Пьяной горы Любви Андреевны Бурыловой, недалеко от жилого барака была торговая лавка, где, естественно, возчики покупали спиртное и, ночуя, гуляли – выпивали. Любовь Андреевна ещё добавила, что хозяин лавки к тому же был некий Пьянков, живший там же.

Находясь на востоке Пермского края, Кын имеет и свой особенный микроклимат. Уральский климат суров, но особенно он непредсказуем в Кыну. Как пишет работница леспромхоза Оксана Владимировна Решанова, он отличается от климата не только близлежащих населённых пунктов, но часто и внутри самого посёлка выдаёт фокусы: по одну сторону железной дороги – град, по другую – солнце и радуга. А зимой в разных точках Кына морозная погода может отличаться градусов на десять. Самая низкая температура в посёлке была зафиксирована в 54 градуса Цельсия.

Самое удивительное: проснёшься утром и узнаешь, что у соседей картошка замёрзла, весь участок чёрный, а у тебя ещё зеленеет. Или наоборот. А уж георгины как только ни умудряются сохранять садоводы!

Название посёлку дано по одноимённой речке Кын, чаще её любовно называют Кынок.

- Горная река Кынок, с очень холодной водой, не замерзает даже зимой, постоянно течёт, журчит, не даёт возможности сплошному ледоставу завладеть её течением. Приезжие думают, что вода в речке горячая, - пишет Т. Г. Свиридова.

Река течёт мимо живописных берегов, скал. В неё впадает много ручьёв и даже речушек: Каменка, Берёзовка, Каменный Кын... У железнодорожного моста, напротив

гаража, стоит указатель: «Река Большой Кын». Очевидно, после слияния с мелкими речками нашу реку и нарекли так.

Все народы почитают воду, особенно ту, которая бьёт из земли родником. Древние люди всегда воспринимали родник как сок матери – земли, испив которого, становится человек и чище, и сильнее. Родник на окраине посёлка бьёт с незапамятных времён. По крайней мере, сколько живу в Кыну, столько лет и знаю его, так как первые годы жила на Шахтстройской горе, напротив которой он и находится. Вода, говорят люди, в нём целебная. Мы своей семьёй частенько сюда приходили просто полюбоваться зрелищем и набрать чудодейственной воды. На вкус вода приятная, не уступает минеральной из далёких источников.

Чудо четвертое: «камни небывалой радости»

В особое чудо посёлка жители выделили большие каменные массивы, в народе именуемые скалами. И какие же чудные у них названия: Скалка, Шахтстройский камень, Орёл! Это просто музей природы. Вдоль железной дороги по обе стороны посёлка находятся внушительные по размерам известковые скалы, обрамлённые хвойным лесом.

С востока Кын, если можно так выразиться, подпирает Скалка. Ну, нет у этой красивейшей скалы другого названия, а ласковое «Скалка» не соответствует её высоте, зато говорит о любви к ней тех, кто с нею знаком.

Вид с железной дороги – сплошная высокая стена, как будто выложенная рукой человека, камень к камню, почти без зазоров между ними. И только зелёная растительность в щелях выдаёт, что это не гладкая плита, а особое расположение горных пород. Если же взобраться на эту скалу по тропе, прячущейся в зарослях за большим железнодорожным мостом, то открывается огромная поляна с густой, бархатистой травой. Первое желание – лечь на спину и зажмурить глаза от блаженства.

Ещё красивее здесь осенью, хотя, кажется, куда уж краше!

- *Мы своих родственников приводим на Скалку, особенно, когда осинки «горят». Там через железную дорогу тоже гора, весь склон словно усыпан яркими разноцветными огоньками. Такой чудесный вид! Моя тётя из Перми до сих пор (ей пятьдесят, а тогда была молодой) вспоминает это место как одно из самых незабываемых впечатлений своей молодости,* - делилась воспоминаниями Н. Томилова.

Следующая скала, названная людьми «Шахтстройский камень», отделяет микрорайон «Шахтстрой»¹ от основной части посёлка.

По этой скале проложена ступенчатая каменная тропа. В течение четырнадцати с лишним лет ежедневно я спускалась по ней, направляясь на работу в школу, и поднималась, возвращаясь с работы домой. Ходила мимо и воспринимала эту красоту как должное. А однажды младшая дочь воскликнула: «Как на собаку похоже!»

¹ На этом месте в 1927 – 1928 годах был развернут лагерь геологоразведчиков, пытавшихся определить промышленные запасы каменного угля так называемого Кыновского месторождения. Первые упоминания о кыновском каменном угле относятся к 1842 году, когда в результате пробивки водоотводной шахты на руднике Первовяткинском (Дмитровском) в 3-х верстах от Кыновского завода был обнаружен угольный пласт. В 1863 году профессор В.И.Мёллер открыл Ломовское месторождение, а в 1864 году инженер Э.К.Препцель проводил изыскания угля восточнее деревни Песьянка. 28 марта 1874 года все изыскательские работы были свернуты. В советское время поиски угля были повторены. Работами руководили известные ученые Г.Н.Фредерикс, А.Н.Иванов, И.И.Горский. Они сделали вывод: «...рентабельность рабочих пластов ...весьма сомнительна». На этом все изыскательские работы были прекращены. - Ред.

- Скала в детстве меня всегда изумляла своим размером, но главная ассоциация – большая лежащая собака, умная и красивая. А сверху, где скала сливается с самой горой, мы с друзьями часто устраивали игры. Цветы на вершине скалы казались какими – то удивительными. А это обыкновенные ромашки, колокольчики, часики – так мы называли мелкую гвоздичку, – вспоминала Н.Томилова.

Со скалы под названием «Орел» начинается посёлок с западной стороны. Существуют легенды, пришедшие из прошлого. Источники их неизвестны, но они помогают установить этимологию этого названия.

- Старые люди рассказывали, что один из строителей железной дороги, забравшись на эту скалу, нарисовал на ней двуглавого орла. С тех пор, говорят, скала и носит такое название,- поведала М. С. Щербакова.

- Когда-то в раннем детстве я слышала (не помню, от кого) очень красивую сказку о бесстрашном всаднике – рыцаре, который, якобы, сражался на вершине этой скалы со своим врагом. Долгой и упорной была битва, но одолел рыцаря соперник и толкнул его со скалы. Жители, будто, видели трагическую развязку: падает со скалы рыцарь, а полы его плаща развеваются и напоминают крылья орла. Так и получила скала своё имя, - вспоминала Татьяна Ивановна Катаева, учитель начальных классов.

Чудо пятое: культурный центр поселка

Достопримечательностью Кына жители считают сельский Дом культуры, и считают по праву.

- Замечательное место в Кыну – Дом культуры. В этом году ему исполнилось 60 лет, но молоды и очаровательны его руководители. Выдумкой и задором полны всевозможные праздники в стенах здания, скажем так, имеющего «старческий вид». Сюда с радостью бегут ребятишки развивать свои таланты и с удовольствием приходят пожилые люди душой отдохнуть, - говорит Екатерина Мальцева.

- Одним из примечательных мест является Дом культуры – культурный центр посёлка. Сначала это был обычный клуб, где показывали фильмы, иногда организовывали танцы. Сейчас это настоящий очаг культуры. Мы, пожилые люди, очень любим приходить сюда на концерты детской художественной самодеятельности, так как работники ДК, бывшие выпускники нашей школы Наталья Михайлова, Ольга Терёхина и Ольга Шадрина, организовали много замечательных кружков для детей. А для пожилых людей они проводят чудесные вечера, поздравляют нас с различными праздниками, приглашают из Лысьвы хор ветеранов, который мы очень любим и радуемся встрече с артистами,- делятся своими размышлениями ветераны труда Татьяна Николаевна Тюгаева, Ольга Наумовна Катаева, Надежда Ивановна Шерстобитова.

Чудо шестое: школа как место, где выдаётся «путёвка в жизнь»

Нынешние и бывшие ученики называют школу № 65 как одно из примечательных мест посёлка. Своё начало она берёт в 1925-1926-м учебном году. Тогда молодая девушка Анна Григорьевна Пьянкова стала первой учительницей самого первого

школьного класса в Кыну. Из Нижнего Тагила, как говорили, на перекладных добиралась она на лошадях с обозами до станции Кын. Станция уже окрепла после гражданской войны, и для развития посёлка понадобились грамотные люди.

Набрав разновозрастный класс (некоторые ученики были старше учительницы), Анна Григорьевна проводила уроки в приспособленном для занятий здании по улице Железнодорожной, 64. Позднее несколько десятилетий в этом здании будет находиться железнодорожный клуб.

Постепенно росло количество учеников, так как расширялся посёлок. Обучение проходило уже в нескольких приспособленных зданиях. По воспоминаниям выпускницы школы 1958 года Раисы Алексеевны Красовитовой, впоследствии ставшей директором школы, эти здания находились не только на «железнодорожной стороне», но и на «зареченской», как тогда называли будущий посёлок леспромхоза. Он начинался с улицы Заречной.

В 1927 году школа получила статус железнодорожной и начала функционировать как семилетняя. Тогда появились термины: «большая» и «маленькая» школы. «Большая» школа находилась на холме выше железной дороги. Вокруг неё ученики высадили берёзки, и сегодня там красивая берёзовая роща, хотя самого здания уже давно нет. В «большой» школе, по воспоминанию выпускника 1958 года Владимира Иванченко, были просторные коридоры, где проводились уроки физкультуры, и четыре классные комнаты. В каждом классе стояли чёрные круглые печи – «голландки», которые топили каменным углём.

«Маленькая» школа находилась по Железнодорожной улице, 70, недалеко от того места, где стояла самая первая кыновская школа. Позднее она была переоборудована под квартиры. Там до сих пор живёт один из бывших директоров нашей школы – Людмила Владимировна Крючева.

С 1955 года наша школа стала средней, места для учеников катастрофически не хватало. Руководство Свердловской железной дороги приняло решение о строительстве нового здания. В 1960 году на станции Кын для учеников распахнула свои двери каменная трёхэтажная школа, которая существует по сегодняшний день. Выпускница школы 1961 года, самого первого выпуска, Е. Ф. Старцева вспоминает:

- Мы, старшеклассники, помогали строителям во время летних каникул. Подносили кирпичи, готовый раствор для штукатурки стен, убрали территорию от строительного мусора, то есть выполняли подсобные работы. Школа сразу была оснащена по последнему слову техники. Особенно это было заметно в кабинетах химии и физики. Лабораторные работы, физические и химические опыты – всё это проходило очень интересно. Раньше – то по учебнику да по голым стенам учились. Так что повезло нашему выпуску.

Директором школы тогда работал Павел Михайлович Пирогов, очень энергичный, работоспособный человек, душой болеющий за дело школы. Он возглавлял школу до 1973 - 1974 учебного года включительно, оставив в памяти учеников и учителей неоднозначные воспоминания, но все мнения сходятся в одном: это был нужный школе человек и как специалист-географ, и как директор. Говорит бывшая учительница математики Светлана Георгиевна Бойко:

- Школа – это то место, где я встретила с добрыми, приветливыми людьми, которые стали мне родными. Это Елена Фёдоровна Попова, Ираида Алексеевна Паршакова, Маргарита Фёдоровна Решанова, Ираида Ивановна Костина, Зинаида Александровна Соснина, Тамара Алексеевна Комарова и более молодые среди учителей: Тамара Георгиевна Свиридова, Маргарита Викторовна Зернина, Надежда Анатольевна Гилязова, Татьяна Григорьевна Азарова, Ольга Дмитриевна Мокрушина... Школа всегда была на виду в поселке, сюда притягивало молодёжь. Мне кажется, что в те годы все важные дела в посёлке решались учителями. А самым первым человеком, кто радушно встретил меня, был Павел Михайлович Пирогов, директор школы. Коллектив учителей и учеников в то время был

огромный, но трудовая и ученическая дисциплина держалась на высоком уровне благодаря директору. Я очень благодарна ему за поддержку в работе.

С 1979 по 1986 год директором школы была Людмила Владимировна Крючева. Людмила Владимировна – чуткий и внимательный человек, гуманный руководитель. Если дело того стоило, умела проявить твёрдость характера. Под её руководством у здания школы появился внушительный пристрой, в котором разместилась настоящая большая и светлая, столовая. Ещё одно преимущество пристроя – большой спортивный зал, о каком могли мечтать и городские школьники. В подвальном помещении, где раньше находился спортзал, оборудовали школьную мастерскую. Естественно, расширились возможности школы для внеклассной работы: разнообразные кружки, спортивные секции. Вскоре в помещении столовой была построена сцена, и школьный театр «Смена» имел возможность давать спектакли прямо в школе.

22 августа 1992 года школа была передана Лысьвенскому городскому отделу народного образования. Хорошо это или не очень – отдельный вопрос.

Сегодня школа другая. У неё есть свои минусы, свои достоинства, самое главное из которых – это люди: ученики, желающие получать знания, и учителя, без творчества которых, умения и опыта не было бы школы.

У школы много традиций, зародившихся много лет назад.

С удовлетворением отмечаю: люди называли мою школу среди семи чудес Кына.

Чудо седьмое: градообразующее предприятие - «долгожитель»

Очень скоро у нашего леспромхоза юбилей - 80 лет со дня основания. Кыновское лесное промышленное хозяйство появилось в местах, где двести лет назад велись лесозаготовки и сплав древесины по рекам. Свою деятельность леспромхоз начал в 1932 году, а в 1937 году его лесосырьевая база составляла уже шестьдесят тысяч гектаров¹.

В годы Великой Отечественной войны объёмы заготовок почти не сократились, но на место мужчин, ушедших на фронт, встали женщины и подростки. По итогам 1972 года леспромхоз стал победителем Всесоюзного социалистического соревнования за достойную встречу пятидесятилетия образования СССР и был награждён юбилейным знаком почёта ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

К 95-летию Кына главный бухгалтер леспромхоза Елена Владимировна Иванова, представитель трудовой династии Шавыриных, написала небольшую работу по истории леспромхоза, в которой сообщаются факты, объясняющие выбор этого предприятия как одного из чудес посёлка.

Е. В. Иванова пишет, что Кыновской леспромхоз первым в объединении «Пермлес» перешёл на *«достаточный уровень рентабельности, надёжную лесосырьевую базу, должный уровень организации труда и планово - экономической работы, учёта нормирования, устойчивое финансовое положение»*.

¹ В 1932 году на ст. Кын был организован мехлесопункт от Чусовского леспромхоза «Чусовлесдревмет», превратившийся в 1937 году в самостоятельное предприятие. В 1950 году мехлесопункт был реорганизован в Кыновское лесопромышленное предприятие (ЛПХ). – Ред.

Лучшие люди предприятия отмечены правительственными наградами, что в количественном выражении выглядит очень достойно. Например, тринадцать человек награждены медалью «За трудовое отличие», одиннадцать – медалью «За трудовую доблесть», одиннадцать – орденом «Знак почёта», девять – орденом Трудового Красного Знамени, два человека – орденом Октябрьской революции, четыре – орденом Ленина, семь – орденом Славы третьей степени, пятьдесят шесть – юбилейной медалью «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина», сто сорок один – медалью «Ветеран труда».

В 1980 году генеральным директором леспромхоза стал Пётр Андреевич Штейников. Он сумел сохранить профиль предприятия, организовал глубокую переработку древесины. В 2003 году он стал победителем городской акции «Человек года» в номинации «Хозяйственник года». Самое же главное, на мой взгляд, признание этот человек получил в Кыну. В год 95-летия посёлка в номинации «За верность земле» победил генеральный директор ОАО «Кыновской леспромхоз» Пётр Андреевич Штейников.

Ещё в восьмидесятых годах прошлого века, вопреки недальновидной экономической политике «Пермлеспрома», коллектив ЛПХ самостоятельно занялся строительством цехов переработки древесины. На станциях Кын и Рассолёно на отходах лесопиления работают единственные в своём роде котельные. Главное в планах и в их реализации – глубокая переработка леса. Будем надеяться, что леспромхоз ещё долгие годы будет процветать. Не зря же люди называли его чудом посёлка Кын.

2009 г.

по страницам газет

Владимир Соломин

На тройке с бубенцами по Гороблагодатскому тракту

**от Кыновского завода через бывшие деревни Старая Мишариха,
Кумыш, Крутой и Паленый Лог до Старого Кормовища**

Немного истории

Как известно, Гороблагодатский тракт ведет свою историю с XVIII века, времени активного промышленного развития Урала. Для строительства требовались рабочие руки, приписных крестьян не хватало. Владелец первого на Урале Невьянского завода Никита Демидов покупал крепостных в родной Туле, славившейся искусными мастерами, и отправлял их на Урал.

Среди привезенных в Невьянск был и Софронко, сын Семенов, пятнадцатилетний мальчик, позднее получивший прозвище Согра (так на Урале называют заболоченный, труднопроходимый участок леса).

Софрон недаром получил такое прозвище: уж больно хорошо ориентировался в лесу и знал все ближние и дальние окрестности завода. С топором за поясом Согра исходил сотни километров по дебрям, указывал короткую дорогу к месторождениям, отыскивал удобные места для прокладки дорог между заводами, пробивался к берегу реки Чусовой. В те времена, когда карты заводских дач только составлялись, Согра был незаменимым человеком.

Вся продукция демидовских и других частных и казенных уральских заводов вывозилась к Чусовой и в навигацию сплавлялась по воде. Грунтовые дороги со всех заводов шли через Екатеринбург, где находилось Горное правление, а чиновники контролировали уплату налогов и податей. Не всегда хотелось с ними встречаться, да и крюк до Кунгура через горную столицу был порядочным. Да неужели не найти

обходного пути? Согра и указал дорогу из Нижнего Тагила на Кушву - Серебрянку - Кын - Крутой Лог - Березовку - Кунгур. А из Кунгура напрямик на Осу, далее через Казань на Нижний Новгород, в Москву и Петербург¹. Так появился знаменитый Гороблагодатский тракт (его еще называли Кунгурским), сыгравший огромную роль в жизни многих заводских поселков и деревень Урала.

Свое название он получил от горы Благодать, находящейся недалеко от Нижнего Тагила. Гороблагодатские рудники снабжали магнитной и железной рудой многие заводы, стоящие на 100 и более верст от места добычи. По этому тракту ямщики везли не только руду, но и разные грузы, почту, людей - оживленные были места.

А теперь и мы с вами, читатели XXI века, прокатимся по Гороблагодатскому тракту от завода Кын на запад.

... под песнь бубенчиков!

Преодолев многочисленные лесистые увалы и лога, через 30 километров мы окажемся в деревне Кумыш, которая ведет свою историю примерно с конца XVIII - начала XIX веков. Название это татарское, "комэш" - значит серебряный. Место действительно живописное. Протекающая у деревни речка Кумыш, до вырубки лесов многоводная, была полна хариуса, и под лучами солнца серебрилась её чистая вода.

Более 100 лет в Кумыше существовала почтовая станция - яма (от татарского "ямчы" - проводник), где меняли лошадей. Имелись постоялый двор, конюшни с кузницей, контора и трактир, но основным занятием, как и в других деревнях, все-таки оставались сельское хозяйство да еще домашние ремесла. По рассказам старожилов, здешние хозяйства были крепкие, зажиточные: почти в каждом дворе своя лошадь, коровы, овцы, свиньи. Многие держали пчел. На речке сооружен небольшой пруд для разведения рыбы.

Когда в Кыновском заводе в 1864 году образовалось первое в России потребительское общество, в окрестных деревнях стали появляться торговые лавки с товарами первой необходимости - солью, спичками, керосином, с бакалеей и галантереей. Появилась такая лавка и в Кумыше, а в 20-х годах прошлого века здесь открылась изба-читальня. В 30-х годах в деревне Большой Кумыш образовался колхоз имени К. Ворошилова.

Сейчас-то нам хорошо известно, как они создавались. Кто-то шел добровольно, кого-то загоняли силой. Но поголовная коллективизация сделала свое дело: многие крепкие хозяйства пошли прахом. Потом Великая Отечественная война не обошла стороной эту уральскую деревушку: мужское население ушло воевать, многие не вернулись с фронта. Но в послевоенные годы колхоз потихоньку окреп, встал на ноги. Увеличились посевные площади, поголовье скота, появились колхозная пасека и дизельная электростанция. Построены новые фермы, амбары для зерна, лесопилка.

В 1968 году в деревне Кумыш распахнул двери новый сельский клуб, а через три года в нем появился первый черно-белый телевизор. Радости у ребятни было хоть отбавляй! Устанавливал антенну на крыше клуба и настраивал телевизор в красном уголке деревенский электрик Александр Катаев.

Вглядитесь в лица ребятишек и взрослых, пришедших в клуб на первый просмотр телепередачи. Имейте ввиду, на дворе был 1971 год, в Америке в ту пору уже появились компьютеры... А в деревню Кумыш электричество провели только год назад – «лампочка Ильича» вспыхнула здесь 17 сентября 1970 года. «Это одна из забот, проявленная партией и правительством к сельскому хозяйству», - гласил вывешенный в ту пору плакат в клубе.

¹ В 1735 году вогул Степан Чумпин открыл железорудное месторождение на горе Благодать. Новое месторождение позволило горному начальнику В. Н. Татищеву заложить на реке Кушве металлургический завод, который начал действовать с 1739 года. Для выхода на реку Чусовую вогул Иван Белов в 1735 году сделал первые «затеси» для будущего тракта Кушва – село Олянокское. В.В.Соломин положил в основу своей статьи рассказ о Софронко (Согре), помещенный краеведом А. К. Шарцем в «Календаре-справочнике Пермской области за 1965 год». – Ред.

Прошли десятилетия, и сейчас в Кумыше постоянных жителей всего четыре человека: пенсионеры Лия Балыкина, Куприян Фоминых, Таисья Корнилова и Елизавета Пушкарева.

...С постройкой в 1916 году железнодорожной ветки Калино-Кузино, прошедшей в 4 километрах от деревни, Гороблагодатский тракт потерял былое транспортное значение. Он остался и еще долго служил средством сообщения между деревнями района, колхозными бригадами. По нему ездили за сеном на дальние покосы, за ягодами-грибами.

Итак, из Кумыша мы отправляемся дальше. Всего через 20 километров, минув бывшие деревни Крутой и Паленый Лог, выедем на большую прогалину. Именно здесь располагалась с конца XVIII по начало XX века крупная почтовая станция Кормовище (в 6 километрах от нынешнего). Название её говорит само за себя: здесь кормили и меняли лошадей. Когда в полутора верстах от Старого Кормовища к железнодорожному пути пролегла грунтовая дорога, вдоль которой стали строить дома, начал расти и быстро образовался новый поселок Кормовище. Но ещё в 70-х годах двадцатого века в Старом Кормовище стояли постройки с тесовыми, побелевшими от солнца и дождей крышами... Бывшая почтовая станция, многолюдный лесной поселок (еще в конце 50-х в нем, согласно статистическому справочнику, проживало более 360 человек), отсчитывал свои последние мгновения.

Но тракт остался до сих пор. От Кормовища он уходит на юго-запад и через 16 километров, минув поселок лесозаготовителей Ломовку, выводит нас к старинному русскому селу Матвеево, которому более 250 лет. По живописной долине речки Барда село протянулось на два с лишним километра. Когда-то здесь тоже была почтовая станция со всеми надлежащими строениями. Отдохнув и покормив лошадей, ямщики двигались дальше на юго-запад через села Сая и Сосновка, существующие и ныне. После гражданской войны Матвеево стало просто крупным селом, позднее - центром Матвеевского сельсовета и главной усадьбой колхоза, а потом совхоза «Матвеевский».

Через 140 верст от Кына, возле Кунгура, Гороблагодатский тракт соединялся с великим российским каторжным путем - Сибирским трактом...

ГородъПлюс. – 2004. - № 1.

Владимир Соломин

От Ледянки до Паленого Лога

Если ехать от Кыновского завода в сторону станции Кын по старой лесной дороге и спуститься к речке, носящей то же название, то примерно в шести верстах от завода наткнешься на маленькую речушку Ледянку. В устье ее располагалась одноименная деревня. Она стояла на низком поле (пабереге), где по весне долго держался лед, вот отсюда и такое название. В деревне насчитывалось 10-15 дворов, жили здесь сельским хозяйством и домашними ремеслами. Когда была основана деревня, неизвестно, а в 50-х годах прошлого века Ледянки уже не стало.

Двигаясь дальше в сторону станции, на речке Кын обнаружим деревню Кержаковку. Основали ее в 1818 году староверы, бежавшие на Урал из Центральной России. Место живописное: леса, поля, покосы... Сейчас здесь осталось только 12 домов, живут в основном пенсионеры, но есть и работники станции Кын, до которой от Кержаковки 3 километра.

Ни самой станции Кын, ни поселка до постройки железной дороги Лысьва-Кузино в 1913 году еще не существовало. На месте станции, на речке Каменке, стояла деревня Усть-Каменка из 10-12 домов. Недалеко от нее, на песчаном берегу в сторону Рассоленок, была такая же маленькая деревня Песьянка, ее называли еще Вожакова (существовала до 60-х г.). Деревушки связывались с Кын-заводом лесными дорогами и тропами. Тракт проложили только в 1916 году.

Приблизительно в 8 километрах от станции, на речке Мягкий Кын, находилась деревня-тезка, известная и под названием Кокшарова, скорее всего, по имени основателя. Жили в Мягом Кыну в основном переселенцы с юса России. В деревне

Память родства

Александр Батуев

Георгиевский кавалер – сельский почтальон Гурьян Оборин

В большой семье потомственных крестьян Обориных из деревни Ольховка Пермской губернии было 9 детей. самого старшего, появившегося на свет летом 1888 года, назвали Гурьяном. Как и положено, имя выбрали по церковному календарю. Вряд ли отец Лаврентий и мать Анна могли предвидеть, какая удивительная и богатая на события жизнь ожидает их сына. Но обо всем по порядку...

В Ольховке неоднократно останавливались отдохнуть, а также поохотиться и порыбачить пермский промышленник Ваганов с женой Ростиславой Владимировной. Лесной житель Лаврентий Оборин сопровождал пермского гостя в лес и на речку, а Анна Оборина выполняла роль прислуги у состоятельной дамы. Поэтому Ростислава Ваганова и стала крестной матерью при рождении первенца Гурьяна. Надо отметить, что родом Ваганова была из Петербурга, а родитель у нее был генерал. Позднее это обстоятельство станет важным в жизни крестьянского сына Гурьяна.

Деревня, где жили и трудились Оборины, была небольшой. Она насчитывала полтора десятка дворов, много было родственников. Поскольку Гурьян был старшим среди детей, то очень рано он освоил навыки общения с лошадьми, ружьем и рыболовной снастью. В лесу знал все тропинки. Скучать было некогда, а работы хватало зимой и летом. Но пришла пора и повстречал парень свою первую и единственную любовь. Случилось это в довоенном 1913 году. Звали юную красавицу из соседней деревни Ксенией. Вскоре родители сыграли молодым свадьбу. Но недолго длилась семейная жизнь Гурьяна и Сины - так ласково называл муж свою молодую жену. Весной 1914 года Гурьяна Оборина призвали в Российскую армию.

Вот тут-то вновь надо вспомнить его крестную мать Ростиславу Ваганову. Она похлопотала перед своим отцом генералом, и тот определил уральца-молодца на службу в штаб, расположенный прямо в самом сердце государства России – Санкт-Петербурге. Так из глухой провинции Гурьян окупился в столичную жизнь.

На службе при столичном штабе подружился Гурьян с таким же солдатом по имени Николай. Специальностью вот только Николай владел необычной по тем временам - был шофером. Но служба у обоих была одна: доставлять штабные пакеты и письма в целости и сохранности по нужному адресу. При этом Гурьяну полагался конь удалой да острая шашка, а у Николая были очки автомобильные да железное авто. Но служба службой, а жизнь была у каждого своя.

...Гурьян с Ксенией договорились о встрече в столице. Жена приехала за сотни верст повидать любимого. Погостила в столице России недельку как раз незадолго до войны в июне 1914 года. А вскоре грянула 1-я мировая война, и начались для солдата фронтовые дороги. Многое испытал и изведal Гурьян Оборин. Вот только один эпизод.

Весной 1915 года германские войска прорвали русскую оборону и пошли в наступление. В одном из боев под Ригой Гурьяну пришлось пулеметным огнем сдерживать натиск неприятеля. Разорвавшийся рядом снаряд ранил нашего героя, и он попал в госпиталь. Там произошла встреча, запомнившаяся на всю жизнь. Навестить раненых воинов прибыла в сопровождении важных персон сама российская царица Александра Федоровна. Лечащий врач указала на героя – солдата, и императрица лично поблагодарила Гурьяна за героизм, а на память подарила две вещицы - небольшую икону и цветное изображение императорской семьи. И всю оставшуюся жизнь, как самое дорогое, хранил Гурьян Лаврентьевич эти подарки.

После выздоровления довелось солдату принять участие в наступательной операции русских войск летом 1916 года. То наступление получило историческое название «Брусиловский прорыв». Командование наградило его за храбрость Георгиевским крестом¹. Так Гурьян Оборин стал кавалером ордена. И надо заметить, остался им на всю свою долгую жизнь. А впереди было много крутых поворотов - октябрь 1917 года, гражданская война и пути - дороги России.

Возвращение домой к мирному труду было радостным. Дома хватало работ и забот. Крестьянский быт не знает каникул и отпуска. И все же долгими зимними сумерками нет-нет да и вспоминалась та встреча с императрицей. Тогда доставал солдат из семейного сундука икону-оберег. А время было суровое. Сотрудники НКВД то к празднику, а то и просто к концу квартала старались изо всех сил выискать «врагов народа». Срок можно было заполучить и за неосторожное слово, а уж за открытку с изображением царской семьи... Вот и сосед Гурьяна и Ксении за разговорчики 7 лет свидания с Колымой получил. Хорошо хоть живым оттуда вернулся.

А жизнь текла своим чередом. Решение правительства об укреплении колхозов привело к тому, что семья Обориных из неперспективной деревни Ольховки переехала на центральную усадьбу в Захарово. Там Ксению приняли работать на птицеферму. А Гурьян занимался заготовкой дров и кормов для колхоза.

Перемена в трудовой карьере пришла неожиданно. Известный деревенский Яша - почтальон пошел на повышение по службе. В том смысле, что сел на один из первых советских тракторов. Так Гурьян Оборин в 1935 году стал сельским почтальоном. Округа ему досталась немалая - 6 окрестных деревень. С утра на своей верной лошадке по кличке Кошка уезжал он за несколько километров в город Лысьву за письмами и газетами. А на обратном пути совершал маршрутный объезд сел, доставляя почтовые грузы. Работа сельского почтальона была почетной. Почтальону полагалось продовольственная карточка, а четвероногому другу фураж – овес и сено.

Для деревенских мальчишек и девчонок было настоящим праздником по дороге в школу прокатиться на попутной почтовой телеге. Кто-то из подростков придумал даже шутиливую песню:

*«Вот мчится лошадь почтовая
Над Лысьвой нашею рекой.
Ямщик наш Дядько деревенский
Качает буйной головой».*

Дядькой звали Гурьяна Оборина многочисленные племянники и племянницы. Это имя нравилось ему больше настоящего.

Однако недолго продолжался мирный труд и звучали задорные песни сельчан. На родную землю снова напал враг. На селе о начале войны узнали по телефону. Узнав об этом, председатель сельсовета запряг лошадь и уехал в город. В течение короткого времени многих мужчин забрали на фронт. Вскоре по повестке ушел воевать с врагами

¹ Георгиевский крест – высшая награда Российской империи за личную доблесть в боях. Учрежден 26 ноября\7 декабря 1769 г. Имел 4 степени отличия.- Ред.

родной брат Илья. На жену и родственников осталось пять ребят, мал - мала меньше. Письма от него приходили не часто. Зато как радовался раньше всех на городской почте Гурьян, получая треугольные весточки с передовой, написанные рукой младшего брата.

Ушедших мужиков в поле и по дому заменяли подростки и женщины. Много тяжелой работы приходилось делать вручную общими усилиями. Старались, как могли, поддерживали друг друга. И добрым словом, и просто участием - заготавливали сено, солому или дрова. В деревнях вскоре появились эвакуированные жители Украины и Ленинграда. Один эпизод запомнился тогдашнему подростку Константину Каменских. Он был добровольным помощником почтальона и видел как радость от солдатских писем, так и отчаяние от полученной похоронки.

...В семью эвакуированных ленинградцев пришло с фронта необычно большое письмо. Еще на почте удивились ему сортировщики. На лицевой стороне была надпись: «Вручить лично». Посмотреть пришедшее в деревню послание прибежали с огорода две сестры красноармейца. Почтальон вручил пакет матери бойца. Когда она вскрывала наружную бумагу, то было видно, как от волнения у нее дрожали руки, но, увидев содержимое, у всех вырвался возглас отчаяния и горя. Внутри лежали комсомольский билет, записная книжка и письма, хранимые воином в кармане гимнастерки. Осколок вражеского снаряда пронзил их и попал прямо в сердце. На всем виднелись пятна засохшей крови. В письме, которое сопровождало этот тягостный груз, боевые друзья сообщили о том, что их товарищ погиб смертью героя во время схватки с врагом. В конце письма написали, что за гибель друга они отомстят фашистам. От такого переживания матери солдата сделалось плохо, и дочери долго отваживались с ней.

Но доставляли в почтовой сумке и хорошие вести с фронта. В них сообщали земляки, что бьют врага и мечтают поскорее с Победой вернуться домой. Долгой была та дорога к маю 1945 года. Многих из ушедших на бой недосчитались селяне. На поле сражения навечно остался и брат сельского почтальона Илья Оборин. Этого события не пережила его жена и вскоре заболела и умерла. Сиротами остались пять детей - малолеток. Их разобрали по домам сестры. Гурьян и Ксения взяли на воспитание самого младшего племянника Ивана.

В деревне Захарово, как и в других российских селах, приход мирного времени не принес большого облегчения. Налоги, облигации взамен заработанных денег долго еще не давали пожить спокойно и достойно. Трудились все: и стар и мал. Гурьян не изменял своим обязанностям. Общий стаж его работы с четвероногими помощниками насчитывал более 25 лет. А чтоб на столе стояло угощение, надо было любить труд. Увлечение охотой и особенно пчелами стало еще одним занятием нашего героя. А на дворе мирно соседствовали коровы, куры и любимый пес по кличке Пиратко. Годы шли, но постоянной оставалась форма одежды сельского почтальона Гурьяна Оборина. Главными в гардеробе были плотный плащ, выгоревший под солнцем до белесого цвета, шапка и сапоги - летом, валенки - зимой.

Каждое лето в деревню Захарово на каникулы приезжали из города племянники и племянницы. Дядько был не очень разговорчив, но в душе любил их очень. Горсть свежих ягод или первый медосбор - всегда для ребятни. Об одном эпизоде надо вспомнить. У племянницы, жившей по соседству в городе Лысьве, от удара молнии сгорел дом. Посоветовавшись между собой, Гурьян и Ксения Оборины отдали свой домик в деревне погорельцам, чтобы те собрали его на месте сгоревшего. Сами же переехали жить к другим родственникам.

До самых последних дней Георгиевский кавалер Гурьян Оборин хранил подарок императрицы. Прожил он почти 90 лет. Перед смертью передал реликвию жене. Ксения - Сина тоже оказалась долгожительницей. Всего четырех лет не хватило ей до 100 годов. А полученные из рук Александры Федоровны обереги - икону и цветное изображение семьи последнего царя - племянники передали в музей связи, созданный С. В. Голышевым при лысьвенском главпочтампе. Вот уже 20

лет посетители с интересом смотрят экспонаты и слушают о необычной судьбе настоящего кавалера и настоящего почтальона Гурьяна Оборина. Народная мудрость не зря гласит: «Человек жив - пока живет память о нем».

*Гурьян Оборин (слева)
с другом-однополчанином Николаем,
25 августа 1914 года*

*Гурьян и его любимая жена Сина,
1980-е годы*

.....

Вера Иванова

Как не любить мне эту землю...

1. Деревня Дуброво

С середины 18 века шло переселение людей в отдаленные районы Пермской губернии, которые становились для них постоянным местом жительства. Так появилась деревня Дуброво, раскинувшаяся на пологом склоне небольшого угора. Старообрядческие семьи Шестаковых и Обориных поселились рядом на одной улице, состоявшей из девяти домов. Неподалеку от домов из земли бил родник с чистой водой, ниже его, в зарослях ольховника, пряталась речка Задняя.

Уже никто не сможет достоверно сказать, откуда произошло название деревни. В толковом словаре Ожегова слово «дубрава» трактуется как дубовый лес или лиственная роща из высоких деревьев. Но дубы здесь не росли. Поселение надежно укрывалось непроходимым вековым хвойным лесом вперемешку с березами и осинами, великолепными липовыми рощами. Возможно, отсюда и такое название.

Каждая семья, как и было заведено в стародавние времена, имела избу среднего достатка, огород и двор. В хозяйствах держали лошадей, коров, кур. Из сельскохозяйственного инвентаря имели борону, телегу, соху. Рядом находился лес, в котором собирали грибы и ягоды. Поблизости располагались и покосы. Чтобы выжить, семьи трудились не покладая рук.

Шестаковы

Волею судеб братья Василий Кузьмич, Яков Кузьмич и Петр Кузьмич со своими родителями, проживавшими ранее на правобережье реки Камы, обосновались на жительство в д. Дуброво, как переселенцы на новые необжитые земли.

Из рода Василия Кузьмича:

Григорий

Один из сыновей Василия Кузьмича, Григорий (1892 г.р.), для которого родиной стало Дуброво, и Акулина создали семью. Появилось двое детей: Ефим и Аполлинария. Во втором браке с уроженкой д. Захарово Еленой Артемьевной (1900 г. р.), родились еще 6 детей. Супруги жили своим хозяйством, воспитывали 8 детей.

На фото: Василий Кузьмич с женой Евдокеей и его сын Григорий с первой женой Акулиной, 1917 г.

Революция изменила привычный уклад жизни. Началась гражданская война, фронт на Лысьвенском направлении открылся во второй половине 1918 года, а в декабре этого же года после непродолжительного боя в Лысьву пришли колчаковцы.

Наступили черные дни. Сочувствующих советской власти, а их было много, белые избивали плетями или шомполами.

Григория Васильевича вместе с членами городского совета арестовали и отправили в лагерь Чусовского завода, из которого ему удалось бежать, предварительно оглушив охранника. Человек большого природного ума и смекалки, он был позднее избран председателем Больше-Лысьвенского сельсовета.

В период коллективизации представители ОГПУ¹ приезжали в Большую Лысьву, объявляли перед сельским советом, сколько семей должно быть раскулачено. Григорий Васильевич заявлял, что в деревнях нет кулаков, нет зажиточных крестьян, но его насильно везли по деревням. Старший из представителей ОГПУ сам решал и показывал на дом, подлежащий раскулачиванию. Василий Григорьевич заступался за своих земляков как мог.

Во время Великой Отечественной войны Григорий Васильевич получил «бронь». Он на ЛМЗ точил снаряды. После войны продолжал трудиться в подсобном хозяйстве Заимки на зерноскладе. Все дети Григория Васильевича выросли достойными людьми.

По батюшке - Григорьевичи

Старший сын Ефим участвовал в Великой Отечественной войне. Получив контузию, он был демобилизован. В дальнейшем он работал шофером на разных предприятиях.

Дочь Аполлинария перед войной вышла замуж за офицера — лейтенанта Красной армии Леонида Михайловича Колыванова. Война застала их в Киеве, в первую же ночь 22 июня 1941 года город бомбили.

¹ОГПУ - Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР, созданное в 1923 г. – Ред.

Леонида вызвали по тревоге в часть. С тех пор его судьба неизвестна (на снимке слева). Апполинарии с трудом удалось эвакуироваться из Киева. Вместе с дочерью вернулась в Лысьву. Работала на ТГЗ до выхода на пенсию.

Сын Степан работал на ЛМЗ в ЦМИ-1 начальником отделения по изготовлению фляг. Евгений был мастером механического цеха ТГЗ, главным механиком завода, в последние годы работал на ЛМЗ зам. начальника отдела оборудования.

Остальные сыновья целиком посвятили трудовую жизнь турбогенераторному заводу. Яков трудился в цехе №1 токарем-карусельщиком. Иван начинал свой путь на заводе разметчиком, потом работал мастером, старшим мастером, закончил трудовую деятельность начальником котельно-сварочного цеха. Андрей работал старшим мастером сварочного цеха. Василий — токарем -

карусельщиком, в дальнейшем — начальником ремонтно-строительного цеха.

На фото:

Род Шестаковых, 1987г.

Нижний ряд (слева направо):

- Шестакова Валентина Федоровна;

- Шестакова Валентина Яковлевна;

- Колыванова Аполлинария Григорьевна;

- Шестакова Валентина Дмитриевна.

Верхний ряд (слева направо):

- Шестаков Василий Григорьевич;

- Шестаков Андрей Григорьевич;

- Шестакова Людмила Вильгельмовна;

- Шестаков Иван Григорьевич;

- Шестаков Яков Григорьевич

Из рода Якова Кузьмича

Яков Кузьмич Шестаков жил по соседству с братом. В его семье было четверо сыновей. Один из них, Иван, работал печным на жести. Петр и Яков погибли во время Великой Отечественной войны... Интересна судьба четвертого сына - Нифантия.

Нифантий

Военный летчик, подполковник, Нифантий Яковлевич во время войны командовал авиационным подразделением. Во время боев в Воронежской области приходилось летать в тыл врага. Однажды, возвращаясь с задания, один из самолетов был подбит. Экипажу удалось посадить машину на пашню. Нифантий принял решение спасти фронтовых товарищей. При посадке на пашню его машина врезалась в землю, и самолет не смог взлететь. Летчикам удалось спрятать личные документы, закопав их в землю.

Немцы, устроив на лошадях погоню за летчиками, догнали их и взяли в плен. Всех летчиков отправили в Германию в лагерь для военнопленных. При наступлении

наших войск немцы подожгли барак, в котором находились пленные. Некоторым, среди них был Нифантий Яковлевич, удалось спастись - помог немец-охранник российского происхождения. Остальные, находившиеся в другой половине барака, погибли. Среди них находился брат Яков, служивший артиллеристом.

Нифантий Яковлевич, возвратившись на родину, как бывший пленный был отправлен в лагерь в Сибирь. Реабилитировали его в 1949 году благодаря тому, что при вспашке поля колхозники обнаружили спрятанные летчиками документы. Нифантия Шестакова восстановили в звании, вернули ему награды. После освобождения Нифантий Яковлевич уехал со своей семьей в Полтаву и до конца своих дней жил там.

На фото: Нифантий Яковлевич Шестаков с женой Екатериной и дочерью Элей

Иван

В семье Ивана Яковлевича выросли семеро сыновей. И все они, кроме одного, работали на Лысьвенском турбогенераторном заводе. Это Виктор, Александр, Владимир, Валерий, Николай, Петр. Самый младший Борис уехал с женой в Америку, где уже проживали его тесть и теща.

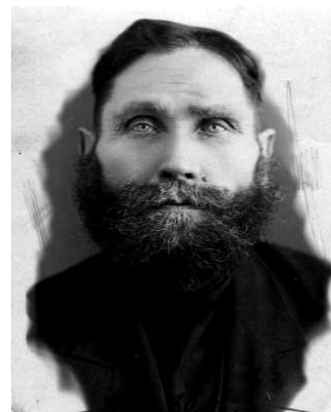

Из рода Петра Кузьмича

Петр Кузьмич и его жена Евдокия Даниловна — тоже одни из первых поселенцев. Их семья, как и все семьи в те времена, была большой: Василий, Евдокия, Яков, Улита, Матрена, Елизавета, Ирина, Елизавета-младшая, Петр. Из этих детей только Петр остался на жительство в родных местах. Яков погиб в Первую мировую войну. Дочери вышли замуж и разлетелись, Улита переехала в деревню Еверзики.

Старший сын Петра Кузьмича, Василий (1883 г. р.), с женой Татьяной Андреевной (1893 г. р.) (на фото) начали строить свой дом примерно в 1915 году. Василий Петрович работал в лесничестве. Он погиб в Гражданскую войну. Осталась Татьяна Андреевна с двумя малолетними сыновьями Анатолием и Михаилом. Татьяна Андреевна (1893 г. р.) занималась домом,

хозяйством, семьей. В хозяйстве были корова, лошадь, овца, куры, так что приходилось трудиться не покладая рук. Воспитывать детей помогали Татьяне ее родители — Стряпунины Андрей Панкратьевич и Зиновия Васильевна. Жили они в деревне Костино, но и в Лысьве Андрей Панкратьевич (на фото) имел свой дом, поскольку служил волостным старостой.

На фото: Федор Александрович с внуками: Александрой, Василием, Марией, 1928 год

Оборины

Александр и Доминика Оборины тоже одни из первых обосновались на свободных землях в д. Дуброво. Четыре их сына Федор, Харитон, Леонтий, Степан, дочь Пелагея родились в этой деревне, вырастили и построили свои дома. У всех в семьях было по пять, семь детей.

Федор

Федор Александрович с Варварой Степановной (проживала до замужества в Лысьве) создали семью. Жили неторопливо, но основательно, детей растили, приучали к труду не окриком, а личным примером.

По батюшке Федоровичи:

Афанасий

Когда семья Федора Александровича подверглась раскулачиванию, его сестра Пелагея упросила не отправлять брата в ссылку, так как он вряд ли бы перенес ее в виду возраста. На поселение отправился его сын Афанасий, которому было в ту пору 20 лет.

Когда началась Великая Отечественная война, Афанасий работал на металлургическом заводе в городе Чусовом. Стремился попасть на фронт, наверное, поэтому и скрыл, что находился в ссылке. Это было поставлено ему в вину, и он получил срок 5 лет. В дальнейшем уехал в город Александровск, но тянуло в родные края. Вернулся в Лысьву, работал на лесопилке ЛТГЗ.

Павел

Павел (1892 г.р.), - участник Первой мировой и Великой Отечественной войн. Во время боевых действий подвозил боеприпасы на передовую, не раз рисковал жизнью, но судьба его миловала – вернулся с фронта живым. Работал в совхозе строителем.

Павел Федорович (на фото) и его жена Прасковья Михайловна (1900 г.р., урожденная Куликова) остались верны своей малой родине. Они построили в Дуброво дом, обзавелись коровой, лошадью, овцами, курами.

За деревней стоял сплошной лес, который начала корчевать семья Павла Федоровича Оборина. На отвоеванной у леса земле сеяли зерновые для своего хозяйства. Позже эти земли стали принадлежать совхозу. На этих полях сеяли овес, турнепс, морковь и горох на радость сельской ребятне.

Прасковья Михайловна занималась не только хозяйством, но и детьми. В семье их было семеро.

Мария (1920 г.р.) – учительствовала сначала в г. Лысьве, затем на станции Утес Свердловской железной дороги, вышла на пенсию и вернулась в Лысьву, воспитала троих сыновей.

Александра (1925 г.р.) – учитель начальных классов в п. Лямино.

Василий (1927 г.р.) – прокатчик, жечь-1 ЛМЗ.

Иван (1929 г.р.) – подкрановый рабочий, строительный цех ТГЗ.

Лилия (1931 г.р.) – бухгалтер на ТГЗ.

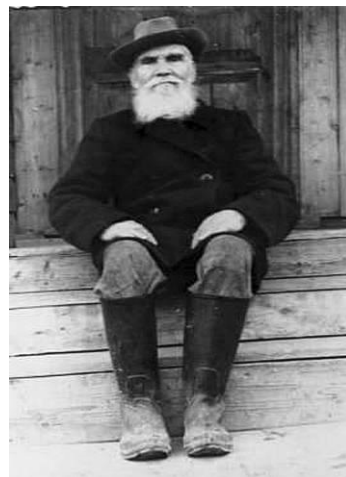
Елизавета (1936 г.р.) – полировщица, цех №7 ТГЗ. В настоящее время проживает в Дуброво.

Петр (1940 г.р.) – служил в армии в Хабаровском крае, остался на жительство в Красноярском крае.

Иван - погиб в годы Первой мировой войны.

Харитон Александрович

Харитон Александрович (1880 г. р.) *(на фото)* и его супруга Ульяна Емельяновна вырастили трех сыновей: Афанасия, Николая и Максима и трех дочерей: Устинью, Надежду и Марию. Харитон работал на Лысьвенском металлургическом заводе на жести – прокатчиком. Ульяна Емельяновна занималась хозяйством и детьми. Семья была добропорядочной, свято хранила старообрядческие традиции. Харитон был наставником у старообрядцев, совершал обряды: крещение, отпевание и венчание. В годы Великой Отечественной войны все три сына защищали Родину. С войны вернулся Афанасий, а два младших сына - Николай и Максим - погибли на фронте.

Татьяна Андреевна Шестакова вторично вышла замуж за Афанасия Харитоновича Оборина (1903 г. р.). Появилось еще пятеро детей: Григорий, Клавдия, Елизавета, Зинаида, Александра.

Григорий погиб в 1943 году под Орловой Балкой на Украине, было ему 18 лет. Сын Михаил умер в том же году от тяжелой болезни в 25-летнем возрасте. Сколько требовалось душевных сил, терпения и мужества, чтобы пережить такие утраты!

Афанасий Харитонович работал до войны на ЛМЗ в прокатном цехе. На фронте был рядовым стрелкового полка, в 1942 году демобилизован по ранению. После войны работал в совхозе заведующим конным двором в деревне Дуброво.

Афанасий Харитонович и Татьяна Андреевна были трудолюбивыми, приветливыми, хлебосольными людьми, готовыми всем помочь. И вообще в деревне люди отличались особой чуткостью и участием. Всей деревней делали «помощь», так говорили тогда, и дрова кололи, и срубы рубили, и дома поднимали совместно.

Немало после войны ходило по деревням бедных и нищих, и всегда хоть чем-нибудь помогала им Татьяна Андреевна. Ее, сердобольную женщину, до сих пор вспоминают в Дуброво добрым словом.

«А как любили Афанасия Харитоновича его дети и внуки! Как охотно бегала к нему на конный двор деревенская детвора! Здесь был здоровенный битюг – владимирский тяжеловоз. Наш дедушка, бывало, посадит на спину этого битюга ребятшек, сколько поместится, и катает на радость им», - вспоминает Надежда Федоровна, внучка Афанасия Харитоновича.

На фото: Афанасий Харитонович и Татьяна Андреевна с дочерью Зинаидой и зятем Яковом Степановичем Мельниковым, 1963 г.

Леонтий Александрович

В семье Леонтия Александровича и его супруги Татьяны росло двое сыновей Григорий и Борис. Леонтий вместе с братом Харитоном работал прокатчиком на жести. В 1911 г. был призван на службу в царскую армию. Служил в Москве в кавалерийских войсках. Во время службы получил травму головы, был демобилизован и вернулся в родную деревню. Так как Татьяна умерла, детей воспитывала бабушка Доминика. Леонтий женился на Василисе. В этом браке родилось пятеро детей: Геннадий, Иван, Анна, Евдокия, Афанасий. Старшие сыновья Григорий и Борис пропали без вести во время Великой Отечественной войны. После полученных травм Леонтий Александрович умер в конце 1940 г.

Из рода Степана Александровича

Старшая дочь Степана, Евдокия (1903 г.р.), прожила всю жизнь в д. Дуброво, умерла в 1950 году. Другая дочь, Прасковья, вышла замуж за Сергея Куликова и жила в д. Б. Лысьва, третья дочь, Полина (по мужу Завьялова), жила в Лысьве.

Сын Степана, Иван (1907 г. р.), служил в Красной Армии, остался на сверхсрочную службу. Вскоре после того, как вернулся домой, началась Великая Отечественная война. Служил в части «Корпусная авиационная эскадрилья» командиром отделения Награжден медалями «За победу над Германией» (1945 г.), «За боевые заслуги» (1944 г.). Иван Степанович с женой Феодосьей Степановной (на фото, 1930 г.) вырастили и воспитали 5-х детей. Старшая, Вера, много лет была бухгалтером в совхозе. Люба трудилась на ТГЗ. Надежда, Валентина, Игорь были участниками геологических экспедиций. В родную деревню вернулась только Валентина и сейчас проживает в Заимке. Иван Степанович умер в 1973 году.

Афанасий

Старшим сыном в семье Степана был Афанасий (1905 г. р.). Когда Красная Армия мобилизовала у семьи Обориных в свой обоз лошадь, с нею отправился 14-летний Афоня. Красные части наступали на Екатеринбург. Лошадь расковалась и пала, удрученный парнишка вернулся из Висино-Уткинска домой. Гибель лошади нанесла огромный ущерб хозяйству.

Когда умер Степан, дети остались сиротами, выживать им помогали соседи по деревне. Афанасий стал главой семьи. В 1921 году он женился и привез в Дуброво сироту Анну Ефимовну Кондакову из д. Кутамыш. В 1927 году его призвали в Красную Армию. Через 2 года он вернулся и был избран председателем Больше-Лысьвенского сельсовета. В середине 20-х годов он обосновался на жительство в д. Заимка.

В период коллективизации, чтобы не участвовать в раскулачивании, Афанасий заявил, что утерял печать, рассчитывая при этом, что его освободят от должности. Но его отдали под суд и приговорили к одному году принудительных работ. Целый год он рубил лес в Усть-Койве за Обманкой. Отбыв наказание, еще год не мог найти работу, а потом через биржу труда устроился в листопркатный цех ЛМЗ, где и проработал всю жизнь. Его труд был отмечен орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

По батюшке Афанасьевичи

В семье Афанасия Степановича выросли три сына и дочь. Евгений (1926 г.р.) работал шофером в совхозе «Лысьвенский»; Николай (1936 г.р.) закончил ПГУ, геолог; Вячеслав закончил Высшую школу милиции, работал зам. начальника ОВД г. Лысьва; Любовь - выпускница Пермского института культуры, всю жизнь посвятила библиотечной работе.

На фото:
Афанасий Степанович
с женой Анной
Ефимовной и детьми,
1952 год.

Население росло за счет приезжих

Во второй половине 30-х годов в Лысьву и в ближайшие деревни наблюдался большой приток населения из Кировской области, Кунгурского района, Тюменской области.

Семья Черепановых
Иутла Федоровича и Ульяны Корниловны (на фото) с детьми Марией, Пелеем, Михаилом и Тамарой приехала в Дуброво в 1934 году из Тюменской области. Иутл Федорович работал в хозяйстве, был

умельцем по изготовлению телег, саней, оглоблей, дуг. Ульяна Корниловна работала в детском саду поваром.

В Дуброво их дети повзрослели, получили образование. Мария, участница Великой Отечественной войны, работала учителем в начальной школе д. Дуброво, Михаил – в совхозе трактористом, Тамара закончила медицинское училище, работала в детском саду г. Лысьвы.

Пелей (1917 г. р.) трудился до войны бригадиром в подсобном хозяйстве, с 1939 года по 1945 год – слесарем – инструментальщиком на ЛМЗ в цехе № 5 на изготовлении касок, стаж работы 54 года, ветеран труда, награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Супруга Пелея Иутловича, **Анна Захаровна Собачкина** (1918 г.р.), приехала в Дуброво из Кировской области. Передовая доярка, она была награждена медалью «За доблестный труд в Великую Отечественную войну», грамотой «Лучшая доярка Молотовской области», медалью «Мать - героиня». Анна Захаровна была мастерицей на все руки: ткала половики, вышивала, шила, вязала.

Свое мастерство передала по наследству дочерям. В семье выросло 5 детей (на фото, 1966 г.).

Евгения (1939 г.р.) – солистка Государственного Академического Воронежского русского народного хора.

Мария (1945 г.р.) – контролер цеха №5 ЛТГЗ.

Александр (1949 г.р.) – слесарь - инструментальщик ЛТГЗ.

Николай (1951 г.р.) – газовая структура, председатель профсоюзного комитета ЛТГЗ.

Владимир (1954 г.р.) – плавильщик цветных металлов ЛТГЗ.

Ксения Захаровна Собачкина (на фото, 1961 г.) приехала в Дуброво в 1936 году к сестре **Анне Захаровне**. В 1937 году, получив паспорт, устроилась в подсобное хозяйство Заимки. Работала на полях, полола свеклу, морковь. В том же году перешла в сферу животноводства. Бригадир фермы Федосья Голубцова и начальник участка Илья Николаевич Попонин предложили Ксении работать дояркой. Все помогали молоденькой девушке осваивать главную профессию на селе. Своим мастерством делилась с ней доярка Евдокия Попцова.

В группе было 15 коров. Доили их вручную, корма носили ношами на веревках. В летний период работала в д. Кабаны, где был обустроен лагерь на 4 группы коров, жили там до осени. Постепенно приходило профессиональное мастерство.

С 1939 по 1950 год Ксения жила и работала на ферме в д. Еверзики. Вставали в 4 часа утра и трудились до позднего вечера. Пасли коров, заготавливали для них сено, вязали снопы. После дойки ездили за подкормкой за реку Лысьву, затем опять дойка, небольшой перерыв и снова на двор раздавать корма, и так всю войну. Это ли не героизм?

В 1950 году Ксения переехала в Дуброво. Вспоминает, как жила в общежитии. Чтобы не проспать и вовремя прийти на работу, доярки в складчину купили часы и дежурили возле них по очереди. На ферме трудились замечательные люди. Ксения Захаровна дружила с Любовью Михайловной Коробейниковой. Они обе вели коллектив вперед, к трудовым победам. В 1957 году животноводы фермы №2 подсобного хозяйства деревни Заимка вызвали на соревнование животноводов фермы подсобного хозяйства Липовой, доярок участка Талая, Откормочной фермы. Нужно было надоить по 3200 кг молока от каждой закрепленной коровы.

На фото:
коллектив
животноводов
Дубровской
фермы, Ксения
Захаровна 6-я
слева, 1957 г.

1961 год стал для Ксении Захаровны Собачкиной вершиной мастерства. Она участвовала в совещании передовиков животноводства в Свердловске, на котором довелось увидеть Джавахарлала Неру, Индиру Ганди. В этом же году стала участницей ВДНХ в Москве. За высокие надои от каждой коровы (3,5 тысячи литров) получила от руководства завода швейную машинку, от совхоза – золотые часы. В 1966 году награждена орденом «Знак почета», имеет медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

44 года проработала в животноводстве Ксения Захаровна. Пролетела жизнь, но и сейчас, несмотря на возраст и всё пережитое, сохраняет она в своем сердце доброту, отзывчивость и общительность.

Алексей Захарович Собачкин (1924 г. р.) - участник Великой Отечественной войны, сапер 124-й особой бригады. Принимал участие в боях за освобождение Сталинграда в составе 65 армии. В октябре 1943 года получил серьезное ранение – лишился ноги. Имел награды. В 1944 году демобилизовался из армии по ранению, приехал на жительство в деревню Еверзики. Работал на кирпичном заводе в Дуброво.

Зоя Антоновна Кони́на (1914 г.р.) родилась в деревне Шуя Кудымкарского района Пермской области. Переехав в Лысьвенский район молодой девчонкой, устроилась работать в совхоз «Лысьвенский» полевой работницей. В годы войны работала

на полях в Еверзиках бригадиром. После войны переехала в Дуброво, где трудилась на ферме дояркой. Впоследствии ее перевели работать телятницей. Как хорошего работника ее дважды делегировали в Москву на сельскохозяйственную выставку. Зоя Антоновна имеет награды за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны.

Зинаида Калимуллина с 15 лет работала в курятнике. Ухаживала за цыплятами. Работали круглосуточно. Днем кормили цыплят, ночью дежурили, охраняли их от хищных птиц и хорьков в загоне. Курятник был рассчитан на 1000 кур, а инкубатор - на 1000 цыплят. Куриные мясо и яйца отправляли в город – в столовые, детские сады, магазины.

Иван Федорович Пархачев (на фото в середине) - участник Великой Отечественной войны, гвардии сержант. Участвовал в освобождении Варшавы, в штурме и взятии Берлина. Награжден Орденом Славы III степени, медалью «За отвагу». В мирные дни руководил бригадой плотников. При его участии в 60-х годах было построено в Дуброво 5 четырехквартирных домов.

Евгения Селиверстовна Мочалова (1931 г. р.) начала работать с 1945 года учетчиком на ферме в д. Еверзики. В 1954 году обучалась на курсах животноводства в Магнитогорске. Получила диплом с отличием. С 1969 по 1986 работала заведующей Дубровской молочно-товарной фермой. Болела душой за общее дело. Имела деловую хватку, умела ладить с людьми. Избиралась депутатом Заимского сельсовета, городского и областного Советов народных депутатов.

После выхода на заслуженный отдых работала телятницей.

«Учительница первая моя...»

Деревня Дуброво расширялась, требовалось жилье. Перед войной было построено 6 жилых многоквартирных домов, два барака под жилье. В первом доме открыли детский сад – ясли для детей рабочих совхоза, появились магазин, клуб... Деревня обживалась. В 1947 году была открыта начальная школа. Первые учителя – Мария Яковлевна Черепанова, участница Великой Отечественной войны, и Серафима Аполлоновна Устюгова.

Рассказывает Надежда Федоровна, бывшая ученица Серафимы Аполлоновны:

«Вся дубровская детвора послевоенных лет училась у Серафимы Аполлоновны. Она была нашим первым наставником, другом, Учителем с большой буквы. Много лет прошло с тех пор. Все мы давно уже сами дяди и тети, бабушки и дедушки. Многие остались жить в своих родных краях, а другие, наоборот, повзрослев, выпорхнули из родного гнезда, разлетелись кто куда: на север, в Сибирь, в Молдавию... Но все возвращаются вновь и вновь в родную и милую деревеньку Дуброво. А при встрече со своими школьными друзьями и подругами всегда восклицаем: «А помнишь? Помнишь нашу первую учительницу Серафиму Аполлоновну?»». И с какой

теплотой, благодарностью вспоминаем о ней! Сколько же в ней было сердечного тепла, заботы, добра, если уже на склоне лет мы с любовью вспоминаем о ней. И будем помнить, пока живем!»

На фото: Серафима Аполлоновна со своими учениками: Васей Шестаковым, Галей Кониной, Славой Швалевым, Надей Обориной, Ниной Каримуллиной, Милей Сазоновой, Надей Рузняевой и другими (1 и 2 классы, 1950 г.)

В 1960-е годы учительницей работала Александра Семеновна Брагина. Строгая, но справедливая, она давала прочные знания своим ученикам. В 1970 году школа была закрыта из-за малочисленности учеников.

Обучение продолжалось в Заимской школе. Многие ученики Дубровской школы, закончив семилетку в Заимке, обучались в лысьвенских школах. Некоторые из них получили среднее специальное и высшее образование.

Обучение начинали в Дуброво

Надежда Федоровна Оборина (на фото) (1942 г. р.) закончила филологический факультет Петрозаводского государственного университета, работала в библиотеках, а затем редактором в книжном издательстве города Петрозаводска.

Екатерина Ивановна **Мягих** закончила Новосибирский институт народного хозяйства. Работала ведущим специалистом на предприятиях г. Томска. Затем — в банке инспектором по работе с персоналом.

Нина **Калимуллина** закончила Казанский авиационный техникум, по специальности — инженер-технолог.

Нина Ивановна **Шестакова** - выпускница Уральского

политехнического института, инженер-электрик. Работала на ТГЗ. В настоящее время проживает с семьей в Новосибирске.

Александр Самсонович **Жуйков** закончил Пермский политехнический институт, работал инженером.

Любовь Павловна **Микрюкова** после окончания Пермского педагогического института преподавала русский язык и литературу.

Случайная встреча бывших одноклассников — Александра Жуйкова и Любы Микрюковой - помогла создать настоящую счастливую семью (на фото). Более 45 лет живут в браке. Воспитали троих детей, проживают в г. Бендеры (Молдова).

А жизнь в деревне шла своим чередом...

Жизнь в деревне шла своим чередом. В 1950 году провели на постоянной основе водопровод на ферму, а до этого был только летний.

В 1953 году в д. Дуброво было 3 молочно - товарных фермы и 1 телятник на 60 голов. От 360 голов крупного рогатого скота получали 7612 центнеров молока. В 1954 году при плане 6460 центнеров молока животноводы взяли обязательство надоить 8360 центнеров при том же поголовье скота.

На хозяйственных работах использовали лошадей. Конным двором на 30 голов заведовал Афанасий Харитонович Оборин. В 1970-е годы пожар уничтожил конный двор вместе с лошадьми.

В 1955 году для нужд подсобного хозяйства была организована работа кирпичного завода. Использовали природную глину и песок, которые находились за деревней. Выполняли заказы для нужд Лысьвы и городов Пермской области. Бригадиром на производстве кирпичей работал Александр Егорович Быстрых.

На полях деревни сеяли зерновые на площади 64 га: овес, рожь, пшеницу, урожайность составляла 24 центнера с гектара. На силос выращивали овес, кукурузу, горох, вику.

В 1985 году произошло разделение совхоза на самостоятельные хозяйства, которые постепенно приходили в упадок. Жилье не строилось, зарплата не выплачивалась. Люди уходили на предприятия города.

Тем не менее, жизнь в деревне продолжалась. В 1990 году была проложена дорога в асфальтовом исполнении и открыт автобусный маршрут с сообщением: Лысьва - Дуброво. В 2003 году построена новая линия электропередач.

В 2005 году закрыт детский сад ввиду небольшого количества детей. В 2006 году, к сожалению, был закрыт и клуб.

В настоящее время в помещениях молочно – товарной фермы работает лесопилка «Тайга». Рядом с деревней вырос дачный поселок, в котором лысьвенские любители - садоводы выращивают ягоды и овощи для своих семей.

2. Чебыкинский поселок

Наши предки, как правило, сами давали названия своим деревням и селам. Чаще всего по своему имени или фамилии. Возможно, поэтому находящийся в настоящее время в полукилометре от Заимки небольшой населенный пункт из 5 домов в народе именуют Заимка-1, а в 19 веке он назывался Чебыкинский поселок.

Основателями этого поселка была семья Чебыкиных Ивана Афанасьевича и его жены Соломеи Авдеевны (1869 г. р.) *(на фото)*.

Поселок располагался на возвышенном месте, внизу протекала река Лысьва. Водой из речки пользовались в хозяйственных целях: поили скотину, мылись в бане, стирали белье. Для питья использовали воду из ключика, который был значительно ниже поселения. Как раз в том месте, где сейчас находится деревянный желоб для стока воды из Заимского пруда. Жили своим трудом, занимались натуральным хозяйством. Сами себя обеспечивали питанием, одеждой и обувью.

В семье Чебыкиных росло восемь детей: Родион, Яков, Михаил, Алексей, Мирон, Елена, Маруся, Ира. Мирон жил с родителями, Михаил и Яков построили себе дома на хуторе. Остальные дети обосновались в городе Лысьва.

Яков Иванович *(на фото)* (1896 г. р.) работал вальцовщиком на жести-2, его жена Елизавета Васильевна (1894 г. р.) *(на фото)* была домохозяйкой, она воспитывала детей, вела хозяйство.

Замечательная рукодельница, Елизавета Васильевна умела прясть, вязать. В годы Великой Отечественной войны она вместе с дочерьми вязала варежки и отправляла посылки на фронт. Награждена орденом «Мать – героиня» - у нее было десять детей.

Самая старшая из них Екатерина (1918 г. р.) работала мастером в сутуночном цехе, была направлена в подсобное

хозяйство Заимки на время бригадиром, а тут вскоре война. Ушла на фронт, была радисткой, демобилизовали по состоянию здоровья.

Николай (1919 г. р.) служил в армии на Дальнем Востоке, где и застала его война. 9 лет находился на службе. После войны работал в совхозе кладовщиком.

Клавдия (1922 г. р.).

Петр (1925 г. р.) получил направление в военное училище в Нижний Тагил, учился на танкиста, а потом - фронт. После войны вернулся домой, работал непродолжительное время объездным в подсобном хозяйстве, затем устроился в сутуночный цех оператором. В это время уже жил в Лысьве. Имел двух детей. Александр Петрович Чебыкин - генеральный директор ООО «Управление ЖКХ-Лысьва», Татьяна Петровна Ковина возглавляет юридическую службу при администрации Лысьвенского района.

Анна (1927 г. р.) – бухгалтер на жести-2.

Александра (1931 г. р.), закончив 6 классов, пошла работать на завод. Вспоминает: *«Папа привел меня на завод, в жесть вторую. Трудовой путь начинала курьером, потом работала трафаретчицей, поступила на курсы крановщиков и до пенсии работала на кране».*

Любовь (1933 г. р.) – лаборант в лаборатории эмальцеа.

Борис (1935 г. р.) – кузнец на жести-2.

Людмила (1938 г. р.) – эмалировщица в эмальцеа.

Владимир (1940 г. р.) – прокатчик на жести-2.

На фото (слева направо):
сестры Чебыкины Любовь, Катерина,
Анна

Несколько позже здесь обосновались еще две семьи: Федота Александровича Поздеева (1878 г. р.) - он ходил по найму, помогал строить дома в ближайших деревнях, и Михаила Петровича Махнутина – он работал на жести-2 в машинном отделении.

В 30-е годы здесь построили 2 барака, в которых жили рабочие подсобного хозяйства: Михаил Иванович Ковин (1925 г. р.), работавший токарем в гараже подсобного хозяйства, а вечерами игравший на баяне в коллективе художественной самодеятельности Заимского клуба, его брат Павел Иванович (1923 г.р.).

В 1968 году на Заимке-1 или Малой построен дом для операторов, обслуживающих ГРС. Дом принадлежал Горнозаводскому управлению магистральных газопроводов. В 2003 году дом был освобожден, и здесь поселились 2 семьи.

В настоящее время в поселке проживает 5 семей. Прежних домов уже нет. Только один, вновь построенный на месте бывшего дома Ивана Афанасьевича, принадлежит правнучке рода Чебыкиных.

3. Хутор Кабаны

Хутор Кабаны находился приблизительно в 4 километрах от деревни Еверзики и в 10 километрах от Лысьвы.

До сих пор на этом месте в лесу встречаются круглые возвышения – холмы, высотой до 30 сантиметров, в диаметре до 10 метров. Если их раскопать, то можно обнаружить следы древесного угля.

Как известно из истории, для работы Лысьвенского чугуноделательного завода были необходимы древесный уголь и дрова, а здесь росли могучие вековые леса, пригодные для выжигания угля. Дрова рубили в апреле-июне, уголь выжигали осенью, а на завод доставляли зимой. Уголь для заводского дела жгли люди, которых называли кабанщиками, то есть углежогами. Здесь они и жили в землянках.

Готовили древесный уголь так. Дрова складывали в кучи, которые назывались кабанами. В каждой куче посередине делали отверстие насквозь, вроде трубы, до самой земли, туда забрасывали хворост и поджигали. Хворост прогорал, и в кучах под дерном тлели дрова. Отсюда и название этого хутора. Если считать, что название произошло от слова «кабан», то в «Таблицах добычи зверей и птиц в Пермской губернии» вообще не упоминается животное кабан. (Сабанеев Л. Ф. «Охотничьи звери», М., 1981.с.422, таб.1781 г.).

В 30-х годах появилось подсобное хозяйство Заимка. Кабаны с прекрасными пастбищами стали использоваться как летний лагерь для крупного рогатого скота. С 1937 по 1939 годы здесь было 4 группы коров, которых содержали до конца пастбищного периода, доили 3 раза в день, суточный надой составлял 20-25 литров на корову. Доярками работали Ульяна Яговкина, Н.Х. Оборина, К. З. Собачкина, В. Широких, бригадиром была Федосья Голубцова. Молоко охлаждали в реке Задней. Его возили в город. Коновозчиком работал С. Шайдуров. Сообщением служила гужевая дорога вдоль реки Травянка.

Здесь же был выстроен барак. В одной его половине жили доярки, пастухи, в другой – лесорубы, заготавливавшие дрова для организаций города. Для них приезжала автолавка с продуктами, и доярки тоже имели возможность в ней отовариться.

С 1939 года стадо не стали отправлять в Кабаны из-за болезни коров. Установили карантин. После войны Кабаны использовались как летний лагерь, но уже для откорма молодняка. Для этого были построены двор на 100 голов нетелей и жеребятник. Сюда же пригоняли жеребят с Заимки, Откормочной, Дуброво, а на зиму отправляли обратно на конный двор.

С 1947 года по 1955 начальником участка в Кабанах был Павел Виссарионович Потапов, переехавший с семьей из деревни Горюны. Его жена, Валентина Михайловна, приехала с матерью Аграфеной Антоновной Микрюковой с малой родины — из деревни Вдовы Богородского района Кировской области.

Валентина помогала маме в свиарнике. Во время Великой Отечественной войны работала бригадиром в Горюнах.

На фото: Павел Виссарионович и Валентина Михайловна с детьми Надежной и Александром, 1949 год.

Для работающих пастухов, кормовозов, телятниц было построено 3 дома. Постоянно проживали в них рабочие К. Снегирев – возил корма, Зубатов, работавший сторожем на телятнике. Содержали и обслуживали пасеку Николай Мальцев, Александр Филиппович Саломатов, Владимир Наимановский, охранял пасеку Василий Алексеевич Баруздин.

Для пчел специально сеяли гречиху. Для хозяйственных нужд выкопали ручную колодезь на глубину 15 метров. До этого воду возили в бочках на лошади с реки Задней.

В 1956 году Кабаны прекратили свое существование. В 1960 – 1985 годах земли урочища Кабаны использовали как летнее пастбище для молодняка и крупного рогатого скота. Для дойки стали использовать доильный аппарат «елочка».

Прошло уже немало лет, а земля хранит полустертые следы этого дорогого людям местечка – сохранились поле и покосы. Они напоминают старшему поколению о давно прошедших днях их жизни, а у молодых вызывают интерес, а что же здесь такое было...

На фото: Василий Алексеевич Баруздин
с женой Александрой Михайловной

Материал составлен на основе воспоминаний старожилов: Оборина Вячеслава Афанасьевича, Обориной Александры Афанасьевны, Собачкиной Ксении Захаровны, Брагиной Александры Семеновны, Шестакова Ивана Григорьевича, Потаповой Валентины Михайловны, Черепанова Владимира Пелеевича, Широких Марии Павловны.

2010 г.

по страницам газет

Иван Утробин

Здесь жили люди. Здесь когда-то жил и я...

Есть на территории Лысьвенского района очень интересные, запоминающиеся места. Особенно дороги они для тех, кто здесь родился и жил.

Невдалеке от истоков реки Лысьвы более двух веков тому назад возникли Палёный Лог, Крутой Лог, Утробино, Елоха, Петровка, Давыдовка и ряд других поселений. Если кому-то доведётся ехать на машине из Лысьвы до Моховлян или посёлка Кын, то обязательно остановитесь на поле около Палёного Лога. Обратите внимание - какой вид открывается с левой стороны! Это громадная долина, поросшая лесом, окаймлённая берегами реки Лысьвы. Сюда же входят и поймы речек Рыбная, Кривая, Бурсяк, Татарка (правые притоки Лысьвы) и другие. Здесь же к реке подходит и железная дорога, и уже до города они идут рядом, по обрывистому, каменистому и высокому, не совсем удобному для железной дороге берегу. Напротив, за долиной, виднеются поля бывших деревень Утробино и Елоха. Поля разделены глубокими лесистыми логами

Неубитая вера

Евгения Шабурова

Из истории Свято-Троицкой церкви завода Кын

«Человек остается личностью, образом и подобием Божиим, ...если он внутренне определит себя по отношению к Богу».

Н. Бердяев

Первую деревянную церковь в Кыну возвели в 1779 году, но из-за пожара во время пасхальной службы она сгорела. В этом же году поставили новую церковь.

Каменная церковь построена в 1864 году на средства владельца Кыновского завода графа Сергея Строганова. Здание церкви сохранилось до наших дней. Храмы такого типа называют «корабль», так как все части сооружения: апсида, четверик, трапезная, шатровая колокольня - расположены по одной оси. Храм капитальной стеною делился на два: холодный - во имя Святой Живоначальной Троицы, и теплый - во имя Ведения в храм Пресвятой Богородицы. В 1898 году престол во имя Введения был упразднен.

Вторая половина XIX в. - время расцвета русско-византийского стиля. В обществе повышается интерес к изучению русских древностей. Эти веяния прослеживаются в архитектуре Кыновской Свято-Троицкой церкви. Свод над храмом выполнен в форме опрокинутого полушария, непосредственно опирающегося на плечи храма¹, а в постройке колокольни архитекторы применили два способа покрытия «шатер» и «бочка», таким образом получалась новая, очень красивая форма. При этом перенесенная «бочка» получила важное назначение, она стала служить средством для сведения каменного свода². Столь любимые русским зодчеством кокошники, потеряли мало-помалу свое прежнее строительное значение и приютились под церковной крышей в качестве орнамента.

Сам С. Г. Строганов более 30 лет был председателем общества истории и древностей российских. Он лично руководил занятием своих крепостных мастеров, присылал живописцам литографические образцы икон. То, что Строгановы стремились возводить и украшать внутреннее убранство храма в «древнем византийском вкусе», подтверждает выдержка из письма графа С. Строганова управляющему Кыновским заводом:

«Усольский иконописец Александр Мельников просит о предоставлении ему в новой каменной церкви постройку иконостаса, резьбу, позолоту и письмо икон...о цене работ условьтесь с Мельниковым предварительно. Живопись должна быть в древнем византийском вкусе. Граф С. Строганов 19 апреля 1860 г.».

¹ Миллюков П. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2 / П. Миллюков. - С.-Петербург, 1897. - С.195.

² Там же. С. 197.

Александр Мельников - крепостной иконописец из Усоля - выполнял церковные росписи в Обнинске, в церкви с. Искор, был инициатором создания театра в Усолье. Его отец Иван Мельников писал иконы для Николаевской церкви в Новом Усолье.

Известен факт, что иконы для Свято-Троицкой церкви писал П. И. Сюзев, в 1872 году назначенный на должность управляющего Кыновским заводом. В 1880-х г.г. в одном из писем А. Е. Теплоухову он писал: *«Я рисую не для платы, не из каких-либо видов корыстных, а просто ради искусства, которое любил когда-то до страсти»*¹.

Создание единой системы храмовой росписи было очень важным моментом в организации храма, так как она воплощала богословско-догматические учения христианской веры и могла оказывать огромное влияние на восприимчивое и раскрытое духу сознание русского человека.

В храме села Завод Кын сохранились изображения Св. Великомученицы Варвары, Св. Ионы и Филиппа, Св. Алексия и Димитрия, Св. Симеона Верхотурского, с которым связано очень интересное происшествие, случившееся в 1828 году. Холодным осенним вечером работник завода Агапий Рачев упал в ледяную воду пруда. Потеряв всякую надежду выбраться на берег, он стал молить Святого Симеона Верхотурского спасти его, и помощь пришла. Через несколько лет Симеон Верхотурский помог выздороветь болящему сыну Агапия Матфею.

В конце XVIII - начале XIX в. в Кыновском заводе была освоена технология изготовления художественного чугунного литья. В основном это было архитектурно-декоративное литье (узорные решетки ограды, напольные плиты). Напольные плиты, отлитые на заводах Прикамья, *«имеют меньший, в сравнение с принятыми в Центральной России, размер около 70 x 70 см....Однотипными квадратными плитами с цветочной розеткой в центре, с лучами в углах и с ребристым бордюром по краю был выстлан пол Свято-Троицкой церкви»*² одна из плит хранится в Пермском краеведческом музее. По сообщению краеведа С. Гринкевича, литые плиты из Свято-Троицкой церкви в Заводе Кын можно и сейчас увидеть у порогов домов некоторых жителей, так же они использовались и как печные плиты.

В конце XIX в. для ужесточения духовной и светской цензуры начальное народное образование было подчинено церковному влиянию. С 1884 года резко увеличилось число церковно-приходских школ, которые находились в непосредственном ведении Синода. Во главе этих школ были поставлены приходские священники, которые являлись и «законоучителями», т.е. преподавателями главного предмета в этих школах – «Закона Божьего». В изданных 13 июня 1884 года «Правилах о церковно-приходских школах» говорилось, что «школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания»³. В 1880—1890 годы школы такого типа получают широкое распространение.

Церковно-приходские школы открываются не только в селе Завод Кын, но и в соседних деревнях, например, в д. Мякий Кын школа открыта 19 февраля 1896 года. Из журнала пермского епархиального совета №59 от 4.03.1896 следует: *«Священник Романов доносит, что 19 февраля 1896 г. им открыта школа грамоты в деревне Мягом Кыну, в 20 верстах расстояния от завода Кыновского. К исполнению должности учительницы допущена мещанская девица Мария Ильина Щербакова, не окончившая полного курса Кунгурской женской прогимназии и не имеющая звания*

¹ Замечательные люди. Павел Иванович Сюзев.

Режим доступа: http://old.dobryanka.perm.ru/hist_cult/zamp.shtml. [12.12.09]

² Пузанова Н. Н., Чагина Е. В. Архитектурно-художественное литье Пермского Прикамья в первой половине XIX в. Режим доступа: http://iiid-udsu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=215&Itemid=113 [11.11.09]

³ Русская православная церковь XIX-XX вв. Режим доступа: <http://www.i-u.ru/>. [20.01.10]

учительницы, но лично известная ему по своим нравственным качествам и как бывшая практиканткой в Кыновской женской школы грамоты»¹.

1 ноября 1907 года на должность учительницы Кыновской школы назначена Анна Будрина, имеющая учительское звание². Церковно-приходская школа имела попечителей, одна из них, Елизавета Ивановна Ромашова, пожертвовала на нужды школы 35 руб., за что и была поощрена³.

В 1908 году Кыновская школа грамоты преобразована в одноклассную церковно-приходскую. В 1910 году на должность учительницы назначена дочь священника Ольга Иоанновна Петрова, окончившая в 1908 году курс Пермского епархиального училища. В течение двух лет, с 1 сентября 1908 года по 15 сентября 1910 года, она была учительницей в церковных школах Екатеринбургского уезда.

В 1895 году при Кыновском Свято-Троицком храме создается церковно-приходское попечительство: *«В состав попечительства входят: председатель инженер-технолог Григорий Николаевич Агеев, делопроизводитель Михаил Николаевич Чудинов, казначей Николай Васильевич Вертышев, пять непременных членов, а всего 96 человек»⁴.*

В 1897 году в Заводе Кын открылся приют для детей-сирот: *«9 февраля текущего года...в Кыновском заводе на средства местного церковно-приходского попечительства...открыт приют для малолетних сирот обоего пола. В течение месяца таковых принято 14, в том числе 4 мальчика и 10 девочек. Грамотными, посещающими школу, оказались только 2 девочки. Остальные дети не грамотны и не имеют пока возможности в ту или другую из существующих в заводе школ. Почему, не теряя дорогого детского времени, явилась надобность начать изучение их Закону божьему и грамоте в приюте...Преподавание оного взял на себя (О. П. Романов – Е. Ш), а обучать чтению, письму и счислению безвозмездно изъявила желание имеющая звание и права учительницы - попечительница приюта Вера Николаевна Агеева, бывшая Евдокимова, предоставляющая детям необходимые на первое время учебники и учебные вещи лично от себя»⁵.* Самому старшему ребенку было 13 лет, а младшему – 4 года. Основатели приюта главной своей задачей считали создать атмосферу «домашнего обихода».

Расписание дня в приюте было такое: в утренние часы после молитвы и завтрака девочки под руководством воспитателя (его называли «особый надзиратель») учились рукоделию и ведению домашнего хозяйства, а мальчики – сапожному и башмачному ремеслу. Затем с 12 до 15 часов все обучались чтению, письму и счету, а с 17 до 18 часов слушали урок Закона Божьего.

Приют *«пользовался большим сочувствием»* у местного населения, об этом свидетельствует поступившие для приюта пожертвования деньгами, одеждой и пищевыми припасами.

По сообщениям Кунгурского Уездного отделения, известно, что Кыновская школа грамоты (при приюте) в 1906 году, после отъезда из Кына учительницы Агеевой, которая работала безвозмездно, закрыта, а назначение платной учительницы было не целесообразно, так как осталось всего 4 учащихся.

После гражданской войны Советская республика объявила войну религиям. 1917 год стал годом великих потрясений, положивший конец мирному течению религиозной жизни. Один за другим выходят постановления, отвращающие людей от церкви и веры.

¹ ГАПК, ф.147, оп.1, д. 286, л.9.

² Там же, л.14.

³ Там же, л.18 и 19.

⁴ ГАПК, ф.198, оп.1, д.573, л.30.

⁵ ГАПК, ф.147, оп.1, д.328, л.3.

20 июня 1917 года принимают закон о передаче церковных школ в ведомство министерства просвещения, 14 июня в постановление «о свободе совести» указано, что предмет «Закон Божий» является необязательным.

11 декабря, согласно постановлению Народного комиссариата по просвещению «О передаче дела воспитания из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению», все учебные заведения были переданы в ведение наркомата. Было отменено преподавание церковных дисциплин и упразднены должности законоучителей.

19 января Патриарх Тихон разослал послание, вошедшее в историю под названием «Анафематствование большевикам», где, в частности, говорилось: *«Гонение жесточайше воздвигнуто на Святую Церковь Христову... святые храмы подвергаются или разрушаются через расстрел из орудий смертоносных... или ограблению и кощунственному оскорблению... школы, содержащиеся на средства Церкви Православной и подготовлявшие пастырей церкви и учителей веры, признаются излишними... Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это народное достояние, но без всякого права и желания считаться с законной волей самого народа»*¹.

На следующий день 20 января был обнародован декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Здания и «предметы культа» передавались верующим в бесплатное пользование. Были прекращены все государственные дотации религиозным и церковным организациям, все их банковские счета были закрыты. Отныне граждане могли обучаться или обучать религии только частным образом.

23 февраля 1922 года вышел декрет ВЦИК об изъятии всех церковных ценностей. *«Кампания по изъятию ценностей явилась самой крупной антирелигиозной акцией, направленной на ликвидацию Церкви, уничтожение духовности и устранение религии из общественного сознания»*². 23 декабря 1924 года была составлена опись ценностей Кыновской Свято-Троицкой церкви.

В 1929 году начинается кампания антирелигиозного террора. Был выдвинут лозунг «Борьба с религией – борьба за социализм». Главными средствами атеистической борьбы оставались аресты, ссылки и расстрелы верующих, закрытие и разрушение храмов.

8 марта в 1929 года ВЦИК принял новое постановление о религиозных объединениях. Частное обучение религии, разрешенное декретом 1918 года, теперь могло осуществляться только как право родителей обучать религии своих детей. В это время по всей России идет война с колокольным звоном. По словам бывшего председателя сельсовета Л. Г. Клячина, последний колокол с Кыновского храма сняли в 1980-х годах и передали для хранения в музей Соликамска³.

В 1932, 1934, 1936-м годах в селе Завод Кын были проведены собрания, на которых рассматривали вопрос о закрытии Свято-Троицкой церкви. Из материалов закрытия Кыновской церкви:

- Протокол общего собрания служащих Кыновской общины от 6.04. 1932 г.: *«Кроме прочего на повестке дня обсуждение предложения красных партизан о закрытии церкви. Постановили: проголосовать на общем собрании предложение красных партизан закрыть церковь... для отдачи здания под мастерские школы»*⁴.

- Протокол от 7 .04. 1932 г.: *«На повестке дня в том числе: закрытие в Кыну церкви по инициативе партизан Кыновского сельсовета. О закрытии Кыновской*

¹ Послание Патриарха Тихона. Анафематствование большевиков

Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/20/1920/shtric_04.htm. [15.12.09]

² Летопись православных храмов Мотовилихи. – Пермь : Свято-Троицкий мужской монастырь, 2008. - С. 289.

³ Гринкевич С. Храм в селе Кын-Завод...

⁴ ГАПК, ф.1202, оп.2, д.11, л.19.

церкви голосованием постановили присоединиться к постановлению организации Кыновского сельсовета голосованием закрыть церковь и передать ее в распоряжение властей для устройства в ней показательных мастерских для учеников школ и других технических наук. К настоящему постановлению прилагается список граждан, которые собственноручно подписались за закрытие церкви в количестве присутствующих 54 человек»¹.

- Протокол от 4.04.1932 года: «Первый вопрос на повестке дня: свержение царской монархии к бесклассовому социалистическому обществу. Постановили: церковь, находящуюся на территории Кыновского с/совета, закрыть и отдать в распоряжение Кыновской школы»².

- Выписка из протокола № 2 общего собрания рабочих служащих завода Кын от 28.10. 1934 года: «Слушали о прекращении колокольного звона, снятии колоколов и сдаче их на металлолом. Постановили: единогласно принять решение»³.

- Протокол общебригадного собрания по бригаде № 1 д. Усть-серебрянского колхоза «Ударник», сост. 30 октября 1934 года: «Повестка дня: о снятии колоколов с Кыновской церкви. Слушали: информацию тов. Горбунова И. И. о снятии колоколов с Кыновской церкви... разъяснял цель и задачу для чего нужны Советскому Союзу эти колокола, как ценный металл годный для подшипников к машинам, тогда как таковые висят без дела. Постановили: единогласно снять колокола»⁴.

- Протокол № 22. Заседание расширенного президиума Кыновского сельсовета с партгруппой от 15.06.1936. «В повестке дня: о ликвидации второй смены в неполной средней школе и о ходатайстве открытия 8-го класса в Заводе Кын. В 1936 году на собрании рабочих, служащих, колхозников постановили просить районные и областные организации открыть 8-й класс в будущем 1937 году в заводе Кын и ликвидировать вторую смену в неполной средней школе, для чего закрыть культовое здание (церковь), которым пользуется два-три десятка престарелых граждан. Постановили: за закрытие – 238, против - 76, то есть около 28,3%, а поэтому расширенный президиум совместно с партгруппой считает церковь закрытой, здание использовать под школу»⁵.

После проведения собраний о закрытии церкви следовало постановление районных или областных властей, удовлетворяющее их. Порядок обжалования решения о закрытии храма заключался в следующем: общины верующих должны были подать жалобу через Президиум Горсовета в Центральную комиссию при Президиуме ВЦИК в течение 15 дней со дня объявления. В случае не поступления жалобы в указанный срок церковь должна была быть опечатана для передачи и переоборудования под социально-культурное учреждение.

В 1936 году вышло постановление о закрытии Кыновской церкви и передаче здания школе. После закрытия храма церковные ценности были вывезены работниками НКВД в Лысьву. Священнослужителей не репрессировали, они остались жить в Заводе Кын.

Впоследствии здание Свято-Троицкой церкви использовали в качестве склада, колхозной кузницы, цеха ширпотреба, в 1952 году - сельского клуба.

В 1989 году организовывались попытки восстановить храм. Верующие села создали церковную «десятку», зарегистрировали Кыновской приход, организовали благотворительный сбор средств на ремонт церкви. Но время тогда было не простое... перестройка, развал СССР.

С середины 1990 годов «приход переведен на станцию Кын... С тех пор духовно окормляют Кыновской приход священники церкви Иоанна Богослова. Приезжают

¹ Там же, л.21.

² Там же, л.23.

³ ГАПК, ф.1205, оп.1, д.364, л.65.

⁴ Там же, л.75.

⁵ ГАПК, ф.147, оп.1, д.286, л.34.

они, как правило, на двенадцатые праздники. В 2008 году отдел охраны памятников культуры выделил 880 тысяч рублей на консервацию церкви. Была возведена временная кровля с рубероидным покрытием и закрыты оконные проемы»¹.

Список использованных источников и литературы:

Неопубликованные источники:

Государственный архив Пермского края (ГАПК):

Ф.1202, оп.2, д.11

Ф.1205, оп.1, д.364

Ф.147, оп.1, д.328

Ф.198, оп.1, д.573

Литература:

1. Купцов И. К. Род Строганов / И. К. Купцов. - Челябинск, 2005.
2. Миллюков П. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2 / П. Миллюков. - СПб, 1897.
3. Летопись православных храмов Мотовилихи. – Пермь : Свято-Троицкий мужской монастырь, 2008.
4. Шестаков И. Список соборов и церквей по округам / И. Шестаков // Адрес-календарь Пермской епархии на 1896 г.
5. Ершов П. Список соборов и церквей по благочинным округам / П. Ершов // Справочная книга Пермской епархии на 1912 г.
6. Бердяев Н. Судьба человека в современном мире / Н. Бердяев // Новый мир. – 1990. - № 1.

Ресурсы интернета:

1. Гринкевич С. Храм в селе Кын-Завод // Искра. – 2008. – 17 июня. Режим доступа: <http://hram-chus.narod.ru/p122aa1.html>. [21.01.10]
2. Житие и чудеса Святого Сименона Верхотурского. Режим доступа: <http://rsy.mylivepage.ru/>. [27.11.09]
3. Пузанова Н. Н., Чагина Е. В. Архитектурно-художественное литье Пермского Прикамья в первой половине XIX в. Режим доступа: http://iiid-udsu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=215&Itemid=113 [11.11.09]
4. Замечательные люди. Павел Иванович Сюзев. Режим доступа: http://old.dobryanka.perm.ru/hist_cult/zamp.shtml. [12.12.09]

Список священнослужителей Свято-Троицкой церкви Завода Кын (по архивным данным)

№	Ф. И. О.	Чин священства	Образование	Прочее
1	Павел Стефанович Романов	Священник	Студент Пермской духовной семинарии 1854 г.	Законоучитель Приютской и женской церковных школ. Непременный член церковно-приходского попечительства. В 1903 г. Освобожден от учительства по состоянию здоровья.
2	Василий Шутов	Дьякон	6-й класс Вологодской духовной семинарии.	
3	Александр Верещагин	Священник		Заведующий школами грамоты Кыновского прихода ² .
4	Александр Сушков	Псаломщик	Духовное училище	Назначен законоучителем женской школы грамоты, под ответственность А. Верещагина.
5	Иоанн Иоаннович Конюхов (63 года)*	Дьякон	Низшее отделение Пермской семинарии 1867 г.	
6	Александр Иоаннович Попов	Псаломщик	1-й класс пермской духовной семинарии	
7	Иоанн Антонович Введенский	Псаломщик	Соликамское духовное училище 1871 г.	

¹ С. Гринкевич...

² ГАПК, ф.147, оп.1, д.328, л.9.

8	Арсений Федорович Алексин (37 лет)*	Священник	Благ. уч. сем.	
9	Алексей Жемчужников	Псаломщик		Учитель пения
10	Анатолий Анатольевич Мамин (42 года)*	Священник	7-й класс Пермской гимназии	В 1910 г. назначен законоучителем школы.
11	Алексей Александрович Чечулин (31 год)*	Дьякон- псаломщик	Духовное училище	
12	Дмитрий Андреевич Некрасов (22 года)*	Псаломщик	2-класса училища	
13	Николай Иванович Пьянков	Священник		Соц. положение: рабочий
14	Владимир Алексеевич Овчинников	Дьякон		Соц. полож.: крестьянин
15	Николай Конюхов	Священник	1-й класс Пермской духовной семинарии	
16	Степан Ракланов	Псаломщик		

* Возраст указан на 1911 г.

ПРЕЗИДИУМ

ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

Союза Советских Социалистических Республик

КОМИССИЯ ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТА

Москва, Кремль. Телефон: Кремль 6-08. Наш № 2/св 23 080 1934 г.

г. Свердловск, Обл. исполком, Комиссии Культсв.

Дело с закрытии церкви в с. КМН Лысьвенского р-на возвращается Вам обратно.

В связи с тем, что верующие своевременно и в установленном порядке не подали жалобы во ВЦИК, постановление Обл. исполкома следует полагать вступившим в силу.

И. с. Ответ. Секретаря
(Узков) *Узков*

При ответе сослаться на № 1100 и фамилию, и, о. Жалобщика

27
2/6

ГАПК, ф. 1205, оп. 1, л. 26. Публикуется впервые

Елена Кашина

Максим Кашин

Старообрядцы: сохранение старины

Тема истории старообрядчества в нашем краеведении новая, а для нашего города - актуальная. Впервые о староверах я узнал из заметки «Старообрядчество. Откуда в Лысьве австрийская ветвь?», опубликованной в газете «Искра». В ней сообщалось, что в городе будет строиться храм Русской православной старообрядческой церкви во имя священномучеников Аркадия и Константина. Известно, что братья Аркадий и Константин - уроженцы Лысьвы. Мне стало интересно, кто они, откуда появились на территории нашего района, чем отличается их быт, богослужения, обряды от жизни современников, с какими проблемами они сталкиваются.

Истоки старообрядчества

Старообрядчество ведет своё начало с Церковного раскола 17-го века. Старообрядчество - религиозно-общественное движение, направленное на сохранение традиционного древнерусского православного богослужебного чина, благочестия и культуры. Оно возникло в России в связи с неприятием церковной реформы патриарха Никона значительным количеством населения России. Сторонники старообрядчества были преданы анафеме на церковном соборе 1666-1667 годов¹.

Со временем сформировалось два основных направления старообрядчества, в разной степени оппозиционных официальной церкви: «поповцы»² и «беспоповцы»³. В дальнейшем эти направления разделились на многочисленные «согласия» и «толки».

Гонения власти, сопровождавшиеся жестокостью, заставили старообрядцев переселиться из Центральной России в глухие места, подальше от официальной церкви, светского и духовного руководства.

Староверие - явление парадоксальное. Парадокс его состоит в сохранении русско-византийских православных и языческих основ через раздробленность и концентрацию...

Начало этому явлению было положено ещё при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне⁴. До наших дней среди старообрядцев продолжается разобщённость по территориям и местностям; по согласиям и толкам. Но зато в небольших общинах, поселениях или анклавах наблюдается удивительная концентрация духа, творческих и производственных успехов.

¹ В 1971 году поместный собор Русской православной церкви снял анафему на старообрядцев. - Ред.

² «Поповцы» - старообрядцы, признающие таинство священства и церковную иерархию. Богослужение отправляют перекрещенные священники, перешедшие в старообрядчество из официальной церкви. - Ред.

³ «Беспоповцы» - старообрядцы, отвергающие священников и ряд таинств. - Ред.

⁴ Никон (в миру Никита Минов) (1605–1681) - патриарх Московский и всея Руси провел церковную реформу с целью унификации богослужения и церковных текстов по греческим образцам, чем вызвал протест значительной части верующих и духовенства и раскол Русской православной церкви. - Ред.

Староверы до революции составляли значительную часть русского народа. Их численность превышала 20 млн. человек. Эти люди постоянно находились на положении гонимых как со стороны официальной русской православной церкви, так и со стороны государства.

Менялись цари, власть и режимы, а репрессии против ревнителей старой веры и древнего благочестия не прекращались: они или усиливались, или несколько затухали.

Как отколовшуюся непокорную часть народа староверов объявили вне закона, лишили всех прав и преследовали за веру. Однако в начале XX века им была дарована относительная свобода. Указом от 17 апреля 1905 года постановлялось следующее:

1. Заменить слово «раскольник» словом «старообрядец».
2. Разрешить устройство моленных сходов и избрание духовных лиц - наставников.
3. Разрешить устройство кладбищ.
4. Отпечатать запечатанные храмы.
5. Разрешить старообрядцам поступать в гимназии, университеты, военные школы и производить их в офицеры.

Культура и быт староверов

Староверы в истории России – феномен поразительный. Сторонники староверия впечатляют преданностью вере, широтой расселения на земном шаре, сохранением древнерусской культуры и национальных особенностей русского народа на протяжении одной трети тысячелетия.

Гонимые властями, старообрядцы становились невольными насельниками новых земель. Их хозяйственная деятельность на этих землях требовала выхода на рынок, что приводило к завязыванию связей с аборигенами края, к взаимовлиянию и взаимодействию различных культур.

Такое взаимное влияние наблюдалось почти везде, где поселялись старообрядцы. Гонения на приверженцев старой веры и старых обрядов продолжались вплоть до наших дней. Лишь в последние годы начался поворот к веротерпимости. Конечно, мы не можем закрывать глаза и на негативные явления в быту и культуре староверов.

К ним можно отнести отрицание научной медицины, в частности, отказ от оспопрививания (в рубце, оставшемся от прививки, предки современных староверов видели знак антихриста), что приводило к высокой детской смертности в старообрядческих семьях.

Отрицанием научной медицины можно объяснить раздражающий многих запрет на общение с мирскими, в «ядении, питии и дружбе». Хотя запрет есть из одной чашки и пить из одной посуды с не старовером - явление, вполне объяснимое. Запрет был установлен с чисто гигиенической целью – не перенять болезнь от другого человека. Староверам в старину не разрешалось пить чай и кофе. Староверы не признавали светской грамоты – только церковнославянскую.

Между тем, жизнь людей, преследуемых церковными и государственными властями, шла своим чередом. Староверы, где бы они ни поселялись, возводили новые дома, поднимали целину, раскорчёвывали леса, осушали болота, осваивали пустыни, таёжные дебри и даже районы вечной мерзлоты.

На новых местах эти люди, обладая крепкой общинной и религиозной взаимопомощью, уверенностью в себе и в товарищах, любовью к земле, ведя здоровый образ жизни, проявили себя как истинные пионеры освоения новых мест.

Путешественники и очевидцы XX века утверждают, что поля у них отличались ухоженностью, сёла – довольством и зажиточностью, культура земледелия была высокой, славилось их пчеловодство.

Везде у староверов господствовал (и господствует) культ чистоты. Поддерживается чистота жилища, усадьбы, одежды, тела. В среде староверов никогда раньше не было обмана и воровства, в сёлах не знали замков.

Первые русские капиталисты – меценаты вышли именно из старообрядческой среды.

Старообрядец, давший слово, беспрекословно его исполнял. Старших староверы почитали. Молодёжь до 20 лет не пила водки, не курила. Эти традиции к концу XIX века стали нарушаться.

Каждый день староверов начинается и кончается молитвой. Рано утром, поднявшись и умывшись, они творят «начал». Помолвившись, все принимаются за трапезу и за труды праведные – основу крестьянского благосостояния.

Бытовая культура старообрядцев – очень сложный феномен. Помыслы староверов направлены к одной цели – сохранить старину: национальную одежду, обычаи и обряды, старую веру.

Примером сохранения старины служит староверский брак. Долгие годы староверы выходили замуж и женились, следуя воле родителей. Молодежь погружалась в семейные заботы, воспитывала детей, а значит, ей было некогда задумываться, например, о карьере. Для староверов семья – основная ценность.

Перед свадьбой староверы устраивали смотрины и посиделки (девичники и мальчишники). После смотрин засылали сватов: «У вас товар – у нас купец...». Молодым строили дом, чтобы те жили отдельно, покупали корову. Дочерям с детства собирали приданое. После удачного сватовства невесту «пропивали»: шло обсуждение будущего брака между семьями.

Таким образом, молодая семья «получала старт» в виде материальной помощи от родных. Так как материальных проблем на первом этапе совместной жизни почти не было, то женщина, по мнению староверов, должна была заниматься главным делом своей жизни – рождением и воспитанием детей, то есть вся жизнь староверов была подчинена семье и Богу.

В ряде мест именно на свадьбы староверы до сих пор надевают косоворотки, сарафаны и «талечки» – платья в талию с завязкой под грудью. Долгое время староверы были приметны в толпе. Женщины носили на голове платки, а мужчины – бороды. Борода обязательна, так как человек «создан по подобию божию», а Бог на всех иконах имеет бороду. Староверы как бы «цепляются за прошлое» через традиционную одежду, бороды, обряды. Возможно, они считают, что старые традиции помогут им сохранить и старую веру.

Быт старообрядцев подчинен не только правилам, но и символам. Так, например, верёвка – символ самоубийц («удавленников»). А значит, нельзя сушить выстиранное бельё на веревках – только на заборе. Телевизор и компьютер – символы лени и отступничества от традиций. Поэтому их стараются не иметь в старообрядческих семьях. Вместе с тем, староверы не являются противниками новинок техники, если это не вредит семье и не отвлекает от домашних дел.

Староверы в Лысьвенском районе

Первые поселения старообрядцев в Пермском крае появились в конце XVII века в бассейне рек Косьвы и Обвы. К концу XVIII века число староверов в этом районе достигло 5000 человек. Духовным центром здесь было село Сретенское, где периодически проходили соборы духовенства и выборных от мирян.

В конце XVII - начале XVIII века поселения беглых стрельцов-старообрядцев появились по рекам Сепычу, Сабанцу, Лысьве, Очеру и Сосновой. Наряду с мирскими поселками появились скиты (иноческие обители). Карательной экспедицией 1725 года эти поселения были разгромлены, и часть жителей переселилась в Юрлинскую волость.

Становлению пермского старообрядчества в немалой степени способствовало появление казенных горных заводов на Урале и в Предуралье в 1-й половине XVIII века. Первыми рабочими Егошихинского завода и первыми жителями Перми были староверы-поповцы. Известно, что при доме Стефана Адищева, одного из первых жителей Егошихинского завода, существовала моленная. Василий Соловьев, зять Адищева, попечитель моленной, был управителем Егошихинского завода. К концу XVIII века помимо старой моленной Адищева - Соловьева существовала богатая часовня купца Харитона Прокопьевича Быкова, при которой имелось особое жилье для скрывающихся от официальной церкви священников.

Сохранилось предание о том, что с 1647 года на притоках реки Лысьвы – Макарихе и Мельничной - в полуземлянках жили люди. Они занимались охотой, рыболовством и прозывались «чудью». Это были сторонники старообрядчества, того направления, которое и называлось часовенным¹. Первым срубил свою келью старец Захар, и тем самым положил начало деревне Захарово. Захар Оборин выходец из кишертского края. Захар выжег делянку за Талым ручьём, поставил избу на краю леса, вырастил четырёх сыновей. Когда они обзавелись семьями и стали жить своими домами, возникла деревня по имени первопоселенца. Захар принял решение полностью отдать себя духовной жизни и ушел в иноки. Когда он скончался, место захоронения старца стало для старообрядцев святым.

Духовным наставником общины после отца стал Филипп Захарович. При нём единоверцы построили часовню.

В 1907 году захаровская община была официально зарегистрирована, объединив вокруг себя старообрядцев-беспоповцев лысьвенских деревень.

И сегодня светла глава часовни, и возвышается над ней семиконечный крест.

Для исполнения треб и на праздники приезжают в Захарово старообрядцы не только со всего Урала, но и из Сибири.

Центром старообрядчества в районе Лысьвенского завода была деревня Большая Лысьва. Местные старообрядцы создали общину, которая была зарегистрирована в 1908 году. Регистрация общины сопровождалась строительством старообрядческой часовни стараниями братьев Котельниковых: Игнатия Федоровича, Егора Федоровича и Андрея Федоровича. Кирпич на часовню пожертвовал хозяин кирпичного завода житель д. Заимка А. А. Порозков. Купол часовни был изготовлен и установлен И. К. Южаковым. Все лысьвенские старообрядцы жили так же, как выломовские и большелысьвенские крестьяне.

Привычный ход вещей стал рушиться в период реконструкции металлургического завода в конце XIX–начале XX века. Все больше молодых парней стало перебираться в город и устраиваться работать на завод. Здесь нужны были трудолюбивые, выносливые, дисциплинированные рабочие. Из деревень они перевозили в город своих жен и невест и начинали жить отдельно от родителей. Связи с исторической родиной начинали ослабевать. Однако по выходным дням и праздникам горожане приходили в деревню и помогали родным и близким заготавливать сено, дрова, убирать овощи. Взамен они получали мясо, молоко, овощи, что было совсем не лишним в условиях тотального голода, охватившего Урал в 1920-1930- годы.

Придерживаясь замкнутого образа жизни, старообрядцы по сей день сохранили свою традиционную культуру, специфику быта и мировоззрение.

У старообрядцев существовали патриархальные формы семьи, которые объединяли до трех-четырех поколений родственников. На особенности семейного строя влияли религиозные убеждения. Семейные отношения строились на авторитете старшего в семье.

¹ Церковные реформы Никона имели место в 1653-1656 годах. В 1647 году старообрядчества, тем более часовенного толка, еще не существовало. – Ред.

Летопись Свято-Троицкой церкви Кыновского завода

«В 1558 году, по ходатайству Григория Строганова, царь Иоанн Грозный подарил ему земли, расположенные по обе стороны реки Камы, от реки Лысьвы и Пысгора до реки Чусовой. Они занимали пространство в 146 верст. Строганову было дано право «населять его (пространство - Н. К.) пришлыми людьми, но только не тягловыми и письменными (т.е. не значившимися по каким-нибудь спискам - Н. К.), не ворами и не разбойниками, со льготой для новых поселенцев на 20 лет», - писал В. А. Весновский в 1904 году.¹

«Кыновской завод был построен бароном Николаем Строгановым в 1760-1762 гг. на вотчинных землях. Заводская плотина была окончена постройкою в 1761 г., а доменная при ней печь пущена в действие в 1762 г. Спустя несколько лет, при той же плотине построена вторая доменная печь. В 1818 и 1819 гг. возведена вторая плотина на той же речке Кын, в 1 ½ верстах выше первой и названа Григорьевской. При ней тогда же построена доменная печь и вскоре кричная фабрика. Уже в 1766 г. выделано более 60 тысяч пуд железа».²

«Кыновской завод (или Кын, как его называют местные жители) расположен в чрезвычайно красивой местности: вокруг большого пруда группируются домики жителей и со всех сторон поднимаются серые, обрывистые утесы, покрытые лесом. Утесы эти не составляют однородной массы, но состоят из толстых пластов, наложенных параллельно друг на друга. Вследствие геологических переверотов правильности в расположении этих пластов не замечается: они изломаны, исковерканы и сдвинуты самым прихотливым образом. Этот-то своеобразный вид утесов и придает особенную прелесть всему виду», - писал один из членов экспедиции, командированной из Казани в Пермскую губернию для исследования жизни вогул, господин Сорокин в конце июня 1872 года. В 1800 году, по данным Пермского губернского правления, «Кыновской завод в остановке. В нем находится одна доменная печь и два действующих молота. В 1777 году там выплавлено чугуна 53073 пуда при 260 мастеровых. Крепостных крестьян в нем 240, а женского полу 251 душа, дворов 82. В нем одна деревянная церковь и господский дом».³

В центре села на возвышенности находится Свято-Троицкий храм. Церковь всегда являлась архитектурной доминантой заводского поселка. Звучание благовестного колокола было слышно за десятки верст вокруг. В этом храме наши предки пролили немало слез в радости и в печали, здесь они получали при крещении имя, здесь венчались, крестили своих детей, отсюда их провожали в последний путь. Храм – это ковчег спасения для верующих людей. Подобно тому, как Ной спасал род человеческий в бурных волнах потопа, Церковь призвана спасти христиан в бурных волнах житейского моря. Поэтому чаще всего храм строился в форме корабля, как повелевали апостолы, «продолговато устроенным, на восток обращенным, от обеих сторон к востоку притворы имеющим».

¹ Весновский В. А. Иллюстрированный путеводитель по Уралу / В. А. Весновский. - Екатеринбург, 1904. - С. 89.

² Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 2. Вып. 4 / Н. К. Чупин. - Пермь, 1877. - С. 206.

³ Историко-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для Атласа 1800 г. - Пермь, 1801. - С. 171.

1779 - 1842 гг.

«Первая церковь в Кыновском заводе была построена в 1779 году старанием графа Григория Александровича Строганова. Была она деревянной, теплой, с деревянною же колокольней. Территорию церкви отделяла деревянная ограда. Престол в ней был один, во имя Живоначальной Троицы. С 1779 года причта по штату было положено священник, дьячок и пономарь. С 1826 года по воле помещика в штат церкви был прибавлен один диакон. Земли при церкви пашенной было 90 десятин, сенокосной – 9 десятин, план на которые и межевая книга хранились в межевой конторе. Этой землею священно и церковнослужители не владели, а довольствовались ругой, положенной от помещика. На содержание священнику помещиком было назначено «жалованье в год деньгами 250 рублей, муки ржаной 48 пудов, дров квартирных 12 сажень и сена 300 пудов. Диакону – деньгами 120 рублей, муки ржаной 30 пудов, дров квартирных 5 сажень и сена 100 пудов. Дьячку – деньгами 80 рублей, муки ржаной 24 пуда, дров квартирных 5 сажень и для выставки сена на 120 пудов отведено покосное место». Это жалование считалось посредственным, ведь прочих доходов, кроме небольших братских, у причта не было. Священник, диакон и дьячок жили в собственных деревянных домах. Церковь от Консистории находилась в 200 верстах, от Духовного Правления - в 120 верстах, ближайшая соседняя церковь была в Серебрянском казенном заводе в 28 верстах. Опись церковного имущества хранилась в церкви с 1779 года, копии метрических книг - с 1808 года, исповедные росписи – с 1824 года. Первым священником этой церкви был Никон Данилович Третьяков, а с 1797 года по 1826 год - Николай Максимович Кашин.¹

Известен причт, служивший в Свято-Троицкой церкви села Кын с 1838 года. Это священник Георгий Евсеевич Луканин, определенный к этой церкви еще пономарем в 1815 году, с 1827 года рукоположенный во священника этой же церкви (служил здесь священником до 1842 г.); диакон Василий Николаевич Кашин, назначен к этой церкви в 1810 году во дьячка, в 1827 году произведен во диакона. Дьячок Иоанн Семенович Конюхов, в этой церкви служил с 1829 года. Пономарское место было зачислено за учеником высшего отделения Пермской духовной семинарии Иосифом Георгиевичем Луканиным. Просфорней при церкви была жена умершего заводского рабочего Дмитрия Ивановича Шардина, получавшая за свою работу 18 рублей в год деньгами да муки ржаной 18 пудов, да дров квартирных 3 сажени в год.

В приход Свято-Троицкой церкви был приписан завод в селе Кын и 17 деревень, находившихся на расстоянии до 40 верст от завода: На Долгом Лугу, Черемная, Северная, Нек, Кокшарова, Верхкыновская, Ледянская, Грязнуха, Бабенки, Сухая, Верхсухая, Ельничная, Усть-Серебряная, Уткинская, Харенки, Пермякова и Копчик. В Кыновском заводе графа Григория Александровича Строганова в том же 1838 году было 315 домов, проживали в них 224 человека дворовых (110 мужчин и 114 женщин) и 1401 заводской работник (653 мужчины и 748 женщин), всего 1625 человек. А всего в приходе церкви, считая приписанные деревни, числилось 507 домов, в которых проживали 2865 человек (1357 мужчин и 1508 женщин).²

1842-1870 гг.

С 1842 по 1848 годы священником Свято-Троицкой церкви служил Дмитрий Виссарионович Павлов³. В апреле 1848 года первая деревянная церковь во время утренней пасхальной службы сгорела. В том же году поставили вторую деревянную церковь, просуществовавшую в селе до 1869 года⁴. В 1848 году сюда был назначен

¹ Пономарев П. П. Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии / П. П. Пономарев. - Кунгур, 1897. - С. 288-328.

² ГАПК, ф.198, оп.1, д. 207, стр.132-135

³ Пономарев П. П. Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии. - Кунгур, 1897 г. - С. 288-328.

⁴ Шумилов Е. Н. Православные и единоверческие храмы / Е. Н. Шумилов. - Пермь, 2003. – С. 33.

священником Алексей Алексеевич Максимов, окончивший курс Пермской Духовной Семинарии. Он служил в Свято-Троицкой церкви до 1861 года (именно при нем началось строительство в заводе новой каменной церкви). Известно, что 19 июля 1856 года во время обозрения епархии церковь Кыновского завода посетил архиепископ Пермский и Верхотурский Неофит. Из Кына, до ближайшей церкви Серебрянского завода, архиепископа вез ямщик, местный житель Зотий Шостин, которому «на 16 лошадей за 28 верст было заплачено, полагая по 1 ½ копейки серебром¹».

В марте 1857 года супруга умершего графа Григория Александровича Строганова, Юлия Петровна, пожертвовала в церковь «подризник белого серебряного глазета, вышитый внизу золотом». В 1861 года Кыновское общество мастеровых в память избавления от крепостной зависимости пожертвовало в местную церковь образ святого благоверного князя Александра Невского в серебро-позлащенной ризе весом 2 фунта 94 ¾ золотника (1, 312 кг)².

С 1861 года по 1865 год священником местной церкви был Филипп Федорович Яковкин, а с 1865 года по 1870 год – Стефан Константинович Горбунов. В 1869 году вторую деревянную церковь перевезли в д. Ослянская Пристань. Третья, каменная, церковь с таковою же колокольней строилась иждивением графа Сергея Строганова больше десяти лет. Возведена она была в 1864 году³. Местный краевед Владимир Соломин указал год начала строительства каменной церкви как 1850-й⁴. Пятиглавый каменный храм с купольной крышей позже был соединен с каменной колокольней, выполненной в шатровом стиле, трапезной. «Строгановы строили церкви и любили их украшать весьма богато»⁵.

Каменные шатровые храмы (колокольни) – уникальное явление древнерусской архитектуры начала XVI века, не имеющее аналогов в архитектуре других стран. В них вместо купола здание завершается шатром. Распоряжением патриарха Никона в середине 17 века строительство шатровых храмов в России было запрещено. Шатровые колокольни же возводились и позже. Стройный шатер колокольни Свято-Троицкой Кыновской церкви поставлен прямо на арочные перекрытия проемов. Ярус звона сделан в виде арочного восьмигранника. По своей архитектуре колокольня Свято-Троицкой церкви напоминает знаменитую звонницу Спасской башни Кремля в Москве. Шатер в качестве завершения колокольни только подчеркивает «взлет» храма.

Вновь построенный каменный храм был длиной 17 сажень (36,28м), шириной – 13 сажень (27,74м), высота его вместе с колокольней составляла 17 сажень (36,28м). На колокольне храма установили девять колоколов: первый весом 20 фунтов (9 кг), второй и третий – 1 пуд (16,38кг), четвертый – 2 пуда 1 ¾ фунта (33,6 кг), пятый – 2 пуда 26 фунтов (44,6 кг), шестой – 7 пудов 6 фунтов (117, 38кг), седьмой – 25 пудов 28 фунтов (422,2 кг), восьмой – 58 пудов 17 фунтов (957,8 кг) и девятый – 104 пуда 22 фунта (1713,5 кг).

Каждому из колоколов отводилась своя роль, каждый имел свое название: благовестный, красный, воскресный, полиелейный, часовой, будничный, зазвонный. Изначально храм делился капитальной стеной на два храма - холодный во имя Святой Живоначальной Троицы и теплый во имя Введения Пресвятой Богородицы в храм. За правым клиросом холодного храма находилась храмовая икона святой Троицы в серебро-позлащенной ризе весом 3 фунта 14 ¾ золотника (1,42 кг), высотой 16 вершков (0,71 м) и шириной 14 вершков (0,62 м). В иконостас того же холодного храма была приобретена икона с изображениями святых Григория Богослова, Сергия

¹ ГАПК, ф.198, оп.1, д.263, стр.104 об.

² Пономарев П. П., Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии / П. П. Пономарев. - Кунгур, 1897. - С. 288-328.

³ Шумилов Е. Н. Православные и единоверческие храмы / Е. Н. Шумилов. - Пермь, 2003. – С. 33.

⁴ ГАПК, ф.р-1687, оп.1, стр.1

⁵ Пермские Епархиальные Ведомости 1913. - № 7 (неофиц.). – С. 173.

Радонежского, благоверного князя Александра Невского, мученика Александра, мучениц Наталии, Юлии, Софии и Евгении, «имена коих носила фамилия строителей храма». Высота иконы составляла 2 аршина 11 вершков (1,91 м), а ширина – 1 аршин 4 вершка (0,89 м).

В августе 1868 года через Кыновской завод проезжал Великий князь Владимир Александрович, следуя из Кушвинского завода в город Кунгур. Здесь он ночевал в доме Управляющего заводом¹. По статистическим сведениям 1869 года, в Кыновском заводе было 430 домов, в которых проживали 2054 человека, две православные церкви и одна единоверческая. В двухклассной школе для мальчиков и одноклассной для девочек, которые «содержались за счет владельца завода», работали два учителя и учительница. В двухклассной школе изучали закон Божий, русскую грамматику, географию, краткую русскую историю, арифметику, геометрию (планиметрию) и черчение. Местное земство ежегодно выделяло на женскую школу 120 рублей. В заводе была и больница на 10 коек, и земская лечебница. Уже в те годы существовала «вспомогательная касса для выдачи ссуд рабочим и служащим». Общество потребителей имело лавки с красным, галантерейным, бакалейным и кожевенным товарами и с продуктами питания².

1870-1896 гг.

В период с 1870 года по 1879 год первым священником местной церкви состоял Михаил Васильевич Шишев³. С 1873 года в Кыновской церкви было положено по штату уже два священника, диакон и два псаломщика⁴. Вторым штатным священником церкви Кыновского завода был назначен с 1873 по 1875 годы Иоанн Петрович Чернавин. С 1875 года по 1882 год в церкви служил священник Василий Иванович Голубчиков, а с 1879 года по 1886 год - священник Петр Сергеевич Стахийев. 4 сентября 1880 года Пермское Духовное Правление разрешило «причту и церковному старосте Кыновской церкви исправить шпиц на колокольне, обшить железом и выкрасить крышу через подрядчиков Решетникова и Ситникова за 450 рублей из церковных сумм»⁵. С 1882 года по 1883 год священником состоял Леонид Васильевич Юшков, с 1884 года по 1894 год – Иоанн Алексеевич Словцов (умер и похоронен при сей церкви), с 1886 года по 1894 год – Матвей Дмитриевич Золотов⁶. Определением Святейшего Синода «за заслуги и пожертвования по духовному ведомству» в 1884-1885 годах старосте Троицкой церкви Кыновского завода, кунгурскому купцу Марку Ромашову дважды было преподано благословение с выдачей грамот⁷.

Пермские Епархиальные Ведомости в 1891 году писали: «...в школе грамоты д. Грязнуха Кыновского прихода, находящейся в 12 верстах от церкви, заведующим состоял священник Иоанн Словцов, преподавателем был отставной унтер-офицер Георгий Шулятьев. Обучались в 1890 году в ней 6 мальчиков и 1 девочка». Преподавателю оплачивалось питание. «В деревне Кумыш Кыновского прихода, находившейся в 20 верстах от церкви, заведующим состоял священник Матфей Золотов, учительницей значилась дочь мастерового Елизавета Фофанцева, окончившая курс в Кунгурской женской прогимназии». В том же 1890 году в этой школе

¹ Пономарев П. П. Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии / П. П. Пономарев. - Кунгур, 1897. - С. 288-328.

² Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 2. Вып. 4 / Н. К. Чупин. - Пермь, 1877. - С. 204.

³ Пономарев П. П. Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии / П. П. Пономарев. - Кунгур, 1897. - С. 288-328.

⁴ Пермские Епархиальные Ведомости. - 1873. - № 49 (офиц.). - С. 593.

⁵ Пермские Епархиальные Ведомости. - 1880. - № 39 (офиц.). - С. 405.

⁶ Пономарев П. П. Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии / П. П. Пономарев. - Кунгур, 1897. - С. 288-328.

⁷ Пермские Епархиальные Ведомости 1885. - № 2 (офиц.). - С.11 ; № 19 (офиц.). - С.186.

грамоты обучались 12 мальчиков и 4 девочки (православных 8 мальчиков и 2 девочки и раскольников 6 человек). Содержались эти школы грамоты на средства купца Ромашова»¹. В ноябре 1894 года обществом Кыновского завода в память бракосочетания государя Императора Николая II была пожертвована 1000 рублей «на устройство церковной ограды»².

По сведениям священника Иакова Шестакова, в 1896 году в приходе Троицкой церкви Кыновского завода числилось 2659 прихожан, в том числе 18 раскольников. Приписано к приходу было 26 деревень на расстоянии от 3 до 40 верст. Большим препятствием для выполнения церковных треб являлись гористая и болотистая местность и река Чусовая. Жалованья от заводовладельца первому священнику было положено 230 рублей в год, второму – 170 рублей в год, псаломщикам – по 102 рубля в год, доход из братской кружки составлял до 700 рублей в год. Проценты от вкладного капитала составляли в год 302 рубля 16 копеек. Пахотной и сенокосной земли при церкви было 100 десятин. Первый священник, диакон и псаломщик жили в двух церковных домах. Второй священник жил на квартире, получал «квартирные» 36 рублей в месяц. Причт, служивший в Троицкой церкви в 1896 году: первый священник Павел Степанович Романов, второй священник Виктор Александрович Сикорский, диакон на вакансии псаломщика Иоанн Иоаннович Конюхов и псаломщик Иоанн Антонович Введенский³.

По данным 1896 года, в Кыновском заводе существовали волостное правление, двухклассное мужское училище, земское народное начальное училище и женское земское начальное училище, в которых в указанный год обучались 184 мальчика и 60 девочек. Были в приходе и четыре школы грамоты. Всего детей школьного возраста в приходе было 422 мальчика и 384 девочки⁴.

1897-1911 гг.

22 июня 1897 года Кыновской Свято-Троицкий храм посетил епископ Пермский и Соликамский Петр. Вот как описывали Пермские епархиальные ведомости это событие: «В Кыновском заводе «церковь каменная, разделяющаяся на холодный и теплый храм. Предполагается соединение этих храмов в один, на что получено разрешение от епархиального начальства. Прихожан около 4 тысяч. Священники Павел Романов и Матвей Золотов». Его Преосвященством вместе со священниками была отслужена божественная литургия. При церкви имеется церковный хор, который пел «очень стройно». В селе существовало церковно-приходское попечительство под председательством господина Управляющего заводом Григория Николаевича Аггеева. В 1896 году попечительство на церковь, школу и другие потребности израсходовало 492 рубля 93 копейки. На средства попечительства открыт приют для малолетних детей, которым заведовала супруга управляющего В. Н. Аггеева. В 1897 году в приюте жили 14 детей. Епископ Пермский и Соликамский Петр отметил, что дети «одеты чисто и опрятно, в комнатах чистота. Во всем заметно желание дать призреваемым самое необходимое для них – жилище, пищу и одежду». Его Преосвященство пожертвовал на приют для детей 25 рублей⁵.

В 1897 году в приходе Кыновской церкви было пять церковно-приходских школ грамоты: Кыновская, Крутоложская, Грязнухинская, Мяго-Кыновская и при приюте для детей в заводе Кын. Из отчета «О состоянии церковно-приходских школ за 1898 г.»:

¹ Пермские Епархиальные Ведомости 1891. - № 13 (неофиц.). - С. 88-89.

² Пономарев П. П. Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии / П. П. Пономарев. - Кунгур, 1897. - С. 288-328.

³ Шестаков И. Список соборов и церквей по округам, с обозначением состава причтов, средств их содержания, числа прихожан и проч. // Адрес-календарь Пермской епархии на 1896 год. - Пермь, 1895.

⁴ Пономарев П. П. Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии / П. П. Пономарев. - Кунгур, 1897. - С. 288-328.

⁵ Пермские Епархиальные Ведомости 1897. - № 20 (неофиц.). - С. 536-538.

«Школ, в которых практиковалась частная помощь учащимся, как например, даровая раздача горячей пищи, чая, снабжение их одеждой, обувью и т.п. в епархии было всего 12». В числе таких школ была церковно-приходская школа Кыновского завода. «В Кыновской школе одеждой и пищей пользуются 10 человек». Средствами содержания учащихся были частные пожертвования¹. В этой же школе существовал «ночлежный приют» для нуждающихся в нем учеников, который помещался вечером прямо в классе².

Раскольников в приходе было 271 человек (всего в Кунгурском уезде числилось 6844 раскольника)³. Наличие большого количества раскольников в приходе епархиальное правление объясняло разбросанностью и удаленностью от приходского храма селений до 45 верст. По этой причине местный причт просил епархию устроить самостоятельный храм в деревне Крутой Лог.

Епископ Петр при обозрении епархии устроился на ночлег в раскольничьей деревне Неке, входившей в приход Кыновской церкви. «Деревня небольшая, население все раскольники. Живут кругом в лесу, занимаются хлебопашеством. Приняли (епископа Петра) очень радушно. Утром все жители деревни и прибывшие из других деревень услышали дивное пение, исполненное по приказанию Его Преосвященства хором певчих среди улицы. Крестьяне слушали с явным удовольствием. Кругом стояла мертвая тишина, прерванная стройным пением. Многие стояли, опустив свои головы, скрывая от людских взоров показавшиеся на глазах слезы умиления»⁴.

Двадцатого ноября 1897 года прихожане поздравляли диакона местной Свято-Троицкой церкви Иоанна Иоанновича Конюхова с 25-летием его службы в Кыновском заводе, где он прослужил в общей сложности более сорока лет. Церковный староста Н.В. Вертышев зачитал поздравительный адрес диакону, а председатель церковно-приходского попечительства Григорий Николаевич Аггеев поднес юбиляру от Кыновского общества серебро-позлащенную икону Спасителя (6х8) в киоте. На киоте прикрепили металлическую дощечку с надписью: «Ноября 1872 – 1897», «Достойному отцу диакону Иоанну Иоанновичу Конюхову от признательных прихожан Кыновской Свято-Троицкой церкви по случаю 25-летнего его служения в этом сане». От служащих Кыновского окружного графа Строганова правления был поднесен «закладной с выигрышами лист дворянского банка»⁵⁶.

В 1897 году в Кыновском заводе у священника Матвея Золотова родился сын Алексей, расстрелянный «за контрреволюционную деятельность» 25 декабря 1937 г.⁷ Имя священника Алексея Матвеевича Золотова значится под № 123 в печально известном списке «12 километра» Московского шоссе среди жителей Прикамья, расстрелянных в Свердловской области в 1937-1938 гг. Православной Церковью о. Алексей Золотов причислен к лику новомучеников⁸.

Вот как описывает в 1897 году священник-краевед П. Пономарев святые Евангелия, хранившиеся в местной церкви: «Первое, в лист, на александрийской бумаге, деки (дословно «доски», здесь - крышка переплета – Н. К.) обложены серебро-

¹ Пермские Епархиальные Ведомости 1900 . - № 6 (офиц.). - С. 102.

² Пермские Епархиальные Ведомости 1900. - № 16 (офиц.). - С. 301.

³ Пермские Епархиальные Ведомости 1898. - № 18-19 (офиц.). - С. 316.

⁴ Пермские Епархиальные Ведомости 1897. - № 20 (неофиц.). - С. 536-538.

⁵ Пермские Епархиальные Ведомости 1898. - № 3 (неофиц.). – С. 57-59.

⁶ Закладной с выигрышами лист Государственного дворянского земельного банка на капитал с номиналом от 100 до 10000 руб. на предъявителя – ценная бумага, приносящая доход в процентах, который выдавался по полугодовым купонам 1 мая и 1 ноября каждого года. – Ред.

⁷ Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX века . Кн. 7. - Тверь, 2002. – 403 с.

⁸ Новомученик - принявший мученическую кончину за Христа после Октябрьской революции 1917 года. День памяти о православных святых, притерпевших мученическую кончину или подвергшихся гонению после Октябрьской революции 1917 года отмечается 25 января/7 февраля. – Ред.

позлащенными листами, на лицевой стороне Воскресение Христово и четыре Евангелиста литые серебряные, обложены французскими стразами. На нижней деке (задний переплет) литое изображение святой Троицы. Цена 700 рублей. Второе, в лист, на белой бумаге, с сребро-позлащенными деками. На верхней – Воскресение Христово и четыре Евангелиста на финифти, окаймленные стразовыми камнями. На задней – святая Троица, чеканная. Москва, 1854 г. Третье, в лист, с сребро-позлащенными деками, весу серебра 1 фунт 48 золотников (0,66 кг) с изображениями чеканными. На лицевой деке Вседержителя и четырех Евангелистов, на задней – из Евангелия от Луки события, глава вторая, стих 47. Москва, 1779 г.»¹. Нужно отметить, что Евангелия эти были редкими, ведь обычно задняя (нижняя) крышка переплета не имела лицевых изображений.

В 1898 году холодный храм во имя святой Живоначальной Троицы был соединен с теплым храмом, освященным первоначально во имя Введения в храм Пресвятой Богородицы. Престол теплого храма был упразднен, а на его месте был установлен памятник из серого мрамора с надписью и иконой храма. Место это обнесли железной решеткой². Причт, служивший в Свято-Троицкой церкви в 1898 году: священник Павел Стефанович Романов, диакон – вакансия, диакон на вакансии псаломщика Иоанн Иоаннович Конюхов, псаломщик Павел Серебренников, запрещенный священник на вакансии псаломщика Матвей Золотов. Среди облачения священников была «риза из серебряной парчи, тканая золотом и серебром, обложенная золотым газом, на шелковом атласном подкладе, с изображением на спине Сергея Радонежского чудотворца». Эта риза была пожертвована графом Сергеем Александровичем Строгановым³, за что в Пермских Епархиальных Ведомостях за № 1901г «Указом Священного Синода от 31 января 1901г. за № 881» ему было объявлено благословение с выдачей грамоты⁴.

1912-1917 гг.

В 1912 году в Кыновской церкви служили священники Анатолий Антонович Мамин и Арсений Федорович Алексин, диакон Иоанн Иоаннович Конюхов, диакон на вакансии псаломщика Алексей Александрович Чечулин и псаломщик Дмитрий Андреевич Некрасов⁵. В 1913 году его Преосвященство епископ Пермский и Соликамский Палладий на рапорте священника Анатолия Мамина с донесением о «введении в храм Кыновского завода за богослужением всеобщего пения» написал: «Искренне радуюсь доброму почину и молитвенно желаю успеха»⁶. В 1916 году Епархиальные ведомости называют одной из лучших школ в Кунгурском уезде «смешанную Кыновскую школу с законоучителем священником Иоанном Гаревским.»⁷

23 мая 1916 года состоялось освящение вновь построенного храма во имя святителя и чудотворца Николая Мирликийского⁸ в деревне Крутой Лог, находящейся в 27 верстах от храма в заводе Кын. Осуществилась многолетняя мечта прихожан и причта Кыновской церкви об открытии в деревне Крутой Лог самостоятельного

¹ Пономарев П. П. Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии / П. П. Пономарев. - Кунгур, 1897. - С. 288-328.

² Гринкевич С. // Искра. – 2008. - 17 июня.

³ Пономарев П. П. Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии / П. П. Пономарев. - Кунгур, 1897. - С. 288-328.

⁴ Пермские Епархиальные Ведомости. – 1901. - № 6 (офиц.). – С.1.

⁵ Ершов П. Справочная книга Пермской епархии на 1912 год // Адрес-календарь Пермской епархии на 1912 год. - Пермь, 1911.

⁶ Пермские Епархиальные Ведомости 1913. - № 4 (офиц.). – С. 20.

⁷ Пермские Епархиальные Ведомости 1916. - № 11-12 (неофиц.).

⁸ Святитель и Чудотворец Николай, архиепископ Мирликийский (по названию города Мира) – один из самых почитаемых на Руси святых. Считается покровителем путешественников, моряков, купцов и детей. Память Святителя Николая совершается 6/19 декабря – «Никола - зимний» и 9/22 мая - «Никола - вешний». – Ред.

прихода. Рабочие Кын-завода пожертвовали в новую церковь икону Святителя и Чудотворца Николая, которую богомольцы перенесли с крестным ходом. Вместе с ними в торжествах по случаю освящения новой церкви участвовал из Кыновской церкви хор певчих, священник Иоанн Гаревский и диакон Николай Конюхов. Освятил новый храм по благословию преосвященного Андроника, епископа Пермского и Соликамского, благочинный 2 округа Кунгурского уезда священник Михаил Калачников.¹

Во время гражданской войны на территории села Кын велись тяжелые бои. На колокольне местной церкви красные, зная о том, что наступающие белогвардейцы не будут стрелять по зданию церкви, установили пулеметы. Семь раз село Кын переходило из рук в руки, но через полгода советская власть была восстановлена.²

С 1935 года до наших дней

В годы наступления на Церковь многие храмы были закрыты, осмеяны, разрушены. Эта участь постигла и Свято-Троицкий храм в селе Кын. Президиум Лысьвенского горсовета 28 июля 1935 года принял постановление за № 489 о закрытии часовен в заводе Кын на Троицкой, Мерзлой и Ильинской горах. Почти через год, 19 июня 1936 года, тот же президиум Лысьвенского горсовета «удовлетворил просьбу трудящихся» о закрытии церкви в заводе Кын и принял решение передать здание под неполную среднюю школу. Все обращения верующих к городским властям «не были услышаны». «Мы думаем, что, согласно Декрета 1917 года, в свободной стране Советов не должно быть никакого притеснения, и Правительство наше этого не позволит. Ближайшая к заводу действующая православная церковь в 76 километрах в городе Лысьве,» - писали верующие в областной исполнительный комитет г. Перми.³

Все церковные ценности были вывезены на телегах в Лысьву.⁴ Можно предположить, что среди них была и ценная церковная утварь, описанная в свое время священником-краеведом П. Пономаревым. Это - дарохранительницы: первая, «сребро-позлащенная с изображением ангелов на углах, украшенная камнями, при ней 2 ковчежца», весом 3 фунта 15 золотников (1,42 кг); вторая, сребро-позлащенная же весом 1 фунт 48 золотников (0,66 кг). Кадила: первое, сребро-позлащенное с таковыми же цепями весом 1 фунт 36 золотников (0,61 кг), второе, такое же весом 93 золотника (0,4 кг) и третье, весом 80 золотников (0,34 кг). Пасхальный трехсвечник, сребро-позлащенный, весом 66 золотников (0,28 кг). Напрестольные кресты: первый, сребро-позлащенный с финифтяными изображениями распятия, Господа Саваофа, Божьей Матери и Иоанна Богослова, «убранный камнями стразовыми». Крест этот был подарен прихожанином этой церкви Федором Долгополовым. Вес его составлял 2 фунта 66 золотников (1,19 кг); второй, сребро-позлащенный, с таковыми же изображениями, весом 1 фунт 22 золотника (0,55 кг), третий, сребро-позлащенный весом 1 фунт 12 золотников (0,51 кг) и четвертый, сребро-позлащенный с таковыми же под чернью изображениями, рукоять круглая, весом 26 золотников (0,11 кг). Потир: первый, сребро-позлащенный весом 1 фунт 46 золотников (0,65 кг), а при нем дискос, звезда, две тарелочки и лжица. С прибором вес потира составлял 2 фунта 21 золотник (1 кг). На нижней части сосуда вырезана надпись: «Сосуд сей сооружен для Рубежской Стефана Великопермского церкви 26 апреля 1828г» (как попал в церковь Кыновского завода, неизвестно); второй, такой же, весом 1 фунт 5 золотников (0,48 кг), с прибором. Общий вес 1 фунт 92 золотника (0,85 кг) и третий, такой же, весом 31 золотник (0,13 кг). Блюдо сребро-позлащенное весом 1 фунт 62 золотника (0,72 кг) с надписью «Щедр

¹ Пермские Епархиальные Ведомости 1916. - № 25 (неофиц.). - С. 617-618.

² Софронов Ю. // Звезда. - 2009. - 3 сент.

³ ГАПК, ф.р-1205, оп.1, д.364, стр.19.

⁴ Софронов Ю. // Звезда. - 2009. - 3 сент.

православную церковь. С 1898 года, когда церковь была возведена, деревня стала называться селом Матвеево.

Жители деревни построили добротную церковь: деревянную, внутри оштукатуренную, снаружи обитую деревом. Сруб здания привезли из деревни Сосновки нынешнего Берёзовского района. В церкви было тепло и уютно. Ее украшало множество позолоченных икон. Купол церкви был обит железом. Обращала на себя внимание высокая колокольня с двумя колоколами – большим и маленьким. Колокола эти очень красиво звенели. Кресты были на колокольне и на куполе церкви.

Возле церкви находилось кладбище, где раньше хоронили жителей села. Потом, когда кладбище перенесли за деревню, на территории церковного кладбища хоронили только священнослужителей. Церковь находилась на высоком берегу реки Барды. С другой стороны её окружала большая площадь без построек. Неподалёку стоял дом священника, который до сих пор сохранился. Стоит и полуразрушенная церковь. Церковь называлась церковью Иоанна Богослова¹.

Любили в селе престольный праздник - Богородицын день, который отмечался 21 сентября. В этот день не работали. Православные чистили самовары, вилки, кололи курицу и петушка, пекли много пирогов и шанег. Когда началось укрупнение поселений, жителей небольшой деревни Зайцы переселили в Матвеево. На площади перед церковью им построили дома.

В 1925 году, когда был создан Союз воинствующих безбожников, церкви стали закрывать. Матвеевскую церковь закрыли летом 1937 года. Кресты сорвали, иконы увезли на машине за деревню и бросили в болотистое место под названием Чернавка. Но те, кто принимал участие в этом, вскоре погибли. Один крест унесла домой и спрятала Наталья Николаевна Шавкунова. Она завещала поставить крест на её могилу. Крест там и стоит. Попа Михаила и его семью выбросили на улицу. Их приютили родственники, а через месяц приехала милиция с обыском. Сожгли все книги, которые у них были. Семью священника посадили, а освободили только перед войной. Батюшка вернулся в Матвеево, здесь и прошли его последние годы. Сохранилась и его могила на местном кладбище.

Старожилы рассказывают, что при церкви были «сторожки» (кельи). В них жили монахини. Среди них были монахини Стёпонька, Поленька, Таисия и прислужница церковная Харитонья. Сюда же после расформирования Красотинского женского монастыря, что находился в нескольких километрах от Матвеево, приехали монашки Катя и Маня. Говорят, что монахиня Катя (на фото в центре) с детских лет жила в монастырях: Пермском, Кунгурском, Красотинском. Она очень хорошо пела и рисовала. С Катей и Маней приехала ещё Евдокия Рупышева - монашка Дуня. В деревне звали её ласково Дунюшка — она была очень общительная и приветливая. Батюшка благословил её на крещение, и она крестила людей в селе. В 1970-х годах по православным праздникам собирались к ней старушки из

¹ Иоанн Богослов - один из 12 апостолов, автор Евангелия от Иоанна, Книги Откровения и трех посланий, вошедших в Новый Завет. «Бог в Своем существе есть Любовь», «Без любви человек не может приблизиться к Богу и угодить Ему», - учил Святой Апостол и Евангелист Иоанн. – Ред.

близлежащих деревень и читали молитвы. Жила она в селе до старости, затем её увезла племянница Мария Чуйко в Свердловск. Юродивая Харитонья жила в одном домике с Дуней. Вся тяжёлая работа была на ней. Она очень любила собак, а детей ненавидела. Иногда она уходила из дома, её искали всей деревней.

В Матвеево была ещё и старообрядческая часовня, от которой ничего не осталось. Располагалась эта часовня в на въезде в современное Матвеево.

Две иконы из старой церкви бережно хранили жительницы села. Они передали святыни во вновь построенную церковь в посёлке Кормовище.

Мечтают жители уже не очень большого села восстановить разрушенную церковь и вновь услышать колокольный звон.

по страницам газет

Бывшая жительница села Матвеево

Где ты, современный Матвей?

Заканчивался XVIII век, в России правила Екатерина II. В 1875 году ей исполнилось 56 лет, её фавориту князю Потёмкину - 46. Со дня казни Емельяна Пугачёва минуло 10 лет, через два года начнётся русско-турецкая война. Денис Фонвизин в это время пишет свою комедию «Недоросль», Радищев только обдумывает «Путешествие из Петербурга в Москву»...

А Урал ещё дремал в ожидании человека, который его разбудит. Россияне не обманулись: 8 июля пермская казённая палата издала указ о строительстве на реке Лысьве «завода о двух домнах».

Но не только промышленников, купцов и исследователей звал и манил Урал. Здесь скрывались от царского гнева и от религиозных преследований. Эти люди основывали в глухой тайге скиты, починки и заимки.

Летом 1875 года шёл по уральской земле мужик Матвей - большой, сильный, свободолюбивый человек. Долго выбирал он место для своего поселения. Приглянулась ему одна низинка, где речка Барда делает петлю, а рядом река Лемпа извивается. Лес, угоры, откосы, холмы. Красота какая! Неграмотный мужик нутром чуял: место ладное, самой природой для жизни созданное. И для хозяйства удобное: в реке - рыба, в лесу - дичь. Построил Матвей времянку, потом срубил избу. Со временем прозвали это место Мат-веево поселение. Построено оно по классическому принципу: вытянуто вдоль дороги на несколько километров, и лишь небольшие ответвления - проулки-переулки - убегают в разные стороны.

Вот уже более 200 лет стоит село Матвеево! Заметьте, не деревня Матвеевка, а именно село. В XIX веке на Руси было очень чёткое разграничение: деревня - это немного изб, немного жителей, а вот село...

Оно - как центральная усадьба для нескольких деревень. В нём обязательно строили церковь. Ставили её всем миром на холме или в самом живописном месте. Слова «эстетика» люди тогда ещё не знали - они её сердцем чувствовали. Много лет простояла на берегу реки деревянная церквушка, в доме по соседству проживал батюшка с семьёй. На молебны сходились жители со всей округи. Развалины церкви сохранились до сих пор. Была ещё и школа, сначала церковно-приходская, начальная, позже появилась семилетка. А ещё в селе была пожарная каланча - на высоком-высоком месте! И был фельдшерский пункт. До сих пор старожилы помнят знаменитого лекаря Алексея Семёновича Черных, выпускника тульской военно-фельдшерской школы. После её окончания он вернулся домой, врачевал, широко используя народные средства, накопил богатейший опыт. До наших дней сохра-

нился его дом, разделённый, как все земские больницы, на две половины: в одной жила семья врача, в другой принимали больных.

Между Верхней и Нижней Матвеевкой располагалась школа резьбы по дереву мастера Лобанова. Он чувствовал характер дерева и стремился выразить его в резных кружевах наличников и узорной вязи ворот.

По-видимому, местные хорошо знали Библию, если назвали один из холмов - голый, безлесный - Иерусалимом. Правда, в просторечье название превратилось в Русалим. С тех пор многие поколения так и называют эту гору, не всегда и зная, что напоминает она Лысую Гору из легенды о Христе.

В 30-е годы прошлого столетия в Матвеево жили монашки разорённого монастыря из деревни Красоты. Хозяйствовали они скромно, крестили детей, читали молитвы по усопшим, а самое главное - помогали людям сохранить веру в Бога. В дом к Евдокии Рупышевой, полный икон и старинных книг, приходили молиться пожилые люди. В селе монашек не обижали, любовно называя Дунюшка, Стёпонька, Харитоша.

О гражданской войне кровавую память оставил карательный отряд колчаковцев: за деревней расстреляли 33 человека, сочувствовавших Красной Армии или проводивших в неё родных. Похоронены они в братской могиле за селом. Место расстрела отмечает одинокая берёза. Годами люди не трогали её, хотя, наверное, она мешала трактористам пахать землю.

Предполагал ли Матвей, сколько испытаний выпадет на долю его поселения? Коллективизация. Раскулачивание. А сколько мужиков полегло в Великую Отечественную войну!

К сожалению, в селе нет музея, нет архива, исчезает целый пласт памяти. Неужели всё будет предано забвению? Вот бы возродить былые промыслы, украсить дома, восстановить церковь. Как бы сразу ожило село!

Но сохранилось самое важное - дорога: приезжайте, живите, поднимайте поля, огороды, возрождайте семейные гнёзда. Где вы, Петровы, Сидоровы, Мезенцевы, Крапивины, Якушевы, Кузнецовы, Мальцевы? Затерялись в окрестных городах, теснитесь на шести сотках, живёте в квартирах с решётками на окнах за двумя железными дверями?

Где же ты, современный Матвей, способный возродить старинное село?

Искра. – 2002. – 29 июня.

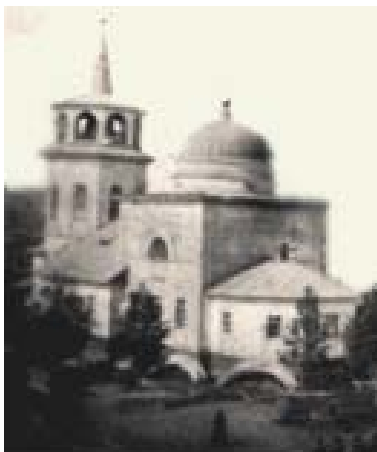
.....

Олег Южаков

Из истории Православной церкви на землях Лысьвенского района

Православный Свято–Троицкий деревянный храм в посёлке Лысьвенский завод был построен в 1799 году иждивением княгини Варвары Александровны Шаховской. Церковь имела два придела в честь Святой Троицы и Николая Чудотворца. К сожалению, пока мы не знаем имен самых первых церковнослужителей.

На фото: Свято-Троицкая церковь, построенная в 1799 году.

В 1828 году в Свято-Троицком храме служили иерей Иоанн Первушин, пономарь Георгий Кузнецов, дьякон Стефан Колмогоров, а церковным старостой был Иван Якунцов. С 1870 года священником церкви стал о. Михаил Петрович Добротворский, основавший целую династию ревностных священнослужителей лысьвенского прихода. К этому времени о. Михаил окончил Рязанскую Духовную Семинарию, служил в церкви села Камасино, работал законоучителем при Лысьвенском приходском училище.

Приход о. Михаила по численности населения был довольно значительным. В него входило более 4 тысяч человек. Основную массу прихожан составлял рабочий люд Лысьвенского завода, поселок которого состоял из

403 дворов и более 3 тысяч жителей.

Помимо заводского поселения в приход Свято-Троицкой церкви входили деревни: Липовая, Соинская, Березовская, Лысьвенская, Мельничная, Заимка, Зуево и Травянная с общим числом жителей около 1 тысячи человек.

Финансовое благополучие любого приходского храма зависит от добровольных пожертвований прихожан и платы за совершение православных таинств. Для наглядности можно рассмотреть отчет Лысьвенской Свято-Троицкой церкви, отправленный в Пермскую Епархию в 1829 году. Остаток денег на 1 января 1828 года составил 208 руб. 86 коп; приход за год - 508 руб. 81 коп; расход – 446 руб. 89 коп. Остаток средств на 1 января 1829 года – 270 руб. 78 коп. Как видно из отчета, баланс прихода был положительным. Он отражает во многом численность православного населения заводского поселка Лысьвы и ближайших деревень. Расходы церковной казны были связаны с отчислениями в Епархию, содержанием и ремонтом здания церкви, приобретением необходимых для богослужebной деятельности предметов и услуг, например, на заготовку дров для отопления храма. Священнослужителей церкви содержали земле-заводовладельцы, устанавливавшие им размер денежного оклада.

Ко второй половине XIX века деревянное здание церкви, стоявшей на углу Шуваловской и Лысьвенской улиц, обветшало, да и не вмещало во время службы всех прихожан, поскольку количество населения Лысьвенского завода за прошедшее столетие значительно увеличилось.

В 1850 году возле поселковского кладбища была построена часовня во имя Иоанна Богослова (на фото). Ее задача заключалась в том, чтобы проводить в последний путь умерших лысьвенцев. Предположительно, в 1953 году эта часовня стала церковью и единственным храмом Лысьвенского района, который никогда не закрывался и окормлял православных христиан в годы гонений и непонимания со стороны властей. Поныне храм и священники продолжают своё служение вере Христовой. Храм Иоанна Богослова стал центром

духовной и церковной жизни всего района.

После освящения часовни Иоанна Богослова в период с 1860-х по 1880-е годы жизнь Лысьвенского завода была достаточно непростой. Экономический кризис, охвативший весь горнозаводский Урал, не миновал и Лысьву. Как и повсюду, сворачивалось производство, сокращалась зарплата, шло увольнение работников. Однако давно взлелеянная мысль о строительстве нового более вместительного храма не покидала лысьвенцев, и, наконец, решение было принято. В 1887 году на собрании православного прихода был избран комитет по строительству нового храма. Председателем комитета стал священник Михаил Михайлович Добротворский,

продолживший семейную традицию деда и отца на пути служения Богу, Церкви и людям.

В состав ревизионной комиссии комитета вошли И. Н. Павловский, А. С. Левитский, А. М. Сибиряков, Н. А. Шайдуров, П. Т. Исаков, П. И. Овцын, М. А. Рожков, А. В. Реутов, В. С. Кашин, А. П. Пономарёв, А. Н. Блиначёв и Н. Г. Шатов.

**Строительство нового каменного
Свято-Троицкого храма в Лысьве**

Сразу же после создания комитет приступил к сбору средств на строительство храма. За 13 лет (с 1887 года по январь 1901 года) сумма денег, привлечённых к строительству, превысила 164 тысячи рублей. Почти 40% этой суммы составлял сбор с мастеровых фабрик Лысьвенского завода, рабочих лесничества, возчиков кладей и металлов, служащих правления и конторы. Из их заработка вычиталось от 1,5 до 3% ежемесячно

(всего поступило 64260 руб. 15 коп.) За это же время Лысьвенское общество потребителей перечислило 2807 руб. 58 коп; общество мастеровых - 2487 руб. 68 коп. Граф Петр Павлович Шувалов в 1897 году пожертвовал на строительство 8000 руб. и ещё 1100 руб. на бронзовое паникадило.

Пожертвование с определённым назначением сделали:

- И. М. Чукмаев на иконостасные образа - 3000 руб.;
- Е. В. Соколина на царские врата - 1400 руб.;
- П. А. Ярославцев на благовестный колокол - 6000 руб.;
- Неизвестный благотворитель на престольные одежды - 3000 руб.;
- И. Н. Павловский на Евангелие - 200 руб.;
- А. П. Матвеев на хоругви - 225 руб.;
- Лысьвенское общество мастеровых на крест - 1400 руб. и на икону Александра Невского - 300 руб.;
- Лысьвенское общество потребителей на икону Святителя Николая и царицы Александры - 200 руб. и т. д.

При строительстве церкви многие материалы из Лысьвенского завода отпускались владельцами бесплатно.

Стоимость всех расходов на возведение церкви составила 94673 руб. 52 коп.

Ровно через столетие после строительства деревянной церкви в мае 1899 года в Лысьве состоялось торжественное освящение новопостроенного величественного каменного храма, сохранившего прежнее имя Свято-Троицкой церкви. Это было здание, возведенное по византийским образцам домонгольской Руси. Огромное многоглавое сооружение, увенчанное высокой колокольней и шлемовидными куполами, символизировало духовное единство великой страны.

Величественный иконостас храма сооружался в Москве в скульптурной мастерской А. С. Козлова из белого итальянского мрамора ценою в 12000 руб. Иконы для иконостаса писали в мастерской московского художника В. Д. Молова за 3000 руб. Литые бронзо-золочёные царские врата были заказаны в Москве фабриканту Т. Н. Мешкову за 1400 руб.

Вновь построенный храм стал поистине главным украшением заводского посёлка. Праздничный колокольный благовест был слышен далеко вокруг, веселя душу православного человека.

В 1908 году приход лысьвенской Свято-Троицкой церкви насчитывал более десяти тысяч человек. Храм имел 99 десятин пахотной и сенокосной земли, а службу вели священники о. Михаил Михайлович Добротворский и о. Пётр Иоаннович Шишов, дьяк Алексей Алексеевич Дроздов, псаломщики Евгений Георгиевич Боголюбов и Владимир Александрович Николаев.

Храм Святой Троицы в поселке Лысьвенского завода

*Один из православных праздников.
Фото начала XX века*

Церковь во имя Святой Троицы Кыновского завода

Православие проникло в глухое лесное пустынное место при впадении реки Кын в реку Чусовую во второй половине XVIII века. Именно здесь в 1761 году был пущен в работу завод, принадлежавший графу Николаю Григорьевичу Строганову. Первая деревянная церковь была построена в 1779 году. В апреле 1848 года во время Пасхальной службы она загорелась, и огонь уничтожил здание. В этом же году была построена вторая деревянная церковь. В 1864 году иждивением графа С.А. Строганова в Кыну была построена уже третья, каменная церковь, сохранившая имя Святой Троицы.

Каменный двухэтажный храм имел наружный вид корабля длиной 17 саженей и шириной 13 саженей с высотой колокольни в 17 саженей. Первоначально храм был разделен внутренней стеной на два придела: холодный - во имя Святой Троицы, и теплый – во имя Введения во храм Пресвятой богородицы. В 1898 году престол Введения во храм Пресвятой богородицы был упразднен.

Священнослужители Свято-Троицкой церкви составляли наиболее просвещенную и образованную часть кыновского общества. Они, в частности, оставили потомкам интересные зарисовки природы Кына, быта и жизни кыновлян:

«...Громадная площадь лесов, суровость и сырость горной местности и каменистая почва не дают местному деревенскому жителю значительно расширить поля под посев.

... только незначительные лоскутки площадей посева и сенокоса говорят вам, что местный житель все-таки не отставал еще от сохи и косы.

Рубка леса на дрова для завода, обжигание угля, доставка руды, дров и угля, иногда верст за 30, - вот главный источник заработков местного и окрестного жителя...»

«Климат на кыновском заводе континентальный с резкими переменаами тепла и холода. В летнее время днем бывает сильная жара, а ночи почти всегда холодные. Почва глинистая, песчаная и каменистая. В долинах реки Кын тонкий слой чернозема...»

В записях сохранились воспоминания о сильных дождях в 1867 году, прошедших в верховьях реки Кын, в результате которых были повреждены три заводские плотины...

Большевистский террор против веры

Хорошо известно, что советская власть объявила священнослужителей «врагами народа», а веру «опиумом для народа». От имени «народа» лицемерная и циничная власть обрушила на церковь невиданные беды и страдания. О том, как это было, рассказывал ветеран партии, бывший советский работник Матвей Владимирович Пьянков:

«Я в то время (1930 год – О. Ю.) работал в должности заведующего Лысьвенским городским финансовым отделом и по решению президиума горсовета являлся председателем ликвидационной комиссии по закрытию церкви.

В соответствии с советским законодательством для закрытия церкви требовалось согласие не менее 75 процентов населения. Поэтому была проведена широкая массово-разъяснительная работа в цехах завода и в учреждениях города. Проведены собрания трудящихся о вреде религии и необходимости закрытия храма. В результате трудящимися было принято решение церковь закрыть, а горсовет создал ликвидационную комиссию.

Для ознакомления церковного совета с постановлением ВЦИК о закрытии церкви все члены совета, староста и служители были вызваны в кабинет начальника милиции, где им было оглашено данное постановление. После этого ликвидационная комиссия и члены церковного совета пошли опечатывать церковь, у которой потом выставили вооруженный пост. Ликвидационная комиссия приступила к сбору церковного имущества. Серебро (утварь) была сдана в государственный банк. Иконы, представлявшие художественную ценность, и ризы были отправлены в Ленинградский эквариат. Это происходило в конце февраля 1930 года.

Согласно решению президиума горсовета, технику горкомхоза т. В. Ф. Мальцеву было поручено снять колокола, металл сдать, а здание разобрать, кирпич передать на строительство школы, бани и Дворца культуры металлургов.

В начале марта 1930 года приступили к разборке здания церкви. 11 марта 1930 г. верующие решили дать последний бой. Они организовали подворный обход населения города с извещением, чтобы все верующие и неверующие к 12 часам дня 12 марта собрались на площади Революции на митинг, объявив, что к нам в город приезжает т. Калинин.

12 марта с утра на площади стали собираться верующие. Толпа в несколько сот человек под руководством купца Позолотина и других членов церковного совета двинулась к зданию горсовета с требованием прекратить ломку здания церкви. Когда толпа подошла к горсовету, председатель т. А. И. Балков поручил мне разъяснить собравшимся постановление ВЦИК о закрытии в Лысьве церкви. Когда я выступал с речью перед собравшимися, из толпы выкрикивали угрозы, махали кулаками, показывали кукиши, проклинали, кричали: «Пока не прекратите ломать храм, отсюда не уйдем!»

Тогда я предложил собравшимся избрать из своей среды делегацию и направить в горсовет для переговоров. Около 20 человек, преимущественно пожилые люди, пошли в здание горсовета. Я беседовал с ними, пытаюсь разъяснить необходимость разбора здания храма и использования кирпича для культурно-бытового строительства.

Пока я вел беседу с делегатами, женотдел райкома партии направил в толпу собравшихся женделегаток для разоблачения провокации церковников, так как демонстрация протеста была организована классово-враждебными элементами и направлена на подрыв авторитета партийных и советских органов власти.

Насколько правильно поступил тогда городской Совет, разобрав храм, нужно судить через призму исторических реалий того времени».

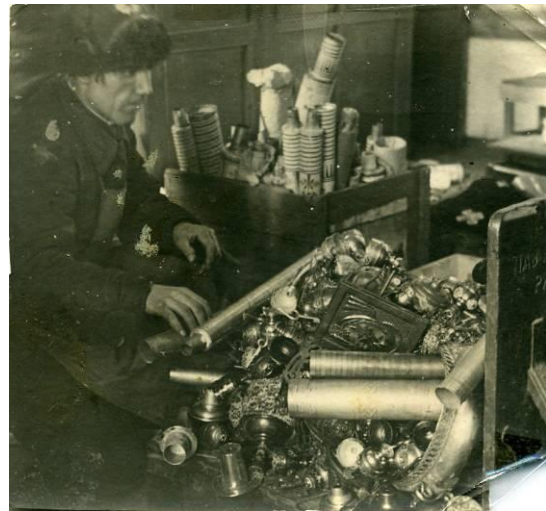
Разборка кровли храма

*Сбрасываются
на землю купола,
разламывается колокольня*

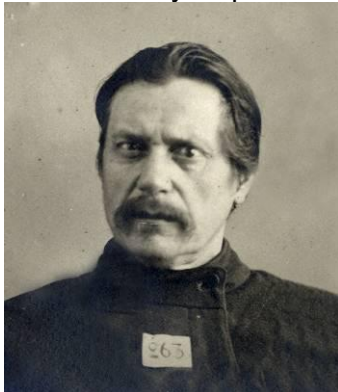

*Демонтаж
внутреннего
убранства храма*

Церковная утварь, предназначенная на слом

Чтобы предотвратить массовые протесты верующих против закрытия церкви и лишить их руководителей, горком партии принял превентивные меры. С этой целью в ноябре 1929 года был арестован священник Свято-Троицкой церкви отец Михаил за антисоветскую пропаганду и приговорен к 3 годам ссылки.

Михаил Афанасьевич Дубровский, 1877 г. рождения, из духовной семьи. До февраля 1917 года служил дьяконом, священником храма Воскресения в селе Калино Калино-Камасинской волости Пермского уезда. Затем - священником лысьвенской Свято-Троицкой церкви. Проживал с семьёй в Лысьве на ул. Федосеевская, 12.

О. Михаил Дубровский обвинялся органами ГПУ в антисоветской пропаганде.

Разгром лысьвенской Свято-Троицкой церкви был только началом. В июле 1935 года президиум Лысьвенского горсовета обратился в Свердловский облисполком с просьбой утвердить решение № 489 о закрытии часовен в поселке завода Кын. Городская власть мотивировала это решение якобы письменным заявлением верующих старообрядческой Патриаршей церкви, пожелавших отдать в пользу государства часовни на Троицкой горе, на Мёрзлой горе и на Ильинской горе. Через год в июне 1936 года Лысьвенский исполком вновь обратился к облисполкому утвердить ходатайство общих собраний граждан Кыновского сельского Совета о закрытии церкви и передаче здания под неполную среднюю школу.

В сентябре 1936 года Свято-Троицкий храм Кыновского завода был закрыт.

Архивные документы сохранили реакцию верующих на закрытие церквей и часовен. Вот выдержки из писем председателя церковного совета Кайгародова, секретаря М. Постановова, казначея Ю. Старкова: «... у верующих не осталось других молитвенных зданий для отправления своих потребностей»; «... голосование по закрытию церкви было проведено не правильно. Оно не было всеобщее, прямое и тайное. Голосовали даже несовершеннолетние...Итоги перевернули с ног на голову. Нарушены были все декреты Советской власти»; «приход церкви раскинулся на 55 км,

более 30 деревень, верующих около 800 душ»; «...власть не должна оказывать давление на верующих. Верните храм!».

В 1936 году была закрыта церковь в селе Ново-Рождественском, а в 1938 году - православный храм и старообрядческая часовня в селе Матвеево.

Власти после ремонта планировали использовать эти здания под клубы и детские ясли.

1937 год сейчас называют трагическим в истории России. Мало было закрыть церкви, часовни, моленные дома, мечети, власти надо было искоренить сам дух веры, его преданных служителей. Против священников, членов церковных советов наспех фабриковались «дела». Нередко поводом для ареста служил сам факт принадлежности к церкви. Так, сотрудники Лысьвенского отдела НКВД сфальсифицировали дело о контрреволюционной деятельности группы священнослужителей. Были арестованы настоятель Иоанна-Богословской церкви о. Алексей, в миру Алексей Матвеевич Золотов, староста церкви – Василий Яковлевич Петухов, председатель ревизионной комиссии – Николай Дмитриевич Жданов, члены церковного совета - Тимофей Дмитриевич Недорезов и Василий Иванович Багаев. Их обвинили в создании антисоветской повстанческой группы церковников, ставившей целью свержение советской власти. А. М. Золотов был приговорен к расстрелу и убит 25 декабря 1937 года. Все остальные лишились свободы сроком на 10 лет.

Помимо этих безвинно пострадавших людей в Лысьвенском районе только за 1937 год к высшей мере наказания были приговорены:

Важесов Иван Павлович, 1873 года рождения, – староста церкви (д. Каменка);

Духонин Павел Петрович, 1875 года рождения, – священник церкви (с. Сая);

Маракулин Андрей Дмитриевич, 1886 года рождения, – староста церкви (с. Сая);

Крапивин Пётр Ефремович, 1867 года рождения, – староста церкви (с. Сая);

Дубровский Михаил Афанасьевич, 1876 года рождения, – священник Троицкой церкви (г. Лысьва);

Сморodinцев Михаил Николаевич, 1881 года рождения, – священник (г. Лысьва).

Все архивные дела этих людей находятся в ГОПАПО. Нужно отметить, что и сегодня мы не знаем в полной мере о судьбах всех тех, кто пострадал за Православную Веру.

Трагична судьба старообрядческой часовни в деревне Большая Лысьва *(на фото)*. Она была построена в 1906 году исключительно стараниями и на средства верующих жителей Большой Лысьвы и окрестных деревень. В апреле 1939 года Президиум Лысьвенского горисполкома постановил: «Часовню закрыть и использовать под трансформаторную будку деревни Большая Лысьва».

Верующее население всей округи активно протестовало против этого решения. Через два года в апреле 1941 года Молотовский Совет депутатов трудящихся своим постановлением № 516 утвердил «ходатайство граждан» передать здание часовни в распоряжение райсовета для использования под культурные учреждения. Однако члены церковного совета А. Ф. Котельников, А. А. Котельникова и Е. Ф. Котельникова с этим решением не согласились и ставить подписи под ним отказались.

После закрытия церквей власть стремилась изменить их облик до неузнаваемости. Разрушались колокольни, колокола отправлялись на переплавку, иконы и книги часто сжигались. Здания, некогда являвшиеся архитектурными украшениями населенных пунктов, ветшали и разрушались. Десятками лет в них не проводились капитальные ремонты. В помещениях церквей и часовен размещались склады хозяйственного инвентаря и зерна, мехмастерские, кузницы, клубы и школы.

Попытки вернуть верующим храмы были предприняты в 1943 году. Они были связаны с изменением отношения Сталина к религии. Однако этот процесс не носил

необратимого характера. Закончилась Великая Отечественная война, и репрессии по отношению к церкви и ее служителям продолжились. Так, в феврале 1949 года было заведено дело на Николая Георгиевича Логинова, священника Иоанно-Богословской церкви и благочинного первого округа. Он проживал по адресу: ул. Смышляева, 78.

Преклонения достойна сила духа этого человека. Перед арестом 1949 года он уже отбыл пятилетнее заключение с 1940 по 1946 год в исправительно-трудовых лагерях на Колыме. Что это были за годы и что это было за место, никому объяснять не надо! Невзгоды и испытания не сломили отца Николая, потому что он был уверен, что нравственная и духовная сила православной веры сильнее любой земной власти. С 1946 года о. Николай Логинов вновь служил в Лысьве людям и Богу. Он был благочинным большого округа. После ареста в 1949 году по приговору суда он был сослан в Джамбульскую область Казахстана.

В заключение

Такова вкратце история Православия в Лысьвенском районе. Закрывание храмов привело к безвозвратной потере для будущих поколений многих памятников русской культуры, архитектуры, иконописи и духовной мысли, отраженной в церковных книгах.

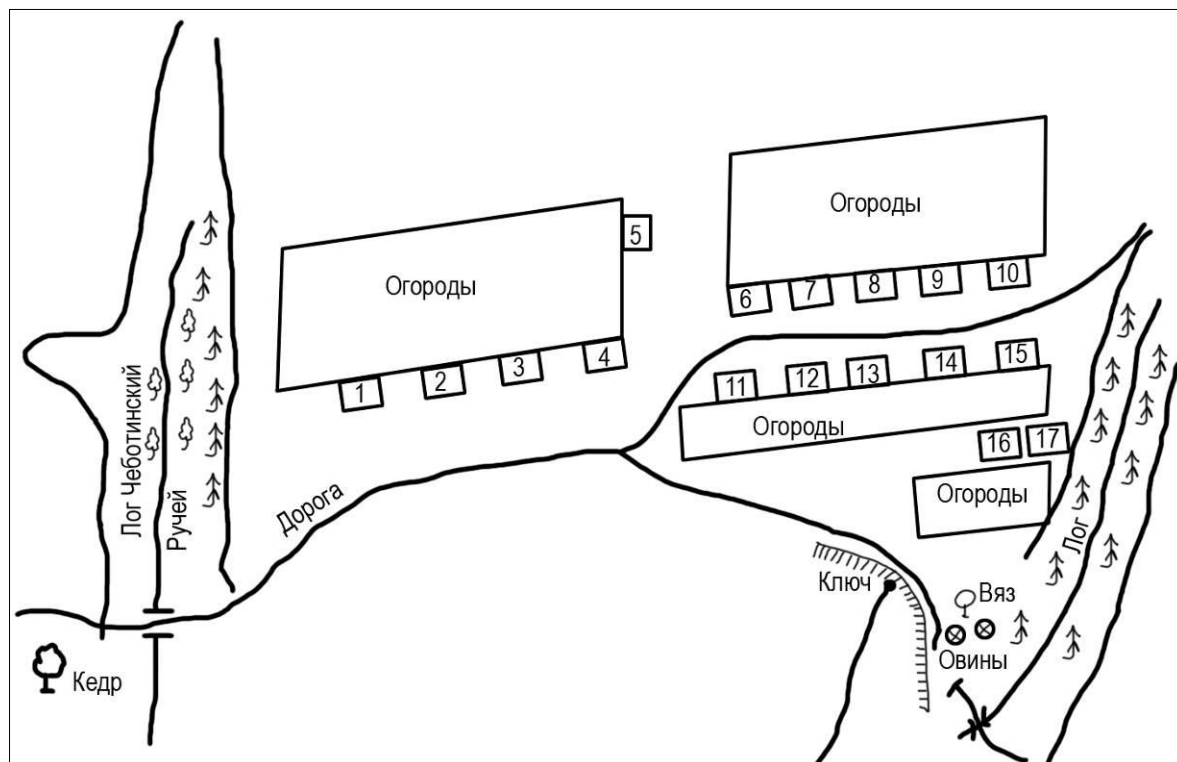
Неимоверно велик урон, нанесенный душе и сознанию народа, особенно молодежи, которая перестает оберегать духовное наследие предков, привыкает к произволу и вседозволенности власть имущих, забывает общечеловеческие ценности, православные истины и поэтому духовно «нищает». Однако есть уверенность в том, что еще жив дух веры, что здравствуют люди, готовые неустанно трудиться над ее возрождением. Свидетельством тому является восстановление церкви во имя Святой Троицы в Лысьве. Строительство нового храма идет полным ходом. Поможем его возрождению всем миром!

Список источников и литературы

1. ГАПО. Ф.195, оп.1, д.98, лл 1-18.
2. ГАПО ф. 195, оп. 1, д.36, л. 56 об, л. 60 об.
3. Отчёт комитета по сооружению нового каменного храма в Лысьвенском заводе Пермской Епархии за 1887-1897 гг. – Пермь, 1898. – С. 18-19, 34-39.
4. Отчет ... за 1887-1900 гг. – Пермь, 1901. - С. 2-37.
5. Справочная книга Пермской Епархии. – Пермь, 1911. - С. 38.
6. Адрес-Календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1908 г. – Пермь, 1908.
7. Архивный отдел администрации г. Лысьва ф. 98, оп. 1, д. 99.
8. ГОПАПО ф. 1, оп.1, д.955, л.150-152.
9. ГОПАПО ф. р-1205, оп.1, д.364, л2- л24, л.19.
10. ГОПАПО ф. р-1205, оп.1, д.365, л.1, л.24.
11. ГОПАПО ф. р-1205, оп.1, д.366, л.3.
12. ГОПАПО ф.1, оп.1, д. 955, л.150-152.
13. ГОПАПО ф.85, оп.26, д.34, л.25-28.
14. ГАПО. Ф.р-1205, оп.1, д.367, лл.1-2, л.72, л.74.
15. ГАПО. Ф.р-1205, оп.1, д.652, лл.1-4, л.29-л32.
16. ГОПАПО ф. 643, оп. 2, д. 1098, л.2-л.21.

Схематические планы деревень и поселков

д. Барулина Гора (1941 г.)

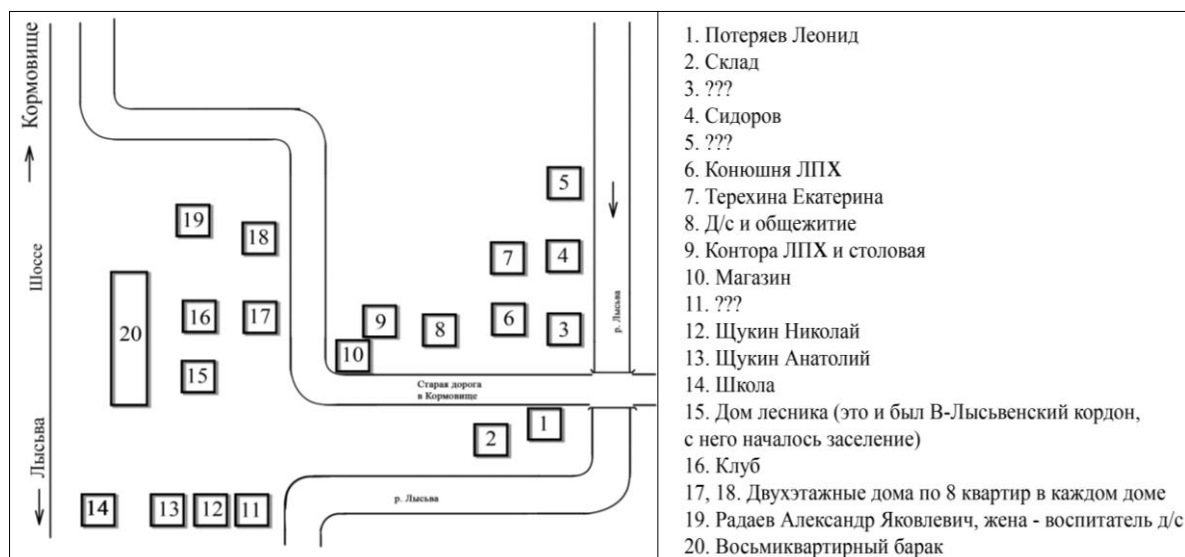

Жители

1. Гладких Яков Семенович и Екатерина Яковлевна
2. Гладких Дмитрий Степанович и Степанида Ивановна
3. Гладких Григорий Семенович и Евдокия Федоровна
4. Гладких Акулина Матвеевна
5. Гладких Лаврентий Семенович и Анастасия Кузьмовна
6. Гладких Афанасий Филиппович и Мария Севостьяновна
7. Гладких Василий Алексеевич и Татьяна Петровна
8. Гладких Степан Егорович и Евдокия Федоровна
9. Черепановы Павел Григорьевич и Федора Алексеевна
10. Гладких Ирина Андреевна
11. Гладких Прокопий Васильевич и Александра Прокопьевна
12. Гладких Алексей Васильевич и Анна Михайловна
13. Гладких Василий Тимофеевич и Анна Ивановна
14. Гладких Григорий Васильевич и Надежда Ивановна
15. Копысовы Иван Прокопьевич и Елизавета Ивановна
16. Гладких Филипп Степанович и Кристинья Ивановна
17. Петрова Клавдия

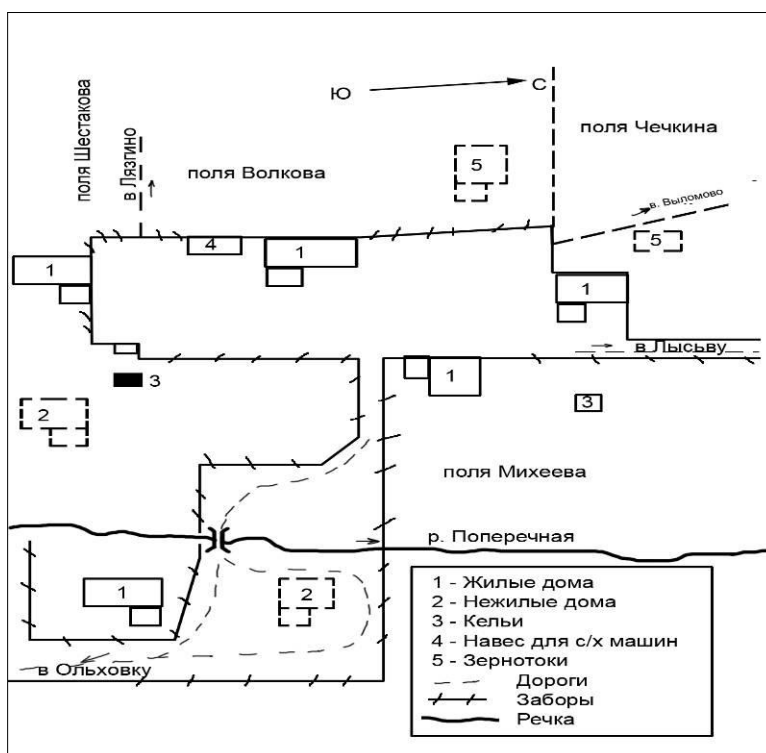
Схему составил А. И. Окунев

п. Верх-Лысьва (1949-1950 гг.)

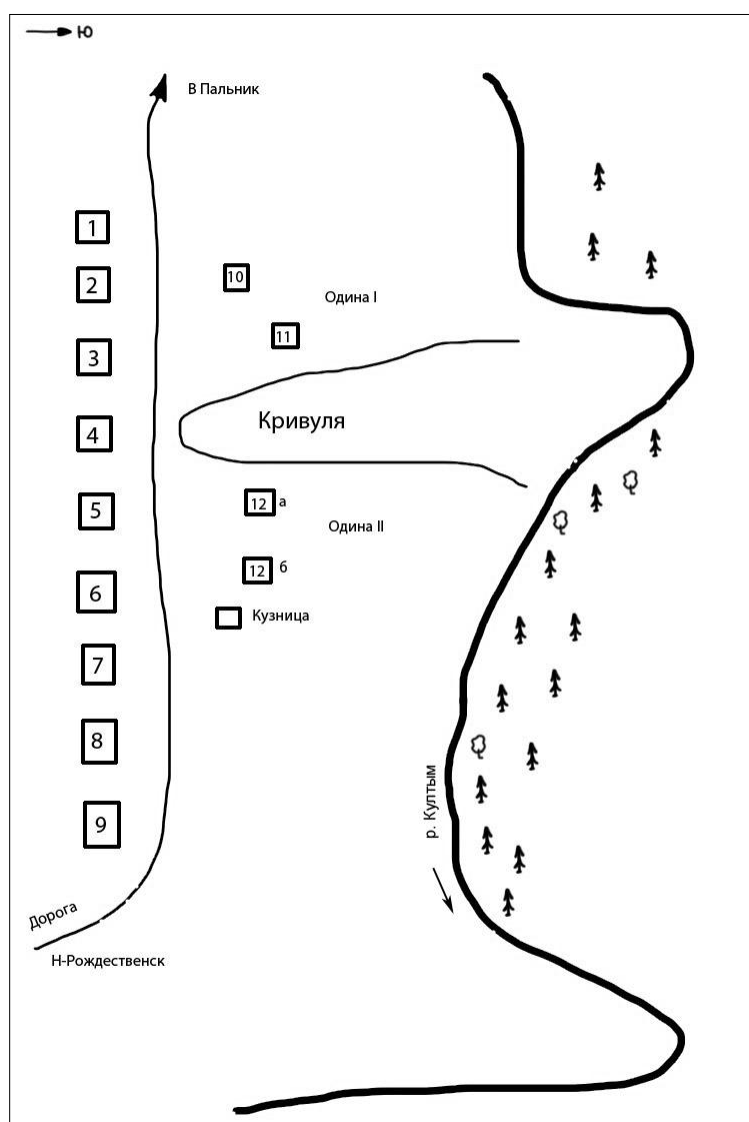
Схему составила Л. И. Попова

д. Волково (1930-е гг.)

Схему составил В. Д. Волков. 1985 г.

д. Вязовка (1941 г.)

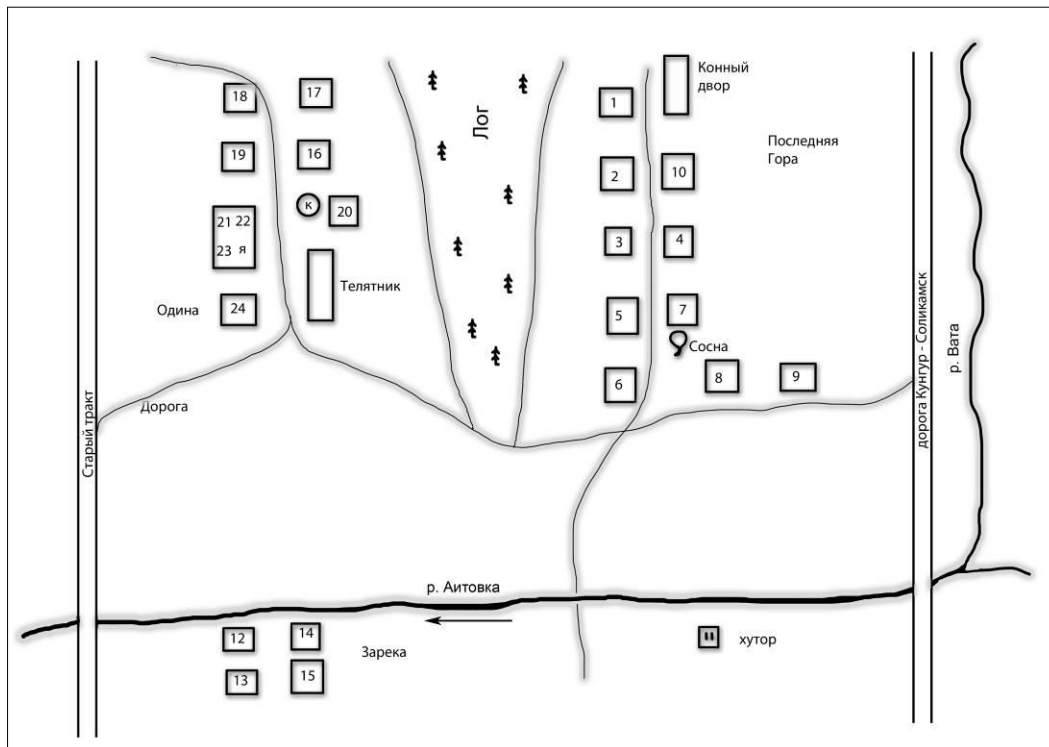

Жители

1. Запавалова Степанида
2. Печкины Федор Васильевич и Евдокия Ивановна
3. Печкины Григорий Васильевич и Елизавета Ильинична
4. Зернины Василий Федорович и Анфисья
5. Запавалова Марфа Кирилловна
6. Печкины Федор Кириллович и Александра Ильинична
7. Печкины Максим Васильевич и Анастасия Николаевна
8. Черепановы Сергей и Анна
9. Черепанова Елена Лефантьевна
10. Печкины Кирилл Никифорович и Степанида
11. Черепановы Михаил Лефантьевич и Анисья Ивановна
- 12а. Печкины Андрей и Марина
- 12б. Зернин Федор Васильевич и Василиса.

Схему составили А. И. Окунев и М. И. Калабина

д. Заитовка (1941 г.)

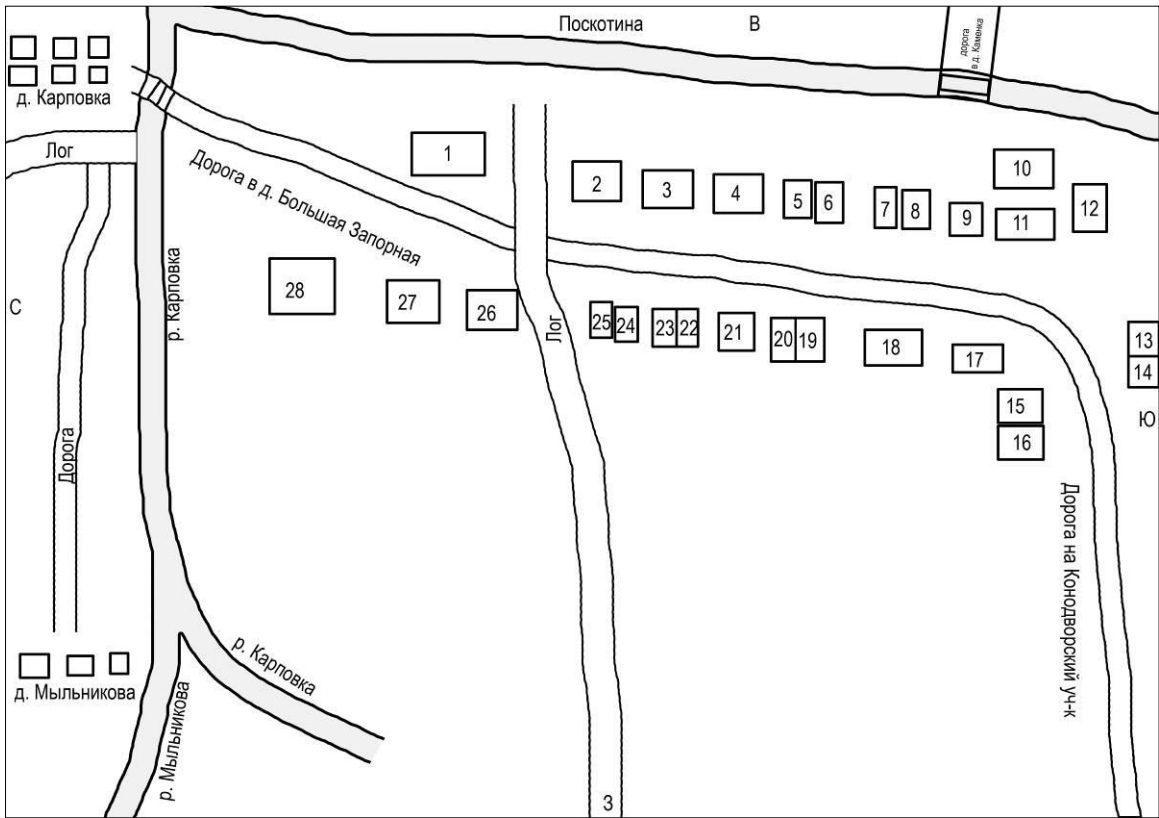

Жители

1. Санниковы Григорий Тимофеевич и Пелагея Васильевна
2. Санниковы Иван Иванович и Серафима Афанасьевна
3. Санниковы Александр Иванович и Анна Александровна
4. Останины Александр Иванович и Марфа Никитична
5. Ведерниковы Петр Алексеевич и Агафья Васильевна
6. Санниковы Владимир Ильич и Анна Михайловна
7. Останины Иван Ефремович и Мария Николаевна
8. Теплоуховы Григорий Михайлович и Мария Ивановна
9. Санниковы Георгий Иванович и Александра Георгиевна
10. Санниковы Дмитрий Ильич и Елена Федоровна
11. Санниковы Иван Павлович и Агафья Ильинична
12. Сорогины Степан Иванович и Анна Евграфовна
13. Санникова Анна Ивановна
14. Шашкин Константин Петрович
15. Сорогины Петр Степанович и Серафима Ивановна
16. Останины Максим Иванович и Зинаида Сергеевна
17. Сорогина Марина Максимовна
18. Стяжков Василий Петрович
19. Сорогины Семен Иванович и Анастасия Афанасьевна
20. Сорогины Петр Алексеевич и Анастасия Ивановна
21. Кокшарова Степанида Васильевна
22. Бражникова Ирина Кирилловна
23. Асанова Марфа Ивановна
24. Ковины Михаил Карпович и Мария Григорьевна

Схему составили А. И. Окунев и Н. А. Печкин

д. Большая Запорная (1940-1950-е гг.)

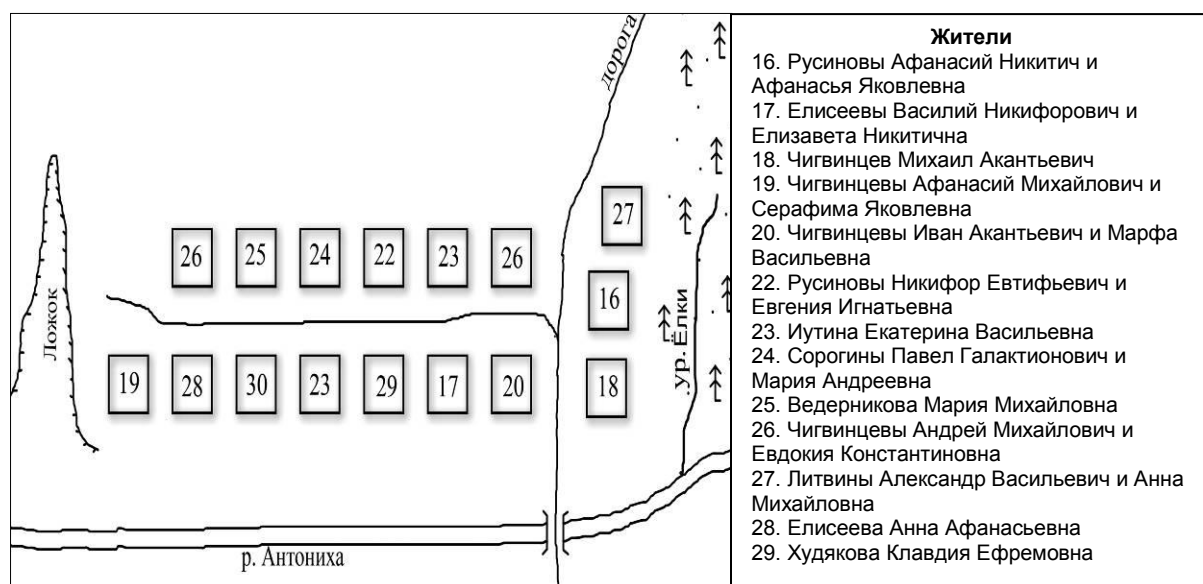

Жители

1. Школа (учительница Пелагея Антоновна Заболоцких)
2. Дом Литвиных
3. Дом Булычевых
4. Дом Мустафиных
5. Дом Каменевых
6. Дом Клубковых
7. Дом Хусаиновых
8. Дом Бражниковых
9. Баня
10. Барак для лесуробов
11. Пилоплавка
12. Дом Трухонина Семена
13. Дом Закировых
14. Медпункт
15. Дом Комаровых
16. Дом Трухонина Василия
17. Дом Кашаповых
18. Дом Мугдасимовых
19. Дом Лепишкиных
20. Магазин
21. 23. Двухквартирный дом для спецпереселенцев
24. Дом Карповых
25. Пекарня
26. Дом Рочевых
27. Дом Пестовых
28. Дом Сабитовых

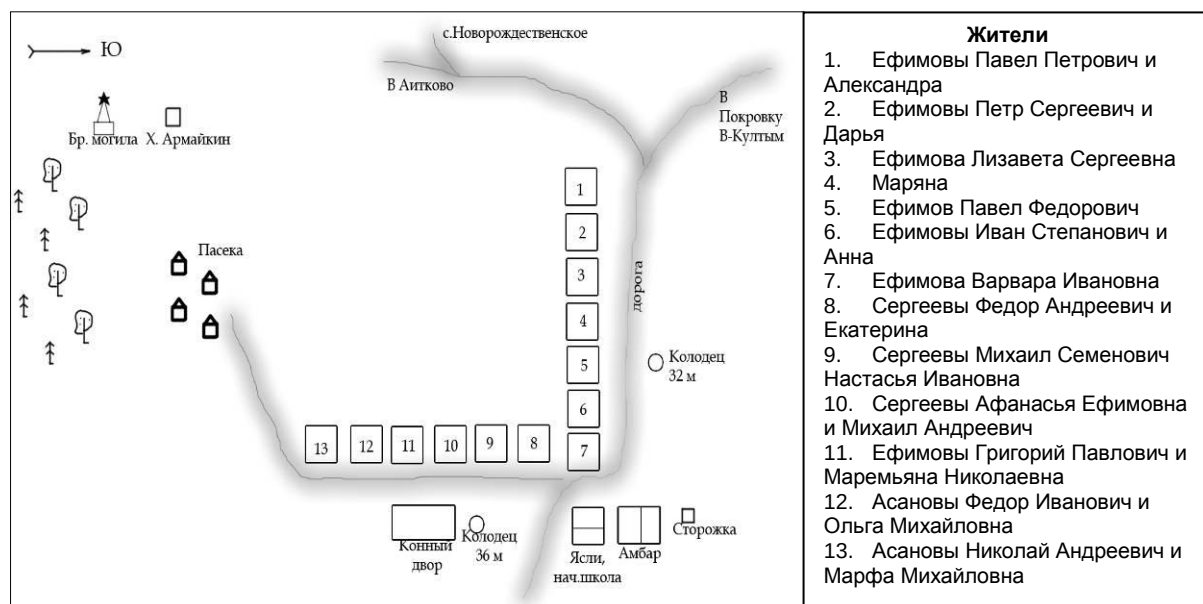
Схему составили И. И. Климовских и Трухонины. 2010 г.

д. Зарека (1942 г.)

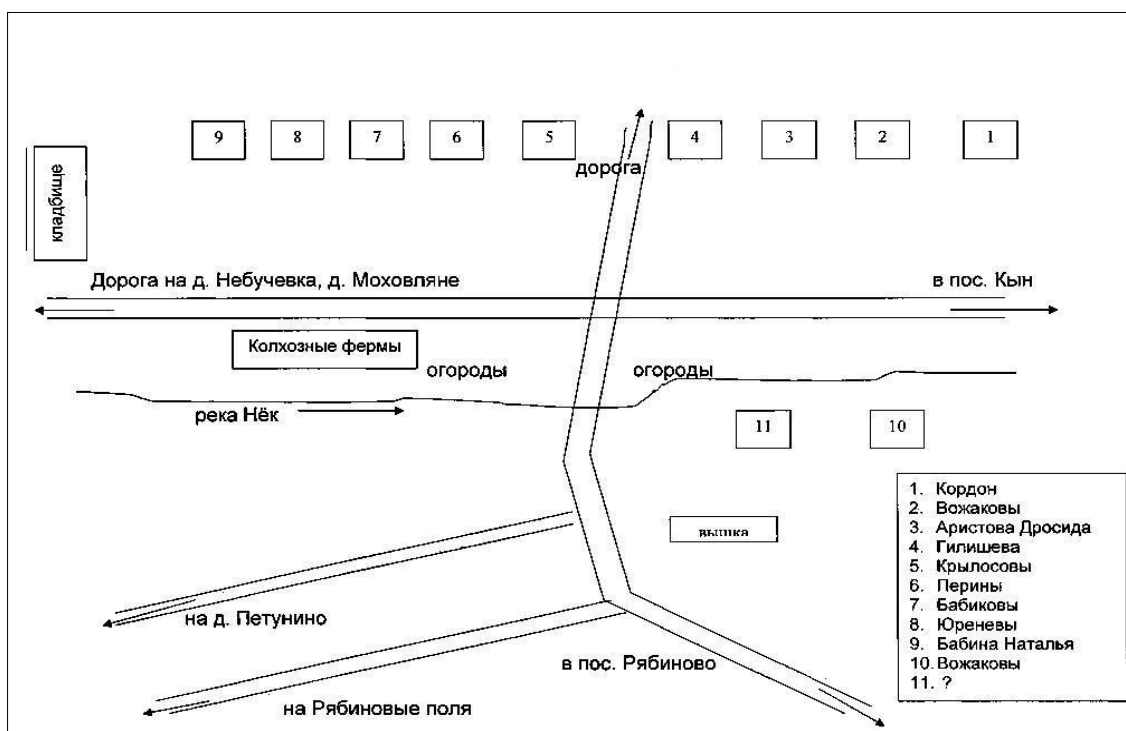
Схему составили А. И. Окунев и М. В. Останин

д. Зеленая (1924-1960 гг.)

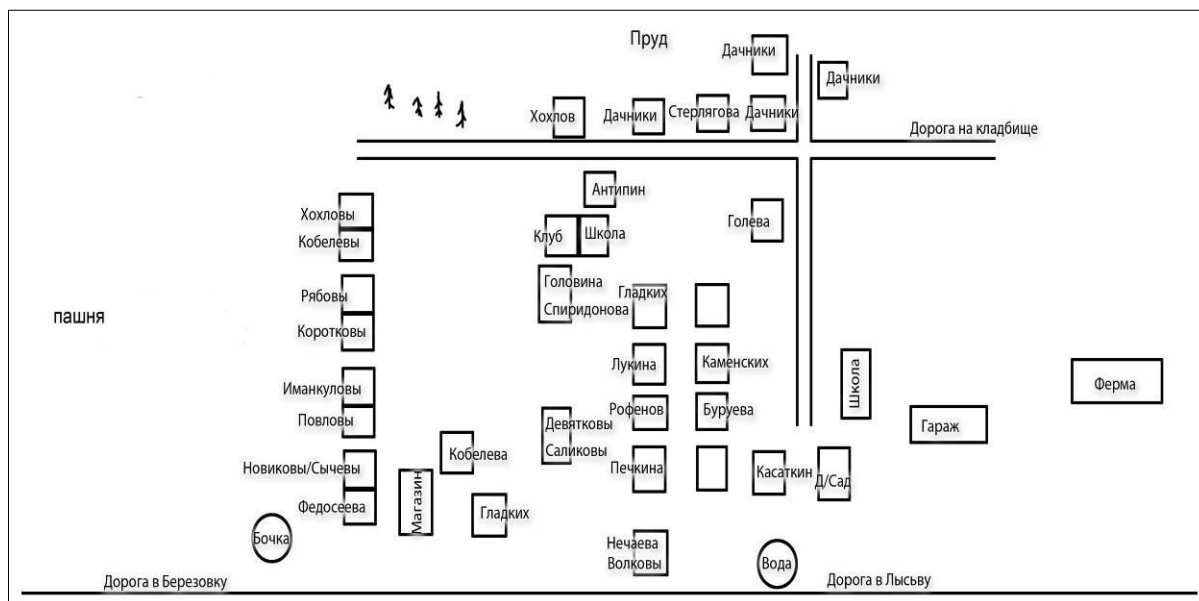
Схему составили А. И. Окунев и Е. О. Сергеева

д. Капиданы (1930-1978 гг.)

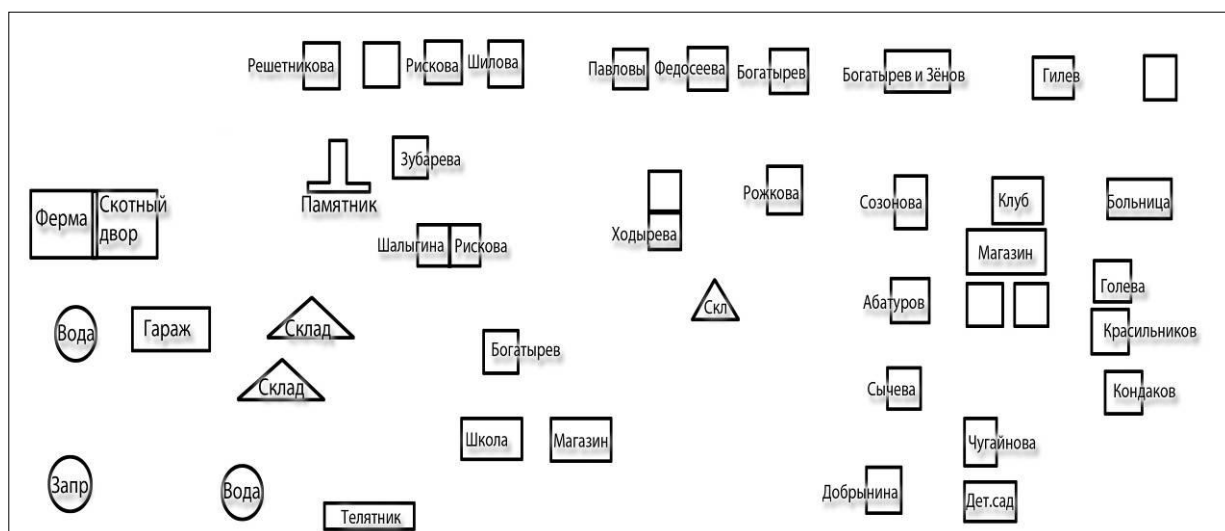
Схему составил Д. М. Кашин. 2010 г.

д. Олени (1997 г.)

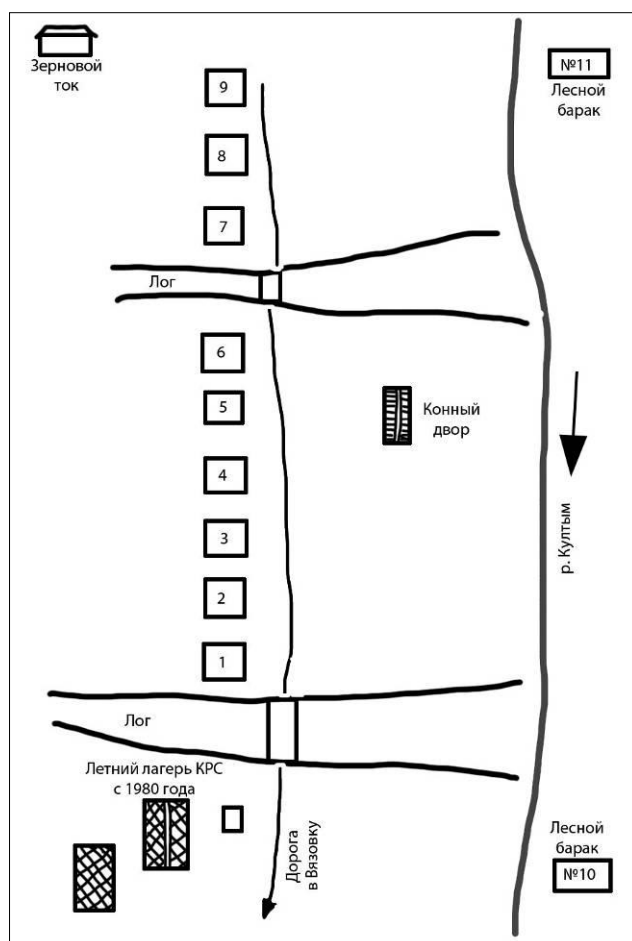
Схему составила Е. Краева. 1997 г.

д. Паинцы

Схему составила Е. Краева. 1997 г.

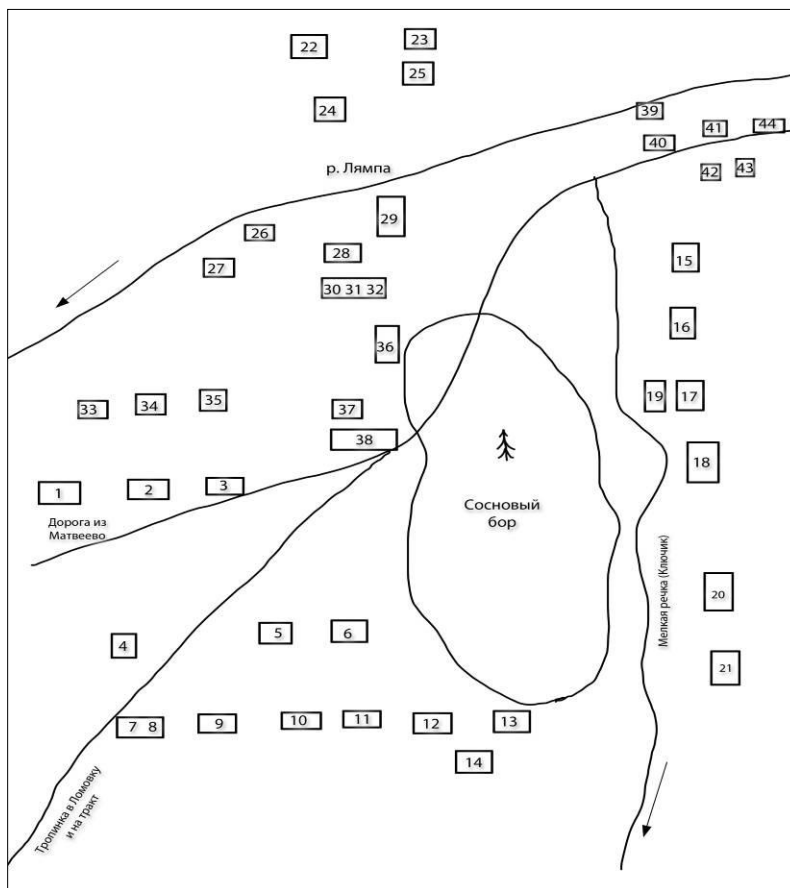
д. Пальник (1922-1938 гг.)

- Жители**
1. Скачковы Иван Михайлович и Марфа
 2. Бражниковы Сергей и Клавдия Петровна
 3. Распономаревы Федор Филиппович и Анастасия
 4. Распономаревы Иван Филиппович и Анфисья Дмитриевна
 5. Кокшарова Ольга Васильевна
 6. Ижиков Петр Иванович
 7. Шумилова Мария Кирилловна
 8. Михайловы Михаил и Агрофена
 9. Бражниковы Михаил Николаевич и Анна
 - 10, 11. Бараки от лесничества

Схему составили А. И. Окунев, А. П. Ижикова и З. А. Маракулина

д. Парканы (1973-1975 гг.)

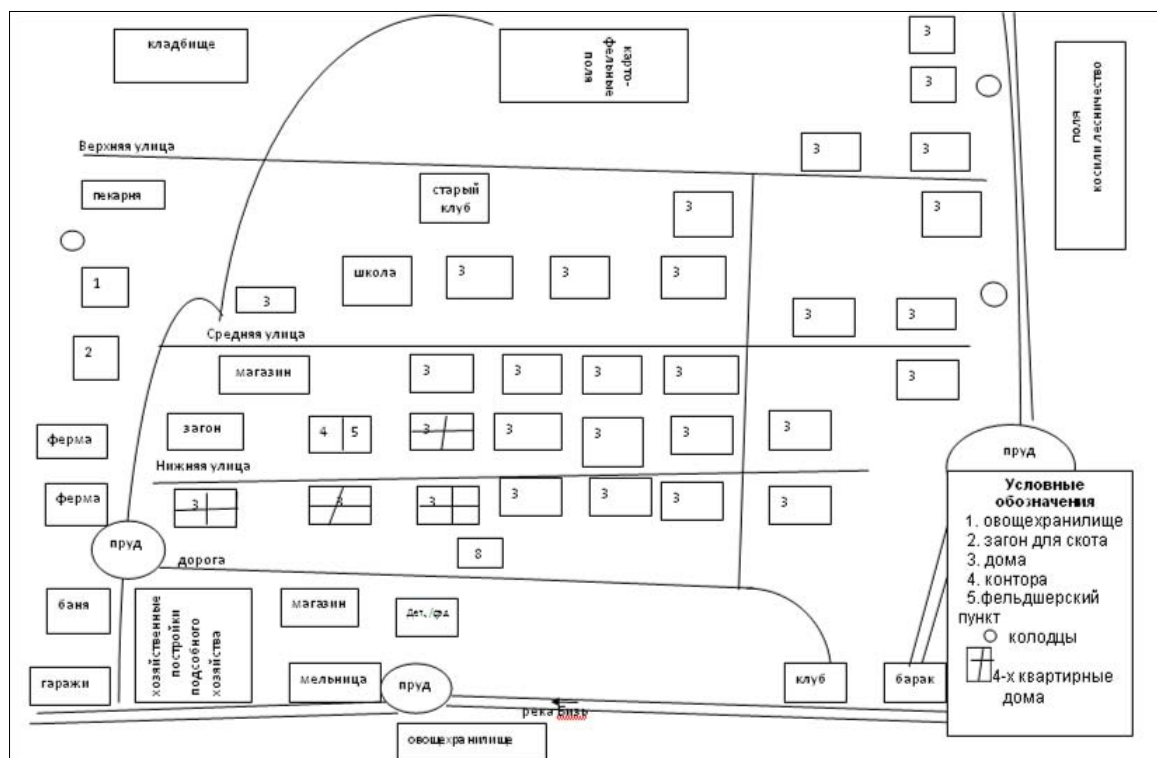

Жители и объекты

1. Казариновы	22. Распономаревы
2. Бражниковы	23. Агафонова П.
3. Сесины	24. Кузнецова Т.
4. Кичигины	25. (?) Орина
5. Якушева Федосья	26. Арефины
6. Якушевы Геннадий и Светлана	27. Глобин Д.
7. Аманкулова Наталья	28. Якушев А. И.
8. Борисова Павла	29. Клуб
9. Еремеевы	30. Лоханкины
10. Казариновы	31. Евтягина В.
11. Русиновы	32. Полушкин Г.
12. Бражниковы	33. Енушков Ф.
13. Шаравьёва Наталья	34. Хлызова Е.
14. Казаринова Прасковья	35. Казаринова Марина
15. Кузнецовы Абрам Николаевич и Анна	36. Магазин
16. Антропова М.А.	37. Мезенцевы
17. Бражникова А.П.	38. Свиноарник
18. Кузнецовы	39. Попкова А.
19. Бурыловы	40. Ситниковы
20. Кузнецов А.Д.(1)	41. Кузнецов А. А.
21. Кузнецов А.Д.(2)	42. Якушева Мария
	43. Якушева Евдокия
	44. Конный двор

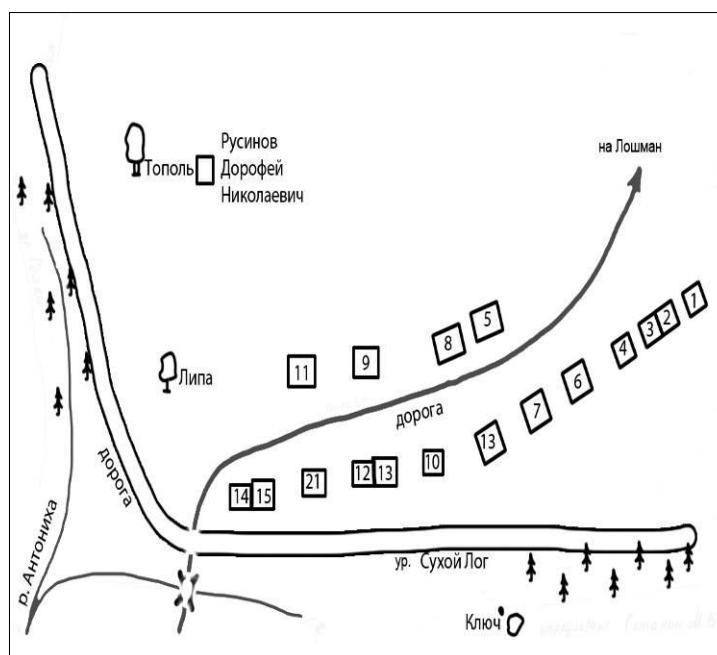
Схему составила Л. В. Старкова, 2010 г.

д. Рябиново (нач. 1950-х гг.)

Схему составила А. А. Захарова, 2010 г.

д. Солякова (Саликова) Гора (1942 г.)

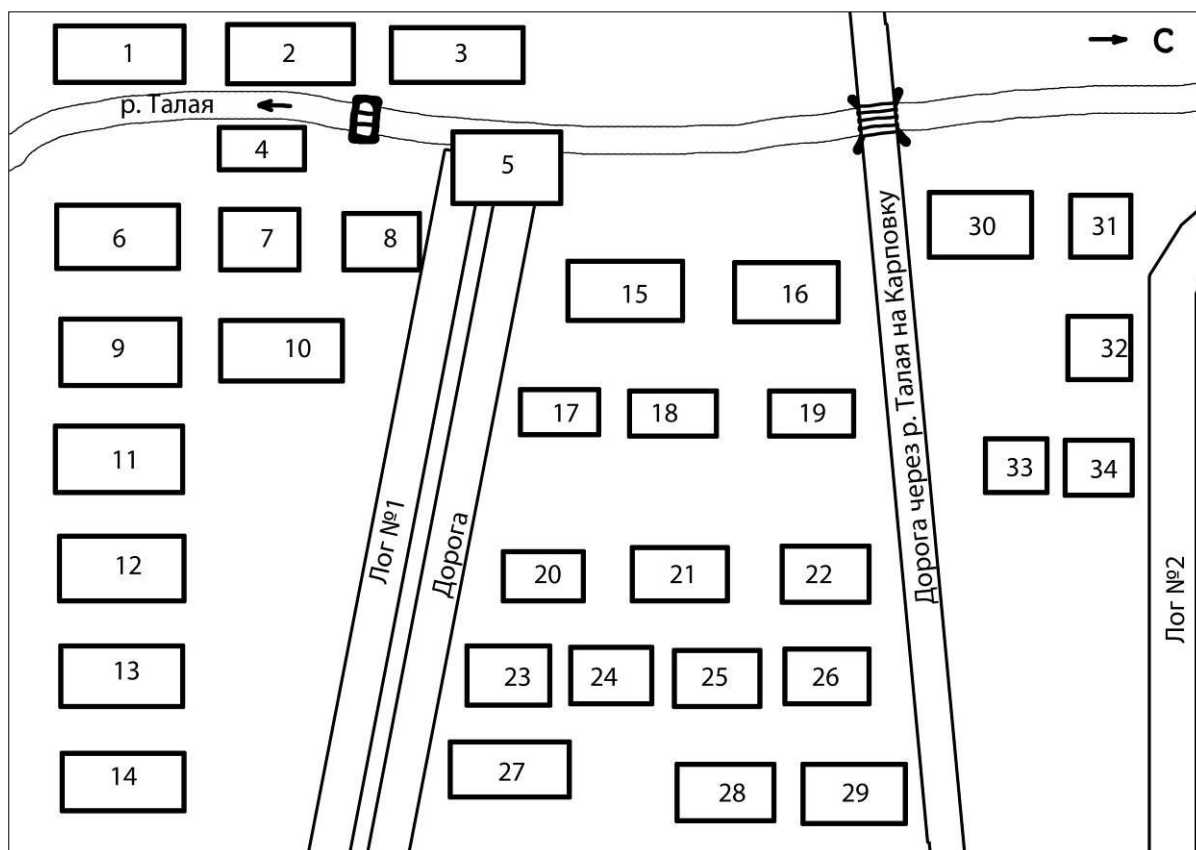

Схему составили А. И. Окунев и М. В. Останин

Жители

1. Сорогины Семен Галактионович и Анастасия Петровна
2. Елисеевы Сергей Григорьевич и Марина Петровна
3. Елисеев Василий Федудович
4. Худяковы Яков Ефремович и Апполинария Сергеевна
5. Худякова Анисья Григорьевна
6. Сорогины Петр Петрович и Анна Васильевна
7. Чигвинцевы Семен Акантьевич и Павла Ивановна
8. Елисеевы Федор Афанасьевич и Ирина Тимофеевна
9. Русиновы Афанасий Самсонович и Мария Ефремовна
10. Русиновы Василий Самсонович и Анна Евсеевна
11. Русиновы Алексей Николаевич и Анисья Акантьевна
12. Останины Пантелей Алексеевич и Анна Петровна
13. Останины Гавриил Игнатьевич и Матрена Николаевна
14. Останины Илья Игнатьевич и Анисья Степановна
15. Русиновы Михаил Алексеевич и Клавдия Григорьевна
21. Гладких Мария Семеновна

д. Талая (1950-е гг.)

1. Склад пчеловода	18. Дом Бординских Николая
2. Мастерская пчеловода	19. Дом Решетниковой Дарьи
3. Омшаник (помещение для зимовки пчёл)	20. 2х-этажный жилой дом
4. Дом Резвых Надежды	21. Барак на 6 квартир
5. Водокачка (постр. в 1952 г.)	22. 4х-квартирный жилой дом
6. Старая школа № 12	23. Новый магазин
7. Дом Литвиной Марии	24. Старый дет/сад
8. Дом Коноваловой Анастасии	25. 2х-квартирный жилой дом
9. Конный двор	26. Овощехранилище
10. Конюховка	27. Телятник для новорожденных телят
11. Телятник на 50 голов	28. Новый дет/сад
12. Телятник на 100 голов	29. Новая Школа
13. Скотный двор	30. Лесничество
14. Старый магазин, склад	31. Дом Микрюкова
15. 2х-квартирный казенный дом (жилой)	32. Дом Шумихиной Марии
16. 2х-квартирный казенный дом (жилой)	33. Дом Литвина Матвея
17. Дом Дом Рязанова Аркадия Александровича (управляющего)	34. Дом Кобелева Семёна Кирилловича

Схему составили И. И. Климовских, Н. Н. Торопова и Г. И. Колодина, 2010 г.

Коллектив авторов

Батуев Александр Михайлович - краевед
Вершинин Геннадий Васильевич - журналист
Волков Виссарион Демидович – ветеран войны и труда
Ганьжина (Чернышева) Александра Ивановна - ветеран труда
Гринкевич Сергей Алексеевич – преподаватель МОУ «Кыновская СОШ № 65»
Дергачева Анастасия – учащаяся 11 класса МОУ «Кыновская СОШ № 65»
Десницкая Нина Георгиевна – преподаватель МОУ «Кыновская СОШ № 65»
Ёлохова Галина Семеновна – ветеран педагогического труда
Занин Павел Игнатьевич – заместитель главного механика ЛМЗ в 1973-1993 гг., ветеран труда
Захарова Анна Алексеевна – заведующая библиотекой № 4 пос. Кын
Зернина Маргарита Викторовна - ветеран педагогического труда
Иванова Вера Ильинична - заведующая библиотекой № 7 д. Заимка
Кашин Максим – учащийся 7 класса МОУ «СОШ № 6»
Кашина Елена Анатольевна – учитель географии
Кибардина Тамара - учащаяся 8 класса МОУ «Моховлянская СОШ»
Колодина (Изместьева) Галина Ивановна – бывшая жительница деревни Талая
Костылев Владимир Дмитриевич – зам. директора Лысьвенского политехнического колледжа
Красильникова Людмила Валентиновна – заведующая библиотекой д. Паинцы
Красноперова Наталья Васильевна - инженер, член клуба «Пермский краевед»
Кузнецова Надежда Александровна - преподаватель МОУ «Моховлянская СОШ»
Мехряков Борис Филаретович - пенсионер
Окунев Алексей Иванович – преподаватель Новорождественской школы
Падерина (Дерябина) Зинаида Александровна - пенсионерка
Парфенов Николай Михайлович – учитель, краевед
Пашова Надежда Николаевна - заведующая библиотекой № 19 с. Матвеево
Пермяков Григорий Александрович - ветеран труда ОАО «Привод»
Попова Любовь Ивановна – инженер-механик
Рожкова Таисья Николаевна - ветеран труда совхоза «Лысьвенский»
Соломин Владимир Викторович – хранитель фондов Кыновского краеведческого музея
Старкова Людмила Васильевна – главный библиотекарь Центральной детской библиотеки
Торопова Надежда - бывшая жительница деревни Талая
Трухонины Борис и Евгений – бывшие жители деревни Запорная
Шабурова Евгения Викторовна – зав. отделом отечественного искусства Пермской государственной художественной галереи (ПГХГ)
Южаков Олег Юрьевич – краевед, г. Чусовой

Содержание

От редактора	3
Гражданская война на подступах к Лысьвенскому заводу	
Парфенов Николай. 1-й Лысьвенский рабочий полк в боях на Лысьвенском направлении Восточного фронта (июль – декабрь 1918 г.)	5
Дергачева Анастасия, Гринкевич Сергей. Гражданская война в устных свидетельствах и воспоминаниях жителей села Кын-завод	30
Единоличное хозяйствование	
Пермяков Григорий. Размышления о крестьянской доле, деревне Топорки и предках.	33
Кибардина Тамара, Надежда Кузнецова. Деревня наша Власово.	39
Падерина (Дерябина) Зинаида. Зуи	42
Волков Виссарион. Волковы из деревни Волково	43
Вершинин Геннадий. Не зажившая боль.	50
Жизнь колхозная	
Окунев Алексей. Село Новорожденственское. XX век.	53
<i>Рождественск С. Н. Радостно живет в нашем колхозе (Из истории села Новорожденственского).</i>	72
<i>Бойко Б. В борьбе за зажиточную жизнь.</i>	73
<i>Перескоков А., Ишмухаметов В. Колхоз «Авангард» через два-три года.</i>	74
<i>Анисимов Тимофей. Колхоз растет и крепнет.</i>	75
Красильникова Людмила. Святая, как хлеб, деревенька моя...	76
<i>Максимов Борис. Ностальгия по-деревенски.</i>	80
Колодина (Изместьева) Галина, Торопова Надежда. Деревня наша Талая...	82
Десницкая Нина. Деревня Усть-Серебряная.	85
Старкова Людмила. Все началось с парка для Анны...	88
Ганьжина (Чернышова) Александра. Политработники на колхозных полях в годы войны.	95
Рожкова Таисья. Воспоминания долгожительницы из деревни Олени.	96
Захарова Анна. Деревня, в которой жил капитан?	97
Костылев Владимир. История забытой родины. Деревня Большой Кумыш	101
Переселенцы поневоле	
Занин Павел. Поселок Поныш	105
Захарова Анна. И ходит по земле былая память. Поселок заготовителей Рябиново.	108
Лесные поселки	
Парфенов Николай. «Обманутая» Обманка	115
<i>Сироткин Л. Обманка строится.</i>	119
<i>Мурашев Н. Работы обманковских шахтостроителей.</i>	120
<i>Колыванова Б. «У второй Обманки...»</i>	120
<i>Карякин А. У шахтостроителей.</i>	120
Попова Любовь. Невидимка – моя черемуховая родина	121
<i>Первые успехи.</i>	133
Мехряков Борис. Поселок Любимово	134
Ёлохова Галина. «Наш Кумыш бывает то грустен, то ясен...». Из истории поселка	138
Трухонины Борис и Евгений. Маленькая жизнь Большой Запорной.	147
По родным просторам	
Зернина Маргарита. Семь чудес поселка Кын. Эссе.	149
<i>Соломин Владимир. На тройке с бубенцами по Гороблагодатскому тракту. (Кумыш, Ст. Кормовище и др.).</i>	158
<i>Соломин Владимир. От Ледянки до Паленого Лога.</i>	160
Память родства	
Батуев Александр. Георгиевский кавалер – сельский почтальон Гурьян Оборин	162
Иванова Вера. Как не любить мне эту землю...	165
<i>Утробин И. Здесь жили люди. Здесь когда-то жил и я...</i>	180
Неубитая вера	
Шабурова Евгения. В. Из истории Свято-Троицкой церкви завода Кын.	182
Кашин Максим, Кашина Елена. Старообрядцы: сохранение старины.	189
Красноперова Наталья. Летопись Свято-Троицкой церкви Кыновского завода.	194

Пашова Надежда. Из истории церкви Иоанна Богослова в селе Матвеево.	202
<i>Где ты, современный Матвей?</i>	204
Южаков Олег. Из истории Православной церкви на землях Лысьвенского района.	205
Схематические планы деревень и поселков	
Барулина Гора	214
Верх-Лысьва	215
Волково	215
Вязовка	216
Заитовка	217
Запорная	218
Зарека	219
Зеленая	219
Капиданы	220
Олени	220
Паинцы	221
Пальник	221
Парканы	222
Рябиново	223
Солякова (Саликова) Гора	223
Талая	224
Список авторов	